

РУДЕНКО

Александр Звягинцев

РУДЕНКО

ЖЗЛ

Александр
Звягинцев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

*100-летию
со дня рождения
Романа Андреевича
РУДЕНКО
посвящается*

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1295

(1095)

Александр Звягинцев

РУДЕНКО

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2008

УДК 347.963(092)(47+57)“19”
ББК 67.72(2)
3-45

ISBN 978-5-235-03081-7

© Звягинцев А. Г., 2008
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2008

Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью.

Платон

Закон — есть мера политическая, есть политика.

В. И. Ленин

Законы придется отложить в сторону.

И. В. Сталин

НАКАНУНЕ

Вместо предисловия

«Мы не законодатели, но мы исполнители закона, проводники. Без нас его некому исполнять».

Эту мысль великий русский историк и философ Василий Ключевский записывает в 1907 году.

Кому, как не Ключевскому, было знать, что законопослушание во все времена не было самой большой добродетелью в России. «Не я виноват, что в русской истории мало обращают внимания на право, — писал он в те же годы. — Меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права. Юрист строгий, и только юрист ничего не поймет в русской истории, как целомудренная фельдшерица никогда не поймет целомудренного акушера».

Российская империя все время своего существования была, конечно, не столько страной законов, сколько страной многовековых обычаев и традиций. По наезженной столетиями колее стремилась свой полет русская птица-тройка и в те годы, когда русский историк размышлял о предназначении защитников закона. И всего только десять лет оставалось до величайшего потрясения, которое опрокинет все старое устройство русского мира, унесет миллионы жизней, потрясет весь мир.

И случится это во многом потому, что русские люди потеряют всякую веру в силы закона и законной власти, отвернутся от него, придут к убеждению, что жить по законам, подчиняться им уже невозможно.

В социологии есть специальное понятие — *аномия*. Так называют время, когда в обществе по тем или иным причинам происходит падение престижа права как такового. Когда законы и общепринятые нормы перестают оказывать воздействие на поведение людей. Аномия возникает тогда, когда все больше и больше людей проникаются мыслью, что свои права они не могут реализовать правовыми способами. Когда окружающая реальность буквально побуждает к двойной морали, вынуждает искать обходные пути для удовлетворения даже насущных нужд. В такие времена происходит переоценка и отрицание всех прежних ценностей, ломаются стереотипы поведения, в буквальном смысле меняется культурный код, жизнь общества перестает регулироваться правом, а само оно распадается на корпоративные группы и партии, в которых действует своя мораль, складываются свои ценности, принимаются свои законы, попирающие все прежние. И горе той стране, которую поражает эта болезнь!

Вот почему в словах русского мыслителя, обращенных к тем, кто способен думать и понимать, не только горечь оттого, что «мы — не законодатели», но и ясное понимание — зато «мы исполнители закона, проводники». И гордость — «без нас его некому исполнять». И ясное понимание своего высокого предназначения.

Тут — завет всем российским служителям права. Нынешним и будущим. Как бы ни был несовершенен закон, как бы ни дурны были власть и общество, закон должен быть соблюден, должен исполняться. Потому что его отсутствие порождает куда более тяжкие и страшные последствия. И потому — служи праву, коли взялся, не за страх, но за совесть. Ибо больше некому!

Запомним эти слова, эти мысли. Ибо в них ключ к пониманию судьбы и деятельности героя этой книги. Судьба была непростой, деятельность невозможно оценить лишь в одних тонах, но если в них был стержень и смысл, то они — именно в словах русского историка.

Не случайно повествование начато с этих слов Ключевского. Ведь они написаны как раз в то время, когда наш герой появился на свет. Давайте вспомним, что это были за годы в истории государства Российского.

Роман Руденко родился 17 (30) июля 1907 года, а 3 июня этого года считается днем действительного окончания первой русской революции. В этот день царское правительство объявило о роспуске Государственной думы и об изме-

нении Положения о выборах. Событие вошло в историю как Третьеиюньский государственный переворот. Самодержавный режим на первый взгляд выглядел победившей стороной — власть и собственность остались у тех же социальных слоев, однако устои самодержавия были основательно подорваны.

И все-таки российская жизнь после революции сильно преобразилась. 1907 год — начало экономического подъема страны. Он продлится до 1914 года, когда загрохочут пушки Первой мировой войны и полетят в тартарары многовековые монархии, могущественные империи, а миллионы и миллионы людей примут смерть и страдания, не понимая их цели и смысла.

Но все это еще впереди, а пока Россия набирает силы, выходя из многолетнего затяжного кризиса. У нее еще семь лет в запасе. И жизнь на ее просторах бурлит и бьется в новых берегах, которые расширила и размыла первая революция.

Вот о чем писали газеты тогда, сто лет назад, летом 1907 года...

«НОВОЕ ВРЕМЯ»

Закладка Храма-памятника

Сегодня на Ходынском поле состоялась закладка храма, который будет служить памятником бывшему московскому генерал-губернатору и командующему войсками московского военного округа великому князю Сергею Александровичу и всем верным долгу и присяге слугам Царским, павшим от руки злодеев-революционеров при исполнении долга службы Царю и отечеству.

По распоряжению администрации у газетчиков отбирался первый номер вновь вышедшей газеты «Известия», под редакторством (члена Государственной Думы) П. С. Ширского.

Послушный муж

Василий Кодрив, 28 лет, получив от жены 6 рублей денег на расход по дому, пропил их. Когда провинившийся муж вернулся домой, жена, узнав про его поступок, стала бранить его и в раздражении крикнула: «Лучше бы в Фонтанку бросился, чем кровные деньги пропивать!» Кодрив, на которо-

го слова жены произвели сильное впечатление, последовал указанию супруги и у дома № 74 бросился в Фонтанку. Он стал тонуть, но был спасен яличником, доставившим его в Обуховскую больницу, где состоялось трогательное примирение мужа с прибывшей тотчас же женой.

«РУССКОЕ СЛОВО»

Съезд в Англии

По распоряжению министерства внутренних дел департаментом полиции командированы в Англию на съезд социал-демократов агенты охраны, которым поручено собрать все необходимые сведения о съезде, а также о лицах, прибывших на съезд из России.

Ухтицкая нефть

Самым животрепещущим вопросом нашей жизни, бесспорно, является разработка нефти на Ухте: о ней говорят и в крестьянских избах и в хоробах богачей, так как развитие этой промышленности будет первым шагом к пробуждению Севера.

«Время»

Группа женщин, принадлежащих к обществу женского равноправия, образовали «Союз кадеток». Союз признает, что кроме экономических домогательств существуют и политические.

«ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА»

Публика виновата?

По слухам, пароходовладельцем Шитовым сделано заявление судебному следователю о том, что главной причиной гибели парохода «Архангельск» являются сами пассажиры, которых обуяла как бы беспричинная паника в тот момент, когда пароход врезался в льдину и накренился на один бок. Уж не привлечь ли к ответственности утонувших?

Не ищу красоты, а ищу доброты

Мне 30 л., одинокий, представительный, имею службу и средства, не имею знакомства, прибегаю к объявлению, желаю познакомиться с интеллигентной дамой, которая бы мне помогла 1000 руб. для моего интеллиг. безпроигрышного предприятия. Деньги возвращу через 6 мес. Согласен на все умные и выгодные для обеих сторон условия. Отношусь серьезно и прошу серьезного ответа. Главн. почтамт до востребов. предьяв. подписн. бил. на журн. «Нива» на 1907 г. № 34289.

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОК»

К арестам шайки экспроприаторов

На этих днях охранной полиции удалось наконец раскрыть большую и сложную, по-видимому, организацию экспроприаторов, совершивших за последние месяцы несколько крупных ограблений, как, например, в университете и в 54 почтовом отделении на Петербургской стороне. В скромной комнатке на Ямской проживал предводитель шайки под фамилией Гробовского с своей подругой. Их выследили и Гробовского арестовали близ его дома, а в квартире устроили западню. В глухой отдаленной Кавалергардской улице в трущобном доме, в маленькой полуподвальной квартирке, был открыт склад разрывных снарядов.

Подвиги автомобилистов на Невском

Безалаберная быстрая езда подгулявших автомобилистов причиняет немало горя обывателям. Чуть ли не ежедневно тот или другой «шикарный мотор» с «девицами и кавалерами» опрокидывает и давит прохожих на центральной улице — на Невском проспекте. Пора, давно пора обуздать безобразную, ненужную скорую ездку моторов.

«РУССКОЕ СЛОВО»

Дума

Президиумом Государственной думы вновь поднят вопрос о необходимости в ближайшее время рассмотреть проект о постройке нового здания для думы. Главные мотивы

необходимости скорейшей постройки — неудобство размещения комиссий и фракций в Таврическом дворце, теснота, а также желание сохранить в нетронутом виде этот дворец как исторический памятник.

На Кавказе

На хуторе Романовском, Кубанской области, между толпой, собравшейся поговорить о Государственной думе, и казаками произошло кровавое столкновение. Много избитых и раненых.

Полтава

Полтавский отдел Союза русского народа обратился к председателю совета министров с ходатайством испросить разрешение Государя Императора на вступление учеников средних учебных заведений в число членов союза. Государю благоугодно было указать на то, что русские начала должны прививать юношеству русская школа и наука. Лишь выросшая телом и духом молодежь может принять участие в общественной жизни страны и быть истинным оплотом царя и России.

Лондон

Собрание членов съезда социал-демократов, называемого здесь «Секретной думой русских социалистов», состоялось в составе 68 членов, в Каррингтонгаузе, в помещении совета лондонского графства Дептфорд.

Большой пожар на реке Москве

Третьего дня в 12^{1/2} час ночи на реке Москве около Симонова монастыря вспыхнул пожар. Загорелось на барке Златоверова прессованное сено, принадлежащее Хохлову, Аникееву и Кавунникову. Пожар продолжался вчера целый день. На пожаре работало до 1000 пожарных, кроме судорабочих. В огне погибло 30 тыс. пудов сена. Предполагают, что его случайно подожгли ночевавшие на барке «босяки».

Вот так и текла в 1907 году жизнь. Согласитесь, вполне, даже слишком привычная для нас, живущих в 2007 году. Бомжи, аферисты, пьяные водители, дерущийся Кавказ, капризничающие депутаты, козни в Лондоне, рапортующая о своих достижениях полиция, хлопоты о русских началах...

Но были еще события и перемены в правоохранительной сфере и деревенской жизни той поры. Они имели самое непосредственное отношение к родившемуся тогда Роману Руденко — с первой будет связана вся его сознательная жизнь, а вот его детство и юность пройдут в условиях переживающей бурные потрясения деревни той поры, ибо появился он на свет в Черниговской губернии Российской империи в многодетной семье крестьянина-бедняка.

Эти годы у многих современников оставили более чем не радостные воспоминания. По официальным сведениям, только за 1907—1909 годы от рук революционеров погибло в России 5946 должностных лиц. Перепуганная власть словно решила отыгаться за пережитые страхи. Штрафовались и закрывались нелояльные газеты и журналы. «После роспуска второй Думы мы взяли в тиски печать мерами административными и призвали к порядку эту “мать революции”», — писал премьер-министр П. А. Столыпин министру юстиции И. Г. Щегловитову. Однако сам Щегловитов по этому поводу язвительно шутил: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя борются с эпилептиками революции».

Но вернуть страну к дореволюционным порядкам, настроениям и политическим взглядам было уже невозможно. Какой бы ни была Государственная дума, но она действовала, впервые представительный орган был наделен законодательными правами. Сложилась многопартийная система, пресса отбивалась от накидываемой на нее узды.

«Распад глубок и носит явные следы растерянности, которые нигде и никогда к добру не приводят, — писал Н. А. Маклакову Иван Григорьевич Щегловитов. — Растерялись у нас теперь, когда штурм власти еще не последовал, а что сделают, когда штурм действительно произойдет? Таков роковой вопрос, который напрашивается сам собой».

Предшественник

Что символично, заправлявший в те годы в правоохранительной сфере Иван Григорьевич Щегловитов, как и Руденко, тоже был уроженцем Черниговской губернии.

Вот только происходил он не из крестьян, а из потомственных дворян Черниговской губернии, где у его отца было имение и полторы тысячи десятин земли. Он родился 13 февраля 1861 года. В 20 лет, окончив с золотой медалью Императорское училище правоведения, начал службу при прокуроре С.-Петербургского окружного суда в чине титулярного советника. Трудоспособный, усидчивый, умный, хорошо знающий законодательство, особенно уголовное, Иван Григорьевич обратил на себя внимание начальства.

Его первая самостоятельная должность — товарищ прокурора Нижегородского окружного суда. Весной 1887 года возвратился в столицу, где занял должность товарища прокурора С.-Петербургского окружного суда. Одно из самых первых поручений, данных ему в столице, присутствие при казни «первомартовцев» — Александра Ильича Ульянова и его товарищей, покушавшихся на жизнь императора Александра III и приговоренных за это к повешению. Позднее Щегловитов рассказывал, что воспринял это поручение, как «чрезвычайно тяжелое». Он говорил, что ночевать ему пришлось в Шлиссельбургской крепости, и всю ночь он не сомкнул глаз. Утром, надеясь получить телеграмму о Высочайшем помиловании, принимал все меры к тому, чтобы оттянуть казнь. И только после настойчивых требований коменданта крепости и жандармского офицера казнь состоялась.

Постепенно Щегловитов приобретает опыт и повышается в чинах. Все отмечают его старательность, даже основательность во всем, за что бы он ни брался, а также блестящие способности и великолепную теоретическую подготовку. Он сумел проявить себя не только хорошим организатором работы, но и блестящим судебным оратором. Запоминающуюся обвинительную речь он произнес по крупному уголовному процессу о подлоге духовного завешания миллионера Грибанова.

Современники отмечали, что в те годы Щегловитов «читил Судебные уставы и возражал против нажима на суд». Именно по его инициативе министр юстиции издал даже циркуляр о праве присяжных заседателей ходатайствовать об облегчении участи осужденных.

В молодости Щегловитов «не чужд был и свободолюбивых речей». Ему приходилось давать заключения по самым

разнообразным делам, причем их содержательная часть всегда отличалась высоким профессионализмом, основательностью и глубиной, что отмечал даже такой требовательный юрист, каковым был А. Ф. Кони. Последнему, например, очень понравилось заключение Щегловитова по делу Семёнова, в котором обер-прокурор убедительно разъяснил, что в уголовном процессе слова «виновен» и «совершил» — не синонимы.

Будучи обер-прокурором Правительствующего сената, Щегловитов выполнил ряд ответственных поручений перво-степенной важности, чем обратил на себя внимание Высочайшего двора. Ему было доверено выполнение прокурорских обязанностей в Особом присутствии Правительствующего сената по так называемому «Делу о злодеянии, жертвой ко-его пал великий князь Сергей Александрович».

Обвинительный акт был составлен Щегловитовым 23 марта 1905 года. «Злоумышленником» оказался И. П. Каляев, член боевой организации партии социалистов-революционеров. Каляева осудили и приговорили к смертной казни через повешение. Выслушав приговор, он заявил: «Я счастлив вашим приговором и надеюсь, что вы исполните его надо мною так же открыто и всенародно, как я исполнил приговор партии. Учитесь мужественно смотреть в глаза надвигающейся революции». Казнь состоялась в ночь на 10 мая 1905 года в Шлиссельбургской крепости. Пройдет время, и Щегловитов наверняка не раз вспомнит и казнь Александра Ульянова, и слова Каляева.

Иван Григорьевич с восторгом воспринял известие о подписании государем Манифеста от 17 октября 1905 года и искренне приветствовал начавшееся в империи преобразование государственного аппарата, созыв первой Государственной думы. Он даже участвовал в выработке некоторых последовавших вслед за Манифестом законодательных актов, в частности указа от 21 октября, «даровавшего» облегчение всем государственным преступникам, или, как их стали тогда называть, «пострадавшим за деятельность в предшествующий период».

24 апреля 1906 года Щегловитов назначается министром юстиции и генерал-прокурором. На этой высокой должности оставался девять лет, несмотря на частую смену председателей Совета министров. Ему одновременно были вверены посты статс-секретаря императора, члена Государственного совета и сенатора.

Назначение Щегловитова вызвало неоднозначную реакцию. У одних сдержанную, у других — откровенно враждеб-

ную. С. Ю. Витте писал впоследствии: «Это самое ужасное назначение из всех назначений министров после моего ухода, в течение этих последних лет и до настоящего времени. Щегловитов, можно сказать, уничтожил суд».

Если в молодости И. Г. Щегловитов ратовал за судебную независимость, приветствовал демократические преобразования, то теперь, утвердившись в должности министра юстиции и генерал-прокурора, он, по словам современников, «круто повернул вправо». Он перестал считаться с принципом несменяемости судей и судебных следователей, зачастую изгонял со своих мест неугодных ему судебных работников и прокуроров, а на руководящие должности подбирал людей «более твердых, более монархически настроенных».

На одном из заседаний Государственной думы Щегловитов сказал: «Тяжелые годы смуты и политического шатания возлагали на Министерство юстиции сугубые обязанности ограждения русского суда от засорения всем тем, что отражает в себе колеблющееся, меняющееся общественное движение и настроение и партийные вождения. Между тем общее политическое шатание не может не коснуться суда, как ни прискорбно это явление. Волны бушующих политических страстей докатились и до святой храмины правосудия...

Нападки на меня не смущают, они бледнеют и гаснут перед величием лежащей на мне обязанности охранить тот храм, который именуется храмом правосудия, во всей чистоте». Однако очевидно было, что Щегловитов уже не чувствует себя не только проводником законов и их исполнителем, но считает себя вправе относиться к нему избирательно, решая, что целесообразно в сложившейся ситуации, а что нет.

Деятельность Щегловитова подвергалась критике со всех сторон. Социал-революционеры, считая Щегловитова главным проводником репрессий в стране, вынесли ему смертный приговор и долгое время «охотились» за ним, но все их попытки не увенчались успехом.

По мнению современников, щегловитовская юстиция самым печальным образом отразилась на деятельности тогдашнего суда. Никогда еще со времени введения Судебных уставов 1864 года судебные установления не падали так низко в общественном мнении. Современник считал, что при нем «вплоть до Сената судебные учреждения насквозь пропитались угодливостью, разлагающей все устои правосудия».

С именем Щегловитова прочно связано и так называемое одиозное дело Бейлиса, который в конце концов оказался оправданным, несмотря на все подлоги и подтасовки.

В июле 1915 года, под давлением демократических кругов, император вынужден был отправить Щегловитова в отставку с поста министра юстиции (сохранив ему остальные должности). Однако вскоре он опять возвысился. В январе 1917 года Щегловитову довелось стать последним царским председателем Государственного совета.

Февральская революция застала председателя Государственного совета Щегловитова врасплох. Он был арестован одним из первых. Иван Григорьевич не пытался ни сопротивляться, ни скрыться, а сразу же беспрекословно подчинился победителям. Арест происходил так. В первый же день революции, днем, на квартиру Щегловитова заявился никому не известный студент, типичный представитель выплеснутой на улицу революционной массы, который привел с собой нескольких вооруженных людей. От имени революционного народа он объявил Щегловитова арестованным. Его вывели на улицу в чем захватили — в одном сюртуке, не дав даже накинуть пальто или шубу, хотя мороз на улице был изрядный. Так и провели его без одежды до здания Государственной думы, по хорошо известному ему маршруту. Юрист и законник, он не мог не понимать, что творится самое настоящее беззаконие и произвол, но подчинился беспрекословно, словно понимая, что время законов прошло и настало время произвола и жестокой силы.

Щегловитова ввели в Екатерининский зал. Там, сконфуженный и растерянный, красный от холода, а возможно и от волнения, высокий ростом, он был похож на затравленного зверя. Ему предложили стул, и он сел. Кто-то дал папиросу, которую он закурил. Находившиеся в зале люди с любопытством разглядывали некогда грозного министра юстиции и руководителя царской прокуратуры. Теперь он никому не был страшен.

В это время появился председатель Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко, только что возглавивший так называемый Временный комитет думы. Он приветливо обратился к Щегловитову, обнял за талию и предложил пройти в свой кабинет, но арестовавшие Щегловитова люди запротестовали, сказав, что не отпустят его без приказа Александра Керенского. Тот вскоре появился.

Вот как описывает дальнейшие события очевидец: «Удивительный контраст представляли собой встретившиеся Щегловитов и Керенский. Первый высокий, плотный, седой и красный, а второй видом совершенно юноша, тоненький, безусый и бледный. Керенский подошел и сказал Щегловитову, что он арестован революционной властью. Впервые

тогда было сказано это слово, сказано, что существует революционная власть и что приходится с этой властью считаться и даже ей подчиняться». Господин Керенский тогда еще не предполагал, как скоро «революционная власть» выскользнет из его рук, и уже другие от ее имени будут вершить свой суд, определять, кто прав, кто виноват...

Щегловитов вместе с другими арестованными высшими царскими сановниками содержался в Петропавловской крепости. Чрезвычайная следственная комиссия, созданная Временным правительством, предъявила ему обвинения в злоупотреблении служебным положением, превышении власти и других преступлениях. После Октябрьской революции его перевели в Москву и поместили в Бутырскую тюрьму.

5 сентября 1918 года по приговору Верховного революционного трибунала Иван Григорьевич Щегловитов был расстрелян. В заключении и во время казни он вел себя очень достойно. Но что он передумал и пережил за эти дни, мы уже никогда не узнаем. Это был действительно незаурядный человек, но и такие люди оказываются бессильны что-либо предотвратить или переменить, когда на страну и на них накатывает неумолимый девятый вал истории...

А теперь обратимся к деревенской жизни. В 1907 году, когда родился Роман Андреевич Руденко, ее сотрясали иные страсти. Началась реформа всего сельского уклада, известная как «столыпинская». Конечный смысл ее составляла ускоренная ломка сельской общины, создание крепких индивидуальных крестьянских хозяйств. «Надо вбить клин в общину!» — провозгласил премьер Столыпин, понимая, что крестьянам, рассредоточенным по хуторам, надо будет браться за дело и, конечно, будет уже не до бунтарства. Всего за годы реформ из общины вышло около трех миллионов домохозяев. Однако нельзя не признать, что властям в конечном итоге не удалось ни разрушить до конца общину, ни создать достаточно массовый слой крестьян-фермеров. За 1906—1916 годы в Сибирь уехало больше трех миллионов человек. В основном это были молодые, сильные, уверенные в себе люди, которые сумели распахать нетронутые до того земли. Большинство переселенцев сумело обустроиться на новом месте, завести прочное хозяйство, хотя было и немало таких, что возвращались домой, не сумев совладать с суровым характером государыни Сибири...

Глава I
«КОЛЕБАНИЙ НЕ БЫЛО»

Андрей Руденко был мужиком суровым, решительным до такой степени, что его и собственные сыновья побаивались. С таким характером ему и испытания Сибирью были не страшны и, наверное, сорвался бы он с родных мест, двинул по «стольпинскому призыву» за удачей за Урал, где земли было — немерено... На родине-то он имел лишь одну четверть десятины земли и, чтобы прокормить семейство, работал по найму, в основном плотничал. И жена его, как это часто бывало у малоземельных крестьян, батрачила. Но, зная, не судьба была ему испытать себя на новых просторах. Беременная жена, дети... Куда с такой обузой в Сибирь?

Уже после Октябрьской революции Андрей Руденко получил от Советской власти еще немного земли, но семья жила так же трудно, еле-еле сводила концы с концами. В 1929 году Андрей Руденко вступили в колхоз. Ну а колхозная жизнь — вещь известная. К этому времени в семье Руденко было уже шесть сыновей и две дочери.

Сын Роман, родившийся в 1907 году, рос парнишкой сметливым, бойким, любил верховодить, за что товарищи дали ему прозвище Ватажок. Старший брат, Николай Андреевич, вспоминая детство, отмечал особо его тягу к учению, собранность и дисциплинированность в школе. Учителя всегда ставили Романа в пример другим ученикам, говорили, что далеко пойдет. Как в воду глядели.

Но ходить в школу Роману пришлось недолго. Окончив в 1922 году семилетку в Носовке, он начал помогать родителям по хозяйству. Летом же нанимался пасти скот. В 1924 году поступил на сахарный завод, где стал чернорабочим. В так называемый «производственный» сезон подвизался на сушке и мойке, а в остальное время — выполнял различные поручения в совхозе от этого же завода.

На заводе Роман стал комсомольским активистом — ему нравилось участвовать в построении нового мира, «без экс-

плуататоров и хозяев». В заводском клубе, благодаря его энергии и активности, кипели диспуты и споры, организовывались модные тогда политические суды, в которых он громил врагов революции и социализма. Пока еще в виде игры. К тому времени он уже и сам вел политические занятия, поскольку сильно обогнал в знаниях большинство ровесников и тех, кто постарше.

В декабре 1925 года на Носовской районной конференции комсомола Романа Руденко избрали членом райкома, а на пленуме он вошел и в бюро райкома. Он становился перспективным молодым кадром. Оставив работу на сахарном заводе, начинающий комсомольский руководитель стал в райкоме заниматься культурной и пропагандистской деятельностью, одновременно работал инспектором в райисполкоме. В декабре 1926 года, в девятнадцать лет, вступил в большевистскую партию. Перед парнем открывались хорошие перспективы...

В апреле 1927 года Роман Руденко возглавил культотдел Носовского райисполкома, а еще через год переехал в город Нежин Черниговской области, где его назначили инспектором окружного комитета рабоче-крестьянской инспекции.

Так началась его работа по борьбе с различного рода злоупотреблениями и нарушениями закона, которой он будет заниматься уже всю жизнь.

Отличительной чертой молодого инспектора Романа Руденко была основательность. Каждое поручение он выполнял на совесть, не отлынивал от черновых дел. К тому он уже хорошо разбирался в политике — то есть линию партии знал досконально и никогда в ней не сомневался. Даже когда она весьма круто менялась. Дисциплина — его конек.

Тогда же он уже более основательно познакомился с юриспруденцией, с уголовным процессом — ему частенько приходилось выступать общественным обвинителем в суде. Активно занимался он и журналистикой — печатал заметки и статьи в местных газетах. Видел в этом и пользу для работы, и понимал, что зарабатывает себе таким образом имя, которое становится известно и наверху.

Итак, молодой активный коммунист Руденко разделял и поддерживал политику партии безоговорочно. Как он сам писал в анкетах, «колебаний не было, в оппозициях не участвовал». Такие люди в те времена ценились, партийные комитеты примечали их и «бросали» на самые трудные участки. Туда, где нужна была, прежде всего, убежденность и неколебимость.

В 1922 году была образована Советская прокуратура. Нужда в кадрах для нее была отчаянная. В стране просто грамотных людей тогда было немного. А уж юридически подкованных — тем более. А тут молодой, партийный, в газетах пишет, в судах выступает, с нарушителями революционной законности борется... Руденко заметили.

В ноябре 1929 года окружной комитет партии принял решение о «мобилизации» молодого коммуниста Романа Руденко в прокуратуру. Так он стал старшим следователем окружной прокуратуры в городе Нежине. С этого времени вплоть до последнего дня своей жизни (более пятидесяти лет) Роман Андреевич служил в прокуратуре, пройдя по всем ее основным ступеням.

На следственной работе Руденко пробыл семь месяцев, а затем его «перекинули» в город Чернигов, где он стал уже помощником окружного прокурора. Здесь также задержался ненадолго. Уже через четыре месяца, в октябре 1930 года, 23-летний Роман Руденко получил свою первую самостоятельную должность — он возглавил Бериславскую районную прокуратуру Николаевской области.

Заместитель Нежинского окружного прокурора Горилловский и секретарь судебного заседания Бериславского народного суда Пижук, работавшие вместе с Романом Андреевичем в конце двадцатых — начале тридцатых годов, отмечали его природную скромность, доброжелательность, умение располагать к себе людей, привлекать их на работу в прокуратуру, создавать рабочую обстановку в коллективе. А наряду с этим — умение твердо отстаивать свою точку зрения.

Руденко работал, не считаясь с личным временем, не стеснялся советоваться с более опытными сослуживцами, никаких сомнительных историй за ним не числилось. Так что карьерный рост был обеспечен.

В 1931 году Руденко назначили помощником мариупольского городского прокурора (в Донбассе). В декабре 1932 года он переводится в город Донецк, где становится старшим помощником областного прокурора, а в октябре 1933 года он возглавляет прокуратуру в городе Макеевке Сталинской области.

Только здесь он задержался почти на два с половиной года. В марте 1936 года Руденко получил довольно высокий пост — заместителя прокурора Донецкой области, а еще через полтора года сам возглавил эту прокуратуру. Несколько слов о тех, кто тогда был рядом с ним.

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

Леонид Иванович Яченин родился в 1897 году в Минской губернии в семье крестьянина-бедняка. В 1915 году работал в Москве в автомастерской. Был призван в царскую армию на фронт.

В начале 1918 года его записали в Красную армию, где он был водителем броневика; воевал под Царицыном в составе Конной армии. За боевые заслуги Леонид Иванович награжден именным оружием и часами, а также орденом Красной Звезды. После демобилизации в 1924 году работал прокурором города Умани. Занимал ряд других важных должностей.

В период с 7 октября 1931 года по 22 апреля 1932 года в городе Сталино (Донецк) возглавлял межрайонную прокуратуру, затем Леонида Ивановича направляют на работу в партийные органы — его избрали секретарем Покровского районного комитета партии.

В мае 1937 года Леонид Иванович назначен заместителем прокурора УССР по спецделам, в августе 1937 года — прокурором республики.

С 23 июня 1944 года переведен на службу в Красную армию.

Во время Великой Отечественной войны — генерал-майор юстиции, председатель военного трибунала фронта. Затем в Москве занимал ответственные должности в органах Прокуратуры Союза ССР. Награжден многими орденами и медалями.

После образования Донецкой области 20 сентября 1932 года постановлением ВУЦИК и СНК были образованы Донецкая областная прокуратура и Донецкий областной суд.

5 августа 1932 года первым прокурором области утвержден **Константин Емельянович Волевач**, который работал на этой должности до 7 августа 1934 года. В июне 1937 года его арестовали как «участника контрреволюционной деятельности». Приговором военной коллегии Верховного суда СССР от 14 сентября 1937 года он был признан виновным и приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. 20 сентября 1937 года приговор был приведен в исполнение. Спустя 19 лет Волевача реабилитировали, дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

С августа 1934 года по 28 августа 1937 года прокуратуру Донецкой области возглавлял **Владимир Александрович Кум-**

пекевич, который до этого работал прокурором Днепропетровской области. 1 апреля 1938 года арестован как участник антисоветской организации. 28 октября 1939 года уголовное дело в отношении его было прекращено, из-под стражи его освободили.

После Руденко прокуратуру Донецкой области возглавил **Петр Фомич Нощенко** и проработал на этой должности с декабря 1940 года по декабрь 1945 года.

В 1938 году Донецкая область была разукрупнена на Сталинскую и Ворошиловградскую.

Руденко остался работать прокурором Сталинской области. Быстрое выдвижение было характерной чертой того времени. Но не только потому, что «молодым везде у нас дорога», но и потому, что набравший силу сталинский террор постоянно освобождал рабочие «высокие» кресла даже самых профессиональных и заслуженных работников...

Несмотря на столь быстрый карьерный рост, голова Руденко не закружилась от успехов. Он хорошо понимал, что без прочных юридических знаний не обойтись. Еще в 1936 году Руденко поступил на заочное отделение Харьковского института советского строительства и права. Однако из-за жесточайшей загруженности на работе сумел закончить только один курс — и двуязычный Руденко мог уставать.

В то время Руденко уже пользовался высоким авторитетом в среде партийных и советских функционеров — был членом горкома партии и горсовета (в Бериславе и Макеевке), членом ревизионной комиссии обкома партии (в Сталино), депутатом горсовета. В качестве делегата принимал участие в районных и областных партийных конференциях. Больше того — с правом совещательного голоса присутствовал на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года. А это уже означало принадлежность к номенклатуре весьма высокого ранга.

Его знал и ценил Н. С. Хрущев, ставший в феврале 1938 года первым секретарем ЦК компартии Украины, а в марте следующего года — одновременно и членом Политбюро. Роман Андреевич был на хорошем счету и в Прокуратуре Союза ССР. Ходили слухи, что, когда в июне 1939 года встал вопрос о назначении нового Прокурора СССР, А. Я. Вышинский, уходящий на должность заместителя Председателя Совнаркома СССР, предложил оставляемое им кресло Руденко, но Хрущев «заартачился», не желая отпускать от себя толкового прокурора, и назначение тогда не состоялось. Прокурором Союза ССР стал тогда М. И. Панкратьев.

Андрей Януарьевич Вышинский родился 28 ноября (10 декабря) 1883 года в Одессе, в семье аптечного работника и учительницы музыки. Вскоре родители переехали в Баку — этот город он называл «своей настоящей родиной».

После окончания классической гимназии имени императора Александра III в 1901 году Вышинский поступил на юридический факультет Киевского университета, но завершить учебу ему удалось лишь через 12 лет. За участие в студенческих беспорядках в феврале 1902 года он был исключен из университета и вернулся в Баку, где занял скромную должность бухгалтера и сблизился с местными социал-демократами, а в 1904 году вступил в бакинскую организацию РСДРП (меньшевиков).

Будучи темпераментным оратором, Вышинский выступал на митингах и собраниях со страстными речами против самодержавия, эсеров и черносотенцев, создал боевую дружину из нескольких сотен рабочих. В апреле 1908 года Вышинский под кличкой Рыжий был осужден Тифлисской судебной палатой по статье 129 Уголовного уложения, предусматривавшей ответственность за произнесение или чтение публично речи или сочинения, возбуждающего к ниспровержению существующего строя.

Его приговорили к одному году заключения в крепости. Наказание он отбывал в Баиловской тюрьме. Меньшевик Вышинский нередко оказывался в центре дискуссий, которые происходили в камере. Его оппонентом был арестант-большевик по кличке Коба. Так состоялось знакомство со Сталиным.

После освобождения из тюрьмы Вышинский сумел восстановиться в Киевском университете. Из-за блестящих способностей его оставили на юридическом факультете для подготовки к профессорскому званию на кафедре уголовного права, но ректор не захотел видеть у себя политически неблагонадежного. Тогда Вышинский вернулся в Баку, где стал работать репортером.

В 1915 году он приехал в Москву и два года работал помощником у Павла Николаевича Малянтовича — знаменитого адвоката, специализировавшегося на политических делах. У Малянтовича был еще один помощник — А. Ф. Керенский. После Февральской революции, став комиссаром милиции, Вышинский ревностно выполнял указания Временного правительства, в том числе по розыску Ленина, скрывавшегося от властей после июльских событий 1917 го-

да. Забегая вперед, скажу, что этот факт был для него своеобразным дамкловым мечом. Превосходный оратор и талантливый юрист, он просто хотел жить, а приходилось выживать. Порой за счет других. Именно из-за этого он вмиг оказался низвергнутым с пьедестала «народного обличителя» как только в стране повеяло политической оттепелью.

Октябрьская революция застала Вышинского на посту председателя Якиманской районной управы. Он не сразу поддержал большевиков. По наблюдениям близко знавших его людей, перелом наступил осенью 1918 года, когда произошла революция в Германии. В 1920 году Вышинский вступил в ВКП(б). Это дало ему возможность, не без поддержки Сталина, за несколько лет сделать неплохую карьеру.

Правда, карьера эта была связана с неприглядными «громкими» делами. Но о том, что эти дела сфабрикованы, люди узнали позже, а тогда... Если выступал Вышинский, вся страна прикивала к радиоприемникам, зачитывалась его речами, опубликованными в газетах, — до того ярко и доходчиво он рассуждал о справедливости действий товарища Сталина и вредительском поведении некоторых асоциальных элементов, взяточников например... Красноречие его не знало границ. Вышинский праздновал победу еще до начала сражения, зная, что все процессы — спектакли, где каждый, в том числе обвиняемые, послушно исполняет предназначенную ему роль, в то время как сам он один из режиссеров-постановщиков драматического действия. Будучи профессором Московского университета, Вышинский принял активное участие в ликвидации факультета общественных наук, что фактически упразднило преподавание истории как науки. Сразу после этого в 1925 году предприимчивый профессор стал ректором МГУ, а также членом Комиссии законодательных предложений при Совнаркомом СССР.

11 мая 1931 года Вышинский был назначен Прокурором РСФСР, сменив на этом посту Н. В. Крыленко, ставшего народным комиссаром юстиции республики. Об Андрее Януарьевиче заговорили как о новой восходящей звезде на юридическом небосклоне.

20 июня 1933 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР». Первым Прокурором СССР был назначен известный государственный и политический деятель Иван Алексеевич Акулов, который не был юристом и не имел высшего образования. А. Я. Вышинский стал его заместителем.

Одним из первых громких дел, в расследовании которого принял участие Вышинский уже в новом качестве, было

дело об убийстве члена Президиума ЦИК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) С. М. Кирова.

3 марта 1935 года ЦИК СССР назначил Вышинского Прокурором СССР. Вышинский услужливо и безропотно выполнял роль главного инквизитора вождя. Он завладел всеми ключевыми позициями юридической науки и практики. Бывший прокурор РСФСР А. А. Волин, работавший с Вышинским, рассказывал, что в то время «всюду был слышен голос только его одного. Вообще говоря, Андрей Януарьевич настолько мог приспособливаться к ситуации, что даже в наступившее демократическое время вполне пробился бы во власть, причем играл бы не последнюю скрипку».

В декабре 1937 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР, а 12 января 1938 года открылась его 1-я сессия. В последний день сессии А. Я. Вышинский был вновь назначен Прокурором Союза ССР сроком на семь лет (по новой Конституции СССР). От имени Совета Старейшин Совета Союза и Совета Национальностей его кандидатуру представил депутат Г. И. Петровский. В своей речи он сказал, что Вышинский всем «известен по своим выступлениям на судебных процессах против врагов народа, разоблаченных нашими славными органами Наркомвнудела под руководством Николая Ивановича Ежова».

21—22 мая 1938 года в Москве прошло очередное Всесоюзное совещание прокуроров. Доклад, как всегда, сделал А. Я. Вышинский. Лейтмотивом его выступления был вопрос о перестройке работы органов прокуратуры в соответствии с требованиями новой Конституции СССР. Хотя перестройку он понимал весьма своеобразно, что наглядно показывает даже такой небольшой отрывок из доклада.

«Едва ли найдется хоть один честный работник в системе прокуратуры, который не сознавал бы со всей очевидностью этой жгучей потребности — перестроить всю систему нашей работы, — сказал он. — Нет ни одного честного прокурорского работника, который не ощущал бы в самой резкой форме необходимости окончательно добить, я бы сказал, затесавшихся в наши ряды врагов, вырвать с корнем изменников и предателей, которые, к сожалению, оказались и в среде прокурорских работников. Пересмотреть отношение к работе каждого из наших работников, даже в том случае, если он не поколебал к себе политического доверия, пересмотреть, следовательно, всю систему нашей работы, всю методику нашей работы для того, чтобы с обновленными уже в значительной степени кадрами взяться по-настояще-

му, по-большевистски за решение задач, которые с такой остротой, силой и требовательностью стоят перед нами, — вот в чем заключается смысл и сущность перестройки нашей работы».

В докладе Вышинский много внимания уделил общему надзору прокуратуры, следствию, подготовке прокурорско-следственных кадров. Говоря о «вредительстве» в области права, не применул пнуть уже арестованного бывшего наркома юстиции СССР Н. В. Крыленко, который «проводил», по его словам, в своих статьях и книгах «вредительские взгляды и мыслишки». Происходивший в стране разгул репрессий в отношении простых людей Вышинский пытался изобразить как происки пробравшихся в органы «враждебных элементов», которые «преступной работой» подрывали авторитет «советского правопорядка». С этой целью он привел ряд действительно вопиющих случаев нарушения законности и необоснованного возбуждения уголовных дел.

На совещании Вышинский вел себя уверенно, напористо и даже грубо.

Он обрывал прокуроров на полуслове, делал замечания, иронизировал.

Когда слово для выступления было предоставлено прокурору Омской области Бусоргину, последний начал рассказывать о состоянии надзорной работы в прокуратуре, причем ничего не сказал о нарушениях законности, выявленных в прокуратуре, за что и был снят его заместитель. Через несколько минут Вышинский резко оборвал его. Произошел следующий диалог.

«— Мы предъявили вам тягчайшее обвинение. Эти безобразия делалось при вас или без вас? Дайте оценку своим действиям.

— Ряд дел относится непосредственно к моей работе. Я допустил грубейшую политическую ошибку тем, что по ряду дел не проверял поступавшие материалы.

— А почему не проверяли?

— Я остался один.

— Как — один? Сколько у вас в аппарате людей?

— Тогда было 12 помощников.

— Хорош один — 12 помощников, сам тринадцатый. Вы читали дела, которые вы направили в суд по 58-7, скажите честно?

— Не читал.

— Почему не читали?

— Потому, что доверял докладчикам.

— Почему доверяли?

— Потому, что полагал, что они читали материалы и установили то, о чем говорится в деле.

— Значит, просто «на глаз».

— Нет, если нужно было, то я читал показания свидетелей.

— Что значит «если нужно было»? Вы сами обязаны были взять дело в руки, проверить его и только тогда подписывать обвинительные заключения. Почему вы этого не делали?

— Я не имел времени.

— Аресты прокурорам вы санкционировали?

— Санкционировал только в одном случае.

— То есть как это — только в одном случае?

— Нет, но когда товарищи выезжали в район, я давал согласие.

— На что?

— На арест, в случае, если они представят мотивированное сообщение.

— А санкцию вы давали?

— Нет, я узнавал в последующем.

— Какой же вы прокурор? Сколько честных людей вы посадили в тюрьму?

— Мы в отношении 14 человек прекратили дела».

Присутствующие на совещании заместитель Прокурора СССР Рогинский и прокурор Фаркин, выезжавший в область, этот факт опровергли. После этого Вышинский задал еще ряд вопросов и закончил так:

«— Ясное дело, что он не прокурор. В отношении деятельности т. Бусоргина мною назначено расследование.

Думаю, что можно вопрос считать исчерпанным и предоставить слово следующему товарищу. Сейчас уже ясно, что такие люди, как Бусоргин, недостойны занимать должность прокурора и выступать на нашем совещании.

Думаю, следующей нашей мерой будет — предложить Бусоргину покинуть наше совещание».

Вскоре после этого Бусоргин был арестован и осужден.

Массовые аресты 1936—1938 годов нанесли непоправимый урон народному хозяйству страны. Многие наркоматы, предприятия и организации были в буквальном смысле обезглавлены, оказались без лучших специалистов. Особенно пострадали оборонные отрасли промышленности.

Острую «нехватку кадров» испытывали и судебно-прокурорские органы. К началу 1938 года в прокуратуру было принято около двух тысяч новых, профессионально неподготовленных работников, которые стали прокурорами и следователями. И все же, несмотря на это, оставалось большое

количество вакантных мест, а в некоторых районах вообще не было прокуроров.

В те годы, вследствие образовавшегося из-за репрессий дефицита руководящих кадров, на должности прокуроров республик, краев и областей стали назначаться молодые районные прокуроры, которые отсутствием должного практического опыта в работе с лихвой компенсировали неудержимой энергией, напористостью, целеустремленностью и неутомимостью.

Заместителем, а затем и Прокурором РСФСР был назначен прокурор Смольнинского района Ленинграда Волин, прокурором Белорусской ССР стал 32-летний прокурор Советского района Москвы Новик, прокурором Мордовской АССР — бывший прокурор Ростокинского района Москвы Трубченко.

Политическое настроение в стране было гнетущим. Никто не был застрахован от ночного стука в дверь. В высших партийных и правительственных кругах понимали, что ситуация вот-вот перехлестнет через край.

В такой обстановке пленум ЦК ВКП(б) в январе 1938 года принял известное постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков».

Постановление фактически возлагало ответственность за массовые репрессии людей на местные партийные органы, которые поддались «на происки врагов».

После этого по предложению Сталина была создана комиссия по проверке деятельности НКВД, в которую вошли Берия (ставший в августе 1938 года заместителем наркома внутренних дел) и Маленков (отвечавший в ЦК партии за кадры). По предложению комиссии 17 ноября 1938 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (подписанное Молотовым и Сталиным), которое, признавая «перегибы» в деле арестов людей и привлечения их к ответственности, приостановило массовые репрессии в стране.

В декабре 1938 года Ежов был смещен с поста наркома внутренних дел. Вслед за этим началась «чистка» самих органов внутренних дел. Были арестованы и затем расстреляны бывший нарком Ежов, его заместители Фриновский, Заковский, Реденс, руководители многих отделов наркомата и областных отделов НКВД, следователи, занимавшиеся политическими делами.

Вышинский быстро сориентировался в новой обстановке и сразу же натянул на себя тогу «радетеля за законность». Он даже внес предложение в ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР об изъятии из ведения Особого совещания дел о контрреволюционных преступлениях и передачи их в суды. Он быстро «сдал» и некоторых прокуроров якобы за «причастность» к массовым необоснованным арестам. Тогда были осуждены судебнo-прокурорские работники Омской, Восточно-Казахстанской, Смоленской и некоторых других областей. Он стал поддерживать и начавшуюся реабилитацию ранее осужденных лиц, хотя массовое освобождение их из тюрем и лагерей произошло уже при Прокуроре Союза ССР Панкратьеве.

Теперь он и на всех проводимых совещаниях «громил» прокуроров, допускающих осуждение невиновных лиц, приводя действительно творившиеся на местах (как, впрочем, и в центре) «дичайшие» случаи беззакония и произвола. На собрании актива работников Прокуратуры СССР, Прокуратуры РСФСР, Московской городской и областной прокуратур, проходившем 28 января 1938 года в здании на Пушкинской улице, А. Я. Вышинский сделал доклад «О некоторых недостатках в работе прокуратуры и мерах по их устранению». Прокурор Союза с присущим ему пафосом говорил о происках «искусно замаскированных врагов», которые более всего кричат о бдительности, а сами только и стремятся, «путем проведения репрессий перебить большевистские кадры». Он упрекнул прокуроров за то, что они слишком пассивны и не вмешиваются, когда людей, исключенных из партии за какие-либо проступки, но не признанных преступниками и не осужденных, изгоняют с работы и выселяют из квартир. Подчеркнув, что ответственность должны нести только лица, чья виновность установлена, Вышинский стал говорить о положении дел в следственной части, о грубых промахах и ошибках при предании некоторых лиц суду. Он привел и некоторые «яркие» примеры.

В Ленинградской области колхозник был осужден только за то, что «зайдя к соседу и не застав его дома, взял стоявшую на столе бутылку водки». Сторожа колхоза приговорили к одному году исправительно-трудовых работ за халатность, так как «во время его дежурства погибла корова от преждевременного отела».

В Курской области (Вышинский при этом сделал акцент на том, что прокуратуру там возглавлял «изменник», сгруппировавший вокруг себя «целую группу врагов») было создано такое «дело». На нескольких колхозников напал бык, ко-

торый, как отмечалось в документах, «обычно бросался на людей». Те, естественно, стали отгонять его кто кнутом, кто хворостиной. От быка отбились, не причинив ему, впрочем, никакого вреда. Казалось бы, все обошлось благополучно. Но, к несчастью колхозников, на другой день этот бык, как было написано в обвинительном заключении, «отказался покрывать коров». Поэтому против селян, с трудом отбившихся накануне от разъяренного быка, возбудили уголовное дело по статье 79-1 УК РСФСР (умышленное изувечение скота с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъему). Их судили и приговорили к исправительно-трудовым работам.

В той же Курской области двух человек осудили по части 2 статьи 74 УК РСФСР (как за особо дерзкое хулиганство), вменив им в вину то, что они, «находясь в подпитии» и выступая на собрании, «говорили не по существу».

А в Баку был устроен грандиозный показательный процесс над группой школьников от 8 до 18 лет. Обвинительное заключение было внушительное — на 108 листах. В чем конкретно провинились ребята, красноречиво свидетельствуют, в частности, такие эпизоды их «преступной деятельности».

Двое 13-летних мальчиков обвинялись в «злонамеренном укрытии берета одной девочки». Другие подростки попали под суд лишь за то, что они «ловили детей на улице», чем якобы нарушали общественный порядок (дети просто играли в так называемые «салки» или «пятнашки»). Прокурор, бывший одним из организаторов этого «процесса», явился на него в нетрезвом виде, а когда ребяташки-подсудимые стали кричать, что прокурор пьян, он вытащил из кармана наган и стал с его помощью «прокладывать себе дорогу к прокурорскому месту».

В связи с «кадровым голодом» (текучесть кадров из-за сплошных репрессий и гонений, мизерной зарплаты и тяжелых условий труда к началу 1939 года достигала 25—50 процентов) Вышинский обратил свой взор на так называемых «социалистических совместителей», которые должны были хоть как-то заткнуть образовавшиеся кадровые бреши.

Соцсовместители особенно популярными стали после XVII съезда ВКП(б), который указал на необходимость «развернуть и качественно поднять оправдавшее себя шефство предприятий над госучреждениями и социалистическое совместительство работы на производстве с работой в госучреждениях». Они, по существу, были общественными помощниками прокуроров и следователей и выполняли те или иные их поручения: проверяли заявления и жалобы, состав-

ляли проекты документов (в частности протестов и др.), выступали наряду с прокурором в суде в качестве обвинителей и т. п. Нередко в последующем соцсовместители переходили на работу в органы прокуратуры.

4 апреля 1939 года в Прокуратуре Союза ССР состоялось совещание соцсовместителей — рабочих московских заводов им. 1905 года и «Динамо» имени Кирова. Доклад сделал сам Вышинский. На совещании выступили соцсовместители, работавшие в отделе жалоб, гражданском и уголовно-судебном отделах Прокуратуры Союза ССР, железнодорожной прокуратуре и др. О своей работе в прокуратуре поделились впечатлениями мастера кузнечного и вагонно-пассажирского цехов завода им. 1905 года К. И. Чумаков, А. Г. Лашенков и Я. Ф. Самохвалов, член завкома завода «Динамо» В. В. Баранов, мастер сталелитейного цеха, плановик цеха машинно-постоянного тока и приемщик продукции 2-го аппаратного цеха этого же завода Н. В. Трифонов, С. И. Лисенков и С. М. Сметанников.

После этого совещания Вышинский издал приказ от 16 апреля 1939 года «О мероприятиях по усилению работы органов прокуратуры с активом», в котором предложил широко развернуть организацию групп содействия на предприятиях, в колхозах и учреждениях, а также по привлечению в органы прокуратуры соцсовместителей. Он поставил задачу, чтобы в каждой районной и городской прокуратуре было по 1—2 соцсовместителя, а в прокуратурах краев и областей — минимум по 10—15. Наряду с этим предложил в двух-трехмесячный срок вовлечь 60—100 соцсовместителей в работу Прокуратуры Союза ССР.

Вышинский ревностно исполнял свои обязанности, стараясь преданным служением «отцу народов» загладить свое меньшевистское прошлое и боясь, что ему припомнят не только «грехи молодости», но и деяния настоящего. Ведь он знал очень многое. Не мог Вышинский не помнить и о том, какая судьба постигла Николая Васильевича Крыленко, которого он сменил в 1931 году на должности Прокурора РСФСР. Однако Вышинского, как ни странно, не репрессировали.

Незаметно оставив свой пост, в 1940 году Андрей Януарьевич уходит «в дипломатию» и становится заместителем наркома иностранных дел — ведь он прекрасно знал многие европейские языки, имел острое мышление и был хорошо образован.

С первых дней работы в Наркоминделе Вышинский занимался отношениями СССР со странами формировавшейся антигитлеровской коалиции, прежде всего с Великобританией.

В октябре 1943 года в Москве состоялась конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, которая рассматривала вопросы сокращения сроков войны против гитлеровской Германии и открытия второго фронта. Для участия в работе Европейской консультативной комиссии Вышинский выехал в Алжир. В феврале 1945 года Андрей Януарьевич Вышинский — член советской делегации на Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав.

Победоносное завершение войны было ознаменовано 9 мая 1945 года подписанием Германией акта о безоговорочной капитуляции. Привез текст акта в Берлин Вышинский, оказавший маршалу Жукову правовую поддержку в столь ответственный момент. Фотография, сделанная на процедуре подписания, зафиксировала его присутствие. После короткого пребывания в Москве он вновь, в составе советской делегации, едет в июле в Берлин на Потсдамскую конференцию. В январе 1946 года советское правительство назначило Вышинского главой делегации СССР на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Прямо связан с его именем Нюрнбергский процесс. Вышинский руководил работой советской делегации, с его мнением считались союзники. Приезды Андрея Януарьевича в Нюрнберг становились событием для всего трибунала. Однажды Главный обвинитель от США Р. Х. Джексон устроил в его честь прием и ужин в «Гранд-отеле». На другой день ответную встречу организовала советская сторона, а затем всех пригласили к себе англичане. Д. Ирвинг отмечал, что к Вышинскому с особым вниманием относились зарубежные коллеги. Ощущая себя представителем Сталина, он чувствовал себя хозяином положения и за столом мог позволить кроме остроумных и благодушных тостов тосты нетактичные. 1 декабря 1945 года на банкете в его честь, устроенном Д. М. Файфом, участником обвинения от Великобритании, он поднял бокал «за самых лучших и благородных союзников СССР — англичан и американцев». Оскорбленные французы демонстративно покинули зал...

Невозможно представить, что это была оговорка. Вышинский не мог допустить подобных промашек. Скорее всего, будучи рупором Сталина, Вышинский в своем застольном спиче напомнил французам о недовольстве советского

руководства слишком быстротечным падением Франции под натиском фашистской Германии.

В 1949 году Вышинский становится министром иностранных дел, а 5 марта 1953 года, в день смерти Сталина, освобождается от этой должности. Теперь его назначают постоянным представителем СССР при Организации Объединенных Наций в ранге замминистра. В Нью-Йорке он дал волю своей артистической натуре, и на концертные номера, в которые он по старой привычке превращал свои речи, собиралось много людей.

Человек с моментальной реакцией, блестящей эрудицией, богатейшим лексическим запасом, он славился непредсказуемыми выходками. «Вот он, поджигатель войны!» — мог крикнуть Вышинский, указывая на человека пальцем. 22 ноября 1954 года, за час до начала очередного выступления, во время диктовки предстоящей речи по поводу создания Международного агентства по атомной энергии, он скоропостижно скончался. После его смерти в сейфе нашли заряженный браунинг, что породило ложные слухи о самоубийстве Вышинского.

Грозный Ягуарович, как за глаза называли его сослуживцы, был примерным семьянином — еще в 1903 году он женился на Капитолине Исидоровне Михайловой и прожил с ней в счастливом браке больше 50 лет.

Похоронен Вышинский в Москве, в Кремлевской стене на Красной площади.

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

Михаил Иванович Панкратьев родился 4 ноября 1901 года в деревне Каблуково Бежецкого уезда Тверской губернии в семье мелкого служащего.

Тяжелые жизненные обстоятельства, постоянные нужда и скудость, преследующие семью, не позволили Михаилу Панкратьеву получить в юности хорошее образование. Он сумел окончить лишь три класса церковно-приходской школы да по одному классу в начальном и реальном училищах в Бежецке. Трудиться начал с 15 лет. После Февральской революции 1917 года работал грузчиком на Виндаво-Рыбинском участке Московской железной дороги.

Когда свершился Октябрьский переворот, поступил делопроизводителем в Бежецкий уездный продовольственный комитет. В январе 1920 года он был принят в члены партии и с марта стал заведующим учетным подотделом, а после из-

брения в августе в члены бюро укома возглавил организационный отдел Бежецкого укома РКП(б). В мае 1921 года его призвали в Красную Армию, где он служил вначале инструктором, а затем и начальником организационной части политотдела 27-й Омской стрелковой дивизии. В сентябре 1923 года молодого офицера выдвинули на должность комиссара штаба 8-й стрелковой дивизии, а в январе 1925 года занял аналогичный пост в 22-м стрелковом полку той же дивизии.

Панкратьев служил в войсковых частях до сентября 1929 года, занимая должность военного комиссара в различных полках. За годы службы много читал, серьезно увлекался юриспруденцией и даже сумел прослушать два курса юридического факультета Института красной профессуры. Все это привело его к мысли оставить строевую службу и перейти в органы прокуратуры. В апреле 1933 года при формировании корпуса железнодорожных войск его назначили военным прокурором 4-й бригады железнодорожных войск, которая обслуживала строительство железной дороги Москва—Донбасс. В марте 1933 года Главный военный прокурор переводит Панкратьева на работу в центральный аппарат. Здесь он служил в должности военного прокурора отдела, а позднее — начальником отдела и помощником Главного военного прокурора.

В апреле 1937 года Панкратьев был избран заместителем секретаря партийного комитета Прокуратуры СССР. В характеристике, подписанной секретарем парткома Горбулевым, отмечалось, что Панкратьев принимал активное участие в работе прокуратуры по выкорчевыванию врагов народа и ликвидации последствий вредительства. Сам Михаил Иванович писал в автобиографии, что он колебаний от линии партии не имел, взгляды разного рода оппозиции не разделял.

Жил он очень замкнуто, не любил ходить ни в театры, ни в гости.

20 мая 1938 года Панкратьев был назначен Прокурором РСФСР и проработал на этой должности в течение года. Он ревностно выполнял все директивы партии и правительства, а также указания и распоряжения Прокурора Союза ССР Вышинского. Последний рекомендовал его на свое место после того, как стал заместителем Председателя Совнаркома СССР. Правда, особого выбора у него и не было — после основательных и жестоких сталинских чисток кадры органов прокуратуры серьезно оскудели.

31 мая 1939 года Панкратьев занял кабинет Прокурора Союза ССР в здании на Пушкинской улице. На высоком

посту он пробыл немногим более года. Первая жена Панкратьева, Ольга Сергеевна, рассказывала:

«Михаила назначили на эту должность в страшное время. Шли аресты и расстрелы людей, занимавших высокие посты. Телефон в нашей квартире на Ленинском проспекте звонил, не умолкая, хоть совсем его срезай, да нельзя. По сто раз на дню: «Помогите с Михаилом Ивановичем встретиться, умоляю!» Мне было запрещено отвечать, и я молча вешала трубку. Все равно повлиять на мужа никак не могла. Бакинский прокурор, с которым когда-то жили в одном доме, был арестован. Его жена все время искала со мной встречи. Я жалела ее, рассказывала мужу, как она убивается, спрашивала, можно ли ей помочь. Михаил закрыл эту тему раз и навсегда. Говорить дома о его работе было запрещено... С какого-то времени Михаил стал просить, чтобы в доме был коньяк, чтоб, когда он придет с работы, бутылка стояла. Так всю ночь, бывало, за бутылкой и просидит. А когда я забывала поставить, сердился: «Ты пойми, Оля, мне хоть рюмочку, но обязательно надо выпить».

Сколько санкций на арест и расстрел ему приходилось подписывать! Неимоверное количество! Он много подписывал, но и на пересмотр много отсылал. Не терпел никакой неясности. Когда его секретарь спрашивала, что делать с неподписанными доносами и жалобами, которые шли мешками, орал: «Рвать не читая!» Анонимки приводили мужа в ярость, его трясло. А как еще прикажете реагировать, когда от твоей подписи зависят столько жизней? У него голова шла кругом».

Выступая на Всесоюзной конференции лучших следователей, Панкратьев говорил: «Живя в капиталистическом окружении, чувствуя и осезая это окружение, мы должны всегда иметь в виду, что враг оружия не сложил. Он только меняет формы и методы борьбы. Естественно, что наши органы следствия, призванные прежде всего к борьбе с вражеской работой, не могут, не имеют права застывать как в смысле своей политической подготовки, так и в смысле профессиональных знаний и опыта. Наши следственные органы должны быть остро отточенным оружием, крепко закаленным, метко разящим. Наши следователи должны быть всесторонне политически подготовленными овладеть марксистско-ленинской теорией, хорошо знать советское право и в совершенстве усвоить методику, технику и тактику расследования преступлений». Что он мог еще тогда сказать?

29 ноября 1939 года Панкратьев и нарком юстиции СССР Рычков подписали приказ о возбуждении уголовных дел по всем фактам массового истребления колхозниками и единоличниками скота, находящегося в их личном пользовании. Такие случаи стали распространяться в Дагестане, Башкирии и некоторых других регионах под влиянием слухов о готовящемся будто бы постановлении, ограничивающим содержание поголовья скота в личном пользовании. Суду стали предаваться не только лица, допустившие хищнический убой высокопородного, племенного скота, но и подстрекатели. Колебаний в проведении линии партии Панкратьев по-прежнему не допускал.

Как Прокурор Союза ССР, к тому же не пользующийся популярностью и влиянием в верхах, Панкратьев, конечно же не мог что-либо противопоставить тем беззакониям, которые продолжались в стране, хотя и не с таким размахом. Уже через несколько месяцев после назначения Панкратьева Прокурором Союза, некоторые старейшие работники центрального аппарата Прокуратуры СССР обратились с письмом в ЦК ВКП(б), к тогдашнему секретарю Жданову.

Они писали о том, что «постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия указало на грубейшие искривления советских законов органами НКВД и обязало эти органы и прокуратуру не только прекратить эти преступления, но и исправить грубые нарушения законов, которые повлекли за собой массовое осуждение ни в чем не повинных, честных советских людей к разным мерам наказания, а зачастую и к расстрелам». И далее: «Эти люди — не единицы, а десятки и сотни тысяч — сидят в лагерях и ждут справедливого решения, недоумевают, за что они были арестованы и за что, по какому праву мерзавцы из банды Ежова издевались над ними, применяя средневековые пытки».

В письме напоминалось, что вместо мобилизации всех усилий на немедленное выправление преступной линии мерзавца Ежова и его преступной клики происходит обратный процесс и что пришедший на смену Вышинскому Панкратьев не может обеспечить проведение в жизнь решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, в силу своей неавторитетности в прокурорской среде, а особенно в глазах работников НКВД.

Это наглядно проявлялось, по их мнению, в его участии в заседаниях Особого совещания, где решающее значение и окончательное слово принадлежит не представителю надзора — прокурору, а Берии и его окружению. «Присутствующи-

щий на этих совещаниях т. Панкратьев,— отмечалось в письме, — склоняет голову перед кандидатом в члены Политбюро т. Берией и молчаливо соглашается с явно неправильными решениями. Таким путем проваливаются на Особых совещаниях правильные и законные протесты Прокурора СССР при прямом попустительстве Прокурора СССР т. Панкратьева...

Подобная практика дезориентировала аппарат Прокуратуры СССР, тех честных прокуроров, которые непосредственно проверяют эти вопиющие дела, проводят за ними бессонные ночи и болеют за советских людей, невинно осужденных ежовской бандой».

Прокуроры просили секретаря ЦК ВКП(б) Жданова взяться за это дело первостепенной важности и, если нет никакой возможности изменить преступную практику, прививаемую в стенах НКВД, переменить систему, возложить на прокуратуру пересмотр дел, неправильно решенных ежовской бандой, без участия в этих делах авторитета т. Берии, который вольно или невольно культивирует защиту чести мундира работников НКВД во что бы то ни стало. «Подумайте только, — продолжали они, — что сотни тысяч людей, ни в чем не повинных, продолжают сидеть в тюрьмах и лагерях, а ведь прошел почти год со дня решения ЦК партии. Неужели это никого не беспокоит? Поговорите с прокурорами специальных прокуратур (железнодорожной, водной), и они Вам расскажут факты, от которых волосы встают дыбом, и покажут эти дела, этот позор для советской власти».

Наряду с этим прокуроры настаивали исправить грубейшую ошибку с назначением Панкратьева. «Дайте нам высокоавторитетного руководителя, способного дать по рукам и Берии».

Далее они отмечали, что их, старых работников, всегда удивляло отношение руководства партии и правительства к аппарату прокуратуры, этому острейшему оружию диктатуры пролетариата. Они напоминали о том, что прокуроров нельзя на протяжении десятка лет держать в полуголодном состоянии, не обеспечивая их материально. Даже прокуроры центрального аппарата, работающие по 10—15 лет, получали всего 650—700 рублей в месяц, тогда как полуграмотные юнцы в аппарате НКВД имели оклады в 1200—1500 рублей, а также получали за выслугу лет, обмундирование и пользовались другими благами.

Сегодня трудно понять, где здесь бесстрашие, а где наивность... Жаловаться Жданову на Берию! Считать, что их

взгляды на советское правосудие чем-то отличаются! Думать, что Вышинский может бороться с беззаконием! Конечно, это обращение ничего не изменило ни в положении самих прокуроров, ни в отношении к органам прокуратуры со стороны властей.

Панкратьев продолжал оставаться на посту Прокурора Союза ССР, а НКВД по-прежнему вершило свои дела. Вот только некоторые факты. В начале 1940 года в Прокуратуру СССР поступило явно незаконное указание, подписанное заместителем Председателя СНК СССР Вышинским, предлагающее запретить судам по делам, расследованным органами госбезопасности, освобождать из-под стражи оправданных в суде граждан без согласия на это соответствующих начальников НКВД. А прокурорам запрещалось без их же согласия освобождать из-под стражи граждан, в отношении которых вынесены постановления о прекращении дел и освобождении обвиняемых из-под ареста. Таким образом, получалось, что органам НКВД фактически было предоставлено право контроля за работой прокуратуры и судов. Это указание было отменено только в мае 1953 года после смерти Сталина по представлению Прокуратуры СССР, несмотря на возражения Берии.

Необходимо заметить, что, по словам очевидцев, Панкратьев во время заседаний Особого совещания вначале пытался как-то защищать протесты прокуратуры и возражал Берии. Последний с присущей ему наглостью и бесцеремонностью, в присутствии работников НКВД и прокуратуры однажды так отчитал его, что после этого Панкратьев вообще перестал ходить на эти совещания. А вскоре последовало снятие Панкратьева с поста Прокурора СССР.

Но при Панкратьеве появилось пресловутое решение Политбюро ЦК ВКП(б) об освобождении арестованных за контрреволюционные преступления лиц только с согласия органов НКВД.

В своих воспоминаниях бывший Главный военный прокурор Н. П. Афанасьев так рассказывает об этом. В начале 1940 года к нему, бывшему тогда заместителем Главного военного прокурора, попало заявление члена Военного совета Ленинградского военного округа Магера, арестованного за причастность к заговору Тухачевского и других военачальников. Он писал о том, что незаконно арестован, подвергается избиениям и издевательствам. Изучив дело и допросил Магера, Афанасьев выяснил, что лица, занимавшиеся им, сами арестованы за фальсификацию материалов следствия.

Тогда он предложил допросить следователя об обстоятельствах ареста Магера. Тот признался, что никаких оснований для ареста не было и что на допросах Магера избивали, наказывали стойками, не давали спать.

Афанасьев вынес постановление о прекращении дела Магера за отсутствием в его действиях состава преступления. С этим он и пошел к Панкратьеву. Тот с постановлением согласился и попросил оставить дело для изучения. Через несколько дней он вернул дело Афанасьеву, сказав при этом: «А вы что, боитесь ответственности? Зачем тут мое утверждение. Решали же вы до сих пор дела — решайте и это».

Афанасьев попытался, было, объяснить, что дело Магера наверняка дойдет до ЦК партии. «Ну и что? — заявил Панкратьев. — Вот тогда, если будет нужно, мы пойдем вместе в ЦК и докажем, что Магер не виноват. А сейчас давайте кончайте дело сами».

Магер был освобожден из тюрьмы. Однако, когда он явился в Наркомат обороны, а затем в ЦК партии для решения вопроса о трудоустройстве, его дело снова завертелось. Афанасьева вызвал к себе нарком внутренних дел Берия.

«Как только я вошел, — пишет Н. П. Афанасьев, — Берия стал спрашивать, на каком основании и почему я освободил из тюрьмы Магера и прекратил о нем дело. Я объяснил.

“Да, — ответил Берия, — я вот читаю его дело (оно действительно каким-то образом оказалось у него). Материалов в деле нет, это верно, и постановление правильное, но вы все равно должны были предварительно посоветоваться с нами. На Магера есть камерная агентура. Сидя в тюрьме, он ругал Советскую власть и вообще высказывал антисоветские взгляды.

Никакой агентуры в деле не было, но Берия повторил: “Надо было посоветоваться с нами, прежде чем решать дело...”

Утром, едва я пришел на работу, меня вызвал Панкратьев. Он был явно расстроен и сразу же набросился на меня: “Что вы сделали с делом Магера. Получился скандал. В дело вмешался товарищ Сталин, и теперь черт знает что может быть! И зачем было связываться с этим Магером?”

Пока Панкратьев испуганно причитал в этом роде, в кабинет вошел фельдъегерь связи НКВД и вручил ему красный пакет (в них обыкновенно рассылались важные правительственные документы, имеющие срочный характер). Приняв пакет и прочитав находящуюся там бумагу, Панкратьев вновь обратился ко мне: “Вот видите, чем обернулось для нас дело Магера?”

Бумага была выпиской из решения Политбюро ЦК за подписью Сталина. В ней значилось:

Слушали: доклад тов. Берия.

Постановили: Впредь установить, что по всем делам о контрреволюционных преступлениях, находящихся в производстве органов прокуратуры и суда, арестованные по ним могут быть освобождены из-под стражи только с согласия органов НКВД».

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Рогинский

Характерным для тех лет (1939) было и дело заместителя Прокурора Союза ССР Григория Константиновича Рогинского. На протяжении последних лет он был самым ближайшим сотрудником Вышинского, курировал органы НКВД, утверждал почти все обвинительные заключения по так называемым контрреволюционным делам, участвовал в подготовительных заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР, а также присутствовал при казни лиц, осужденных к расстрелу. Иногда в отсутствие Вышинского он исполнял обязанности Прокурора Союза ССР. Словом, этот человек был необходим главному инквизитору Сталина. И тем не менее Вышинский все же сдал Рогинского.

Рогинский был непосредственно причастен к гибели многих людей, чьи обвинительные заключения он так бесстрастно утверждал. Среди них немало прокурорских работников, в том числе первый Прокурор Союза ССР И. А. Акулов, нарком юстиции РСФСР и СССР Н. В. Крыленко, когда-то благодетельствовавший самого Рогинского, и другие. Направляя в суд дела в отношении бывших соратников, Рогинский, по воспоминаниям современников, не был твердо уверен и в собственной безопасности.

Во время приведения в исполнение приговора в отношении Акулова Рогинский присутствовал при казни совместно с заместителем наркома внутренних дел Фриновским. Акулов, обращаясь к Фриновскому, сказал: «Ведь вы же знаете, что я не виноват». Тогда Рогинский, который был спокоен за себя и делал все возможное, чтобы заручиться поддержкой и доверием со стороны работников НКВД, демонстрируя свою непримиримость к врагу народа, стал осыпать бывшего Прокурора Союза ССР бранью. Впоследствии же он признавался, что далеко не убежден в действи-

тельной виновности Акулова, которого всегда считал хорошим большевиком.

Основания опасаться за свою судьбу у Рогинского были веские. Вышинский мог сдать его органам НКВД в любое время, что он и сделал 25 мая 1939 года, направив лично начальнику следственной части НКВД СССР Кобулову строго секретное письмо. В нем сообщалось, что в уголовном деле бывших судебных и прокурорских работников Красноярского края имеются данные о принадлежности Рогинского к контрреволюционной организации, якобы существующей в органах прокуратуры.

Однако до ухода Вышинского из Прокуратуры Союза ССР Рогинский продолжал выполнять свои обязанности. Карающий меч опустился на него только в августе 1939 года. Новый Прокурор Союза ССР Панкратьев 7 августа издал приказ (№1129), в котором нашел уважительную причину для увольнения Рогинского. В нем было сказано: «За преступное отношение к жалобам и заявлениям, поступающим в Прокуратуру Союза ССР, тов. Рогинского Григория Константиновича, несущего непосредственную ответственность за работу аппарата по жалобам и заявлениям, снять с работы заместителя Прокурора Союза ССР». На самом же деле причиной увольнения были не жалобы, которые тогда никого не интересовали, а некий мифический заговор прокуроров, в котором будто бы участвовал и Рогинский. Кстати, сам он многих прокуроров отправил под суд именно по такому же подозрению.

Почти месяц после увольнения Рогинского не трогали. Он был арестован 5 сентября 1939 года. Санкцию на арест дал Панкратьев (он и Берия сделали это только 7 сентября). В постановлении отмечалось, что имеющимися материалами в НКВД Рогинский Г. К. достаточно изобличается как один из руководящих участников антисоветской правотроцкистской организации, существовавшей в органах прокуратуры.

В отличие от многих политических дел того времени, когда трагическая развязка наступала довольно скоро, дело Рогинского расследовалось почти два года. Первое время он держался очень стойко и категорически отрицал какую-либо причастность к антисоветским организациям.

Судя по всему, на него было оказано жесточайшее психологическое давление, так как согласно документам, имеющимся в деле, Рогинский стал проявлять в тюрьме истерические реакции, которые выражались в плаксивости, боязни ложиться в кровать из-за того, что на него падают стены и он проваливается в пропасть. В начале января 1940 года Ро-

гинский был осмотрен врачами, которые констатировали, что он душевной болезнью не страдает и обнаруживает ряд навязчивых ярких представлений неприятного характера, связанных со сложившейся для него ситуацией.

Вот выдержка из протокола его допроса:

«— Рогинский, вы государственный преступник и вам надлежит говорить на следствии не об облегчении тюремного режима, а о своих вражеских делах. Прекратите крутиться и приступайте к показаниям.

— Прошу мне изменить тюремные условия. Я не в состоянии рассказывать следствию о своих преступлениях.

— До сих пор упорно не желаете давать показания, ссылаясь на свое нервное расстройство. Прекратите свои увертки и говорите правду о ваших враждебных делах!

— Я уже говорил, что при таком психическом состоянии, в котором я сейчас нахожусь, я не могу давать показания о своих преступлениях.

— Из имеющегося у следствия акта психиатрической экспертизы видно, что ваше нервное расстройство — сплошная симуляция. Не валяйте дурака, а приступайте немедленно к показаниям.

— Я не симулянт. Все мои мысли направлены к тому, чтобы дисциплинировать себя и приступить к показаниям о своей преступной работе. Но я не могу взять себя в руки».

На этом в полночь допрос был окончен. Рогинский, конечно, тут выглядит жертвой, но ведь он и сам был одним из ревностных служителей машины репрессий.

Только через год следователям удалось вырвать у Рогинского признание. На суде Рогинский сказал: «Граждане судьи, в антисоветских преступлениях я не повинен. Я прошу проанализировать мой жизненный путь. Я всегда и везде проводил правильную политику партии и Советского правительства, я вел борьбу с троцкистской оппозицией. В 1925—1927 годах я беспощадно громил рабочую оппозицию, проникнувшую в Верховный суд Союза ССР. Будучи на Кавказе, я вел ожесточенную борьбу с кулачеством. В то время Андреев называл меня “огнетушителем”. Все последующие годы я по-большевистски вел борьбу с врагами партии и советского народа. Я повинен в том, в чем повинны все работники прокуратуры и суда, что просмотрели вражескую работу некоторых работников НКВД и что к следственным делам относились упрощенчески. Если суд вынесет мне обвинительный приговор, то это будет крупнейшей судебной ошибкой. Я неповинен. Жду только одного, чтобы мое дело объективно было доследовано».

Рогинский избежал смертного приговора, который обычно выносился по такого рода делам. Была ли тому причиной начавшаяся война или что-то иное — сказать трудно. В ноябре 1992 года он был реабилитирован. Такова судьба многих «по-большевистски ведших борьбу с врагами». А после освобождения из лагеря он поселился в Красноярске, где и умер в 1959 году.

В силу целого ряда обстоятельств, в том числе и личностного плана (низкий общеобразовательный уровень, недостаточная твердость, простодушие, неумение эффектно преподнести властям свою работу, что особенно ярко проявилось на фоне такого блестящего оратора и эрудита, изворотливого и хитрого, когда нужно — беспощадного, как Вышинский), Панкратьев не мог, конечно, долго удержаться в кресле Прокурора СССР. Формальным поводом для освобождения его от занимаемой должности 5 августа 1940 года стало якобы необеспечение руководства работой прокуратуры по выполнению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Несмотря на драконовские меры (за незначительные опоздания рабочих и служащих подвергали исправительным работам, а иногда и тюремному заключению) и показательные суды, указ не достиг своей цели.

7 августа 1940 года Панкратьев был освобожден от должности Прокурора Союза ССР. Его жена рассказывала: «Я узнала о том, что его сняли, из газет и сразу вылетела к нему из Сочи. Он очень переживал, но старался не подавать виду. Говорил: “Не волнуйся, за мной ничего нет, я кристально чист. Вы с дочкой можете спать спокойно”».

Вскоре для Панкратьева нашлась подходящая должность в системе Наркомата юстиции СССР. В октябре 1943 года Панкратьев стал председателем военного трибунала 2-го Прибалтийского фронта. В этой должности он служил до конца Великой Отечественной войны. Судя по служебным характеристикам этого периода, он вполне удовлетворял требованиям военного командования. Панкратьев правильно строил карательную политику, вел беспощадную борьбу с врагами Родины, а в период наступательных боев добился оперативности в разборе дел. Потом он служил в Прибалтике в должности председателя военного трибунала Прибал-

тийского военного округа. Ревизия, проведенная в марте 1946 года Главным управлением военных трибуналов, установила, что Панкратьев правильно обеспечивает руководство судебной практикой военных трибуналов округа. Панкратьев и дальше продолжал бы успешно служить на военно-судебном поприще, если бы не допустил одну серьезную политическую промашку. Министр юстиции СССР Горшенин свою просьбу об освобождении Панкратьева от занимаемой им должности мотивировал тем, что «20 декабря 1949 года на общем открытом собрании военных трибуналов и прокуратуры Прибалтийского военного округа Панкратьев в своем выступлении допустил ряд антипартийных, клеветнических и политически ошибочных высказываний».

Что же случилось на открытом партийном собрании 20 декабря 1949 года?

В тот день торжественные собрания и заседания проходили повсеместно — страна отмечала 70-летие Сталина. Вначале все шло хорошо. Панкратьев в своем выступлении, отдавая должное вождю, сказал, что Сталин далеко предвидел вперед, глубоко анализировал события и делал выводы, всегда ставил предельно ясные вопросы. А потом вдруг простодушно стал рассказывать о том, о чем следовало бы умолчать. Говоря, например, о методах ведения следствия, Панкратьев, со ссылкой на Сталина, заявил, что вполне допустимо применение физического воздействия в отношении обвиняемых в контрреволюционных преступлениях. Далее, опять же ссылаясь на вождя, он объяснил причину фактического запрещения досрочного освобождения осужденных — закон о досрочном освобождении плохой, так как приговор должен быть устойчивым и выполняться полностью.

Панкратьев также подробно рассказал о том, как он участвовал в приеме, организованном в Кремле в 1939 году в честь 60-летия Сталина.

Конечно, все эти откровенные высказывания Панкратьева в официальный протокол собрания включены не были. Но бдительные слушатели поспешили сообщить об этом выступлении в Москву. Панкратьев был вызван в столицу, где признал допущенные им грубые ошибки и недостойное поведение и согласился с тем, что оставаться в занимаемой должности он не может.

За неправильное поведение в бытность председателем военного трибунала Прибалтийского военного округа Панкратьеву был объявлен строгий выговор с предупреждением и занесением в учетную карточку.

В октябре 1950 года Панкратьев был отправлен в отставку. Ему было тогда всего 49 лет. Больше он никакой номенклатурной должности не занимал и находился на пенсии. Работал в ДОСААФ, вначале руководителем семинара в системе партпросвещения, а затем инструктором внештатного отдела пропаганды военных знаний.

Умер 23 сентября 1974 года.

Думается, даже те немногочисленные факты, которые здесь были приведены, дают представление о том, в каких условиях трудились тогда работники прокуратур страны, в том числе и Руденко.

Предвоенные годы были особенно суровыми, даже страшными. Сталин проводил кадровую революцию, одновременно жестоким террором утверждая свою единоличную власть. В безостановочно работавшую мясорубку мог попасть кто угодно. И спасти не могли ни прежние заслуги, ни высокие награды и звания, ни самые высокие связи...

В 1940 году и над головой перспективного прокурора Руденко сгустились тучи.

Руденко к тому времени уже стал заметной политической фигурой.

Однако очень скоро перспективного прокурора постигло увольнение... Проведенная в 1940 году проверка выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года о перестройке работы по надзору за органами НКВД установила, что прокурор Сталинской области этого постановления не выполнил. Например, спецотдел прокуратуры оказался неукомплектованным — вместо пяти человек по штату работали только двое. Также на день проверки в спецотделе прокуратуры имелось 3603 жалобы, из них 1839 жалоб лежали, по существу, не разрешенными с 1939 года. Отдельные жалобы волокитились с 1938 года. Истребованные еще в январе 1940 года из УНКВД 305 дел были не рассмотрены.

Скорее всего, эти недостатки действительно были. Прокурора области, которому было от роду 33 года, сняли с работы и объявили выговор по партийной линии. Решение об этом принималось в Москве. Заведующий отделом управления кадров ЦК ВКП(б) Бакакин и инструктор управления кадров Гришин подписали заключение, в котором было предложено ЦК КП(б) Украины и Прокуратуре СССР освободить Руденко от занимаемой должности. В августе 1940 года такое решение состоялось. Обычно в те годы увольнени-

ем дело не заканчивалось, и за ним вполне мог последовать арест. Перед глазами был наглядный пример — судьба Рогинского, которого сняли тоже за невнимательное отношение к жалобам. Шла новая, очередная волна сталинских зачисток. Арестовывали и расстреливали всех подряд — и жуткого наркома Ежова, и бывшего министра юстиции и генерал-прокурора Временного правительства Малянтовича, и следователя Александрова, который когда-то занимался делом Ленина по обвинению того в шпионаже в пользу Германии, и организатора революционных трибуналов Крыленко, и первого Прокурора Союза ССР Акулова, прокуроров РСФСР Антонова-Овсеенко и Нюрину-Нюрнберг... Всех не перечислишь!

Надо полагать, много бессонных ночей провел тогда Роман Андреевич, тем не менее устоял и даже не оставил мысли продолжить прокурорскую службу. Правда, об этой горькой странице своей жизни он никогда и никому не говорил.

Тем не менее Руденко тогда все выдержал. Видимо, родился под счастливой звездой...

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

Анатолий Антонович Волин родился 9 (22) июля 1903 года в небольшом провинциальном городе Темрюк, расположенном на берегу реки Кубани. Он был девятым ребенком в семье рыбака. Мальчик окончил три класса начальной школы, а затем высшее начальное училище, считавшееся престижным. Там изучал даже немецкий и французский языки. В доме было всего две книги: Евангелие и «Родина», переплетенный за много лет журнал, который он читал по вечерам родителям.

«Революция пришла в наш город без особых потрясений, — рассказывал А. А. Волин. — Был образован ревком, городской штаб обороны и другие органы новой власти. То и дело происходили митинги, на которых звучали чарующие слова: свобода, равенство и братство».

В январе 1921 года Анатолий довольно бойко выступил на совместном партийно-комсомольском собрании, разбившим какой-то бытовой вопрос. Разбитной паренек приглянулся начальству.

В 1923 году двадцатилетний Волин стал слушателем рабфака, в котором он учился три года, получив диплом о среднем образовании. В октябре 1925 года Краснодарская окружная партийная организация приняла Анатолия Волина в

свои ряды. Перед ним открывались широкие перспективы. Для продолжения учебы он выбрал факультет права (судебное отделение) Ленинградского государственного университета, куда и поступил в августе 1926 года.

Потом была полуторогодичную аспирантура при Ленинградском отделении Коммунистической академии, после которой он стал преподавать (в качестве доцента) в инженерно-экономическом институте. Весной 1933 года Волин получил новое партийное назначение, никак не вязавшееся с его личными планами и в конце концов круто изменившее всю его дальнейшую жизнь. Его выдвинули на должность прокурора города Петрозаводска. На этом более чем боевом участке он прослужил два года. И хотя Анатолий Антонович в своих мемуарах, над которыми он усиленно работает, называет время, проведенное им в Петрозаводске, тремя потерянными годами, все же следует признать, что именно отсюда началось его стремительное восхождение на прокурорский и судебный олимп.

1 декабря 1934 года в Смольном был убит С. М. Киров, и в стране развернулась кампания по искоренению врагов народа, работать в прокуратуре стало неизмеримо труднее. Усилилась всеобщая подозрительность, выслеживались и жестоко наказывались любые, даже мимолетные связи с троцкистами или зиновьевцами. В этот водоворот случайно попал и Волин, но уцелел. Летом 1935 года он вновь оказался в городе на Неве. В сентябре 1935 года А. А. Волин занял должность помощника прокурора Володарского района Ленинграда, а в июне 1936 года стал прокурором одного из центральных районов города — Смольнинского. Здесь располагались Ленинградский обком партии, Ленсовет, другие городские и областные организации.

Вспоминая свою работу в Ленинграде, Волин рассказывал: «В то время были в моде так называемые показательные процессы. Если правильно понимать их, то они проводились не для показухи, не для устрашения, а для воспитания и профилактики. Мы старались, чтобы судебные процессы доходили до сознания аудитории. К примеру, на одном из процессов дает показания несун, уличенный в хищении с завода сумки с набором специальных инструментов: “Я знаю, что это нехорошо, но у нас в цеху такая обстановка, что инструменты не учитываются. Вот и берешь. Берут и другие, но не все попадаются”. — “Но ведь вы уже второй раз стоите здесь по такому же делу. Где же ваша рабочая совесть?” — “Совесть-то есть, гражданин прокурор, но, понимаете, принесешь с завода домой хоть болванку, и как-то легче на

душе”. На другом публичном процессе обвиняемый в крупном мошенничестве на вопрос судьи: “Скажите, подсудимый, что способствовало вам развить столь бурную деятельность?” — ответил: “Честно сказать — знакомства и связи”. Это вызвало у присутствующих бурную реакцию, свидетельствующую о том, что процесс был поучительным».

28 сентября 1937 года Прокурор РСФСР Н. М. Рычков направил ходатайство на имя Прокурора Союза ССР Вышинского с просьбой назначить Волина вторым заместителем Прокурора РСФСР. В этом письме, в традициях того времени, особо подчеркивалось, что Волин в других партиях не состоял, партвзысканиям не подвергался. Сведений о принадлежности его к оппозициям и антипартийным группировкам не имеется. После продолжительной проверки по линии органов госбезопасности Волин 1 января 1938 года был назначен заместителем прокурора республики.

Начинать свою работу в Прокуратуре РСФСР Волину пришлось в очень непростой обстановке. «Меня не коснулась роковая круговерть тех лет, — вспоминал он, — но я насмотрелся, как судьба играет человеком, когда исчезает то один, то другой партийный, советский или иной деятель. Иногда приходила в голову мысль: а надолго ли я прописан в Москве? Но прошло немного времени, и я уже вполне мог ощутить, что Москва живет двойной политической жизнью — одной, официальной, на виду, другой — скрытой, в кругу семьи или друзей. Неистовствовал глубоко ложный накал бдительности, порой переходящий в явный психоз, повсюду выискивались враги народа и их пособники, повсюду шла острая борьба с так называемым либерализмом и примиренчеством к врагам народа, вызывая обстановку, которой пользовались действительные враги народа, карьеристы, различного рода проходимцы да лица, сводившие личные сче­ты.

Подметные письма, клевета, ложные доносы стали распространённым оружием в избиении честных людей. Всякий доносчик, боровшийся с либерализмом и примиренчеством, считался надёжным, бдительным человеком, а сомневающийся, а тем более защищающий считался подозрительным, если не прямым пособником врагов народа. Все это наводило на многих людей страх и неуверенность в завтрашнем дне, страх за жизнь мужей, отцов, братьев, сестер.

Заканчивался процесс Бухарина и других видных деятелей. Ошеломляли покаянные, униженные признания подсудимых, которые, как позже стало известно, были заранее согласованы в Кремле. Что творилось на Старой площади и на

Лубянке, не знал никто, в том числе, как это ни удивит современников, прокурор республики и я, его заместитель.

Не обзаведясь еще новыми друзьями, я чувствовал себя Москве одиноким, не с кем было поделиться сокровенным. В те дни многие старались показать себя истинными революционерами, но искренне отваживались говорить только вдвоем; третий мог оказаться доносчиком».

25 июля 1939 года Волин был назначен Прокурором РСФСР сроком на пять лет.

С первых же дней работы в должности прокурора республики А. А. Волин стал проявлять самостоятельность по наиболее принципиальным вопросам и при отстаивании своей точки зрения не боялся идти на конфликт даже с всемогущим в то время заместителем Прокурора Союза ССР Г. К. Рогинским (он осуществлял надзор за органами НКВД).

Прокуратура республики в те годы непосредственно не вела расследования по так называемым контрреволюционным делам и не надзирала за этими делами (исключение составляла только статья 58-10 о контрреволюционной агитации). Что касается грубейших нарушений законности по таким делам, то, как отмечал Волин, прокуратура республики была вынуждена действовать в общей системе сложившегося тогда партийно-государственного режима. «Но в то же время не могу не отметить гражданского мужества многих прокуроров, пытавшихся противостоять творившемуся произволу, необоснованным репрессиям, стремившихся протестовать против незаконных и необоснованных обвинений, — писал он. — В некоторых, правда, надо признать крайне редких, случаях им удавалось отстоять свои позиции, не допустить незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности невиновных граждан. Немало таких прокуроров поплатились своей карьерой, а некоторые были необоснованно осуждены».

Вспоминая, А. А. Волин рассказывал, когда ему самому приходилось снимать нелепые обвинения в контрреволюционных преступлениях. Директор одного небольшого завода в Калуге, заканчивая доклад на торжественном собрании, посвященном годовщине Октябрьской революции, неожиданно для присутствующих произнес здравицу: «Да здравствует Троцкий!».

Его обвинили в антисоветской пропаганде и агитации и приговорили по статье 58-10 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы. Проверив это дело в порядке надзора, Волин пришел к убеждению в невиновности директора, так как неосторожное выражение он произнес автоматически.

Протест прокурора республики Верховный суд РСФСР удовлетворил.

А вот другие примеры. Командира Красной армии обвинили в покушении на террористический акт и осудили за то, что он, находясь на даче, занимался тренировочной стрельбой из пистолета по плакату на котором был изображен Сталин (донес об этом в органы его сосед). Волин и по этому делу направил протест, который Верховный суд РСФСР удовлетворил.

Некий бывший князь В., проживавший в коммунальной квартире, обратился в народный суд с иском о выселении соседки А. Суд в иске отказал. Тогда под диктовку князя его жена написала в Ленинградское областное управление милиции заявление о том, что А. является врагом народа и систематически ведет антисоветскую агитацию. Следствие было недолгим. Соседку князя арестовали, и она была приговорена к пяти годам лишения свободы с поражением в правах на три года. Спецколлегия Верховного суда РСФСР, куда поступила жалоба осужденной, не нашла оснований к пересмотру приговора. Дело попало к А. А. Волину и впервые было тщательно изучено. Прокурор убедился в том, что следствие велось поверхностно и небрежно. По его протесту Верховный суд РСФСР отменил приговор и направил дело на дополнительное расследование. Впоследствии А. была освобождена из-под ареста, а бывший князь и его жена сами попали под суд за злостную клевету.

«Но такие протесты, — говорил Волин, — проходили с большим трудом. Очень давила на сознание судей сложившаяся судебная практика и общая обстановка в стране. Понятно, что этими примерами я отнюдь не хочу хоть как-то смягчить оценку той страшной трагедии, того произвола и беззакония, которые творились в стране в те годы. Они лишь свидетельствуют о том, что если была малейшая возможность спасти хоть одного человека от этого произвола, то добросовестные прокуроры и судьи использовали эту возможность».

После войны Волина прочили председателем Верховного суда СССР.

О том, как происходило это назначение, Волин рассказывал так:

«Через некоторое время я уже сидел за столом Политбюро... Сажу на краю длинного стола. Утвердили какого-то министра. Входит Сталин. Председательствовал, кажется, Маленков. Сталин подошел к столу, что-то на нем посмот-

рел, что-то спросил у председательствующего и стал прохаживаться. Кузнецов стал докладывать мое дело. Я, естественно, поднялся. Как только Кузнецов кончил докладывать, Сталин посмотрел на меня и говорит: “А не молод ли товарищ Волин?” Мне было 45 лет. У меня был молодежливый вид, от силы можно было дать 35 лет. Я сказал: “Мне недавно уже исполнилось 45 лет, товарищ Сталин”. Он как-то недоверчиво посмотрел и спросил: “А не тяжело ли вам будет, товарищ Волин?” Это как бы вытекало из первого вопроса. Я вспомнил, что министр, которого назначали передо мною, пробубнил на такой же вопрос: “Если мне поможет ЦК, я постараюсь оправдать доверие ЦК и ваше, товарищ Сталин”. И думаю: как же мне ответить, чтобы не быть попугаем. Я сказал: “Я сознаю, что это нелегко, товарищ Сталин”. Он так посмотрел-посмотрел и говорит: “Хорошо”. Кто-то из членов Политбюро сказал: “Утвердить”. Кузнецов дал мне знак уходить. Больше я с ним (Сталиным. — *Авт.*) не встречался. Но видел его десятки раз на приемах. Я был на всех приемах».

25 августа 1948 года Президиум Верховного Совета СССР избрал Волина председателем Верховного суда СССР, а очередная сессия Верховного Совета утвердила его в этой должности.

Председателем Верховного суда СССР Волин прослужил два конституционных срока, один из них — при Сталине.

21 февраля 1957 года Волин был освобожден от должности председателя Верховного суда СССР. На некоторое время Анатолий Антонович остался не у дел. Вскоре ему предложили занять должность заместителя министра культуры СССР, но он отказался. Через некоторое время открылась вакансия заместителя главного арбитра в Государственном арбитраже при Совете Министров СССР. Вот на эту должность 25 сентября 1957 года он и был назначен.

Автор неоднократно встречался с Анатолием Антоновичем. Он вспоминал людей, с которыми приходилось общаться в своей жизни, всем давал лаконичную, но очень яркую и точную характеристику. Вот, например, его отзыв о Вышинском. «Это высокообразованный человек, но это человек Сталина... Он разделяет ответственность за все злодеяния, которые совершены при Сталине. Он придавал репрессиям законную силу... В другое время Вышинский со своим умом, образованностью мог быть полезным советским человеком».

Размышляя о жизненном пути, Волин отмечал:

«Обращаясь к собственной, можно сказать, уже прожитой жизни, я не раз мысленно перебирал все ее основные этапы, пытаясь понять, что же определило ее, под влиянием каких факторов сложился мой жизненный путь, мой внутренний мир? Была ли моя жизнь моим собственным выбором или, будучи подхвачен мощной волной революции, я плыл по ее течению, считая это течение моим собственным течением. Короче говоря, принадлежал ли я себе, насколько были применимы к моей жизни такие прекрасные, гордо звучащие слова: свободная воля, свободный дух, собственные цели, наконец, собственное жизненное кредо?»

Размышляя об этом, я и сегодня, пожалуй, не смог бы на все эти сложные вопросы дать однозначные ответы...»

Волин прожил долгую жизнь. Скончался он в 2007 году, отметив 104-ю годовщину. Похоронен в Москве.

15 сентября 1940 года Роман Андреевич Руденко стал слушателем Высших академических курсов Всесоюзной правовой академии. Одновременно его зачислили в экстернат Московской юридической школы Наркомата юстиции РСФСР. Таким образом, учиться ему пришлось на «два фронта» — очно на высших курсах, а также самостоятельно готовиться к экзаменам в юридической школе, причем сразу же за два года обучения. Программа школы несколько отличалась от той, которая была на высших курсах. Наряду со специальными юридическими дисциплинами, такими, как уголовное право и процесс, гражданское право и процесс, криминалистика, трудовое право, являвшимися обязательными, на курсах и в юридической школе преподавали историю народов СССР, математику, географию, балансоведение.

А на курсах он еще изучал политическую экономию, теорию государства и права, судебную психологию, а также обязательные основы марксизма-ленинизма. Словом, предметы высших курсов и школы как бы дополняли друг друга, давая более обширные знания по специальным и общеобразовательным дисциплинам.

Роман Андреевич учился хорошо. По отзывам преподавателей, он был аккуратен, сдержан, скромен, четок. Сразу же после зачисления его избрали в партбюро, и он стал первым заместителем секретаря парторганизации курсов.

По поручениям Московского городского и Краснопресненского районных комитетов партии ему часто приходилось выступать с лекциями и беседами на предприятиях и в организациях столицы. Во время бесед с людьми объяснял

политику партии, принципы социалистической законности. Разумеется, много вопросов было о войне, приближение которой чувствовали все...

Выпускные экзамены на Высших курсах совпали с началом Великой Отечественной войны. Свидетельство об окончании курсов Руденко получил 27 июня 1941 года. Оценки почти по всем предметам у него были отличные. А еще через три дня, 1 июля, Роман Андреевич успешно выдержал экзамены в юридической школе. В том же 1941 году Руденко поступил на экстернат Московского юридического института, но, естественно, война спутала все планы. Надо было делать то, что нужно для победы...

Но, забегая немного вперед, следует отметить, что после войны, в 1950 году, он, работая в Киеве, все же окончил 4 курса юридического факультета Киевского государственного университета. Того самого учебного заведения, где учился А. Я. Вышинский и в котором после завершения учебы (1913 год) он был оставлен для подготовки к профессорскому званию на кафедре уголовного права и процесса. Однако университетское начальство с этим решением не согласилось, и научная карьера его тогда не состоялась.

26 июня 1941 года. Это особая дата в жизни Руденко — «его вернули» в прокуратуру. Приказом Прокурора СССР он назначается начальником отдела Прокуратуры СССР по надзору за органами милиции.

Однако уже через 13 дней, 9 июля 1941 года он обращается с рапортом к исполняющему обязанности Прокурора Союза ССР Н. Г. Сафонову с просьбой отправить его на фронт: «Искренно желая принять участие на самых боевых участках в разгроме врага — германского фашизма, прошу призвать меня в Военную прокуратуру и откомандировать во фронтовую полосу. Я, 1907 года рождения, член ВКП(б) с 1926 года, имею звание военюрист II ранга. Я обещаю, не страшась никаких трудностей, испытаний и лишений, отдать все свои силы, а если нужно будет, и жизнь за дело нашей социалистической родины, за дело нашей партии Ленина—Сталина».

Но тогда просьбу Романа Андреевича не удовлетворили, и он до начала весны 1942 года оставался в Москве.

В официальном заключении о деятельности возглавляемого им отдела было написано: «За период военного времени отделом значительно активизирована работа по надзору за милицией. Силами отдела была проверена работа в 13 областях, выявленные недостатки на месте исправлялись, давались конкретные указания по вопросам оказания всемер-

ного содействия военным властям в использовании всех сил и средств для нужд обороны и обеспечения общественного порядка и безопасности. По этим вопросам издано 3 приказа Прокурора Союза ССР и поставлен вопрос перед НКВД Союза ССР об улучшении работы органов милиции. Прокуроры на местах проверяют в органах милиции следственные дела в процессе расследования и дают по ним указания. В результате указанных мероприятий мы имеем уменьшение прекращенных и возвращенных на доследование дел, сокращение сроков расследования.

В целях оказания помощи в организации работы, прокуроры отдела выезжали в Азербайджанскую, Грузинскую, Узбекскую, Казахскую и Карело-Финскую союзные республики».

А в характеристике, подписанной заместителем прокурора Союза ССР Г. Сафоновым, говорилось: «Тов. Руденко Роман Андреевич, работая в Прокуратуре СССР с июня 1941 года по март 1942 года начальником отдела по надзору за органами милиции, принимал активное участие в обороне города Москвы, непосредственно осуществляя надзор за всеми мероприятиями, проводимыми органами милиции по охране общественного порядка и безопасности в столице.

Кроме того, будучи в то время членом партийного бюро и руководителем осоавиахимовской организации Прокуратуры Союза тов. Руденко активно участвовал в противовоздушной обороне нашего объекта, в мобилизациях на строительство оборонных рубежей, в проведении военных занятий среди сотрудников и команды МПВО».

Глава II

«ВОЙТИ В КИЕВ В ДЕНЬ ЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ»

В феврале 1942 года встал вопрос о направлении Руденко в Прокуратуру Украинской ССР на должность заместителя прокурора республики. Наверное, это было сделано не без влияния тогдашнего первого секретаря ЦК компартии Украины Хрущева. 25 февраля 1942 года Прокурор Союза ССР В. М. Бочков обратился с такой просьбой к секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову. В союзном ЦК партии не возражали, и 12 марта 1942 года Бочков издал приказ о назначении Руденко заместителем прокурора Украинской ССР.

Это было возвращение в прокурорскую элиту страны.

Аппарат прокуратуры располагался в то время в Ворошиловграде. Штат — всего 23 человека (вместе с техническими работниками). На следующий день после своего прибытия Руденко собрал весь республиканский аппарат. Руководители отделов коротко доложили о состоянии дел по основным вопросам прокурорско-следственной работы, рассказали о людях, оставшихся служить в прокуратуре после мобилизации, об условиях их жизни и быта.

Романа Андреевича интересовала буквально каждая мелочь, и он задавал собравшимся многочисленные вопросы. Все сразу же почувствовали, что новый заместитель прокурора республики хочет детально познакомиться с состоянием прокурорского надзора, быстро разобраться с оперативной обстановкой.

Война ставила перед органами прокуратуры новые задачи. Под ее повседневным надзором находились тогда вопросы выполнения оборонных заказов, ремонта транспорта и военной техники, строительства оборонительных сооружений.

Организовывались, в частности, проверки соблюдения требований постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней», о состоянии трудовой дис-

циплины, предупреждении эпидемических заболеваний и другое.

В мае—июне 1942 года Руденко, после проведения тщательных проверок, направил в ЦК КП(б) Украины и Совнарком УССР подробную информацию о состоянии трудовой дисциплины в угольной промышленности и соблюдении в колхозах Примерного устава сельхозартели. Им были внесены представления народным комиссарам легкой, местной и некоторых других отраслей промышленности об устранении выявленных прокуратурой нарушений режима рабочего времени в условиях войны, а народному комиссару социального обеспечения — о принятии должных мер по выплате пособий членам семей военнослужащих. Возбуждено несколько уголовных дел против должностных лиц, не выполнивших законы по предупреждению эпидемических заболеваний.

Постоянно приходилось выезжать в прифронтовые районы, чтобы налаживать там работу, помогать районным прокурорам. Транспорта почти не было. Прокуроры и следователи добирались до места на попутных машинах, а то и пешком. Остро не хватало квалифицированных кадров. По инициативе Руденко в Ворошиловграде были организованы трехмесячные курсы для подготовки прокурорско-следственных работников. Преподавание на курсах вели работники республиканской прокуратуры, в том числе и сам Роман Андреевич.

Однако вскоре обстановка резко изменилась. Наши войска вынуждены были в конце июля 1942 года оставить территорию Украины. Курсы прервали свою работу. Многие курсанты эвакуировались. Некоторые остались для организации борьбы в тылу врага. Среди последних был и Иван Земнухов, ставший одним из руководителей «Молодой гвардии».

Аппарат прокуратуры республики начал работать на территории РСФСР.

В августе 1942 года Руденко возглавил специальную оперативную группу республиканской прокуратуры, став одновременно исполняющим обязанности прокурора Украинской ССР. В оперативную группу входили: два заместителя прокурора, начальник следственного отдела, помощник прокурора республики и начальник особого сектора. Одновременно были созданы оперативные группы прокуратуры Харьковской области во главе с прокурором Д. Х. Панасюком и прокуратуры Сталинской области во главе с областным прокурором П. Ф. Нощенко.

Виктор Михайлович Бочков родился 11 ноября 1900 в деревне Казимировская Слободка Мстиславского уезда Могилевской губернии в большой крестьянской семье. Получив начальное образование, стал работать на сельскохозяйственном дворе бывшего Пустынского монастыря, превращенного после революции в коммуны.

В 1919 году призван в РККА. Служил красноармейцем в отдельном эскадроне конной разведки особой кавалерийской бригады 15-й армии, сформированной в Смоленске. Воевал на Западном фронте. В 1921 — 1922 годах обучался на Полоцких командных курсах Западного военного округа, получил звание красного командира. После этого проходил службу в Гомеле, затем в Севастополе. В 1924-м стал слушателем Высшей пограничной школы (Москва), затем до 1932 года служил начальником заставы, помощником командира пограничной комендатуры и начальником группы пограничного отряда. С 1932 года Бочков — начальник Киевской зенитно-пулеметной школы ОГПУ, затем командир пехотного отделения 1-го Петергофского пограничного училища.

В 1935 году — курсант Военной академии имени М. В. Фрунзе. После ее окончания получил назначение на должность начальника Главного тюремного управления НКВД СССР, в 1939-м стал начальником 4-го (Особого) отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Участвовал в боях с японцами на Халхин-Голе и в войне с Финляндией.

Указом Президиума ВС СССР от 7 августа 1940 года назначен Прокурором СССР. Обладая политическим чутьем, не имевший юридического образования, Бочков выдержал нужный для руководства страны курс органов прокуратуры. В ноябре 1940 года на большом совещании руководящих работников он выступил с программным докладом. С началом Великой Отечественной войны вся работа органов прокуратуры была подчинена интересам обороны. Приказы и указания нового Прокурора СССР ориентировали прокуроров и следователей на сплоченность, четкость и организованность в работе, соблюдение железной дисциплины. Бочков сумел поставить дело так, что прокурорские проверки проводились в кратчайшие сроки, без бюрократизма и волокиты, а уголовные дела заканчивались в течение нескольких дней.

5 июля 1941 года, без освобождения от обязанностей Прокурора СССР, был назначен членом Военного совета

Северо-Западного фронта и непосредственно возглавил Особый отдел фронта. При Бочкове произошло знаменательное для органов прокуратуры событие: по его предложению Президиум ВС СССР 16 сентября 1943 года принял Указ об установлении прокурорско-следственным работникам классовых чинов и введении для них форменной одежды, чего Бочков добивался не один год.

13 ноября 1943 года по личной просьбе был освобожден от обязанностей Прокурора СССР и назначен начальником Управления конвойных войск НКВД СССР, где прослужил около 8 лет.

В 1951 году он стал заместителем начальника Главного управления лагерей МВД СССР, возглавив управление воензированной охраны. В мае 1959 года вышел в отставку, но еще некоторое время работал в проектно-конструкторских технологических институтах.

Умер 2 августа 1981 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

В 1943 году началось освобождение украинской земли, которое было завершено в октябре 1944 года. Оперативная группа Прокуратуры Украинской ССР, возглавляемая Руденко, с первых же дней освобождения республики занялась восстановлением всех звеньев прокурорского надзора.

Эта работа велась в тесном контакте с органами военной прокуратуры, следователи которой, как и следователи территориальных органов прокуратуры тоже трудились с большим напряжением. В одном «служебном отзыве» того времени на исполняющего обязанности старшего военного следователя И. С. Шрайбер отмечалось, что «с мая 1943 года по октябрь она закончила 64 дела на 79 человек или в среднем 12,8 дела в месяц, ...самостоятельно разыскала и задержала в октябре трех дезертиров».

Правда, не все офицеры военных прокуратур дожили до Дня Победы — 278 человек не вернулись домой...

Уже в начале 1943 года аппарат республиканской прокуратуры возвратился в очищенные от фашистских захватчиков районы Ворошиловградской области. По мере продвижения советских войск на запад прокуратура перебазировалась в районы Харьковской области, а в конце августа 1943 года — и в Харьков.

В марте 1943 года Руденко был присвоен классный чин государственного советника юстиции 3-го класса, а 23 июня того же года он становится прокурором Украинской ССР, сме-

нив Л. И. Яченина. Спустя еще четыре дня Руденко становится государственным советником юстиции 2-го класса, что соответствовало тогда воинскому званию генерал-лейтенанта.

Забот у молодого руководителя прокуратуры крупнейшей советской республики, серьезно пострадавшей от фашистского нашествия, было предостаточно. Он лично возглавил работу по расследованию фактов злодеяний, бесчинства и террора, устроенных на украинской земле против ее мирных жителей нацистами.

Собранный по этому вопросу огромный документальный материал немедленно передавался в созданную Правительством СССР Чрезвычайную государственную комиссию.

Незадолго до освобождения Киева, 4 октября 1943 года, Руденко своим приказом создал специальную группу, перед которой поставил предельно четкую задачу.

В его приказе говорилось: «1. Группе войти в Киев в день его освобождения.

2. Под руководством и при содействии партийных и советских органов обеспечить соблюдение в нем социалистической законности и советского правопорядка».

Член особой оперативной группы прокуроров К. Н. Гавинский вспоминал: «Весь месяц группа находилась в первом эшелоне войск фронта, поддерживая связь с командованием воинских частей. Наконец наступило долгожданное 6 ноября 1943 года, когда Красная армия освободила столицу Украины. В тот день, оставив позади пылающую в огне Дарницю, наша группа вышла к Днепру. Нашли лодку без весел и поплыли по течению, подгребая к правому берегу обломком доски. Нас снесло к разрушенному мосту. По его фермам добрались до берега. Среди руин Крещатика шла узкая тропа. По безлюдным улицам, промокшие и озябшие, но бесконечно счастливые, мы вышли на площадь Калинина...

На следующий же день мы приступили к делу. Прежде всего установили связь с прибывающими в город партийными и советскими работниками. Каждый из нас, возглавив одну из прокуратур района, обязан был немедленно организовать ее деятельность».

10 ноября 1943 года Руденко приехал в освобожденный Киев. Перед работниками прокуратуры он поставил предельно конкретные задачи, связанные с обеспечением в городе и области надлежащего правопорядка. С января 1944 года прокуратура вновь начала постоянно работать в столице Украины.

Гавинский рассказывал автору книги, что Роман Андреевич проявил тогда большие организаторские способности и

умение работать в экстремальных условиях. Был очень доступным для общения руководителем и исключительно трудоспособным человеком. Все вопросы решал быстро, четко и профессионально.

Но кроме работы, конечно, были и другие тревоги. Как и миллионы советских граждан, Роман Андреевич терзался мыслями о своих близких, которых война разметала по стране, о судьбе которых он ничего не знал. О том, что он тогда пережил, дает представление письмо прокурора города Нежина Коробко, написанное в 1943 году в ответ на просьбу Руденко узнать что-то о судьбе его родителей:

«Уважаемый Роман Андреевич!

Согласно Вашей просьбе в отношении выяснения положения ваших родителей сообщаю вам следующее.

Проверкой на месте помощником прокурора города Нежина тов. Кечевой установлено:

Ваш отец и мать в селе не проживают, а ушли в город Киев к своему сыну Николаю, ушли примерно весной в 1943 году.

Ваш отец мадьярами был ранен, но, по рассказам жителей, был излечен, после чего ушел в город Киев.

Сестра Ваша Нина в настоящее время проживает в хуторе Подгойно, до прихода Красной Армии со всей семьей находилась в партизанских отрядах.

Два Ваших брата также были в партизанском отряде, а в настоящее время выехали в город Чернигов.

Все имущество Ваших родителей и надворные постройки сожжены мадьярами.

Это все то, что можно было установить».

Сегодня трудно себе представить, что испытывал Руденко, читая эти не слишком грамотные строки, написанные от руки. Видимо, в Нежинской прокуратуре тогда и пишущих машинок не было...

Но, несмотря ни на что, надо было исполнять свои обязанности.

В начале 1944 года на освобожденной территории Украины уже действовала 321 районная прокуратура. Для оказания помощи в организации и налаживании работы сотрудники аппарата прокуратуры республики сотни раз выезжали в районы. Часто бывал на местах и Роман Андреевич.

В одной из характеристик Руденко этого периода сказано: «Будучи прокурором УССР, товарищ Руденко в сложных условиях работы в освобожденных от оккупации районах су-

мел правильно организовать прокурорскую и следственную работу периферии. Органы прокуратуры УССР в специфических условиях прифронтовой обстановки активно способствовали правительственным органам и военному командованию в выполнении сложных и серьезных задач, стоящих перед ними в деле использования сил и средств для разгрома врага, восстановления народного хозяйства, ликвидации последствий оккупации».

И далее отмечается, что Руденко «своевременно и правильно ориентировал периферийные органы прокуратуры на разоблачение изменников Родины, их сообщников и дезертиров, на организацию надзора за соблюдением социалистической законности, охрану собственности».

Заместитель Прокурора СССР Каховский, подписавший характеристику, говорил, что Руденко «принципиален, настойчив, во взаимоотношениях с работниками выдержан, требователен к себе и подчиненным». Подчеркивались также «оперативность Руденко, его постоянное стремление, несмотря на условия военного времени, к повышению своей квалификации».

Следует заметить, что сразу же после окончания высших курсов и юридической школы Роман Андреевич поступил в экстернат Московского юридического института, чтобы самостоятельно подготовиться к государственным экзаменам, однако закончить его и получить высшее образование ему не довелось.

В начале марта 1944 года состоялась первая, после освобождения основной территории республики, сессия Верховного Совета Украины, посвященная задачам восстановления народного хозяйства республики. На этой сессии выступил и Руденко.

Работавший тогда в центральном аппарате Прокуратуры Украины (впоследствии прокурор республики) Ф. К. Глух так описал свои впечатления:

«В тот период времени Руденко все больше и больше внимания уделял улучшению организации работы во всех звеньях органов прокуратуры, усилению контроля за положением дел на местах, что в условиях неукomплектованности штатов имело решающее значение для обеспечения активной и целеустремленной прокурорско-следственной деятельности».

Сошлюсь на такие данные. В течение апреля—декабря 1944 года, например, работниками центрального аппарата по указанию прокурора УССР было проведено 44 проверки состояния работы в областных прокуратурах по наиболее ак-

туальным вопросам. Были проведены республиканские совещания начальников следственных отделов областных прокуратур, отделов по надзору за органами милиции, гражданско-судебных и других отделов. Руководил их работой и выступал на них Р. А. Руденко.

Он использовал буквально все совещания, любые встречи с работниками, чтобы подчеркнуть важность повышения уровня организации и требовательности за выполнение служебных обязанностей, подчеркивая при этом, что “районные прокуратуры должны быть в центре внимания”.

Особое значение Роман Андреевич придавал укреплению служебной дисциплины. На одном из республиканских совещаний он сформулировал свои требования:

“Вопросы дисциплины в условиях военного времени тем более актуальны и они должны быть поставлены на должную высоту. Мы не можем мириться с расхлябанностью, неповоротливостью, волокитой, с несоблюдением дисциплины и за все это будем строго взыскивать”».

Прокуратура республики трудилась напряженно. Людей не хватало. Прокуратура Союза ССР, другие союзные республики помогали Украине, чем только могли. По состоянию на июнь 1944 года в распоряжение прокурора УССР прибыли около 2 тысяч человек. Но и этого было недостаточно. Вновь по инициативе Романа Андреевича на Украине была развернута широкая сеть краткосрочных юридических курсов. Они были образованы в Харькове, Ворошиловграде, Киеве, Днепропетровске, Одессе, Львове.

В июне 1944 года Руденко провел совещание областных прокуроров освобожденных территорий Украины. Он потребовал от своих подчиненных, чтобы прокурорский надзор в освобожденных районах был направлен на неуклонное соблюдение законности как местными органами власти, так и всеми гражданами, точное выполнение правительственных указаний о восстановлении промышленных предприятий и колхозов, проведении сельскохозяйственных работ, выполнении государственных поставок и налогов, законов о предоставлении льгот семьям военнослужащих и т. п.

Среди важнейших задач он назвал и пресечение преступных проявлений. Более чем двухлетняя немецко-фашистская оккупация, колоссальные разрушения, обнищание населения, ограбленного захватчиками, наряду с оставлением врагом при отступлении своей агентуры, призванной нагнетать обстановку, резко изменили характер и структуру преступности в республике. Больше стало посягательств на государственное, общественное и личное имущество, появилось

значительное число беспризорных и безнадзорных детей, увеличились правонарушения среди несовершеннолетних.

В этих условиях по инициативе прокурора республики возобновились межведомственные совещания. В марте 1944 года в совместном письме прокурора Украинской ССР, военного прокурора 1-го Украинского фронта и военного прокурора Киевского военного округа были даны указания о тесной координации действий военных и территориальных прокуроров по борьбе с преступностью и нарушениями законности.

В работе органов прокуратуры республики по общему надзору с начала освобождения Украины на первый план вышли вопросы охраны прав военнослужащих, членов их семей и инвалидов Великой Отечественной войны. Прокуроры по указанию Руденко осуществляли постоянный надзор за исполнением законов о жилищных льготах и льготах по сельхозналогу, порядке выплаты пенсий и пособий, трудоустройства инвалидов, разрешения жалоб военнослужащих и их родных и т. п. Роман Андреевич всегда остро реагировал на все случаи ущемления прав и законных интересов граждан и не останавливался перед необходимостью предания суду должностных лиц, виновных в халатном и бюрократическом отношении к запросам трудящихся и военнослужащих.

Так, по его инициативе к уголовной ответственности был привлечен инспектор жилищного управления Днепропетровска, по вине которого несколько месяцев не освобождались квартиры возвратившихся из эвакуации семей военнослужащих. А в Черниговской области к двум годам лишения свободы был приговорен инспектор райфинотдела, у которого более трех месяцев пролежали без рассмотрения несколько десятков жалоб граждан.

26 марта 1945 года Роман Андреевич Руденко получил свой первый орден Ленина, которого он был удостоен за «выдающиеся заслуги в деле осуществления социалистической законности и укрепления советского правопорядка».

Война сыграла огромную роль и в судьбе его братьев, которые тоже были весьма незаурядными людьми.

Старший, Иван Андреевич погиб при освобождении Кракова.

Антон Андреевич сражался в партизанском отряде, был ранен, потом работал заместителем прокурора Львовской области. Осуществлял надзор за расследованием по знаменитому делу фашистского палача Ментена.

Николай Андреевич попал в плен и оказался в концлагере Дахау. При росте под два метра он вышел из него с весом в 48 килограммов, никто не думал, что он протянет долго. Но Николай Андреевич выдюжил. Хорошо владел словом, прекрасно разбирался в литературе, опубликовал более 300 статей. Дружил со многими украинскими писателями. В одной из книг, подаренной ему талантливым украинским поэтом Владимиром Сосюрой, последний написал: «Дорогому Николаю Андреевичу Руденко, моему поэтическому брату. 3 января 1961 года. г. Киев».

Федор Андреевич был деканом геологического факультета Киевского государственного университета.

Петр Андреевич работал в Киеве, в органах внутренних дел, потом попал в неприятную историю, закончившуюся увольнением. Однако он не стал просить о заступничестве Романа Андреевича, потому что знал, тот не выносит протекционизма. Он решил действовать по-своему. Во время пребывания Хрущева в Киеве умудрился прорвать оцепление и вручить письмо охране генсека. Хрущев, заметивший сумятицу, поинтересовался, в чем дело. Ему сказали, что человек представился братом Генерального прокурора Руденко и передал письмо. Ознакомившись с письмом и обстоятельствами его увольнения, Хрущев пришел к выводу, что Петра Андреевича следует восстановить в правах. Вскоре его перевели в Москву на работу в спецпрокуратуру, осуществлявшую надзор за режимными и оборонными объектами.

Глава III

ГЛАВНЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ ОТ СССР

Роману Андреевичу Руденко приходилось часто выступать в судах в качестве государственного обвинителя. Судебную трибуну он любил и чувствовал себя на ней уверенно.

С 20 по 22 июня 1945 года Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством В. В. Ульриха рассматривала дело по обвинению генерала Л. Б. Окулицкого и других лиц (всего 15 человек), руководивших польским подпольем, действовавшим в тылу Красной армии. В результате террористической деятельности так называемой Армии Крайовой только с июля 1944 года по май 1945 года было убито и ранено около 500 советских солдат и офицеров. По предложению И. В. Сталина процесс проходил в Колонном зале Дома союзов с широким привлечением как советской, так и зарубежной прессы, с частичной трансляцией по радио. На нем присутствовали дипломаты и корреспонденты из многих стран.

Основным обвинителем был утверждён Главный военный прокурор Н. П. Афанасьев. Когда при обсуждении этого дела Сталин спросил о том, кто будет помогать обвинителю, Афанасьев назвал прокурора Украинской ССР. Сталин с ним согласился.

Роман Андреевич сумел показать себя на этом процессе хорошим оратором, красноречивым, настойчивым, находчивым. Поэтому нельзя считать случайным тот факт, что при определении Главного государственного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе выбор пал именно на него. И надо сразу сказать, он блестяще справился с поставленной перед ним задачей. Участие Руденко в Нюрнбергском процессе — ярчайшая страница его биографии.

НЕОБХОДИМОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Человечество давно научилось судить отдельных злодеев, преступные группировки, бандитские и незаконные вооружённые формирования. Международный военный трибунал

в Нюрнберге стал первым в истории опытом осуждения преступлений государственного масштаба — правящего режима, его карательных институтов, высших политических и военных деятелей. С тех пор прошло более 60 лет...

8 августа 1945 года, через три месяца после победы над фашистской Германией, правительства СССР, США, Великобритании и Франции заключили соглашение об организации суда над главными военными преступниками. Это решение вызвало одобрительный отклик во всем мире: надо было дать суровый урок авторам и исполнителям людоедских планов мирового господства, массового террора и убийств, зловещих идей расового превосходства, геноцида, чудовищных разрушений, ограбления огромных территорий. В дальнейшем к соглашению официально присоединились еще 19 государств, и трибунал стал с полным правом называться Судом народов.

Процесс начался 20 ноября 1945 года и продолжался почти 11 месяцев. Перед трибуналом предстали 24 военных преступника, входивших в высшее руководство фашистской Германии. Такого в истории еще не было. Также впервые был рассмотрен вопрос о признании преступными ряда политических и государственных институтов — руководящего состава фашистской партии НСДАП, штурмовых (СА) и охранных (СС) ее отрядов, службы безопасности (СД), тайной государственной полиции (гестапо), правительственного кабинета, верховного командования и генерального штаба.

Суд не был скорой расправой над поверженным врагом. Обвинительный акт на немецком языке был вручен подсудимым за 30 дней до начала процесса, и далее им передавались копии всех документальных доказательств. Процессуальные гарантии давали обвиняемым право защищаться лично или при помощи адвоката из числа немецких юристов, ходатайствовать о вызове свидетелей, предоставлять доказательства в свою защиту, давать объяснения, допрашивать свидетелей и т. д.

В зале суда и на местах были допрошены сотни свидетелей, рассмотрены тысячи документов. В качестве доказательств фигурировали также книги, статьи и публичные выступления нацистских лидеров, фотографии, документальные фильмы, кинохроника. Достоверность и убедительность этой базы не вызывали сомнений.

Все 403 заседания трибунала были открытыми. В зал суда было выдано около 60 тысяч пропусков. Работу трибунала широко освещала пресса, велась прямая радиотрансляция.

30 сентября — 1 октября 1946 года. Суд народов вынес свой приговор. Обвиняемые были признаны виновными в тяжких преступлениях против мира и человечества. Двенадцать из них трибунал приговорил к смертной казни через повешение. Другим предстояло отбывать пожизненное заключение или длительные сроки в тюрьме. Трое были оправданы.

Были объявлены преступными главные звенья государственно-политической машины, доведенные фашистами до дьявольского идеала. Однако правительство, верховное командование, генштаб и штурмовые отряды (СА), вопреки мнению советских представителей, таковыми признаны не были.

Член Международного военного трибунала от СССР И. Т. Никитченко с этим изъятием (кроме СА), как и оправданием троих обвиняемых, не согласился. Он также оценил как мягкий приговор о пожизненном заключении Гесса. Советский судья изложил свои возражения в Особом мнении. Оно было оглашено в суде и составляет часть приговора.

Летом 2006 года, когда я работал над фильмом «Нюрнбергский набат», заместитель председателя Верховного суда Баварии господин Эвальд Бершмидт признал:

«Сразу после войны люди скептически относились к Нюрнбергскому процессу (имеются в виду немцы). Это все-таки суд победителей над побежденными. Немцы ожидали мести, но не обязательно торжества справедливости. Однако уроки процесса оказались другими. Судьи тщательно рассматривали все обстоятельства дела, они доискивались правды. К смертной казни приговорили виновных. Чья вина была меньше, получили другие наказания. Кое-кто даже был оправдан. Нюрнбергский процесс стал прецедентом международного права. Его главным уроком явилось равенство перед законом всех — и генералов, и политиков».

Да, по отдельным проблемам среди судей трибунала существовали серьезные разногласия. Однако они не идут ни в какое сравнение с противоборством взглядов на одни и те же события и персоны, которое развернется в будущем.

Но сначала о главном. Нюрнбергский процесс приобрел всемирно-историческое значение как первое и по сей день крупнейшее правовое деяние Объединенных Наций. Единые в своем неприятии насилия над человеком и государством народы мира доказали, что они могут успешно противостоять вселенскому злу, вершить справедливое правосудие.

Прекращение противостояния блоков и возникновение в 1990-х годах однополярного мироустройства не добавило ре-

сурсов Организации Объединенных Наций. Некоторые политологи даже высказывают, мягко говоря, очень спорное мнение, что ООН в ее нынешнем виде — устаревшая организация, соответствующая реалиям Второй мировой войны, но никак не сегодняшним требованиям.

Приходится констатировать, что рецидивы прошлого в наши дни во многих странах гулким эхом звучат все чаще и чаще. Мы живем в беспокойном и нестабильном мире, год от года все более хрупком и уязвимом. Противоречия между развитыми и остальными государствами становятся все острее. Появились глубокие трещины по границам культур, цивилизаций.

Возникло новое, масштабное зло — терроризм, быстро выросший в самостоятельную глобальную силу. С фашизмом его объединяет многое, в частности намеренное игнорирование международного и внутреннего права, полное пренебрежение моралью, ценностью человеческой жизни. Неожиданные, непредсказуемые атаки, цинизм и жестокость, массовость жертв сеют страх и ужас в странах, которые, казалось, хорошо защищены от любой угрозы.

В самой опасной, международной, разновидности это явление направлено против всей цивилизации. Уже сегодня оно представляет серьезную угрозу развитию человечества. Нужно новое, твердое, справедливое слово в борьбе с этим злом, подобное тому, что сказал германскому фашизму Международный военный трибунал.

Успешный опыт противостояния агрессии и террору времен Второй мировой войны актуален по сей день. Многие подходы применимы один к одному, другие нуждаются в переосмыслении, развитии.

Не секрет, что популяризаторы фашизма имеют определенное влияние на молодые умы, это таит огромную опасность для будущих поколений.

Время — суровый судья. Оно абсолютно. Будучи не детерминированным поступками людей, оно не прощает неуважительного отношения к вердиктам, которые уже однажды вынесло, — будь то конкретный человек или целые народы и государства. К сожалению, стрелки на его циферблате никогда не показывают человечеству вектор движения, зато, неутомимо отсчитывая мгновения, время охотно пишет роковые письма тем, кто пытается с ним фамильярничать.

Да, порой не такая уж бескомпромиссная мать-история взваливала реализацию решений Нюрнбергского трибунала

на очень слабые плечи политиков. Поэтому и неудивительно, что коричневая гидра фашизма во многих странах мира вновь подняла голову, а шаманствующие апологеты терроризма каждый день рекрутируют в свои ряды все новых и новых прозелитов.

Деятельность Международного военного трибунала нередко называют «нюрнбергским эпилогом». В отношении казненных главарей третьего рейха, распущенных преступных организаций эта метафора вполне оправдана. Но зло, как видим, оказалось более живучим, чем многим это представлялось тогда, в 1945—1946 годах, в эйфории великой Победы. Никто сегодня не может утверждать, что свобода и демократия утвердились в мире окончательно и бесповоротно.

В этой связи напрашивается вопрос: сколько и каких усилий требуется предпринять, чтобы из опыта Нюрнбергского процесса были сделаны конкретные выводы, которые воплотились бы в добрые дела и стали прологом к созданию миропорядка без войн и насилия, основанного на реальном невмешательстве во внутренние дела других государств и народов, а также на уважении прав личности?..

Время не только хоронит секреты, но иногда выдает их, в том числе и через десятилетия. Может быть, автору этой книги повезло больше, чем предшественникам, обращавшимся к истории Нюрнбергского процесса, ибо начиная с 1970 года мне довелось встречаться с Романом Андреевичем Руденко, слушать его выступления, в том числе и воспоминания о Нюрнбергском процессе, которые всегда и везде становились предметом обсуждения. Обо всем, что было связано с Нюрнбергом, о деятельности Руденко мне рассказывали не только его братья — Николай Андреевич и Антон Андреевич, но и другие родственники и ближайшие сподвижники, в том числе непосредственно работавшие под его началом в Нюрнберге. Представленные ими документы и фотографии стали ценным дополнением к фактологической составляющей книги, как и мнения авторитетных российских и зарубежных исследователей.

А теперь, когда сделаны необходимые отступления, вернемся к нашему герою.

Молодого советского прокурора Романа Руденко — ему было тогда всего 38 лет! — в дни Нюрнбергского процесса узнал и услышал весь мир.

Вот что писал о нем бывший руководитель советского секретариата на процессе Аркадий Полтораки в своей книге «Нюрнбергский эпилог»:

«Руденко — высококвалифицированный юрист, человек, от природы щедро наделенный чувством юмора, очень живой собеседник, умеющий понимать и ценить тонкую шутку, он импонировал всем своим партнерам, и они преисполнились к нему чувством глубокого уважения, искренней симпатии. Это, конечно, очень облегчало совместную работу».

В Нюрнберге наряду со следственной группой, подчиненной Руденко (ее возглавлял Г. Н. Александров), работала и специальная следственная бригада Главного управления контрразведки Смерш, которой руководил М. Т. Лихачев. Взаимоотношения этих двух групп нельзя было назвать теплыми. Между ними постоянно возникали трения.

Еще до начала процесса контрразведчики сообщили в Москву о том, что следователь Александров во время предварительных допросов «слабо парирует» на антисоветские выпады обвиняемых, в частности Геринга, Йодля, Кейтеля и других.

Со своей стороны Александров докладывал Прокурору СССР Горшенину о том, что «никаких выпадов» со стороны обвиняемых ни против СССР, ни против него лично не было и просил «пресечь различного рода кривотолки в связи с проводившимися допросами обвиняемых, так как это создаст нервозную обстановку и мешает дальнейшей работе».

Но случались и другие нюансы, которые создавали ненужные проблемы в довольно слаженно работавшем коллективе советской делегации.

Об одном из таких эпизодов поведал бывший помощник Главного обвинителя от СССР Лев Шейнин. Сделал он это в собственноручных показаниях, данных им в тюрьме. Кстати, по его мнению, это была одна из причин, почему органы госбезопасности «стряпали» на него «липу».

Как писал Шейнин, Лихачев с первых же дней появления в Нюрнберге «вызвал к себе отрицательное отношение со стороны всего коллектива, так как был крайне заносчив, абсолютно бездельничал, пьянствовал и развратничал». «И вот дошло до того, — писал Шейнин, — что Лихачев вовлек в сожительство молоденькую переводчицу, проживавшую в одном с нами доме, и она забеременела. Лихачев принудил ее сделать аборт и, найдя немца врача, заставил его произвести операцию, прошедшую неудачно».

По словам Шейнина, эта «уголовщина» переполнила чашу терпения. Руденко сообщил о поведении Лихачева Про-

курору Союза, приехавшему в Нюрнберг. Последний поставил об этом в известность ЦК партии и начальника Смерша Абакумова. Лихачев был отозван из Нюрнберга и посажен на десять суток под арест, а вместо него прислали полковника Сюганова.

Впоследствии, когда в качестве заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР Лихачев занимался делом Еврейского антифашистского комитета, он припомнил Шейнину эту историю и «выбил» на него показания. Лихачев был осужден в декабре 1954 года вместе с Абакумовым и другими руководителями МГБ СССР и расстрелян.

ПОМОЩНИКИ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР

Юрий Владимирович Покровский (1902—1953) — специалист в области права, полковник юстиции. Участник Гражданской войны. Работал в военной прокуратуре и прокуратуре на железнодорожном транспорте. Участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве заместителя Главного обвинителя от СССР. Выступал по разделам обвинения «Агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии» и «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными», участвовал в допросах подсудимых и свидетелей. Далее работал начальником правового отдела советской части Союзнической комиссии в Австрии. Награжден орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

Николай Дмитриевич Зоря (1907—1946) — специалист в области права, государственный советник юстиции 3-го класса. Отца не помнит, мать умерла в 1921 году. Жил в Киеве. В детстве был обучен французскому языку, живописи, игре на фортепиано. После смерти матери беспризорничал, затем попал в детский дом. В 1927 году окончил юридическое отделение факультета общественных наук Московского университета.

Поначалу работал следователем районной прокуратуры в Пятигорске, потом в органах прокуратуры в Тамбове, Воронеже. Затем был назначен на должность заместителя главного прокурора на железнодорожном транспорте.

Отличительные черты Н. Д. Зори — принципиальность, точность и предельная честность.

С начала Великой Отечественной войны служил в действующей армии помощником, а затем заместителем прокурора

ра фронта, прокурором армии. Участвовал в Керченско-Феодосийской, Сталинградской, Орловско-Курской операциях. В августе 1944 года он был назначен советником по правовым вопросам Н. Булганина, возглавлявшего советское представительство при польском комитете национального освобождения. Это было сложное время Варшавского восстания, стоившее Зоре сильнейшего психологического напряжения. Он вышел в отставку и год оставался без работы. В мае 1945 года его назначили помощником Прокурора СССР, а 28 декабря 1945 года направили в Нюрнберг помощником Главного обвинителя от СССР. Грамотный юрист и великолепный оратор, он произнес речи по разделам обвинения «Агрессия против СССР» и «Принудительный труд и угон в фашистское рабство», участвовал в допросах свидетелей.

22 мая 1946 года произошла трагедия. Н. Д. Зоря был найден мертвым в своем номере. По поводу его смерти существует несколько версий, официальная — неосторожное обращение с оружием. Ее пока никто доказательно не опроверг. Его сын, Юрий Николаевич Зоря, при жизни высказывал автору этой книги сомнения по поводу причин кончины отца. Он считал, что в свое время они не были тщательно исследованы.

Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Марк Юрьевич Рагинский (1903—1991) — известный юрист, государственный советник юстиции 2-го класса, доктор юридических наук. В 1923 году начал работать следователем в органах прокуратуры Петроградской губернии, затем в Гомеле, Ленинграде, Ростове-на-Дону и Москве. В 1934 году назначен прокурором отдела в Прокуратуру СССР.

Затем он — следователь, следователь по важнейшим делам, помощник Прокурора СССР.

Во время Великой Отечественной войны руководил оперативной группой прокуратуры по контролю за производством боеприпасов. В мае 1942 года назначен уполномоченным Государственного комитета обороны на один из уральских заводов Наркомата боеприпасов. Объемы выпуска продукции на предприятии постоянно росли, а рабочих не хватало. Для пополнения кадров Рагинский использовал свои прокурорские полномочия. «Мне было известно, что на территории области отбывают наказание лица, осужденные за самовольный уход с предприятий, — вспоминал он. — В течение нескольких дней вместе с работниками областной прокуратуры мы ознакомились с материалами на этих осужденных, со многими из них побеседовали. Получив по теле-

фону разрешение Прокурора СССР В. М. Бочкова, я отобрал несколько сотен человек, приостановил в отношении их исполнение приговора и направил их на завод. Эти люди самоотверженным трудом искупили свою вину, в установленном порядке были помилованы, а по окончании войны многие из них награждены орденами и медалями».

В военное и послевоенное время участвовал в подготовке и проведении судебных процессов над фашистскими преступниками и их пособниками. Был помощником Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе. Выступал по разделам обвинения «Ограбление и уничтожение культурных ценностей», «Разрушение и уничтожение городов и сел», допрашивал свидетелей. С 1950 года работал во Всесоюзном институте юридических наук, с 1963 года — во Всесоюзном институте проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР. С 1968 года — доктор юридических наук, профессор.

Автор около двухсот научных работ и многих книг. Среди них: «Ни давности, ни забвения...», «Милитаристы на скамье подсудимых (по материалам Токийского и Хабаровского процессов)», «Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника».

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Красной Звезды и «Знак Почета».

Лев Николаевич Смирнов (1911—1986) — видный юрист, государственный и общественный деятель. Начал трудиться с 15 лет — сотрудник молодежной газеты, лектор, инспектор-методист отдела культурно-просветительной работы Ленинградского горисполкома.

С 1934 года работал в органах прокуратуры. Занимал должности старшего следователя Ленинградской областной и Мурманской окружной прокуратур, прокуратуры Петроградского района Ленинграда, старшего следователя-методиста Ленинградской городской прокуратуры.

С 1941 года на фронте — следователь военной прокуратуры. В 1943 году переведен в аппарат Прокуратуры СССР — следователь по важнейшим делам, прокурор следственного отдела, прокурор для особых поручений при Прокуроре СССР.

Выполнял специальные поручения по расследованию и поддержанию обвинения по ряду дел о злодеяниях фашистских захватчиков, в частности в качестве государственного обвинителя выступал на Смоленском процессе. Участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве помощника Главного обвинителя от СССР. Представлял доказательства по разде-

лам обвинения: «Преступления против мирного населения», «Преступления против человечности», а также о преднамеренном убийстве 50 пленных офицеров британских воздушных сил, расстрелянных после неудачного побега из концлагеря.

Л. Н. Смирнов был заместителем советского обвинителя на процессе в Токио над главными японскими военными преступниками, поддерживал государственное обвинение на Хабаровском процессе, который осудил японских милитаристов, виновных в подготовке бактериологической войны.

С 1957 года Л. Н. Смирнов — заместитель председателя Верховного суда СССР. С 1962 года — председатель Верховного суда РСФСР. В 1972—1984 годах он возглавлял Верховный суд СССР.

Входил в Советский комитет защиты мира, был членом совета Международной ассоциации юристов-демократов, председателем Ассоциации советских юристов.

Награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды. В 1981 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Дмитрий Степанович Карев (1908—1972) — специалист в области права, доктор юридических наук, полковник юстиции. На юридическом факультете МГУ преподавал курс судопроизводства и уголовного процесса. Автор учебников и учебных пособий для студентов и практиков. На Нюрнбергском процессе был помощником Главного обвинителя от СССР. Ведал документальной частью обвинения, докладывал на заседаниях суда порядок представления доказательств. Автор брошюры «Нюрнбергский процесс».

Лев Романович Шейнин (1906—1967) — специалист в области права, опытный прокурорский работник, государственный советник юстиции 2-го класса, писатель и драматург. Родился 12 марта 1906 года в поселке Брусованка Велижского уезда Витебской губернии в семье служащего. В 1921—1923 годах учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова.

С 1923 года по комсомольской мобилизации работал следователем в органах прокуратуры Орехово-Зуева, Москвы, Ленинграда. С 1935 года — начальник следственного отдела Прокуратуры СССР.

На способного молодого работника обратило внимание руководство. Тогдашний Прокурор Союза ССР Акулов (позднее один из подследственных Шейнина) по рекомендации Вышинского взял его с собой в Ленинград, где проводилось

расследование убийства С. М. Кирова. Поскольку следствие «вершил» лично Сталин со своими подручными Ягодой, Ежовым, Аграновым, роль Акулова была там второстепенной, а уж Шейнина — тем более. Тем не менее участие в этом деле дало ему возможность выдвинуться — скоро он стал правой рукой Прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского. Видимо, это и спасло Шейнина от участи многих прокуроров, попавших в жернова сталинских репрессий конца 1930-х годов. То и дело «ставили к стенке» то одного, то другого очередного «заговорщика» — неудивительно, что имя Льва Шейнина тоже фигурировало в некоторых протоколах допросов. Но ход этим показаниям сразу почему-то не дали.

Следственным отделом Прокуратуры Союза ССР Шейнин руководил более 12 лет и слыл большим спецом по политическим делам.

С октября 1945 года принимал участие в работе Нюрнбергского трибунала, был помощником Главного обвинителя от СССР. Выступал по разделу обвинения «Разграбление и расхищение государственной, частной и общественной собственности». Участвовал в освещении процесса в печати.

Благосклонность к нему власть предрежащих была поразительна — правительственные награды, в том числе орден Ленина, заграничные командировки (даже во время войны!), материальное благополучие. Возможно, дело было в том, что кто-то из сотрудников госаппарата высших партийных органов высоко ценил его писательский талант. Его имя было широко известно, особенно в начале 1950-х годов. Тогда у нас практически не печатали детективную литературу — ни Агату Кристи, ни Жоржа Сименона, — поэтому его непритязательные «Записки следователя» стали очень популярными. Он писал пьесы (в соавторстве с братьями Тур), киносценарии, ставил спектакли. Знаменитый фильм «Встреча на Эльбе» принес ему Сталинскую премию.

Он был вхож в тогдашние «звездные круги» — вращался среди писателей, артистов, художников, ученых, спортсменов, политиков. Гонорары получал немалые — хватило и на машину «победа», доступную для немногих избранных, и на двухэтажную дачу в Серебряном бору, и на богатый гардероб. Образ жизни вел довольно свободный, хотя был женат. Меж московских интеллектуалов после войны ходила стихотворная байка: «На берегах литературы пасутся мирно братья Туры, и с ними, заводя амур, Лев Шейнин из прокуратуры».

Тучи над его головой начали сгущаться в конце 1940-х годов. В 1949 году его освобождают от должности, не объяс-

няя причин. Обещали поставить директором Института криминалистики, но назначение так и не состоялось. Шейнин выжидает, сидя дома, занимается литературой, но почту зондирует постоянно. Наверняка он знал, что ему грозит — на одной из вечеринок подвыпивший сотрудник «органов» сболтнул: «Эх, Лева, Лева, старый уголовник, умная у тебя башка, но все же мы за тебя взялись». Незадолго до ареста то же самое он услышал от знакомого драматурга — один из сотрудников госбезопасности посоветовал тому держаться подальше от Шейнина, «которого скоро посадят».

В то время, особенно после гибели Михоэлса, власти усиленно будировали так называемый еврейский вопрос. Для того чтобы его раскрутить, следовало найти «заговорщиков». Шейнин оказался очень кстати — прокурор, писатель, он имел весьма обширные связи в еврейской среде. К тому же все знали, что хитрый и осторожный Шейнин был изрядно труслив. Не было секретом, что этот «любитель ночных бдений» сам панически боялся допросов с пристрастием. По свидетельству знакомых, человеком он был нестойким, ненадежным, способным изменить взгляды и привязанности в любой момент.

Его арестовали 19 октября 1951 года. В постановлении на арест указывалось: «Шейнин изобличается в том, что, будучи антисоветски настроен, проводил подрывную работу против ВКП(б) и Советского государства. Как установлено показаниями разоблаченных особо опасных государственных преступников, Шейнин находился с ними во вражеской связи и как сообщник совершил преступления, направленные против партии и советского правительства». Арест санкционировал Генеральный прокурор Союза ССР Г. Н. Сафонов.

В дальнейшем прокуратура принимала участие в этом деле чисто символически — с ее стороны было лишь ежечасное продление срока ареста и один-два допроса, учиненных помощником военного прокурора. Можно сказать, что Прокуратура СССР бросила на произвол судьбы своего сотрудника, отдавшего следственной работе 27 лет жизни. Сам Шейнин связывал все происшедшее с происками Абакумова, хоть тот и сам уже находился в тюрьме. В конце 1949 года Шейнин со своей командой занимался расследованием причин пожара на даче Ворошилова и установил халатность органов безопасности, отдав виновных под суд. После этого Абакумов не раз отпускал в адрес Шейнина невнятные угрозы и намеки.

Дело Шейнина тянулось два года — другие, даже гораздо более сложные, заканчивались гораздо быстрее. Допросы

перемежались очными ставками, дело пухло и к концу насчитывало уже семь солидных томов. Семь старших следователей МГБ по особо важным делам принимали в нем участие. Шейнину пришлось выдержать около 250 допросов, в основном ночных, во время которых его шантажировали, оскорбляли, грозили побоями. За «провинности» лишали прогулок, книг, передач. Больше года ему пришлось пробыть в одиночке, шесть дней его продержали закованным в наручники. К концу следствия, по его словам, запас «нравственных и физических сил был исчерпан».

В первый год ведения дела усиленно раскручивался так называемый еврейский заговор. Шейнин тогда «выдал» всех и вся. Эренбург, братья Тур, Штейн, Крон, Ромм, Б. Ефимов, Н. Рыбак — все они якобы вели с ним «националистические» беседы. Вот типичный образчик стиля его показаний: «Эренбург — это человек, который повлиял, может быть в решающей степени, на формирование у меня националистических взглядов». Он обвинял Эренбурга в разговорах о том, что «в СССР миазмы антисемитизма дают обильные всходы и что партийные и советские органы не только не ведут с этим должную борьбу, но, напротив, в ряде случаев сами насаждают антисемитизм», что советская пресса замалчивает храброе поведение евреев во время Великой Отечественной войны, что к евреям отношение настроенное и т. д.

Задачей следователей было расширить круг подозреваемых «еврейских националистов», поэтому от Шейнина требовали показаний даже на Утесова, Блантера, Дунаевского, Шостаковича. В своем письме министру госбезопасности Игнатьеву Шейнин писал: «Следователь пошел по линии тенденциозного подбора всяческих, зачастую просто нелепых данных, большая часть которых была состряпана в период ежовщины, когда на меня враги народа... завели разработку, стремясь меня посадить как наиболее близкого человека А. Я. Вышинского, за которым они охотились». Другое письмо он отправил на имя Л. П. Берии: «...Вымогали также от меня показания на А. Я. Вышинского».

Впрочем, Шейнин и сам «топил» многих своих сослуживцев. Когда следователь спросил, все ли он рассказал о своей «вражеской» работе против Советского государства, он заявил: «Нет, не все. Мне нужно еще дополнить свои показания в отношении преступной связи с работниками Прокуратуры СССР Альтшуллером и Рагинским». Называл он и других людей, например прокурора Дорона, профессоров Швейцера, Шифмана, Трайнина.

Безусловно, прессинг он испытывал сильный — и физический, и психологический. Но даже запрещенными приемами следствия нельзя объяснить изощренное смакование им подробностей личной жизни своих знакомых, приведенные в многостраничных протоколах, — вплоть до предметов женского туалета, оставленных в кабинете начальника после визита некоей дамы. Жизнь своих соавторов братьев Тур он тоже «живописал» весьма подробно. Конечно, следователей очень занимала вся эта «клубничка», но все же они больше интересовались наличием предполагаемого «подполья» в еврейской среде. Через год «еврейский вопрос», видимо, перестал волновать следователей и они взялись за шпионскую версию. В протоколах появились вопросы о его связи с «загранкой», но здесь Шейнин был непоколебим — свою вину в шпионаже и измене Родине отрицал начисто. Шейнин не возлагал надежд на то, что Прокуратура СССР поможет ему вырваться из тюрьмы. Поэтому он пошел путем, казавшимся ему наиболее эффективным — стал писать заявления лично первым лицам государства: Сталину, Берии, Игнатьеву, Поскребышеву и другим. В письме Сталину, написанному в июле 1952 года, Шейнин сообщал: «У меня нет чувства обиды за свой арест, несмотря на перенесенные физические и нравственные страдания. Скажу больше: тюрьма помогла мне многое осознать и переоценить. И если мне вернут свободу, этот процесс нравственного очищения и глубокого самоанализа даст мне как писателю очень многое. Слишком легко мне раньше удавалась жизнь».

После смерти Сталина многие дела стали прекращаться, но Льва Романовича продержали в тюрьме еще более восьми месяцев. Он резко изменил свои показания, многое из сказанного стал отрицать. Писал многостраничные заявления руководству МВД: «Я “признавал” факты, в которых нет состава преступления, что я всегда могу доказать. Следователей же в тот период интересовали не факты, а сенсационные “шапки” и формулировки. Чтобы сохранить жизнь и дожить до объективного рассмотрения дела, я подписывал эти бредовые формулировки, сомнительность которых очевидна... Я не перенес бы избиений».

Дело было прекращено только 21 ноября 1953 года. Старший следователь следственной части по особо важным делам МВД СССР подполковник Новиков вынес постановление об освобождении Шейнина из-под стражи, его утвердил министр внутренних дел С. Круглов. Так закончилось затяжное следствие.

Бывший председатель Верховного суда СССР А. А. Волин рассказывал автору этой книги о своей встрече с Шейниным после освобождения. Волин пригласил его в свой кабинет и спросил: «Ну что, тебе там крепко досталось?» — «Да нет, меня не били», — ответил он. «Мне сказали, — продолжал Волин, — что ты признался уже в машине, по дороге в МГБ». — «Нет, — сказал Шейнин, — это было не так». — «Но ты же признавался?» — настойчиво добивался Волин. «Я действительно что-то такое признавал, я боялся избияения», — уклончиво отвечал осторожный Лев Романович.

А вот названный им прокурор Дорон после освобождения приходил в прокуратуру и рассказывал своим близким друзьям-коллегам, как его во время допросов били по ягодицам пряжкой солдатского ремня и издевательски приговаривали: «Вот тебе материальное право! А вот процессуальное!»

С 1950 года Шейнин занимался только литературной работой. Выступил организатором движения «Явка с повинной».

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Иона Тимофеевич Никитченко (1895—1968) — деятель советской военной юстиции, генерал-майор. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Председателем военного трибунала стал в годы Гражданской войны. Занимал руководящие посты в судебных органах СССР, неоднократно избирался членом Верховного суда СССР.

В июне 1945 года возглавлял советскую делегацию на переговорах в Лондоне о создании Международного военного трибунала, участвовал в выработке его устава. Как представитель СССР входил в число членов Нюрнбергского суда.

Среди судей пользовался большим уважением. На процессе его называли «судьей жесткого курса». И. Т. Никитченко корректно, но решительно пресекал попытки подсудимых и их адвокатов извращать истину, задавать свидетелям наводящие вопросы, представлять сомнительные доказательства, затягивать процесс.

Выступал за наказание военных преступников в полную меру их доказанных злодеяний. В Нюрнберге выступил с Особым мнением, касающимся оправдания Шахта, Папена, Фриче, неприменения смертной казни к Гессу, непризнания преступными организациями гитлеровского правительства, верховного командования и генерального штаба вермахта.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Александр Федорович Волчков (1902—1978) — специалист по международному праву, подполковник юстиции. Занимал должности следователя, прокурора. С 1931 года работал в Наркомате иностранных дел, в годы войны — в Наркомате юстиции. На Нюрнбергском процессе был заместителем члена трибунала от СССР, получил признание как квалифицированный и принципиальный юрист. В 1960—1970-х годах возглавлял Инюрколлегия. Занимался преподавательской деятельностью, написал ряд работ по международному праву.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета».

СЛЕДСТВЕННАЯ ГРУППА ПРИ ГЛАВНОМ ОБВИНИТЕЛЕ ОТ СССР

Георгий Николаевич Александров (1902—1979) — специалист в области права, опытный прокурорский работник, государственный советник юстиции 3-го класса. Участник Гражданской войны. С 1934 года работал в Прокуратуре СССР на ответственных должностях. С сентября 1945 года был в составе следственной группы при Главном обвинителе от СССР. В ходе процесса допрашивал Шахта, Шираха, Заукеля, свидетелей. В дальнейшем много занимался организацией розыска и осуждения скрывающихся нацистских преступников.

Г. Н. Александров являлся ученым секретарем Научно-методического совета при Прокуратуре СССР. Ему принадлежат многие публикации по вопросам уголовного права и криминалистики. Он автор книги «Нюрнберг вчера и сегодня» и других произведений, разоблачающих преступления нацистов. В 1971 году он подарил Руденко свою книгу с надписью: «Роману Андреевичу Руденко на память о незабываемых нюрнбергских днях, таких уже далеких и близких».

Георгий Николаевич оставил о себе добрую память. Татьяна Дмитриевна Петрова, в настоящее время работающая начальником первого отдела Генеральной прокуратуры Российской Федерации, рассказывала мне, что когда в 1972 году она начала трудиться в Секретариате Р. А. Руденко, ей посчастливилось познакомиться с Александровым. «Он жил на Ленинградском шоссе и часто заходил в прокуратуру — участвовал в работе действующей тогда в прокуратуре группы по выявлению и расследованию материалов о нацистских преступниках, — вспоминает она. — Прошло более 30 лет как закончилась война, но письма из Германии и других стран

приходили и приходили на его имя. Я с большим удовольствием выполняла его поручения, печатала, регистрировала, отправляла письма.

Георгий Николаевича в аппарате знали все и он многих знал лично. Добрый, мягкий, интеллигентный человек высокой культуры и больших знаний. Он проявлял внимание и живой интерес к каждому человеку независимо от положения и возраста. Особенно он любил молодежь. Охотно откликался на наши просьбы, приходил к нам на комсомольские вечера, интересовался учебой. Когда он входил в Секретариат, все оживало. Я не помню, чтобы он приходил “с пустыми руками”, всегда приносил что-то к чаю. Георгий Николаевич обладал тонким чувством юмора, мимоходом сказанное им доброе слово поднимало настроение. Вспоминаются его рассказы о Гражданской войне, Первой Конной армии, в дальнейшем о следственной работе, о нацистских преступниках. Георгий Николаевич был знаток театра, литературы. Слушать его можно было часами.

Однажды я провожала его домой и на троллейбусной остановке, на улице Горького к нам подошел статный пожилой человек с необыкновенным бархатным голосом. Это был народный артист СССР А. П. Кторов. Они тепло поздоровались, обнялись. Георгий Николаевич дружил со многими знаменитостями, но никогда не хвастался этим, не ставил себе в заслугу. Я спрашивала, не собирается ли он написать воспоминания. Он отшучивался.

Приходится сожалеть о том, что память не сохранила многое из услышанного, но главное остается в сердце — это добрая память о светлом человеке».

Александров Г. Н. награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени.

Николай Андреевич Орлов (1908—1970) — специалист в области права, государственный советник юстиции 3-го класса. С 1933 года работал в органах прокуратуры. На Нюрнбергском процессе входил в состав следственной группы при Главном обвинителе от СССР. В дальнейшем плодотворно трудился в сфере прокурорского надзора за исполнением законов и постановлений по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и правонарушениями среди несовершеннолетних. Награжден орденом «Знак Почета».

Сергей Каспарович Пирадов (1893—1974) — специалист в области права, полковник юстиции. С 1923 года работал в органах прокуратуры. Занимал ответственные должности в военной прокуратуре и прокуратуре на железнодорожном транс-

порте. На обоих участках внес заметный вклад в укрепление законности и правопорядка. Участвовал в работе Международного военного трибунала в Нюрнберге в составе следственной группы при Главном обвинителе от СССР. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды.

Соломон Яковлевич Розенблит (1897—1969) — специалист в области права, кандидат юридических наук, полковник юстиции. Участник Гражданской войны. Работал военным следователем. С 1929 года — военный прокурор. С 1941 года — на руководящих должностях в Главной военной прокуратуре. На Нюрнбергском процессе входил в следственную группу при Главном обвинителе от СССР. В 1946 году был помощником заместителя обвинителя от СССР на Токийском процессе над японскими военными преступниками. С 1950 года — научный сотрудник Института криминалистики Прокуратуры СССР. Автор научных трудов и практических пособий для юристов.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени.

КОНСУЛЬТАНТ

Арон Наумович Трайнин (1883—1957) — специалист в области права, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор МГУ. Во время Нюрнбергского процесса был консультантом советской делегации. Автор монографий, книг, статей по проблемам ответственности нацистских военных преступников.

Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Говоря о деятельности советской делегации на Нюрнбергском процессе, нельзя опять не вспомнить Вышинского, занимавшего в то время пост заместителя наркома иностранных дел СССР. Союзники хорошо его знали и были уверены, что именно он приедет в Нюрнберг в роли Главного обвинителя от СССР. Но Сталин решил по-другому. Он считал, что Вышинский должен руководить советской делегацией из Москвы.

Здесь была создана комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по организации и руководству Нюрнбергским процессом и ее своеобразный исполнительный орган во главе с Вышинским. В него входили прокурор Союза ССР К. Т. Горшенин, председатель Верховного суда СССР И. Г. Голяков, нарком юстиции СССР Н. М. Рычков и три заместителя Л. П. Берии — В. Ф. Абакумов, Б. Р. Кобулов и В. Н. Меркулов.

Однако даже комиссия Политбюро не была последней инстанцией. Принятие ключевых решений было исключительной компетенцией И. В. Сталина. Косвенно об этом позволяет судить журнал записи лиц, посещавших его кремлевский кабинет. Например, в 1945 году Вышинский был у вождя 60 раз. Для сравнения: ровно столько в том же году приглашался к генералиссимусу начальник Генерального штаба А. И. Антонов. А, скажем, Г. К. Жуков в 1945 году встречался с верховным главнокомандующим лишь 11 раз.

Беседы Сталина с Вышинским были обстоятельными и нередко длились по два часа и более. Иногда Андрей Януарьевич заходил к вождю дважды в сутки.

Журнал посетителей дает представление о составе участников совещаний. Например, 6 января 1946 года с восьми до девяти часов вечера у Сталина были Прокурор СССР К. Т. Горшенин, Р. А. Руденко, Г. М. Маленков, А. А. Жданов, Л. П. Берия, В. М. Молотов. Неделью спустя, 13 января, к вождю одновременно зашли министр юстиции Н. М. Рычков, К. Т. Горшенин, Р. А. Руденко, В. М. Молотов, Л. П. Берия, А. А. Жданов, А. И. Микоян.

В том же 1946 году Молотов, Маленков, Жданов, Микоян, Берия, а также Вышинский и Деканозов совещались у Сталина 5 и 19 апреля, 17 мая, 13 июня, причем 17 мая заседание длилось почти четыре часа.

Всё говорит о том, что Сталин уделял Нюрнбергскому процессу огромное внимание.

Вскоре после того как в Лондоне 8 августа 1945 года в торжественной обстановке произошло подписание соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников и учреждении Международного военного трибунала, начал свою работу Комитет главных обвинителей по подготовке процесса. От Советского Союза — Роман Андреевич Руденко, от США — Роберт Джексон, от Великобритании — генеральный прокурор сэра Хартли Шоукросс, от Франции — Ф. де Ментон, позже на процессе его заменил Ш. де Риб.

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

Роберт Хаурт Джексон (1892—1954) — видный специалист в области права, государственный деятель. Родился 13 февраля 1892 года в штате Пенсильвания. В 1913 году занялся частной юридической практикой в Джеймстауне, штат

Нью-Йорк, и довольно быстро стал заметной фигурой в нью-йоркских апелляционных судах. Отличался независимостью и прямоотой суждений.

В 1934—1938 годах — генеральный советник департамента налогов и сборов, помощник министра юстиции США. Поддерживая политику президента Рузвельта, активно проводил антимонопольные мероприятия. С 1938 года — заместитель министра юстиции. В январе 1940 года назначен министром юстиции и помощником президента Рузвельта. Джексон становится популярной фигурой. Пресса называла его в числе возможных кандидатов в президенты. С июля 1941 года — член Верховного суда США.

Джексон возглавлял делегацию США на встрече союзников в Лондоне по созданию Международного военного трибунала. В Нюрнбергском процессе участвовал как Главный обвинитель от США. В ходе заседаний занимал активную позицию, демонстрировал четкие представления о правосудии и справедливости.

Джексон предупреждал, что никакие судебные процессы не обезопасят человечество, если в новых условиях будет проводиться старая политика в германском вопросе. Во вступительной речи на процессе, произнесенной 21 ноября 1945 года, он отметил: «Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злы и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся».

Вот что рассказывал на проходившей в ноябре 2006 года в Москве научной конференции, посвященной Нюрнбергскому процессу, известный американский правовед, профессор Джон К. Барретт:

«С учетом того факта, что эта важная конференция проводится в Москве, кажется целесообразным особенно выделить некоторые аспекты взаимоотношений судьбы Джексона с его советскими союзниками и коллегами, как с прокурорами, так и с судьями в ходе Нюрнбергского процесса.

Будучи в Лондоне, Джексон встретился со своими советскими коллегами, главным образом с генералом Ионой Никитченко и профессором Ароном Наумовичем Трайниным, представляющих политико-правовую систему, которая в корне отличалась от его собственной и полученного военного опыта. Он считал их, без сомнения, талантливыми и уважаемыми союзниками. Джексон практически сразу понял, что представители Советского Союза, находясь в Лондоне, не имели той огромной власти и полномочий, которые бы-

ли у него. Их выжидательная позиция, которую они часто занимали, была связана, как казалось Джексону, с ожиданием инструкций из Москвы. У них также были иные представления по фундаментальным вопросам — положение СССР о том, что суд — это согласованное наказание и желание СССР проводить процесс в секторе оккупированной Германии, контролируемом этой страной, — эти два принципиальных вопроса вызвали основные разногласия и споры. Но спор имел место, и Джексон относился к этому как к реальной и иногда удивляющей информации. Например, позже Джексон писал, что «испытал нечто наподобие шока... услышав, как российская делегация отзывается о нашей англо-американской практике [обвинения], считая ее несправедливой по отношению к подсудимым. Они приводили следующий довод: мы предъявляем обвинения в общих чертах и затем представляем доказательства на суде. Их подход требует, чтобы при предъявлении обвинения обвиняемому были предоставлены все доказательства, использованные против него, как документы, так и показания свидетелей. Обвинительный акт в такой форме превращается в доказательственный документ. Таким образом, три судебных разбирательства становятся не столько делом изложения доказательств обвинительного акта, сколько попыткой подсудимого опровергнуть доказательства, изложенные в обвинительном акте. Таким образом, они полагают, что... англо-американская система права кажется им несправедливой, так как она не дает подсудимому представления о полном объеме доказательств, собранных против него. Когда мы представляем их в суде, то многие могут быть удивлены и, возможно, не смогут адекватно отреагировать, поскольку слишком поздно предпринимать какие-либо действия. Считается, что наш подход превращает уголовное судопроизводство в игру. В этой критике определенно есть рациональное зерно».

Джексон полагает, что состоявшееся в Лондоне соглашение по-настоящему объединяет и моделирует доброе международное сотрудничество, которое могло бы служить альтернативой опасности годам «холодной войны», имевшим место после Нюрнберга.

В ходе Нюрнбергского процесса взаимоотношения между США и СССР были сложными, но в общем успешными. Четыре главных обвинителя, включая судью Джексона и генерала Романа Руденко, встречались регулярно и, хотя ответственность за различные аспекты дел была поделена между нациями, они часто проводили консультации и со-

трудничали по вопросам, представляющим интерес для обвинения. Как считает Джексон, между обвинителями, в частности им самим и со стороны СССР, установилась приятная взаимосвязь. Одним из удовольствий была музыка, включая концерты в исполнении немецких музыкантов и пение американских рождественских гимнов.

У представителей США и СССР также были моменты и темы, которые вызвали напряжение в ходе Нюрнбергского процесса, например убийство советского солдата недалеко от «Гранд-отеля» в Нюрнберге, совершенное, возможно, американцами, которое никогда не было раскрыто и терзало Руденко на протяжении многих месяцев.

Несмотря на просьбу Джексона, высказанную при встрече с заместителем министра иностранных дел Андреем Вышинским не обсуждать дело, последний произнес тост на ужине союзников о том, что перспектива для каждого подсудимого следующая: «Путь прямо из здания суда в могилу», что привело в замешательство Джексона и других американцев.

Однажды армия США с разрешения Джексона захватила советский самолет и арестовала его экипаж, поскольку он приземлился без объявления, как делали многие и многие советские самолеты, несмотря на протесты и просьбы США. В атмосфере победы многие считали, что позволено все. Руденко не успокоился, пока летчики не были освобождены. Но добился и того, что поведение наших летчиков в американском воздушном пространстве за пределами Нюрнберга изменилось к лучшему. В другой раз Руденко уже выручил Джексона, когда однажды зимним вечером американские солдаты вытащили из советского грузовика, который доставлял к зданию суда захваченные документы нацистов, и сожгли их, чтобы согреться. «Сожженные бумаги не представляли особой важности, и мы можем забыть об этом инциденте», — заявил Руденко раздосадованному Джексону.

В целом отношения между ними оставались довольно-таки хорошими. Джексон понимал, что его талантливые и порядочные советские коллеги — несвободные люди. Например, на одном мероприятии представители СССР настояли на том, чтобы пригласить «переводчика» более низкого уровня по фамилии Разумов на обед, устроенный в доме Джексона в Нюрнберге. Американцы, да и сам Джексон, пришли к выводу, что на самом деле эта личность командует представителями СССР вплоть до самого Руденко (Разумов позже сказал некоторым американцам, что он связан с

советским тайным отделом). Представители СССР действовали в рамках советской системы и являлись ее частью. Джексон считал, что каждый из них — союзник, но находится под контролем СССР. Наконец, один из штатных сотрудников СССР намекнул Джексону о своем желании посетить США, но добавил, что он никогда не оставит свою семью в Советском Союзе.

В конечном счете Джексон работал с представителями СССР и симпатизировал им, и эти месяцы были для него ближе и сложнее, чем целый год. И он уважал заключительное заявление Советского Союза, сделанное на Нюрнбергском процессе: «Несогласие представителей СССР с оправданием Шахта, фон Папена и Фриче и то, что нам не удалось объявить генералитет и верховное командование преступниками, является сдержанным, но значимым мнением, которое не только не ослабляет, но подтверждает правовые принципы, изложенные в приговоре Трибунала».

Тогда, в ноябре 2006 года на этой же научной конференции, проходившей в Российской академии наук, я сделал доклад о роли Р. А. Руденко в Нюрнбергском процессе. После доклада Барретт подошел ко мне, подарил книгу о Джексоне и сказал, что Джексон всегда очень хорошо отзывался о Руденко. Они прекрасно понимали друг друга и быстро находили общий язык по решению ключевых вопросов. Наверное, отметил он, это происходило потому, что оба они свой профессиональный путь начали с самого низа. Многие повидали и хорошо знали, что такое жизнь и что такое жить на свете стоит.

НЕОБХОДИМОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Хочется сделать еще одно отступление, которое поможет более верно расставить все точки над «i». Не стоит думать, что решение о проведении процесса родилось быстро и что у него не было противников.

Действуя по детально проработанным сатанинским планам, фашисты с первых дней войны достигли предела жестокости и варварства в обращении с военнопленными и мирным населением. Массовые убийства ни в чем не повинных людей, отправка граждан в рабство, ограбление огромных территорий были обычной практикой. Наш народ поднялся на справедливую и священную войну с отчетливым желанием избавить себя и мир от абсолютного зла — «коричневой чумы» фашизма.

Сведения о чудовищных зверствах нацистов быстро стали достоянием общественности. Весь мир с нарастающим ужасом наблюдал за происходящим в странах, подвергшихся нашествию. Предложения о строгом наказании военных преступников стали нормальной человеческой реакцией на жуткие и омерзительные деяния.

Они исходили не только от общественности. Уже на первой стадии войны начались действия на государственном уровне. 27 апреля 1942 года Правительство СССР вручило послам и посланникам всех стран ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления».

2 ноября 1942 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».

Комиссия собрала множество материалов, уличающих гитлеровцев в уничтожении миллионов мирных жителей, в том числе детей, женщин и стариков, в бесчеловечном обращении с военнопленными, а также в разрушении городов, сел, памятников старины и искусства, угоне в немецкое рабство миллионов людей. Это были показания свидетелей и потерпевших, документальные материалы — фотоснимки, акты экспертиз, эксгумации тел погибших, подлинные документы, изданные самими гитлеровцами и полностью их изобличающие.

Однако идея международного процесса возникла и утвердилась не сразу. Некоторые западные государственные деятели думали расправиться с военными преступниками, не заботясь о процедуре и формальностях. Например, еще в 1942 году премьер-министр Великобритании Черчилль решил, что нацистская верхушка должна быть казнена без суда. Это мнение он не раз высказывал и в дальнейшем.

Похожие идеи существовали и по другую сторону Атлантики. В марте 1943 года госсекретарь США Халп заявил на обеде, где присутствовал посол Великобритании в США лорд Галифакс, что предпочел бы «расстрелять и уничтожить физически все нацистское руководство».

Еще проще смотрели на эту проблему некоторые военные. 10 июля 1944 года американский генерал Дуайт Эйзен-

хауэр предложил расстреливать представителей вражеского руководства «при попытке к бегству».

Высказывались также мысли полностью уничтожить весь немецкий генштаб, а это несколько тысяч человек, весь личный состав СС, все руководящие звенья нацистской партии, вплоть до низовых, и т. д. Президент США Франклин Д. Рузвельт не только не возражал соратникам, но фактически их поддерживал. 19 августа 1944 года он заметил: «Мы должны быть по-настоящему жесткими с Германией, и я имею в виду весь германский народ, а не только нацистов. Немцев нужно либо кастрировать, либо обращаться с ними таким образом, чтобы они забыли и думать о возможности появления среди них людей, которые хотели бы вернуть старые времена и снова продолжить то, что они вытворяли в прошлом».

Такие суждения были типичны для многих американцев. По данным социологического опроса 1945 года, 67 процентов граждан США выступали за скорую внесудебную расправу над нацистскими преступниками, фактически за линчевание. Англичане тоже горели жаждой мести и были в состоянии обсуждать, по замечанию одного из политиков, лишь место, где поставить виселицы, и длину веревок.

Конечно, такие взгляды имели право на существование. Небывалые злодеяния фашистов вызывали ярость и всеобщее возмущение во многих странах, лишали людей терпения, столь необходимого для организации и ведения процессов по всем правилам юриспруденции. Внесудебные расправы все-таки вершились, и трудно обвинить, например, бойцов движения Сопротивления, расстрелявших диктатора Италии Бенито Муссолини. (27 апреля 1945 года отряд партизан остановил автоколонну вермахта, в одном из грузовиков которой находился Муссолини, переодетый в немецкую форму. Он был опознан и задержан. На другой день прибывший из Милана полковник движения Сопротивления Валерио казнил диктатора, его любовницу Клару Петаччи и двух приближенных дуче. Затем тела убитых были вывешены вверх ногами на бензоколонке в Милане.)

Бойцы французского движения Сопротивления казнили без суда 8348 фашистов и их пособников.

Возмездие, конечно, состоялось, но несомненно и то, что в случае гласного суда урок истории более соответствовал бы духу времени и понятиям законности и стал бы еще нагляднее и поучительнее. Тогда предлагали уничтожить Германию как промышленное государство. Министр финансов США Генри Моргантау выдвинул «Программу по предот-

вращению развязывания Германией третьей мировой войны». В соответствии с ней предполагалось расчленение и децентрализация побежденной страны, полное уничтожение тяжелой промышленности и авиации, превращение ее в аграрную территорию под жестким контролем США и Великобритании. Моргентау думал превратить Германию в одно большое картофельное поле.

Этот план серьезно обсуждался, например, 11 сентября 1944 года на встрече в Квебеке американского президента Франклина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, однако принят не был. У плана нашлись серьезные противники, среди которых были британский министр иностранных дел Роберт Антони Иден, госсекретарь Соединенных Штатов Кордел Хэлл и министр обороны США Стимсон. В последующем произошла утечка информации в прессу. Реакция общественности была резко негативной. Пять американских профсоюзов приняли декларацию, отвергающую план как экономически необоснованный и содержащий «семена новой войны». Однако Моргентау еще долго не оставлял попыток продвинуть свои «радикальные» идеи.

Гораздо дальновиднее западных политиков оказался Сталин, еще в начале войны выступивший за юридическую процедуру наказания военных преступников. Когда Черчилль пытался навязать ему свое мнение, Сталин твердо возразил: «Что бы ни произошло, на это должно быть... соответствующее судебное решение. Иначе люди скажут, что Черчилль, Рузвельт и Сталин просто отомстили своим политическим врагам!»

«Мы должны сделать так, — утверждал премьер-министр Великобритании на встрече со Сталиным в Кремле 9 октября 1944 года, — чтобы даже нашим внукам не довелось увидеть, как поверженная Германия поднимается с колен!» Сталин был в принципе не согласен с такой постановкой вопроса. «Слишком жесткие меры возбудят жажду мести», — ответил он Черчиллю.

Этот подход высказывался не только на переговорах. Требование о создании Международного военного трибунала содержалось, например, в заявлении Советского правительства от 14 октября 1942 года «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы».

Еще в ходе войны в СССР состоялись первые процессы над нацистскими преступниками. Например, на заседании советского военного трибунала в Харькове в декабре 1943 го-

да было рассмотрено дело трех немецких офицеров, обвиненных в варварских казнях мирных граждан с применением «газенвагенов», или, проще говоря, душегубок. Сам суд и публичная казнь осужденных стали темой документального фильма, показанного всей стране.

Постепенно к идее суда подходили и западные союзники. Наряду с циничными предложениями о трибунале как о формальном прикрытии предрешенного расстрела высказывались мысли о необходимости серьезного разбирательства и справедливых вердиктов.

«Если мы просто хотим расстреливать немцев и избираем это своей политикой, — говорил судья Роберт Джексон, в будущем — Главный обвинитель на Нюрнбергском процессе от США, — то пусть уж так и будет. Но тогда не прячьте это злодеяние под видом вершения правосудия. Если вы заранее решили в любом случае казнить человека, то тогда и в суде над ним нет никакой необходимости. Однако всем нам следует знать, что мировое сообщество не испытывает почтения к тем судам, которые изначально являются лишь инструментом вынесения обвинительного приговора».

Возможность проведения международного суда заложили соглашения между союзниками о взаимопомощи в ведении войны против агрессии и о сотрудничестве в послевоенное время в интересах мира и безопасности. Крепкой основой совместной деятельности стало создание Организации Объединенных Наций. Конференция представителей СССР, Великобритании, США и Китая по вопросу об образовании ООН состоялась 21 августа — 28 сентября 1944 года в Вашингтоне.

Тема наказания военных преступников, развязавших Вторую мировую войну, неоднократно возникала при встречах глав государств и правительств Великобритании, США, СССР и других стран.

Контуры будущих действий обозначались все яснее. 17 июля — 2 августа 1945 года работала Потсдамская (Берлинская) конференция глав правительств СССР, Великобритании и США. На ней решались проблемы послевоенного устройства Европы, были приняты важные решения о демилитаризации и денацификации Германии и в том числе о наказании военных преступников. Союзники приняли официальное обязательство судить виновных скорым и справедливым судом. В итоговом документе отмечалось, что на ведущихся переговорах в Лондоне будет выработано согласованное мнение по этой проблеме и установлен конкретный срок начала процесса.

Историческая Лондонская конференция проходила в Черчхаусе (Вестминстер). Принятию Устава Международного военного трибунала и других документов предшествовала долгая и кропотливая работа.

Атмосфера конференции была напряженной из-за огромной ответственности участников встречи. Международный военный трибунал обещал стать грандиозным мировым событием, открывавшим новую эпоху международного сотрудничества. Небывалым был и масштаб преступлений. Страницы газет и журналов пестрели леденящими душу подробностями о зверствах фашистов, перед глазами участников встречи стояли руины некогда цветущих городов и селений. Многотомные документальные свидетельства преступлений нацистов вызывали определенную растерянность у опытных юристов.

Первое заседание конференции состоялось 21 июня. На нем рассматривался список обвиняемых, были назначены четыре подкомиссии для решения спорной ситуации между англичанами и американцами, расходившимися во мнении о том, каков должен быть подход к судопроизводству: на основе поименного списка, по мнению англичан, или на основе предварительного сбора улик, как считали американцы.

Советская делегация на первом заседании не присутствовала. Заместитель народного комиссара иностранных дел Вышинский в ответ на запрос сообщил, что представители СССР прилетят 23 июня. Однако советская делегация прибыла 26 июня и сразу внесла конструктивное предложение подписать соглашение или протокол, в который в дальнейшем будут внесены необходимые изменения или добавления. Таким образом, будет выработан Устав суда, который определит правила и процедуры процесса. Предложение было принято.

Устав стал главным документом, определяющим организацию и порядок деятельности Международного военного трибунала. В нем был зафиксирован, например, состав трибунала: по одному судье и его заместителю от каждой из четырех стран-победительниц — СССР, США, Великобритании и Франции. Назначались они правительствами соответствующих государств.

Устав трибунала дал процессуальные гарантии подсудимым, а именно: право защищаться на суде лично или при помощи адвоката, ходатайствовать о вызове свидетелей, предоставлять суду доказательства в свою защиту, давать объяснения по предъявленным им обвинениям, допрашивать свидетелей лично или через адвоката, обращаться к су-

ду с последним словом. Устав предусматривал вручение обвиняемому копии обвинительного акта на немецком языке до начала судебного процесса.

Многие взаимоприемлемые решения на конференции давались трудно. Самая серьезная проблема состояла в противоречиях между правовыми системами СССР, Великобритании, США и Франции, учреждавших трибунал. Преодоление их требовало больших затрат времени и нервов, длительных дискуссий, уступок. Компетентность юристов стран-победительниц не вызывала сомнений, но их правовые и политические воззрения были порой резко противоположными. К чести этих людей, они старались находить компромисс и выполнили возложенную на них мировым сообществом обязанность.

8 августа 1945 года, в день подписания соглашения, главные обвинители от каждой из четырех стран собрались на первое совместное заседание для составления согласованного списка подсудимых. Все сходились во мнении, что это будет, скорее всего, 10—12 человек из разных властных структур нацистов. Представитель СССР И. Т. Никитченко настаивал, что в списке обязательно должны находиться также и промышленники. В результате число подсудимых увеличилось.

Суду были преданы 24 военных преступника из всех властных структур нацистской Германии: Геринг, Гесс, Риббентроп, Лей, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Функ, Шахт, Густав Крупп, Дёниц, Редер, Ширах, Заукель, Йодль, Папен, Зейсс-Инкварт, Шпеер, Нейрат, Фриче и Борман — за подготовку, развязывание и ведение агрессивных войн, за военные преступления и преступления против человечности.

Но не все они заняли места на скамье подсудимых. Лей до начала суда покончил жизнь самоубийством. Дело Круппа было приостановлено, поскольку он был признан неизлечимо больным. Розыск Бормана не дал результатов, и его судили заочно.

В этот же день произошли изменения среди представителей СССР. Генерал И. Т. Никитченко был переведен из обвинителей в состав судей Международного военного трибунала. Он срочно уехал в Москву набирать сотрудников. Обвинителем с советской стороны, как уже отмечалось, был назначен прокурор Украинской ССР Р. А. Руденко.

Соглашение об организации Международного военного трибунала, призванного вершить суд над главными военными преступниками, не имело аналогов в истории. Оно было

важным не только для стран — участниц войны, но и для судеб человечества.

Характеризуя процесс, Главный обвинитель от СССР Руденко подчеркивал, что это был первый случай, когда перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие само государство орудием своих чудовищных преступлений. На скамье подсудимых оказались люди, чья преступная деятельность не ограничилась пределами одного государства и привела к неслыханным по своей тяжести последствиям.

О необходимости такого процесса заявляли многие страны, представители общественности, и не случайно, что к нему затем присоединились еще 19 государств.

Приговор Международного военного трибунала, признавшего агрессию тягчайшим международным преступлением и покаравшего агрессоров, справедливо оценивается мировым сообществом как приговор истории.

Глава IV
ПРОЦЕСС ВЕКА

Перед Комитетом главных обвинителей на Нюрнбергском процессе стояла сложная задача. Надо было в кратчайшие сроки составить список главных военных преступников, определить правила процедуры или регламент процесса, подготовить обвинительное заключение (первоначальный набросок его, представляющий собой краткую формулу обвинения, был составлен английской делегацией еще в начале июля 1945 года).

Кроме этого, задачей комитета являлась разработка всех подготовительных мероприятий, связанных со сбором и систематизацией доказательств (только советское обвинение представило 520 документов), допросом свидетелей и подсудимых, установлением порядка вступительных и заключительных речей...

18 октября 1945 года в Берлине состоялось открытие распорядительного заседания Международного военного трибунала под председательством советского судьи И. Т. Никитченко.

После того как члены трибунала поочередно приняли присягу, председательствующий сказал, что главная цель заседания — принять обвинительное заключение. Руденко вручил суду русский текст обвинительного заключения, а обвинители от США, Великобритании и Франции передали тексты соответственно на английском и французском языках.

Все главные обвинители сказали, что текст обвинительного заключения принят Комитетом обвинителей единогласно. По решению суда обвинительное заключение подлежало опубликованию одновременно в Лондоне, Москве и Вашингтоне. В тот же день оно было вручено всем подсудимым.

Открытие Нюрнбергского процесса состоялось 20 ноября 1945 года в отсутствие Главного обвинителя от СССР. Руденко, руководитель советской делегации Горшенин и председатель комиссии Вышинский, вылетевшие из Москвы без

запаса времени, опоздали, так как самолет из-за плохой погоды приземлился в Праге, откуда советская делегация добиралась до Нюрнберга на машине.

Известно, что Вышинский еще до начала процесса нервничал, так как постоянно «вылезали» неприятные для советской стороны вопросы. В частности, подвергался сомнению тезис о «внезапности» нападения Германии на СССР, на чем делала упор советская сторона. Поэтому на заседании комиссии он говорил, что у Руденко нет плана проведения процесса, и что он якобы не готов к этому процессу и т. п.

Но эти высказывания никак не повлияли на положение Главного обвинителя от Советского Союза. Роман Андреевич лично докладывал Сталину о ходе процесса. На вопрос Сталина о недостатках в подготовке процесса откровенно сказал, что недостатков много, материалы распылены и т. п. По его словам, Сталин был очень возмущен этим и сразу же принял меры к тому, чтобы исправить положение.

Вступительную речь Руденко произнес 8 февраля 1946 года. Он начал ее так:

«Господа судьи! Я приступаю к своей вступительной речи, завершающей первые выступления главных обвинителей на данном процессе, с полным сознанием его величайшего исторического значения.

Впервые в истории человечества правосудие сталкивается с преступлениями такого масштаба, вызвавшими такие тяжелые последствия.

Впервые перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений.

Впервые, наконец, в лице подсудимых мы судим не только их самих, но и преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические «теории» и «идеи», ими распространяемые в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества...»

Характерную деталь привел в своей книге Полторак:

«Геринг и его коллеги по скамье с самого начала прибегали к весьма примитивному приему для того, чтобы посеять рознь между обвинителями четырех держав. Держась в рамках судебного приличия в отношении с западными обвинителями, они сразу же пытались подвергнуть обструкции советского прокурора.

Как только Руденко начал свою вступительную речь, Геринг и Гесс демонстративно сняли наушники. Но продолжа-

лось это недолго. Стоило же только Руденко назвать имя Геринга, как у рейхсмаршала сдали нервы, он быстренько опять надел наушники и через минуту-две уже стал что-то записывать».

В своем выступлении Руденко сказал о значении Нюрнбергского процесса и его правовых особенностях, раскрыл идеологию подготовки агрессивных войн, четко и ясно изложил состав основных военных преступлений фашистской Германии: массовые убийства мирных граждан, истязания и убийства военнопленных, угон людей в рабство, разрушение городов и сел, разграбление общественной и частной собственности, разрушение и разграбление культурных ценностей, монастырей, церквей и других учреждений религиозного культа. В заключение он сказал о преступлениях против человечества.

Закончил он эту речь словами: «Во имя священной памяти миллионов невинных жертв фашистского террора, во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем — мы предъявляем подсудимым полный и справедливый счет. Это счет всего человечества, счет воли и совести свободолюбивых народов. Пусть же свершится правосудие!»

«У каждого прокурора в Нюрнберге был свой стиль допроса. Стиль Руденко отличался наступательностью и, выражаясь спортивным языком, нокаут у него всегда превалировал над нокадауном», — вспоминал Полторак.

По его же словам, когда Руденко закончил допрос Риббентропа, Геринг с жалостью посмотрел на бывшего германского министра иностранных дел и лаконично подвел итог: «С Риббентропом покончено. Он теперь морально сломлен».

«С не меньшим основанием, — пишет Полторак, — Риббентроп мог сказать то же самое и в отношении Германа Геринга, когда он возвращался на свое место после допроса, проведенного советским обвинителем. В Нюрнберге в то время распространился нелепый слух, будто Руденко, возмущенный в ходе допроса наглостью Геринга, выхватил пистолет и застрелил нациста № 2.

10 апреля 1946 года об этом сообщала даже американская газета “Старз энд страйпс”.

Такая дичайшая газетная утка многих из нас буквально ошеломила. Но меня тотчас же успокоил один американский журналист: “Собственно, чего вы так возмущаетесь, майор? Какая разница, как было покончено с Герингом? Как будто ему легче пришлось бы от пулеметной очереди убийственных вопросов вашего обвинителя...”»

В своих воспоминаниях о Нюрнбергском процессе, с которыми часто выступал Роман Андреевич, он любил приводить один интересный эпизод.

Когда во время процесса заходила речь о нападении на СССР, подсудимые и их защитники пытались объяснить это «превентивными мерами», то есть тем, что Советский Союз якобы сосредоточил много войск на так называемой демаркационной линии и готовился напасть на Германию. А германские войска лишь упредили удар.

Чтобы развенчать эти домыслы, советская делегация решила использовать показания плененного в Сталинграде фельдмаршала Паулюса. Он был тайно доставлен в советскую зону оккупации и допрошен Руденко. Паулюс, хорошо осведомленный о подготовке Германии к нападению на СССР и лично участвовавший в разработке плана «Барбаросса», дал показания, вполне устраивавшие советскую делегацию. Их решено было огласить на процессе.

Защитники подсудимых стали активно противодействовать этому, настаивая, чтобы Паулюс был лично допрошен в качестве свидетеля в Нюрнберге. Они полагали, что доставка его из Москвы в Нюрнберг нереальна. Когда председатель трибунала лорд Лоренс спросил у советского обвинителя, как он смотрит на такое ходатайство, тот сказал, что не возражает. А когда Лоренс поинтересовался, сколько же примерно времени потребуется для доставки свидетеля, услышал: «Я думаю, скоро, ваша честь. Фельдмаршал Паулюс находится в апартаментах советской делегации в Нюрнберге».

По словам самого Руденко, появление Паулюса в зале заседания трибунала произвело эффект «разорвавшейся бомбы».

Даже в советской делегации в то время мало кто знал, что допрос Паулюса был «срежессирован» Сталиным, которому Вышинский доложил, что суд не принял в виде доказательства показания фельдмаршала, данные им вне стен трибунала.

Исход Второй мировой войны решился на Восточном фронте. Именно СССР был главным противником Германии, бросившей на него основные силы. И Красная армия, и мирное население понесли огромные потери, которые оказались больше общих утрат союзников по антигитлеровской коалиции. Советский Союз предъявил агрессору обоснованный счет. Неудивительно, что советская формула обвинения на Нюрнбергском процессе была самой широкой и жесткой. Выступления Главного обвинителя от СССР всегда вызывали нервозность, а то и панику на скамье подсудимых.

В заключительной речи Руденко прежде всего суммировал все обвинения. Это был общий итог огромной работы советской делегации, представившей суду сотни неопровержимых доказательств вины всех без исключения подсудимых. Улик, собранных и предъявленных одной советской стороной, с лихвой хватило бы, чтобы вынести вождям нацизма самые суровые приговоры и навек покрыть позором их имена. Главный обвинитель от СССР в своем выступлении уделил внимание и критикам Нюрнбергского процесса. Адвокаты обвиняемых и тайные сторонники нацистов вне зала суда не раз выдвигали вопросы о неправомерности тех или иных действий трибунала. Руденко дал на них развернутые и полные ответы с точки зрения теории и практики права, показал несостоятельность аргументов и отвратительное лицемерие защитников черных деяний.

Речь Руденко отличали широта обобщений и глобальность выводов. Сделать это по горячим следам войны, находясь в плену эмоций, было, очевидно, непросто. Роман Андреевич поднялся до философских высот осмысления мировой трагедии, разоблачил глубинную сущность фашизма, людоедские планы уничтожения целых государств и народов, непреходящую опасность идей национального превосходства для всего человечества. Его доводы легли в основу признания агрессивной войны тягчайшим преступлением.

Конечно, знаменитое выступление было плодом коллективного творчества. При этом в работе участвовали не только советские юристы, находившиеся в Нюрнберге, но и другие видные правоведы страны, а также Вышинский и, несомненно, сам Сталин. Западные коллеги Руденко по процессу не могли похвастаться тем, что им уделяют столько внимания первые лица государств.

Именно поэтому выступление получилось таким громким. Международный резонанс был необычайно бурным. Люди во всех уголках Земли восприняли речь Руденко так, как будто он говорил не только от лица СССР, а от их имени, от всего человечества.

Упомянув о серьезном вкладе со стороны, было бы несправедливо умалять заслуги самого Романа Андреевича Руденко. Ведь это прежде всего его речь, и больше, чем он сам, никто над ней не работал. К тому же, будучи прекрасным оратором, произнес он ее мастерски, на подъеме, что отметили все участники процесса. Чувствовалось, что он не только добросовестно выполнил свой профессиональный долг, но и пропустил весь массив информации через сердце,

вкладывая душу в каждую фразу. Безусловно, это было одно из лучших его выступлений и, бесспорно, лучшая речь на процессе. Историки права с пиететом подходят к его выступлению и по сей день.

Заключительную речь Главный обвинитель от СССР Руденко произносил два дня, 29 и 30 июля 1946 года. Он начал ее такими словами:

«Господин председатель! Господа судьи! Мы подводим итоги судебного следствия в отношении главных немецких военных преступников. В течение девяти месяцев самому тщательному, детальному исследованию были подвергнуты все обстоятельства дела, все доказательства, представленные Суду обвинением и защитой. Ни одно деяние, вменяемое в вину подсудимым, не осталось без проверки, ни одно обстоятельство, имевшее значение, не было упущено при рассмотрении данного дела...»

Руденко подробно остановился на правовых вопросах процесса, детально и скрупулезно обосновал виновность каждого из подсудимых: Геринга, Гесса, Бормана (судимого заочно), Риббентропа, Кейтеля и других.

В конце речи он сказал: «Выступая на этом Суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым. И во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, принесшие величайшие жертвы для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллионов невинных людей, загубленных бандой преступников, представших перед Судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих поколений — я призываю Суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь. Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством».

Как уже говорилось, это была самая лучшая и самая важная речь в судьбе Руденко. Многие ее положения не утратили своего значения и поныне. И потому так важно привести некоторые отрывки, которые дают представление о ней.

Глава V

ОТ ЛИЦА СССР — ОТ ИМЕНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«...Впервые в истории преступники против человечества несут ответственность за свои преступления перед Международным Уголовным Судом, впервые народы судят тех, кто обильно залил кровью обширнейшие пространства земли, кто уничтожил миллионы невинных людей, разрушал культурные ценности, ввел в систему убийства, истязания, истребление стариков, женщин и детей, кто заявлял дикую претензию на господство над миром и вверг мир в пучину невиданных бедствий. Да, такой судебный процесс впервые проводится в истории правосудия. Судит Суд, созданный миролюбивыми и свободолюбивыми странами, выражающими волю и защищающими интересы всего прогрессивного человечества, которое не хочет повторения бедствий, которое не допустит, чтобы шайка преступников безнаказанно готовила порабощение народов и истребление людей, а потом осуществляла свой изуверский план.

...Человечество призывает к ответу преступников, и от его лица мы, обвинители, обвиняем в этом процессе. И как жалки попытки оспорить право человечества судить врагов человечества, как несостоятельны попытки лишить народы права карать тех, кто сделал своей целью порабощение и истребление народов и эту преступную цель много лет подряд осуществлял преступными средствами. Настоящий процесс проводится таким образом, что подсудимым, обвиняемым в тяжчайших преступлениях, были предоставлены все возможности защиты, все необходимые законные гарантии. В своей стране, стоя у руля правления, подсудимые уничтожили все законные формы правосудия, отбросили все усвоенные культурным человечеством принципы судопроизводства. Но их самих судит Международный Суд с соблюдением всех правовых гарантий, с обеспечением подсудимым всех законных возможностей для защиты.

...Эти преступления доказаны, их опровергнуть не могли ни

показания подсудимых, ни доводы защиты, их опровергнуть нельзя потому, что нельзя опровергнуть истину, а именно истина является прочным результатом настоящего процесса, надежным итогом наших длительных и упорных усилий.

...*Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке и развязыванию агрессивных войн. Вся их так называемая идеологическая работа заключалась в культивировании зверских инстинктов, во внедрении в сознание немецкого народа нелепой идеи расового превосходства и практических задач уничтожения и порабощения людей “неполноценных рас”, представлявших якобы лишь удобрение для произрастания “расы господ”. Их “идеологическая работа” заключалась в призывах к убийствам, грабежам, разрушению культуры, истреблению людей.*

...*Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке Германии к войне.*

Факт вооружения и перестройки экономики для целей войны совершенно бесспорен, он установлен документально, его признают подсудимые.

...*Спрашивается, к какой же войне подсудимые стали готовиться сразу после захвата власти? Неужели к оборонительной войне?*

Ведь никто не собирался на Германию нападать, ни у кого не было такой цели, по-моему, и не могло ее быть.

...*Вина подсудимых в совершении преступлений против мира полностью доказана.*

Доказано полностью обвинение в совершении военных преступлений, заключающихся в ведении войн методами, противоречащими законам и обычаям войны. Ни подсудимые, ни их защитники ничего не могли возразить против самих фактов совершения таких преступлений. Все, что они могли сказать по этому поводу, это то, что подсудимые сами непосредственно не совершали этих зверств — уничтожение людей в “душегубках” и концентрационных лагерях; своими руками не истребляли евреев и даже не знали отдельных подобных фактов, а что факты эти были, — против этого не спорят и подсудимые. Подсудимые признают эти факты.

Бесплодный способ защиты!

Конечно, подсудимым, занимавшим высшие руководящие посты в гитлеровской Германии, не было никакой нужды самим своими руками расстреливать, вешать, душить, замораживать живых людей в виде эксперимента. Это делали по их указаниям их подчиненные, палачи, выполнявшие, так сказать, черную работу, а подсудимым нужно было только давать приказания, исполняемые беспрекословно.

Поэтому безнадежна попытка подсудимых разорвать свою связь с этими палачами, отгородиться от них. Эта связь несомненна и бесспорна. И если комендант Освенцима Рудольф Гесс вырывал золотые зубы у мертвецов, то имперский министр Вальтер Функ открывал для хранения этих золотых зубов специальные сейфы в подвалах имперского банка.

Если подчиненные Кальтенбруннера умерщвляли людей в "душегубках", то строились эти "газенвагены" на заводах Зауэра, Даймлера и Бенца, подчиненных подсудимому Шпееру.

Если военнопленных уничтожали профессиональные палачи из соединения "Тотен копф" ("Мертвая голова") и лагерная охрана, то приказы об уничтожении подписывались фельдмаршалом германской армии Кейтелем; именно подсудимые намечали сроки уничтожения, отдавали приказы о создании специальной техники умерщвления, идеологически обосновывали "право высших рас" на уничтожение, истребление "неполноценных народов".

Это они спокойно и безжалостно наблюдали за замученными жертвами и, как Ганс Франк, произносили парадные речи "о еще новом шаге", пройденном германским фашизмом по пути очищения "жизненного пространства" от "низших рас".

За каждое убийство, за каждую каплю невинной крови, пролитой гитлеровскими палачами, несут ответственность подсудимые, ибо между ними и непосредственными исполнителями преступлений, убийств, истязаний разница только в ранге и масштабе деятельности: те непосредственные палачи, а они главные палачи, начальники палачей, палачи высшей марки. Они во много раз опаснее, чем те, которых они воспитывали в духе человеконенавистничества и изуверства и от которых, спасая себя, теперь отрекаются.

Полностью доказана вина подсудимых в совершении военных преступлений в том, что они организовали систему уничтожения военнопленных, мирного населения, женщин, стариков и детей; в том, что по их вине всюду, где ступала нога немецкого солдата, оставались горы убитых и замученных людей, развалины и пожарища, опустошенные города и села, оскверненная и залитая кровью земля.

Принцип "Nullum crimen sine lege"

("Нет преступления без указания на то в законе")

...Защита пыталась отвергнуть обвинение, доказывая, что в момент совершения подсудимыми инкриминируемых им деяний, последние не были предусмотрены действовавшими законами, а потому подсудимые не могут нести за них уголовную ответственность.

Однако не подлежит сомнению, что действия подсудимых являлись преступными с точки зрения законов, действовавших в момент, когда эти преступления имели место.

Нормы уголовного права, содержащиеся в Уставе Международного Трибунала, представляют собой выражение принципов, содержащихся в ряде международных договоров, перечисленных в моей вступительной речи 8 февраля 1946 г., и в уголовном законодательстве всех цивилизованных государств. Законодательство всех цивилизованных народов предусматривает уголовную ответственность за убийства, истязания, насилия, грабежи и т. д.

То обстоятельство, что эти преступления были организованы подсудимыми в превосходящих человеческое воображение размерах и в неслыханных по своей садистской жестокости формах, конечно, не исключает, а лишь многократно усиливает ответственность преступника. Если бы подсудимые совершили преступления на территории и в отношении граждан какой-либо одной страны, то они согласно Декларации глав правительств СССР, Великобритании и США, опубликованной 2 ноября 1943 г., в полном соответствии с общепринятыми началами уголовного и уголовно-процессуального права были бы судимы в этой стране и по ее законам.

Эта Декларация гласила, что “германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы”.

Однако подсудимые являются военными преступниками, “преступления которых не связаны с определенным географическим местом” (статья I Соглашения четырех держав от 8 августа 1945 г.), и потому их преступления подсудны Международному Военному Трибуналу, действующему на основании Устава.

Подсудимые обвиняются в действиях, которые цивилизованное человечество и ранее признавало преступлениями.

Исполнение приказа

Некоторые подсудимые в своих показаниях Трибуналу пытались представить себя убогими карликами, слепыми и покорными исполнителями чужой воли — воли Гитлера.

В поисках правовой базы для этой позиции защитник Ярайсс много говорил о значении приказов Гитлера. По мнению защитника Ярайсса, приказ Гитлера “был чем-то совершенно иным”, чем приказ любого другого руководителя, что приказ Гитлера являлся актом, “неприкосновенным в правовом отношении”. Поэтому защитник Ярайсс утверждает: “Что бы ни понимал Устав Трибунала под приказами, которые он отрицает как основание, исключаящее уголовное преследование, можно ли все-таки под этим подразумевать приказ Гитлера? Может ли этот приказ подойти под понятие приказа, предусмотренное Уставом?”

Право толкования закона — неоспоримое право каждого судебного работника, в том числе, конечно, и защитников. Представляется, однако, совершенно непостижимым, какими логическими или иными методами руководствовался защитник, утверждая, что положение устава, специально разработанного для Суда над главными военными преступниками фашистской Германии, именно условий деятельности этих преступников не имело в виду?

О каких же приказах, кем изданных, в какой стране, говорит Устав Трибунала?

Бесспорно, разумеется противоположное: авторы Устава были в полной мере ориентированы в специфической обстановке гитлеровской Германии, были в полной мере ориентированы (по материалам Харьковского и иных процессов) в попытках подсудимых прятаться за приказы Гитлера, и именно потому они специально оговорили, что исполнение явно преступного приказа не освобождает от уголовной ответственности.

Ответственность государства и отдельных лиц

...“Если германская империя начала наступление вопреки еще действовавшему договору о ненападении, — говорил защитник Ярайсс, — то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права... только империя, но не отдельное лицо”.

Нельзя, прежде всего, не отметить, что приведенная точка зрения не блещет новизной: до выступления официальной защиты на настоящем процессе некоторые неофициальные защитники военных преступников охотно пропагандировали версию, что не физические лица, а германское государство и германский народ должны нести ответственность за преступную агрессию и военные преступления.

Нарушение субъектом международного права — государством норм международного права влечет те или иные последствия международного характера, во всяком случае, не уголовную ответственность государства.

Те или иные действия государства в сфере международных отношений совершаются физическими лицами, должностными лицами и агентами государства. При выполнении этих действий лица могут совершать самые разнообразные нарушения как гражданско-правового, так и уголовно-правового характера. За последние, то есть содержащие состав преступления, они несут в подлежащих случаях уголовную ответственность по законам и перед судом как своего, так и чужого государства, в зависимости от обстоятельств.

В данном случае не только гитлеровское государство нарушило нормы международного права, последствием чего являются меры, принятые в отношении государства, но и отдельные физические лица, совершая эти акты нарушений, персонально совершили уголовные преступления, за которые они в соответствии с Уставом Трибунала подлежат уголовной ответственности перед Международным Военным Трибуналом...

Геринг

Подсудимый Геринг являлся в гитлеровской Германии вторым после фюрера лицом, его первым преемником. Он взял себе огромные полномочия и захватил самые ответственные должности. Он — председатель совета министров по обороне Германской империи, диктатор по руководству германской экономикой, генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану и главнокомандующий военно-воздушными силами. Главное — эту обширную область он использовал и все силы посвятил организации и осуществлению тех преступлений, которые указаны в Обвинительном заключении.

Как мы уже знаем, сущность этого заговора состояла в том, чтобы покорить Европу, а затем добиться мирового господства гитлеровской Германии, не останавливаясь ни перед какими средствами, как бы они ни были преступны и бесчеловечны. Чтобы достичь этой цели, надо было расчистить путь, надо было, как говорил Гитлер еще в феврале 1933 г. на совещании с виднейшими германскими промышленниками, уничтожить парламентскую систему.

Этим и занялся Геринг. Он энергично принялся за уничтожение политических противников фашизма, для чего производил массовые аресты членов неугодных нацизму политических

партий. Он организовал концентрационные лагеря, куда без суда направлял людей, не согласных с фашистами. Он создал гестапо, в котором с самого начала его создания установился кровавый террористический режим. Он требовал от всех должностных лиц лагерей и гестапо не останавливаться ни перед чем — дикие расправы над людьми, изувечение их и убийства под его руководством стали основным методом работы.

Ему, Герингу, принадлежат слова: “Каждая пуля, вылетевшая из дула пистолета полицейского, есть моя пуля; если кто-то называет это убийством, значит это я убил”. (Из книги Геринга “Восстановление нации”, написанной им в 1934 г.)

Так он расчистил дорогу фашизму, так он прокладывал путь к тому, чтобы фашистский заговор мог беспрепятственно развиваться и реализовываться.

Геринг был неистощимым в искоренении всего и всех, что мешало укреплению этого заговора. И Гитлер всячески расхваливал его за это. Так, он заявил в рейхстаге 13 июля 1934 г., что Геринг “...своим железным кулаком сокрушил атаку на национал-социалистское государство прежде, чем она могла развиться”.

Вся эта террористическая деятельность Геринга была рассчитана на то, чтобы расчистить путь для осуществления основной цели фашистского заговора — покорить Европу, а затем добиться мирового господства гитлеровской Германии.

Судебное следствие подтвердило виновность Геринга в планировании и подготовке всех агрессивных войн гитлеровской Германии. Суду были представлены многочисленные документы, говорящие об активной роли Геринга в развертывании агрессивных войн. Напомню заявление Геринга в 1935 г. на собрании офицеров военно-воздушных сил. Там он заявил, что “намеревается создать военно-воздушные силы, которые будут брошены на врага как удар возмездия. Еще до начала поражения враг должен чувствовать, что он пропал”. Геринг дал понять, что война близка и что, если Германия выиграет эту войну, она будет величайшей державой в мире, господствующей на мировом рынке, и она станет богатой страной. “Надо рисковать, чтобы добиться этой цели” — это лозунг, который бросил тогда Геринг.

...14 октября 1938 г., незадолго до предъявления требований Польше, Геринг заявил, что “приступил к проведению в жизнь гигантской программы, в сравнении с которой меркнет все, что было до сих пор.

...В кратчайшее время военно-воздушные силы должны быть увеличены в пять раз; военно-морской флот должен более быстрыми темпами вооружаться; армия должна получать

более мощное вооружение.., особенно тяжелую артиллерию и тяжелые танки. Наравне с этим должно быть увеличено производство военных материалов и горючего”.

С полной несомненностью установлено активное участие Геринга в подготовке агрессии против СССР.

Это Геринг совместно с Розенбергом, Кейтелем и Борманом на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г. конкретизировал планы расчленения Советского Союза, порабощения народов и разграбления богатств СССР. Это при его участии тогда планировалось “сровнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам”. Это он выдвинул палача Коха в качестве рейхскомиссара Украины, как “личность с очень большой инициативой и хорошей подготовкой”.

Так что с несомненностью можно считать доказанным, что Геринг виновен в планировании и подготовке агрессивных войн гитлеровской Германией, и за это он должен нести ответственность.

...В “Двенадцати заповедях поведения немцев на Востоке” от 1 июня 1941 г. (шестая заповедь) сказано:

“Вы должны уяснить себе, что вы на целое столетие являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции в новой Европе. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых требует от вас государство”.

С именем Геринга связано начало организованного подавления и истребления еврейского населения. Именно он подписал человеконенавистнические нюрнбергские законы, декреты о лишении евреев собственности, о наложении штрафа на евреев в один миллиард и другие, эта деятельность вполне соответствует всему каннибальскому мирозерцанию Геринга.

На Суде он отрицал, что являлся сторонником расовой теории, между тем в 1935 г. Геринг произнес в рейхстаге речь в защиту нюрнбергских расовых провокаторов. Тогда он громко заявил: “Бог создал расы, он не хотел равенства, и поэтому мы энергично отвергаем всякую попытку извратить концепцию чистоты расы...”

Многочисленные документы, предъявленные обвинением Трибуналу, изобличают преступные действия Геринга в отношении других наций.

Директива Геринга от 19 октября 1939 г. ясно показывает отношение подсудимого к польскому народу, к Польскому государству.

В директиве об экономической политике на Востоке от 23 мая 1941 г., изданной перед нападением на СССР, Геринг следующим образом пишет об отношении к русским:

“Германия не заинтересована в поддержании производительности на этой территории. Она снабжает продуктами питания только расположенные там войска... Население в этих районах, в особенности городское население, обречено на голод. Необходимо будет вывозить это население в Сибирь”.

...Был создан экономический штаб особого назначения “Ольденбург”, подчиненный Герингу. Было предусмотрено создание в крупнейших городах СССР специальных хозяйственных инспекций и команд, перед которыми были поставлены обширные задачи в области использования и разграбления советской промышленности и сельского хозяйства.

В папке окружного сельскохозяйственного фюрера содержались инструкции для сельскохозяйственных фюреров, которым предоставлялась полная свобода в выборе методов для достижения своих преступных целей. Выдвигалось требование о беспощадном обращении с советскими людьми, в первую очередь с русскими, украинцами, белорусами.

Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии СССР о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Киеве, в Сталинской области и других местах, говорят о том, что эти преступные планы подсудимого Геринга и его сподвижников были в значительной степени реализованы.

Для обеспечения немецкой военной промышленности и сельского хозяйства рабочей силой и вместе с тем в целях физического уничтожения и экономического ослабления поработанных народов подсудимый Геринг и его соучастники по нацистскому заговору использовали рабский труд иностранных рабочих.

...6 августа 1942 г. Геринг провел совещание с рейхскомиссарами оккупированных областей и представителями военного командования. Обращаясь к участникам совещания, Геринг говорил:

“Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное...”

Вы должны быть, как легавые собаки, там, где имеется еще кое-что. Я намереваюсь грабить, и именно эффективно”.

Эти намерения были реализованы. Грабил Геринг, грабили рейхсминистры и рейхскомиссары оккупированных областей, грабили представители военного командования, начиная от генерала и кончая рядовым солдатом...

Борман

Имя подсудимого Мартина Бормана неразрывно связано с созданием гитлеровского режима. Он был одним из тех, кто совершал самые дикие преступления, направленные на уничтожение сотен тысяч невинных людей.

Совместно с подсудимым Розенбергом Борман с жестокой последовательностью проводил пропаганду расовой теории и преследование евреев.

Им были изданы многочисленные директивы, направленные на дискриминацию евреев в гитлеровской Германии, сыгравшие впоследствии роковую роль и повлекшие истребление миллионов евреев. Этой своей деятельностью он заслужил большое доверие у Гитлера, ему было "предоставлено право представлять партию в сфере государственной жизни..." (постановления и распоряжения партийной канцелярии, том II, страница 228), и он ее представлял. Так, в качестве начальника партийной канцелярии он принимал непосредственное участие в уничтожении евреев, цыган, русских, украинцев, поляков и чехословаков.

НСДАП под его руководством превратилась в полицейскую организацию, находившуюся в самом тесном взаимоотношении с германской тайной полицией и СС.

Борман не только знал о всех агрессивных планах гитлеровского правительства, но и принимал активное участие в их осуществлении. Он привлек весь партийный аппарат НСДАП на реализацию агрессивных планов гитлеровского правительства, а партийных гаулейтеров назначал уполномоченными по обороне империи в тех областях, в которых они действовали.

Партийный аппарат НСДАП и лично Борман принимали активное участие в мероприятиях немецких военных и гражданских властей по бесчеловечному использованию военнопленных. Об этом свидетельствуют многочисленные директивы и указания, изданные Борманом.

Материалами обвинения и судебного следствия сейчас установлено, к какой массовой гибели привело зверское обращение с военнопленными.

Партийный аппарат и лично подсудимый Борман принимали непосредственное участие в мероприятиях гитлеровского правительства, связанных с угоном в рабство населения оккупированных территорий.

С одобрения Бормана производилась тайная доставка в Германию украинских девушек, предназначенных для насильственного онемечивания.

Приказом Гитлера от 18 октября 1944 г. на Бормана и Гимmlера было возложено руководство фольксштурмом, со-

стоявшим из всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, способных носить оружие.

Накануне краха гитлеровской Германии Борман возглавлял созданную для диверсионной и подрывной деятельности в тылу союзных войск подпольную организацию «Вервольф».

Борман непосредственно участвовал в разграблении культурных, исторических и других ценностей на оккупированных территориях...

Военная группа

Несколько подсудимых в этом процессе главных преступников войны как бы образуют группу собственно военных¹. Если оставить в стороне Геринга, как фигуру совершенно специфическую — и политика, и хозяйственника, и военного в одном лице, — то мне надо будет назвать Кейтеля, Йодля, Дёница и Редера. В процессе судебного следствия в отношении этих лиц также были не только полностью подтверждены все данные обвинительного заключения, но оснований к обвинению стало еще больше.

Документальные доказательства, показания свидетелей, в том числе частично и тех, которых вызывали по ходатайству защиты, не могли не лечь тяжким грузом на чашу весов обвинения.

Защитники этих подсудимых пытались убедить в том, что их подзащитные волей судьбы, против своего желания, стали участниками зловещей трагедии.

Сами подсудимые — Кейтель, Йодль, Дёниц и Редер — здесь, на Суде, пытались выступить в роли благородных простаков. Надо отдать справедливость, что в меру своих сил защита помогла им в этом деле. Мы слышали много о чести солдата, о воинской дисциплине, о верности долгу и присяге, о вынужденном в связи с этим выполнении ими гитлеровских приказов, даже тех, которые вызывали в их душах сомнение и прямой протест. Такое освещение их позиции совершенно искажает реальное положение вещей.

Я считал бы нужным перед тем, как говорить о виновности Кейтеля, Йодля, Дёница и Редера, поставить и разрешить четыре вопроса.

Первый: знали ли эти подсудимые, что гитлеровская Германия в нарушение международных обязательств готовит целую серию агрессивных, захватнических, грабительских войн?

¹ Всего 18 подсудимых (прим. авт.).

Второй: принимали ли они сами активное участие в планировании, подготовке, развязывании и проведении этих войн?

Третий: виновны ли они в циничном попрании законов и обычаев войны?

Четвертый: отвечают ли они за зверски растерзанных и уничтоженных мирных жителей, за потопленные пассажирские и госпитальные пароходы, за города и деревни, уничтоженные военной машиной гитлеровского рейха?

Я думаю, что после столь тщательного судебного расследования каждый, кто не хочет сознательно заблуждаться, ответит утвердительно на все эти четыре вопроса.

Представленные Суду документальные доказательства с полной очевидностью подтвердили виновность военной группы преступников в тяжчайших преступлениях, их активное участие в планировании и осуществлении общего преступного заговора.

То обстоятельство, что совершали эти преступления люди в военных мундирах, не только не снижает, а, как мне представляется, существенно усиливает их ответственность.

Как можно им в оправдание ссылаться на “долг солдата”, “честь офицера”, на “обязанность выполнить приказ”? Да разве можно с “долгом солдата” и “честью офицера” совместить расстрелы без суда и клеймение военнопленных, массовое уничтожение женщин, стариков и детей?

Единственно правильное, реальное объяснение тому удивительному факту, что эти генералы и адмиралы занимались грязными, по существу уголовными, преступлениями, состоит в том, что они были генералами и адмиралами гитлеровской формации. Это люди особого качества. Это фашисты в военных мундирах, душой и телом преданные фашистскому режиму.

Именно этим нужно объяснить, что Гитлер приблизил их к себе и столь длительно сотрудничал с ними. Этим только можно объяснить, что они сотрудничали с Гитлером в совершении беспримерных в истории гнуснейших преступлений. Они друг другу вполне подходили и друг друга вполне понимали...

Розенберг

Перехожу к доказательству вины и ответственности подсудимого Розенберга.

Как бы ни пытался Розенберг умалить свою роль и значение, как бы он ни подтасовывал исторические факты и события, ему не уйти от того, что он был официальным идеологом нацистской партии, что он еще четверть века тому назад заложил “теоретические” основы фашистского гитлеровского

государства и на протяжении этого периода морально растлил миллионы немцев, "идейно" подготовив те неслыханные в истории чудовищные преступления гитлеровцев, которые составляют предмет разбирательства на данном процессе.

Когда на процессе Розенбергу был поставлен вопрос: "Вы были ближайшим сподвижником фюрера?", он даже не ответил, а закричал: "Нет, это неправда, я никогда не был". Но как бы ни отрекался Розенберг от своего "фюрера", ему не смыть каинову печать "одного из старейших и самых верных боевых товарищей Гитлера". На протяжении 25 лет Розенберг, вначале совместно, а затем под руководством Гитлера, разрабатывал и содействовал осуществлению сумасбродных планов мирового господства, избрал для оправдания этих преступных планов человеконенавистническую расовую теорию.

Может ли иметь значение для решения вопроса о виновности и ответственности Розенберга то, что он использовал в своих целях отбросы науки и позаимствовал кое-что у Карла Льюгера и Поля Лагарда, графа Гобино и Ланужа, Освальда Шпенглера и Артура Меллера?!

Важно то, что Розенберг, собрав все эти "научные" отходы, довел все расовые воззрения до предела расового изуверства и в этом духе воспитывал членов нацистской партии, немецкую молодежь. И когда представители "высшей расы" разрабатывали и совершали акты агрессии, когда немецкие оккупанты порабощали и уничтожали нации и народы, когда создавали комбинаты смерти в Майданеке и Освенциме, Трешлинке и Хелмно, во всем этом немалая доля ответственности Розенберга.

В этом сказался результат фашистской расовой идеологии, сущность которой состоит в том, что "арийская" — "северогерманская" — раса есть "раса господ", а все остальные расы и нации — "низшая порода".

Защитник Розенберга говорил: "Трибунал должен рассматривать преступления, а не мировоззрения". Этот аргумент в отношении Розенберга явно неубедителен. Ибо Розенберг не только исповедовал, но сознательно распространял и внедрял в сознание немецкого народа фашистскую расовую теорию, которая стала прямой угрозой существованию демократических государств Европы. Носителя бацилл надо изолировать, а того, кто сознательно распространяет бациллы, надо судить.

Преступная деятельность Розенберга не ограничивалась идеологической подготовкой агрессии и проповедями человеконенавистничества. Она очень многогранна.

На процессе уже была достаточно освещена деятельность внешнеполитического отдела НСДАП, ведавшего сетью полулегальной нацистской агентуры за границей, которой много

лет руководил подсудимый Розенберг. Влияние этой организации на внешнеполитические мероприятия гитлеровской Германии и на развязывание агрессивных войн очень велико.

...Общеизвестно, что внешняя политика национал-социалистов, изложенная в новогоднем номере 1921 г. газеты “Фёлкшишер беобахтер”, начинается с плана германского крестового похода против Советской России и автор этой политики — Альфред Розенберг. Это он вместе с Гитлером проповедовал инспирированную Людендорфом и Рехбергом внешнюю политику, направленную на создание антисемитской, антибольшевистской и антибританской континентальной Европы.

Выступления Розенберга с планами “обмена” Польского коридора на Украину, его “дипломатические” поездки в некоторые страны после прихода фашистов к власти, его неуклюжие попытки осуществить внешнеполитическую программу нацистов были широко освещены в печати.

Из представленных документов видно, какую лихорадочную деятельность развил Розенберг в апреле 1941 г. — в период, непосредственно предшествовавший нападению Германии на СССР, когда он был назначен “уполномоченным фюрера по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями”.

За две недели до своего назначения Розенберг 7 апреля 1941 г. направил Гитлеру свои предложения о разделе Советского Союза на рейхскомиссариаты и назначении фашистских правителей в оккупируемые области. В предложениях Розенберга фигурируют Белоруссия и Украина, Минск и Киев, Ростов и Тбилиси, Ленинград и Москва. И в качестве рейхскомиссара Москвы Розенберг рекомендовал небезызвестного Эриха Коха.

...Уже за полтора месяца до нападения на СССР он разработал инструкцию для всех рейхскомиссаров оккупируемых восточных областей, в которой он предусмотрел “рейхскомиссариат Россия”, “рейхскомиссариат Кавказ”, а Белорусскую республику включил в “рейхскомиссариат Остланд”.

Розенберг пытался заверить, что он не разделял захватнических, грабительских целей войны против СССР, а в качестве министра восточных оккупированных территорий чуть ли не благодетельствовал население этих областей. Это говорилось после того, как в инструкции рейхскомиссару Прибалтики и Белоруссии указывалось, что его целью являлось “создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой Германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов”.

Это говорилось после того, как в другой директиве Розенберга о задачах германского управления в оккупированных восточных областях предписывалось:

“Первой задачей... является проведение интересов империи. Положения Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны не имеют действия, так как СССР надо считать уничтоженным... Поэтому допустимы также все мероприятия, которые германской администрации кажутся необходимыми и удобными”.

Розенберг поторопился объявить СССР уничтоженным, он проболтался, выдал свои тайные замыслы. Но этот документ является неопровержимым доказательством, отмечающим все попытки подсудимого переложить ответственность за чудовищные преступления, творимые немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории СССР, на отдельных чиновников и полицейских, на Коха и Гиммлера.

Это Розенберг разрешил попираť решения Гаагской конвенции и применять все мероприятия, которые окажутся «удобными». Когда Кох для своего удобства уничтожил население целого района Цуман, то он действовал в духе этой директивы Розенберга.

Розенберг здесь говорил о своих разногласиях с Кохом, о том, что он придерживался гуманной политики и даже ввозил сельскохозяйственные машины. Если Розенберг и возражал иногда против действий Коха, то только потому, что боялся преждевременной огласки, боялся, что беспримерное издевательство Коха над украинским народом вызовет усиление движения Сопротивления. Не гуманностью, а боязнью руководствовался при этом Розенберг.

Подлинная политика Розенберга изложена во многих документах, ставших теперь известными мировой общественности и имеющихся в делах Трибунала.

В “официальной заметке для фюрера” от 16 марта 1942 г. Розенберг писал о целях германской политики на оккупированных территориях СССР, и прежде всего на Украине. Это — “использование полезных ископаемых, в определенных областях создание немецкой колонии, никакого искусственного интеллектуального развития населения, а сохранение его как рабочей силы”.

В докладе о преобразовании Кавказа Розенберг писал:

“Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу и снабдить сырьем континент. Задача Кавказа прежде всего является политической задачей и озна-

чает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток”.

Я хочу, наконец, напомнить, что не кто иной, как Розенберг, выступая на заседании “германского трудового фронта”, по вопросу о политике на оккупированных территориях СССР говорил: “Видимо, если подчинить себе эти народы, то произвол и тирания будут чрезвычайно подходящей формой управления”.

...И последнее: о смехотворной теории так называемого “благородного антисемитизма” Розенберга. Нелепо полемизировать с защитником Розенберга, утверждавшим, что существует «благородный антисемитизм», ни тем более с самим Розенбергом.

В своем заявлении перед Трибуналом я обратил внимание на фашистскую пропаганду, содержащуюся в защитительной речи. Сейчас я хочу напомнить Суду содержание двух документов Розенберга.

В директиве от 29 апреля 1941 г. он писал: “Общее разрешение еврейской проблемы должно сейчас проводиться методом временного разрешения ее. Рабский труд для евреев, создание гетто и т. д. должны быть разрешением этой проблемы”.

Еще более цинично, еще более откровенно Розенберг, будучи министром восточных оккупированных областей, высказывался в ноябре 1942 г. на заседании “германского трудового фронта”.

“Мы не должны, — говорил Розенберг, — довольствоваться тем, что евреи будут выселены в другое государство и, может быть, там или здесь будет находиться большое еврейское гетто, нет, наша цель должна оставаться прежней. Еврейский вопрос будет решен в Европе и Германии только в том случае, если на Европейском континенте не останется больше евреев”.

И все эти операции “Котбус”, истребление евреев в городах прибалтийских республик, на Украине и в Белоруссии — все производилось на основе установок Розенберга и с его согласия.

В 1937 г. Розенберг получил германскую национальную премию. В связи с этим фашистская печать написала о нем:

“Альфред Розенберг блестяще помог своими книгами заложить научные и духовные основы, усилить и укрепить философию национал-социализма.

Только будущее сумеет полностью оценить глубину влияния этого человека на философские основы национал-социалистского государства”.

И это будущее — стало настоящим. И я уверен, что Трибунал надлежаще оценит не только влияние Розенберга “на философские основы национал-социалистского государства”, но и его активную роль во всех преступлениях против мира и человечности, совершенных гитлеровцами.

...Господа судьи!

Перед вами прошли все подсудимые — люди, лишённые чести и совести, ввергшие мир в бездну несчастий и страданий, причинившие огромные бедствия собственному народу.

Политические авантюристы, не останавливавшиеся ни перед какими злодеяниями для достижения своих преступных целей, низкие демагоги, прикрывавшие свои разбойничьи планы лживыми идеями, палачи, убившие миллионы невинных, — они объединились в клику заговорщиков, захватили власть и превратили аппарат германского государства в орудие своих преступлений.

Ныне наступил час расплаты.

В течение девяти месяцев мы наблюдали бывших правителей фашистской Германии. Перед лицом Суда, на скамье подсудимых они притихли и присмирели. Некоторые из них даже осуждали Гитлера. Но они корят сейчас Гитлера не за провокацию войны, не за убийство народов и ограбление государств, единственно чего не могут они ему простить — это поражения.

Вместе с Гитлером они были готовы истребить миллионы людей, поработить все передовое человечество для достижения преступных целей мирового господства.

Но иначе судила история: победа не пришла по следам злодеяний. Победили свободолюбивые народы, победила правда, и мы горды тем, что Суд Международного Военного Трибунала — это Суд победившего правого дела миролюбивых народов.

Защитники подсудимых говорили о гуманности. Мы знаем, что цивилизация и гуманность, демократия и гуманность, мир и гуманность — нераздельны.

Но борцы за цивилизацию, демократию и мир — мы решительно отвергаем бесчеловечный гуманизм, внимательный к палачам и безразличный к их жертвам. Защитник Кальтенбруннера тоже говорил здесь о человеколюбии. В сочетании с именем и делами Кальтенбруннера слова о любви к человеку звучат кощунственно.

Господин председатель! Господа!

Моей речью заканчиваются выступления обвинителей.

Выступая на этом Суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым. И во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, принесшие величайшие жертвы для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллионов невинных людей, загубленных бандой преступников, представших перед Судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих по-

колений — я призываю Суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь.

Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством».

30 августа 1946 года Руденко еще раз выступил с трибуны суда. Он сосредоточился на обвинениях против правительства нацистской Германии, генерального штаба и верховного командования вооруженных сил, руководящего состава НСДАП, гестапо, СС, СД и СА.

Это был непростой вопрос. Как признать преступным правительство или политическую партию? Прецедентов на этот счет не существовало. Не могло помочь и внутреннее право. В советском и французском уголовном процессе, например, не фигурировала ответственность организаций и вообще юридических лиц.

Положение усугублялось еще и тем, что уполномоченные трибунала собрали более трехсот тысяч устных показаний, в которых даже бывшие ээсовцы полностью отрицали преступность своих деяний в составе «черного корпуса».

Этой ситуацией воспользовались адвокаты обвиняемых, которые начали пугать немцев тем, что, например, объявление преступной организацией НСДАП приведет к массовым репрессиям против многих рядовых членов партии, не имевших отношения к преступлениям.

Колебались и некоторые члены трибунала. Дескать, есть ли смысл объявлять преступной организацией правительственный кабинет, небольшой по численности, если можно отдать под суд всех членов его по отдельности.

Руденко оказался в числе первых, кто поднимал юридическую «целину» и, по сути дела, создал новый раздел международного права. Нюрнбергский процесс оставил миру четкие критерии отнесения организаций к преступным сообществам, хотя требования советского Главного обвинителя трибунал учел не в полной мере. Суд не признал преступными правительство, верховное командование, генштаб и штурмовые отряды (СА).

«Господин председатель, господа судьи! Мы подошли к заключительной стадии процесса, проведенного с исключительной тщательностью и большим искусством. По индивидуальным делам главных военных преступников, посаженных на скамью подсудимых, обвинением уже представлены исчерпыва-

ющие доказательства. Мы полностью поддерживаем также обвинение против организаций — правительства фашистской Германии, генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил, руководящего состава германской национал-социалистской партии, государственной тайной полиции (гестапо), охранных отрядов германской национал-социалистской партии (СС), службы безопасности (СД) и штурмовых отрядов (СА).

Как установлено судебным следствием, во главе гитлеровской Германии находилась банда заговорщиков, захватившая в свои руки государственную власть и управление всей Германией. Такого рода группа заговорщиков, действовавшая в государстве с многомиллионным населением, в центре огромного государственного аппарата, не могла существовать без целой системы вспомогательных преступных организаций, связывавших заговорщиков с периферией, фюреров большой дороги — с фюрерами улиц и переулков. Поэтому в гитлеровской Германии действовала под постоянным и непосредственным руководством заговорщиков сеть наделенных большой властью организаций — руководящий состав немецко-фашистской партии, гестапо, СС, СД и другие.

Закон 1933 г., которым аппарат фашистской партии был слит с государственным аппаратом гитлеровской Германии, явился открытым законодательным признанием этого факта.

Для укрепления связи между правящей бандой и организациями каждый из заговорщиков выступал в нескольких ролях, был многоликим: Геринг — министр, командующий военно-воздушными силами, уполномоченный по четырехлетнему плану, рейхслейтер, высший руководитель СА и СС; Гесс — министр, заместитель Гитлера по партии, генерал войск СС и СА; Розенберг — имперский руководитель национал-социалистской партии по вопросам идеологии и внешней политики, министр и обергруппенфюрер СА и СС и т. д. Как неотделим Геринг-министр от Геринга-обергруппенфюрера СС, так неотделимы СС, гестапо и другие преступные организации от гитлеровского режима. Можно мыслить гитлеровский режим без библиотек, без школ, даже без больниц, но гитлеровский режим без СС и гестапо существовать не мог.

...Господа судьбы! Мы помним этих “свидетелей” и их показания. Если нужны еще свидетельства того, что ложь у гитлеровцев — постоянная и неизменная спутница злодеяний, то лжесвидетельство Кауфмана, Зиверса, Манштейна, Рейнеке, Беста и других может служить тому убедительной иллюст-

рацией. Эти “свидетели” в своем усердии обелить преступные организации, руководящими членами которых они сами являлись, договорились до очевидного абсурда. Оказывается, и СС, и гестапо — это общество избранных, клуб благородных, рыцарский орден. Недаром еще раньше защитник зачислил Розенберга в рыцари. Там все блещут моральной чистотой и все исполнены любви к ближнему. Если послушать обвиняемых или их адвокатов, окажется, что обергруппенфюрер профессиональных палачей СС ездил спасать евреев от погромщиков и убийц, а генерал Браухич был ярым пацифистом.

Поучительно при этом, что, по показаниям свидетелей, чисты и непорочны все без исключения организации, которые Обвинительный акт признает преступными. Однако кто же тогда совершил убийство 12 миллионов мирных граждан? Кто истязал военнопленных и вывез с оккупированных территорий миллионы людей для рабского труда в Германию? Ответчиков, оказывается, нет!

Ложь, циничная и кощунственная, ложь людей, совесть которых не остановилась перед убийствами, а честь — перед лжеприсягой, не заслуживает опровержения.

Факты, непреложные факты установлены. Непреклонная воля закона ясна. Настало время для выводов.

На съезде гитлеровской партии в 1934 г. Гитлер заявил:

“Не государство нас создало, а мы создаем государство. Возможно, что некоторые нас считают партией, другие — организацией, прочие еще чем-то иным, а в действительности мы являемся теми, кто мы есть”.

Настоящий процесс дает исчерпывающий ответ на вопрос, кем были гитлеровцы: фюрер во главе преступной банды заговорщиков, выступавших в разных ролях и наименованиях (министры, гаулейтеры, обергруппенфюреры и т. д.), окруженной сетью созданных ими преступных организаций, захвативших в свои тиски миллионы германских граждан, — такова была схематически изображенная политическая структура гитлеровской Германии.

Признание названных в Обвинительном акте организаций преступными, как и признание наличия заговора, является поэтому необходимым условием торжества правосудия, торжества, которого жаждут все свободолюбивые народы.

По поводу отдельных организаций, которые обвинение считает необходимым признать преступными, я в дополнение к убедительным доводам, высказанным моими уважаемыми коллегами, нахожусь нужным сказать следующее.

Руководящий состав гитлеровской партии

...Многочисленные преступления гитлеровской клики вдохновлялись и направлялись гитлеровской партией — движущей силой фашистского заговора против мира и безопасности народов демократических стран.

Многие подсудимые и так называемые свидетели защиты говорили, что они являлись националистами, оберегавшими Германию от покушения со стороны других государств. Это — очевидная ложь. Только обманщики могут утверждать, что Австрия, Чехословакия, Польша, Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Югославия, Советский Союз и другие свободолюбивые страны покушались на целостность и независимость Германии. На самом деле немецкие фашисты являются империалистами, для которых основной и решающей целью является захват чужих земель с тем, чтобы обеспечить экспансию воинствующего немецкого капитализма. Они бесстыдно называли себя социалистами. Только обнаглевшие демагоги могут утверждать, что немецкие фашисты, ликвидировавшие все демократические свободы народа и заменившие их концлагерьями, установившие рабский труд на заводах и фабриках и восстановившие крепостнические порядки в селах Германии и оккупированных ими странах, являются защитниками интересов рабочих и крестьян.

И если эти империалисты и реакционеры рядились в тогу “националистов” и “социалистов”, то это они делали исключительно для того, чтобы обмануть народ.

Сама программа гитлеровской партии содержала основы плана господства, захвата чужих территорий и основу чело-веконенавистничества.

В одном из ежегодников немецко-фашистской партии, издававшихся под редакцией Лея, говорилось:

“Программа — это политическая основа немецко-фашистской партии и, следовательно, основной политической закон государства. Все правовые принципы должны применяться в духе партийной программы. После взятия власти фюреру удалось претворить в жизнь основные части партийной программы от основных принципов до деталей”.

Гитлеровская партия неотделима от гитлеровского правительства, от СС, гестапо и других преступных организаций гитлеровского режима, как неотделимы сидящие на скамье подсудимых гитлеровские вожаки от палачей Освенцима и Майданека, Бабьего Яра и Треблинки.

“То, что я достиг, — говорил Гитлер, — знает партия, благодаря которой я стал великим и которую в свою очередь я возвеличил”.

...Закон от 1 декабря 1933 г. был основной мерой, которая обеспечила руководящему составу преступной гитлеровской партии полную политическую власть в Германии, так как этот закон устанавливал, что гитлеровская партия является "лицетворением государства".

Чтобы склонить на сторону фашистского режима массы населения, гитлеровцы, наряду со спекуляцией на национальных чувствах и неслыханной социальной демагогией, пустили в ход самый беззащитный социальный подкуп. Были созданы крупные организации: "союз гитлеровской молодежи", "трудовой фронт", штурмовики, эсэсовцы и т. д. Многочисленных членов этих организаций они связали с фашистским режимом не только всевозможными привилегиями и материальными выгодами, но и круговой порукой совершенных преступлений. А против элементов, недовольных режимом, действовала тираническая машина террора с ее разветвленной сетью сыска, провокаций, предательств, концлагерей, скорострельной юстиции.

...В речи в рейхстаге 20 февраля 1938 г. Гитлер заявил:

"Величайшая гарантия национал-социалистской революции заключается в полном внешнем и внутреннем господстве национал-социалистской партии над Германией и всеми институтами и организациями Германии... Все институты находятся под контролем верховного политического руководства".

Я уже указывал, что немецко-фашистская партия под руководством Бормана превратилась в руководящую полицейскую организацию, находившуюся в самом тесном взаимодействии с германской тайной полицией и СС, что весь партийный аппарат немецко-фашистской партии был привлечен к реализации преступных агрессивных планов руководителей гитлеровской Германии, что партийный аппарат немецко-фашистской партии принимал активное участие в мероприятиях немецких военных и гражданских властей по бесчеловечному использованию военнопленных и угнанного в рабство населения оккупированных немцами территорий.

Когда на процессе говорилось о геббельсовской лжи, гиммлеровском терроре и риббентроповском коварстве, это целиком относилось к гитлеровской партии. Когда обвинение представляло доказательство преступной деятельности Геринга и Гесса, Розенберга и Штрейхера, Шираха и Франка, Шпеера и Заукеля, это были одновременно доказательства обвинения против немецко-фашистской партии, главарями которой были подсудимые. Эти доказательства вполне достаточны, чтобы признать всю гитлеровскую партию преступной организацией, как это понимает статья 9 Устава Международного Военно-

го Трибунала. Однако обвинение не ставит вопрос об ответственности рядовых членов партии, многие из которых стали жертвой своей доверчивости.

Мы ставим вопрос в полном соответствии с Обвинительным заключением о признании преступной организацией только руководящего состава гитлеровской партии, который являлся мозгом, хребтом и движущей силой этой партии, без которого гитлеровские заговорщики не смогли бы реализовать свои преступные планы.

Руководящий состав был особой избранной группой внутри самой гитлеровской партии и, как таковой, наделен специальными прерогативами. Политические руководители были организованы в соответствии с принципами фюрерства, которые применялись не только к Гитлеру, но и ко всему руководящему составу. “Основа партийной организации — это принцип фюрерства”, указывалось в организационном уставе немецко-фашистской партии.

Каждый политический руководитель принимал присягу. В соответствии с партийным уставом текст присяги был следующий: “Я клянусь в нерушимой верности Адольфу Гитлеру. Я клянусь беспрекословно повиноваться ему и назначенным им руководителям”.

Все политические руководители назначались в порядке специального подбора. Разница была только в том, что одни — рейхслейтеры, гаулейтеры и крейслейтеры — назначались лично Гитлером, другие — руководители управлений и отделов гау и крейса, а также ортсгруппенлейтеры — гаулейтером, а такие политические руководители как целленлейтеры, назначались крейслейтером.

... Вот почему мы настаиваем на признании преступной организацией группы руководителей гитлеровской партии, всех больших и малых фюреров, рейхслейтеров и гаулейтеров, крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров — всего руководящего состава чудовищного механизма фашистской диктатуры...

Охранные отряды — СС

В ряду других преступных организаций, созданных германским фашизмом, так называемым охранным отрядам гитлеровской партии, сокращенно СС, должно быть отведено особое место.

С названием СС связаны наиболее тяжкие преступления германского фашизма, массовые убийства в концлагерях, бес-

пощадные расправы с мирным населением и военнопленными, изуверские массовые “акции”.

В основном именно эсэсовцы должны были практически осуществить планы Гитлера и его клики об уничтожении народов.

Гиммлер, являвшийся рейхсфюрером СС, часто называл эсэсовцев “черным корпусом”. Точно так же официальная газета эсэсовцев, “орган рейхсфюрера СС”, называлась “Дас шварце кор” (“Черный корпус”).

Это был неслучайный термин. Вся система СС, начиная от так называемых “альгемейне СС” (“общих СС”) и кончая лагерной охраной и войсками СС, была построена действительно как особый “корпус” уверенных в безнаказанности преступников, специально обученных и воспитанных в духе наиболее жестоких и бесчеловечных гитлеровских “теорий”. Главным фашистским заговорщикам нужны были массовые кадры для совершения убийств миллионов людей поработанных народов, для захвата территорий и практического осуществления так называемой германизации. Эти задачи и выполняли члены СС. Организация СС возникла и стала известна как преторианская гвардия Гитлера, как организация погромщиков и убийц.

Она осталась такой же на всем протяжении своего существования.

В числе других доказательств советское обвинение предъявило номер газеты “Дас шварце кор” от 20 августа 1942 г. с опубликованной в нем редакционной статьей, озаглавленной “Германизировать ли?”. Содержащиеся в этой статье программные установки Гиммлера настолько важны для уяснения существа СС, что я позволю себе вновь привести небольшое извлечение из этой статьи:

“Рейхсфюрер СС дал следующий лозунг:

Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили люди только действительно немецкой, германской крови”.

Эта статья была опубликована для сведения всех эсэсовцев в тот период, когда преступный германский фашизм был еще уверен в победе и уже приступил практически к истреблению миллионов людей.

4 октября 1943 г. на совещании группенфюреров СС в Познани создатель СС Гиммлер, говоря об уничтожении евреев Европы, заявил:

“Между нами мы будем говорить об этом с полной откровенностью, но публично об этом не будем упоминать. Точно

так же, как это было 30 июня 1934 г., когда мы выполняли приказ, и ставили к стенке, и расстреливали провинившихся товарищей, и об этом никогда не говорили, и не будем говорить... Я подразумеваю теперь 'эвакуацию' евреев, истребление еврейского народа. Это относится к делам, о которых легко говорится... 'Еврейский народ будет искоренен', говорит каждый член партии, вполне ясно стоит в нашей программе истребление евреев, искоренение... мы делаем это... Большинство из вас знает, что такое 100 трупов, 500 лежащих трупов или 1000 лежащих трупов... В общем мы можем сказать, что мы с любовью к нашему народу выполняли самые тяжелые задачи. И мы не повредили ни своей душе, ни своему характеру".

Я не буду останавливаться на истории СС. В связи со сказанным можно лишь упомянуть о том, что возникшие еще в 1925 г. охранные отряды 20 июля 1934 г. специальным приказом Гитлера были возведены в ранг самостоятельной организации гитлеровской партии именно после совершенных эсэсовцами 30 июня 1934 г. политических убийств.

В приказе Гитлера сказано:

"Ввиду доблестной службы СС, особенно в связи с событиями 30 июня 1934 г., возвожу СС на положение независимой организации внутри национал-социалистской партии".

История развития СС в системе гитлеровского государства свидетельствует о все большем и большем сращивании СС, как так называемых "общих СС", так и "войск СС", с полицейским аппаратом — гестапо, СД, эйнзатцгруппами и зондеркомандами, осуществлявшими массовые "акции", "фильтрации" в лагерях и т. д. Этот процесс получил завершение в секретном приказе Гитлера 17 августа 1938 г., когда, объясняя причины, по которым 17 июня 1936 г. он объединил должности начальника германской полиции и рейхсфюрера СС, Гитлер указал:

"Посредством назначения рейхсфюрера СС и начальника германской полиции при министерстве внутренних дел 17 июня 1936 г. ('Рейхсгезетцблатт', ч. 1, с. 487) я создал основу для объединения и реорганизации германской полиции.

Посредством этого мероприятия шуценштаффелен (то есть охранные отряды) национал-социалистов, которые находились под руководством рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, вступили в тесную связь с германской полицией".

Только в этой теснейшей органической связи с наиболее жестокими, специально предназначенными для истязания и истребления людей, полицейскими органами, созданными германским фашизмом, может быть правильно понята роль СС.

...Ко времени начала войны организация СС состояла из следующих важнейших звеньев:

1. Так называемых общих СС («Альгемейне СС»), в которых эсэсовец проходил общую подготовку, прежде чем быть направленным в войска СС или в ту или иную полицейскую организацию. Общие СС были резервуаром, из которого черпали пополнение специальные организации германского фашизма — тайная государственная полиция (гестапо), служба безопасности (СД), управление концлагерей (группа D) и другие.

2. Войск СС — которые являлись в действительности отнюдь не теми далекими от каких-либо полицейских действий “гвардейскими частями” бывшей немецкой армии, какими столь усиленно стремились их представить защита и подсудимые. К войскам СС относились в числе других частей те учреждения, по поводу преступного характера которых не посмели возражать даже защитники СС — “лагерные комендантуры войск СС”, осуществлявшие массовое уничтожение мирных людей и военнопленных в концлагерях. Именно “Ваффен СС”, к которым относились также полицейские полки СС, были в основном теми частями, которые осуществляли уничтожение населенных пунктов и деревень, совершали неисчислимые преступления на территории временно оккупированных районов Советского Союза и стран Восточной Европы.

3. В систему СС были включены хозяйственное управление СС, ведающее концлагерями, управление по консолидации немецкой нации, практически осуществлявшие гнусные теории расизма, и все полицейские организации гитлеровцев, в том числе такие, как эйнзатцгруппы и зондеркоманды.

...Этому позорному “черному корпусу” германского фашизма была отведена исключительная роль в осуществлении преступных планов германского фашизма.

Выродкам в эсэсовской форме, потерявшим всякое представление о человеческой морали, не только гарантировалась безнаказанность за преступления, им повседневно внушалось, что именно они являются тем “полноценным расовым слоем”, который составит основу будущей “великой Германской империи”.

Так заявлял им Гиммлер, так заявляли рейхслейтеры и гаулейтеры, возведенные Гиммлером в высшие звания СС и в зависимости от оценки рейхсфюрером СС их деятельности повышаемые по эсэсовской иерархии.

Министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп не только не стыдился того, что приравнен в эсэсовском

звании к убийце Полю или грабителю и палачу Глобичнику, он был весьма горд этим.

“Я всегда буду считать за особую честь принадлежать к этому гордому корпусу фюрера, имеющему решающее значение для будущего нашей великой Германской империи”, — писал Риббентроп в письме Гиммлеру по случаю производства его из группенфюреров в обергруппенфюреры СС.

Так, одна и та же система СС объединяла коменданта Треблинки унтершарфюрера Курта Франца, изобретателя “душегубок” унтерштурмфюрера Беккера, эсэсовского экспериментатора над живыми людьми гауптштурмфюрера доктора Рашера и имперского министра обергруппенфюрера СС Риббентропа.

На совещании группенфюреров СС в Познани Гиммлер, говоря о единстве СС и полиции, заявил:

“Я непрестанно кое-что прибавляю к этому, всегда ищу обруч, который бы дал возможность все это соединить. Горе, если этот обруч будет недостаточно крепким и начнет расходиться. Тогда, будьте уверены, все вернется за короткий срок к ничтожному прошлому... Я думаю, что мы отвечаем за это перед Германией, так как Германия нуждается в этом ордене СС. По крайней мере на следующие столетия”.

Заканчивая речь, он говорил:

“...Когда война будет выиграна, тогда, я вам уже говорил об этом, начнется наша работа.

...Из этого ордена, из этого верхнего расового слоя германского народа должно рождаться самое большое количество потомства. В течение 20—30 лет мы должны давать Европе руководящий слой. Если СС совместно с крестьянами и мы совместно с нашим другом Бакке начнем заниматься заселением Востока, великодушно, без всяких ограничений, не спрашивая ни о чем, с размахом и революционным напором, то в течение 20 лет мы продвинем границу нации на 500 километров на Восток...

...Мы будем диктовать Востоку наши законы. Мы будем пробиваться вперед и постепенно подойдем к Уралу...”

Общие СС

...Вступая в общие СС, будущий член этой преступной организации принимал особую присягу, в тексте которой было сказано:

“Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, фюрер и рейхсканцлер... повиноваться до смерти тебе и тем, которых ты назначил для того, чтобы командовать мною”.

И где бы ни служил эсэсовец — умерщвлял ли он людей в

Треблинке и Освенциме или мучил допрашиваемых в застенках гестапо — он оставался прежде всего самим собою — тупым и безжалостным членом общих СС, знающим лишь две обязанности — слепое повиновение «фюреру и рейхсканцлеру» и безоговорочное исполнение любых преступных приказов...

Войска СС — Ваффен СС

...На Суде была оглашена строго секретная директива Гиммлера, на основании которой части Ваффен СС уничтожили тысячи населенных пунктов, городов, сел и деревень во временно оккупированных немцами районах Советского Союза.

В этой директиве Гиммлер писал:

“Цель, которая должна быть достигнута, заключается в том, что после того, как украинские области будут эвакуированы, там не должно быть оставлено ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одной железнодорожной линии, ни один дом не должен остаться целым, не должно быть ни одной шахты, которую можно было бы эксплуатировать в течение ближайших лет, не должно быть ни одного неотравленного колодца. Враг должен найти страну полностью выжженной и разрушенной...”

Гестапо

Гестапо было создано подсудимым Герингом 26 апреля 1933 г. в бытность его прусским премьер-министром; в первое время Геринг лично им руководил.

Постепенно руководство политической полицией федеральных земель сконцентрировал в своих руках имперский руководитель СС Генрих Гиммлер. Законом от 10 февраля 1936 г. гестапо было объявлено общеимперской “особополицейской” организацией. Указом от 17 июня 1936 г. Гитлер назначил Гиммлера шефом германской полиции, узаконив таким образом достигнутую к этому времени “персональную унию” между СС и полицией в целом...

Задачи гестапо

Задачи гестапо в общей системе органов безопасности третьей империи были четко определены в свое время тем же Гейдрихом в статье, опубликованной в немецком журнале “Гер-

манская полиция". Определяя роль СД как политической разведки нацистской партии и государства, в обязанность которой входило выявление и изучение, с целью информации нацистского руководства, политических настроений, тенденций и течений как внутри, так и вне империи, задачу органов тайной государственной полиции он видел в конкретном выявлении и обезвреживании политически враждебных и неблагонадежных для фашистского режима элементов.

Выполнению этой кардинальной программной задачи нацистского государства служила вся система центральных, территориальных, пенитенциарных и специальных органов и формирований гестапо.

Выполнение этой задачи требовало самого тщательного индивидуального отбора сотрудников гестапо. Они подбирались из числа наиболее опытных кадровых чиновников общей полиции и администрации, на деле зарекомендовавших себя фанатическими приверженцами гитлеровского режима, а также из штатных сотрудников СД, назначавшихся, как правило, на руководящие должности в гестапо.

Из письменных показаний бывшего начальника шестого управления РСХА Вальтера Шелленберга установлено, что 75 процентов чиновников гестапо являлись членами СС. Таковыми они либо уже приходили в гестапо, либо вступали в СС, начав свою службу в этой карательно-террористической организации.

Число сотрудников гестапо в период 1943—1945 гг. доходило до 40—50 тысяч. Такой штат, говоря словами Фуше, позволял гестапо иметь "везде глаза, чтобы видеть, и везде руки, чтобы схватывать".

Преступная деятельность гестапо не ограничивалась пределами имперской территории.

В период подготовки планов агрессии на органы гестапо была возложена организация совместно с СД одной из первых оперативных групп — эйнзатцгруппы, предназначенной для действия на территории Чехословацкой республики.

С началом военных действий тайная государственная полиция в соответствии с заранее разработанным и утвержденным планом выделила часть своих кадров в распоряжение вооруженных сил, в составе которых они образовали так называемую тайную полевую полицию — ГФП. Формирования последней выполняли в войсках действующей армии функции, присущие гестапо и уголовной полиции в рейхе, и, кроме того, широкие полицейско-карательные функции, направленные против мирного населения и партизан в районах боевых действий.

С самого создания тайной государственной полиции ей бы-

P. Pydzewski

Отец Р. Руденко Андрей с женой Натальей.
Дети — Нина, Петр, Николай, Федор, Роман

Роман Руденко.
Мисхор,
Кипарисовая аллея,
1929

Здание прокуратуры,
где Р. А. Руденко
работал помощником
окружного прокурора.
Чернигов

Бывшее здание райисполкома, в котором работал Р. А. Руденко.
Носовка, 1927

Площадь Ивана Франко. Здесь в 1928 году работал инспектором
окружной ККРКИ Р. А. Руденко. *Нежин, Черниговская обл.*

Дом, в котором
проживал
Р. А. Руденко.
Макеевка, 1933

Улица Пушкина, 5
(бывшая 2-я линия).
В этом доме жил
Р. А. Руденко.
*Донецк,
1937—1938 гг.*

В этом здании сельской школы в январе 1943 года находились правительство Украинской ССР и штаб Юго-Западного фронта.
Кабычевка, Марковский р-н. Ворошиловградская обл.

Семья Руденко —
жена Мария Андреевна, дочери — Лариса и Галина, Роман Андреевич.
12 октября 1941 г.

Здание Международного
военного трибунала
в Нюрнберге во время
процесса

А. Я. Вышинский

В зале заседаний Международного военного трибунала

Р. А. Руденко (крайний слева) с творческой интеллигенцией.
Слева направо — П. Крылов, Н. Соколов, Ю. Корольков,
Вс. Иванов, С. Кирсанов, Кузькин, М. Куприянов. *Нюрнберг, 1946*

Роман Андреевич
Руденко

Представители разных
делегаций
во время отдыха
на Нюрнбергском
процессе.

Р. А. Руденко
во втором ряду
четвертый справа.
1946

Выступление
помощника Главного
обвинителя от СССР
Н. Д. Зоря
на Нюрнбергском
процессе

Нюрнбергский
процесс.
Слева —
Г. А. Александров,
справа —
фельдмаршал
Ф. Паулюс

Во время встречи
с избирателями.
Неожиданная
встреча
Р. А. Руденко
с водителем,
работавшим с ним
на Нюрнбергском
процессе

И. Т. Голяков

Нюрнбергский процесс. Р. А. Руденко допрашивает Г. Геринга

Караул у здания Военного трибунала

Л. Р. Шейнин
(второй слева),
Р. А. Руденко
(второй справа)

П. В. Баранов

Н. М. Рычков

К. П. Горшенин

А. Н. Мишутин

В. М. Бочков

Ольга Желоховцева
и Михаил
Панкрат'ев
перед свадьбой

Н. П. Афанасьев
с женой и дочерью

Внутренний вид Нюрнбергской тюрьмы,
где содержались военные преступники

ло предоставлено широкое право внесудебной репрессии против элементов, “угрожавших” нацистскому государству и партии.

Одной из основных форм подавления этих элементов было использование права превентивного ареста и превентивного заключения, которым на протяжении своего существования широко пользовались органы гестапо как на территории самой империи, так и в присоединенных к Германии и оккупированных ею областях.

Местами превентивного заключения были пользующиеся широкой и мрачной известностью немецкие концентрационные лагеря. Заключение в концлагерь происходило по простому письменному распоряжению шефа полиции безопасности и СД — Гейдриха, а впоследствии — подсудимого Кальтенбрунера или начальника четвертого управления РСХА Мюллера. Во многих случаях распоряжение о заключении в концентрационный лагерь давал лично рейхсфюрер СС и шеф германской полиции Генрих Гиммлер.

Никогда подвергавшийся превентивному заключению не знал, на какой срок мучений и издевательств он обречен, — срок заключения всецело зависел от произвола гестапо. Даже в тех случаях, когда гестапо, бросая человека в концлагерь, заранее определяло срок его заключения, было строжайше запрещено сообщать его как заключенному, так и его близким.

Эти концлагеря явились прообразом возникших в период развязывания гитлеровской агрессии лагерей уничтожения, названия которых с содроганием будут вспоминать грядущие поколения: Майданек, Освенцим, Трешлинка и многие другие...

Преступления против мира

Из представленных Трибуналу доказательств с несомненностью вытекает, что генеральный штаб и верховное главнокомандование вооруженных сил в полной мере были осведомлены о преступных планах агрессии гитлеровского правительства, разделяли эти планы и активно участвовали в их разработке и осуществлении.

Агрессивные и человеконенавистнические планы гитлеровских заговорщиков стали известны в Германии каждому немцу уже со времени появления в свет “Майн кампф”, они широко пропагандировались и распространялись изо дня в день, из месяца в месяц. Эти планы с самого начала получили признание со стороны военных руководителей Германии, которые впоследствии отдали свой военный опыт и знания на службу гитлеровскому государству.

Я, однако, не намерен углубляться в историю гитлеровского государства и его военной машины для того, чтобы устанавливать сейчас, когда и при каких условиях возникла и зародилась преступная деятельность германских руководящих военных кругов. Я хочу только напомнить о некоторых важнейших доказательствах, относящихся уже к периоду начала войны.

Еще 23 мая 1939 г. на совещании в новой имперской канцелярии с высшими военачальниками Гитлер заявил:

“Речь идет не о Данциге. Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на Восток. Таким образом отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности”.

Развивая в присутствии высших германских офицеров и генералов свои политические и военные планы, Гитлер на совещании 22 августа 1939 г. в Оберзальцберге говорил:

“На первом плане — уничтожение Польши... Если и на Западе разразится война, на первом плане остается уничтожение Польши... Для пропаганды я дам повод к развязыванию войны, безразлично, будет он правдоподобным или нет”.

На совещании главнокомандующих 23 ноября 1939 г. Гитлер говорил своим ближайшим военным советникам:

“В основном же я не для того возродил вооруженные силы, чтобы они бездействовали. Решение действовать всегда жило во мне. Раньше или позже я хотел разрешить проблему. Вынужденно получалось так, что Восток на ближайшее время выпал”.

Это ли не свидетельство того, что Гитлер не делал из своих преступных планов секрета для высших военных руководителей гитлеровской Германии?

Еще более убедительными в этом смысле являются военно-оперативные документы германского командования, в которых в циничной форме излагаются преступные агрессивные цели гитлеровского правительства.

В директиве Гитлера от 30 мая 1938 г. о реализации плана “Грюн”, предусматривавшего захват Чехословакии, указывалось:

“Моим непоколебимым решением является то, что Чехословакия в ближайшем будущем должна быть разбита в результате одного военного акта.

Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым Германия будет спровоцирована в самой резкой форме и который морально оправдывает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности”.

Или директива от 27 марта 1941 г. о захвате Югославии, которой предусматривалось:

“Даже в том случае, если Югославия заявит о своей лояльности, ее следует рассматривать как врага и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно”.

Своего апогея эта циничная откровенность достигла в немецких военно-оперативных документах, касающихся подготовки нападения на СССР.

В инструкциях ОКВ об особых областях от 13 марта 1941 г., то есть еще задолго до нападения на СССР, прямо указывалось:

“Захватываемые во время операции русские области, как только это позволит ход военных действий, должны превращаться, в соответствии со специальными инструкциями, в государства с собственными правительствами”.

В “Указаниях о применении пропаганды в районе ‘Барбаросса’”, изданных ОКВ в июне 1941 года, предусматривалось, что “пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза”.

Наконец, документ № 21 от 18 декабря 1940 г., зашифрованный под названием план “Барбаросса”, гласил:

“Конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск — Волга”.

Бывший генерал-фельдмаршал германской армии Фридрих Паулюс дал здесь, в Суде, исчерпывающее объяснение этой “конечной цели”, которую преследовала гитлеровская Германия в войне против Советского Союза и которая была известна всему руководящему составу германских вооруженных сил...

Военные преступления и преступления против человечности

Германские вооруженные силы и их военачальники совершали, самостоятельно или во взаимодействии с германскими полицейскими органами, бесчисленные злодеяния на оккупированных территориях.

Простое перечисление документальных доказательств, разоблачающих злодеяния, совершенные немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях, заняло бы слишком много времени.

Поэтому я сошлюсь лишь на отдельные доказательства, подтверждающие, что военные преступления и преступления против человечности совершались немецкими вооруженными силами планомерно, в массовых масштабах, были заранее орга-

низованы и в них участвовали все звенья германской военной машины — от фельдмаршала до солдата.

Достаточно вспомнить распоряжение подсудимого Кейтеля от 13 мая 1941 г. “О применении военной подсудности в районе ‘Барбаросса’ и об особых мероприятиях войск”, которым предписывалось применение “самых крайних мер”, для чего германским офицерам предоставлялось право расстрела без суда, и которым устанавливалась безнаказанность немецких военнослужащих за преступления, совершенные в отношении мирного населения.

Или распоряжение того же подсудимого Кейтеля от 16 сентября 1941 г., которым он предписывал германским войскам “иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычной жестокости”.

Можно также указать на приказы ОКВ об уничтожении советских военнопленных комиссаров, о клеймении советских военнопленных, приказы подсудимого Геринга об уничтожении взятых в плен летчиков союзных армий, о разграблении оккупированных территорий и угоне мирного населения в Германию на принудительный труд, приказ подсудимого Дёница, запрещающий спасать людей с тонущих кораблей, приказ бывшего генерал-фельдмаршала Рейхенау “О поведении войск на Востоке” и многие другие.

Все они приобрели теперь уже нарицательный смысл.

Эти преступные приказы не оставались приказами на бумаге, как это пытались представить здесь некоторые свидетели вроде фон Браухича или фон Маништейна. Они с немецкой пунктуальностью претворялись в жизнь.

Трибунал выслушал показание свидетеля, бывшего генерал-майора медицинской службы германской армии Вальтера Шрайбера, который, являясь ученым-бактериологом, рассказал о плане гитлеровских заговорщиков использовать в войне в качестве оружия смертоносные бактерии чумы. Только выход наступающих частей Красной Армии к границам Германии сорвал этот преступный план гитлеровской военной клики, осуществление которого угрожало новыми страшными бедствиями, опустошением всей Европы...»

Глава VI

ВСЕ ВЫШЕ, ВЫШЕ И ВЫШЕ

После завершения Нюрнбергского процесса Роман Андреевич продолжал руководить органами Прокуратуры Украинской ССР. Переход к мирной, созидательной жизни не был гладким и ровным. Украинская ССР была одной из республик, наиболее пострадавшей от фашистской оккупации. К колоссальному материальному ущербу, понесенному республикой, добавились и другие невзгоды. В 1946 году на Украине случилась небывалая засуха. В западных областях продолжалась активная антисоветская и террористическая деятельность.

Изменялись и законодательные акты военного времени. Принимались новые законы, направленные на скорейшее восстановление народного хозяйства, охрану государственной, общественной и личной собственности, защиту прав и интересов граждан.

Все это требовало от органов прокуратуры республики активизации надзора по всем основным направлениям своей работы, усиления организации борьбы с преступностью, повышения качества предварительного расследования.

Вернувшись с Нюрнбергского процесса, в конце 1946 года Руденко сразу же провел совещание с областными прокурорами, на котором обсудил ситуацию, сложившуюся тогда с кадрами. В своем докладе он подчеркнул, что «дело подбора и воспитания кадров приобретает первостепенное значение», что мероприятия по кадрам — это не самоцель, это средство осуществления важнейших задач, стоящих перед прокуратурой. Он потребовал, чтобы вопросами подбора, расстановки и воспитания кадров занимались, прежде всего, все руководители областных органов прокуратуры, а также все оперативные сотрудники их аппаратов. Сам он, бывая в областных, городских и районных прокуратурах, не только интересовался тем, как работают люди, но и их обучением, условиями быта и отдыха, вникая в заботы каждого следователя и помощника прокурора.

Заместителем прокурора Украинской ССР по кадрам был в то время Федор Кириллович Глух. В дальнейшем Федор Кириллович работал министром юстиции, председателем Верховного суда Украинской ССР, а в 1963 году Роман Андреевич Руденко назначил его Прокурором УССР. Мне довелось с ним работать и много общаться. На этой должности он проработал почти 20 лет, до выхода на пенсию в 1983 году.

«Как заместитель прокурора республики по кадрам, — вспоминал Глух, — я всегда получал у Романа Андреевича полную поддержку. Помню, мы внесли предложение организовать в аппарате Прокуратуры УССР, аппаратах областных прокуратур обязательные занятия для оперативного состава как по теоретическим вопросам, так и по практике прокурорского надзора. Руденко обеспечил неукоснительное соблюдение намеченных планов занятий, не допускал, чтобы даже из-за срочных вопросов текущей работы занятия переносились.

В итоге занятия по повышению идейно-теоретического уровня стали системой, к их проведению привлекались ученые, практические прокурорские работники. В порядке контроля эти вопросы рассматривались на совещаниях».

По словам Глуха, Роман Андреевич умел «среди многочисленных забот повседневной организации работы прокуроров и следователей выбирать главное, выделять то, что сегодня решало судьбу дела, сосредоточивать свое внимание именно на этих вопросах, настойчиво вовлекать в решение основных задач всех работников. Таким вопросом в пятидесятых годах стало для Руденко улучшение подготовки кадров, без чего нельзя было добиться радикального улучшения прокурорско-следственной деятельности. Пришедшие в органы прокуратуры в военные и послевоенные годы фронтовики внесли в нашу работу большую конкретность, деловитость, жизненный опыт, но у подавляющего большинства прокуроров и следователей не хватало теоретической подготовки, профессиональной практики...»

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

Константин Петрович Горшенин — с ним активно сотрудничал Руденко во время Нюрнбергского процесса и в дальнейшем во время работы на посту Генерального прокурора СССР. Родился Константин Петрович 28 мая (10 июня) 1907 года в небольшом городе Алатырь Симбирской губернии в семье рабочего-железнодорожника. В семнадцатилетнем возрасте Константин Горшенин, окончив Казанскую

железнодорожную школу (девятилетку), стал учащимся Казанского индустриального техникума так называемого повышенного типа. Там он пробыл всего полтора года, а затем, оставив учебу, стал работать слесарем в паровозном депо на станции Юдино Казанской железной дороги (Татарская АССР). Он явился одним из организаторов комсомольской ячейки станции, которую сам же и возглавил. Его избрали депутатом поселкового Совета, и он вошел также в члены президиума Совета. Для пополнения своего образования, он выбрал Московский институт советского права, только что созданный на базе реорганизованного юридического факультета МГУ, который и окончил в 1932 году. В январе 1930 года партийная организация железнодорожников приняла его в свои ряды.

Константин Петрович учился блестяще, получая по всем предметам самые высокие оценки и проявляя особую склонность к научной и преподавательской деятельности. После завершения учебы он был оставлен в аспирантуре при институте. Своей научной специализацией избрал трудовое законодательство. Горшенина выдвинули на работу в Народный комиссариат юстиции СССР, которым в то время руководил Н. В. Крыленко.

В 1938 году Горшенин становится членом коллегии Наркомата юстиции СССР.

Начальником управления учебных заведений Горшенин работал почти три года. В январе 1940 года Константин Петрович получил новое высокое назначение — он возглавил Народный комиссариат юстиции РСФСР. Органами юстиции республики ему пришлось руководить в годы Великой Отечественной войны.

13 ноября 1943 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин и Секретарь Президиума А. Горкин подписали в Кремле следующий указ: «Освободить тов. Бочкова Виктора Михайловича, согласно его просьбе, от обязанностей Прокурора СССР. Назначить Прокурором СССР тов. Горшенина Константина Петровича».

Став во главе прокурорской системы, Горшенин основное внимание аппарата направил на выполнение директивных указаний властей, принятых на заключительном этапе войны. Особое место отводилось надзору за выполнением постановлений правительства о подготовке к весеннему севу. «Дела о преступлениях, связанных с подготовкой и проведением весеннего сева, необходимо расследовать и рассматривать в суде без промедления», — писал Горшенин.

В последние годы войны и в первые послевоенные годы

репрессивная направленность деятельности органов прокуратуры нисколько не изменилась. Горшенин, как и его предшественники, подписал немало приказов и указаний, которые нацеливали прокуроров и следователей на привлечение к уголовной ответственности должностных лиц и граждан практически за любые противозаконные деяния, будь то задержка выплаты заработной платы учителям или медицинским работникам, падеж племенных лошадей, уклонение от регистрации радиоприемников, расходование не по назначению нефтепродуктов, разбазаривание и порчу хлеба, содержание административно-управленческого аппарата сверх установленных штатов, продажу учебников по повышенной цене, занятие частнопредпринимательской деятельностью под вывеской кооперативной или государственной...

Для некоторых категорий уголовных дел Горшенин установил сокращенные сроки расследования (приказ от 17 марта 1944 года). Например, по делам о хищениях и растратах в торговле и спекуляции — 15 дней, о самовольном разбронировании материальных ценностей государственного резерва и о преступлениях несовершеннолетних — 10 дней, о нарушении прав военнослужащих и о должностных преступлениях работников сельского хозяйства, связанных с проведениемхозполиткампаний — 7 дней, об уклонении от призыва в Красную армию и от выполнения трудовой повинности, а также по делам о нарушении воинского учета и дезертирстве — 5 дней.

2 марта 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР К. П. Горшенину был присвоен классный чин действительного государственного советника юстиции, что по тем временам (при наличии официально утвержденной сравнительной таблицы классных чинов прокурорско-следственных работников с воинскими званиями) соответствовало воинскому званию генерала армии.

За время войны резко снизился образовательный уровень руководящего состава органов прокуратуры. В сентябре 1946 года Горшенин даже снял с должности заместителя прокурора Астраханской области по спецделам, который, согласно приказу, совершенно не работал над повышением своего культурного уровня и общеобразовательной подготовки. Во время беседы, проведенной с ним, он проявил полное невежество в области знания русской классической литературы, не знал основ уголовного права и процесса, в заочной юридической школе не учился.

С 8 апреля по 21 декабря 1946 года Горшенин почти всецело был занят на Нюрнбергском процессе, проводя значительную часть времени в Нюрнберге.

Еще до окончания Нюрнбергского процесса в Прокуратуре Союза СССР стали готовиться еще к одному крупному Международному процессу — над главными японскими военными преступниками. Он проходил в Токио с 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года, то есть более тридцати месяцев. На нем был только один Главный обвинитель — американец Д. Кинан. Представители других государств, в том числе и СССР, выступали как дополнительные обвинители.

К. П. Горшенин активно занимался подготовкой и других процессов над немецкими преступниками и предателями Родины, воевавшими на стороне немцев. Среди них следует назвать процесс над бывшим советским генералом Власовым и его сообщниками (всего предано суду 11 человек). Военная коллегия Верховного суда СССР в августе 1946 года приговорила изменников к смертной казни через повешение.

Тогда же Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела и уголовное дело по обвинению бывшего атамана Семенова и его соучастников (всего в отношении 8 человек). По приговору суда Семенов был повешен, пятеро других подсудимых — расстреляны, а двое — приговорены к длительным срокам заключения.

В январе 1947 года Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело по обвинению бывшего атамана П. Н. Краснова, белогвардейских генералов Шкуро, Султан-Гирей Клыча, С. Н. Краснова, Доманова и генерала-эсэсовца фон Панвица, которые, согласно обвинительному заключению, проводили во время войны активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР. Приговор в отношении всех подсудимых был один — смертная казнь через повешение.

Среди других крупных процессов подобного рода, которыми активно занималась Прокуратура СССР, можно назвать дело, рассмотренное в ноябре 1947 года в Полтаве военным трибуналом Киевского военного округа. На скамье подсудимых оказались на этот раз 22 фашистских карателя из танковой дивизии СС «Мертвая голова».

19 марта 1946 года Верховный Совет СССР принял постановление о присвоении Прокурору СССР наименования Генеральный прокурор СССР и назначил на эту должность Константина Петровича Горшенина.

26 мая 1947 года Указом Президиума Верховного Совета СССР в стране отменяется смертная казнь. В связи с этим Горшенин направил на места телеграмму о приостановле-

нии всех неисполненных смертных приговоров. В июле того же года был отменен и Указ от 26 декабря 1941 года «Об уголовной ответственности рабочих и служащих военных предприятий за самовольный уход с предприятий».

29 января 1948 года 4-я сессия Верховного Совета СССР 2-го созыва утвердила К. П. Горшенина в должности министра юстиции СССР, в связи с чем Президиум Верховного Совета СССР освободил его от обязанностей Генерального прокурора СССР. Он пробыл министром юстиции более восьми лет.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Пули в портрет Сталина

В бытность Горшенина министром юстиции СССР в ЦК КПСС неоднократно поступали в отношении его анонимные заявления. То его упрекали за неделовые связи с сотрудницей, то обвиняли в том, что он нарушил закон о денежной реформе и незаконно получал завышенные гонорары за издание своих книг, то якобы не принимал мер к очищению адвокатуры от не заслуживающих доверия лиц и т. п. Все эти наветы, как было принято в то время, проверялись различными комиссиями и инспекциями. Горшенину приходилось все время объясняться по этим вопросам в ЦК партии и Совете Министров СССР, что конечно же немало попортило ему крови.

По мнению современников, Горшенин мог в угоду власти предержавшим дать необъективную и даже предвзятую характеристику лицам, с которыми работал. Бывший Главный военный прокурор Н. П. Афанасьев в своих воспоминаниях приводит такой эпизод.

Однажды ему пришлось заниматься делом некоего Л. Последний служил в штабе конвойной дивизии в Москве. Находясь как-то раз в командировке в Брянске этот офицер, в пьяном виде, не найдя в темноте вход в свою комнату в гостинице, начал беспорядочную пальбу из пистолета. Случайно три пули попали в угол портрета Сталина, висевшего в коридоре. Началось расследование.

Учитывая, что во время войны Л. был начальником разведки в партизанском отряде, имел ордена, дело прекратили. Однако кто-то из военных прокуроров проявил бдительность и доложил в Москву о том, что Л. в пьяном виде расстрелял портрет Сталина и остался безнаказанным. Вскоре

Л. арестовали и осудили за хулиганство к трем годам лишения свободы. Л. стал жаловаться, и одно его заявление попало к Афанасьеву. Последний пришел к выводу, что можно было бы войти с представлением в Военную коллегия Верховного суда СССР о снижении Л. наказания до фактически отбытого.

Афанасьев дал указание своему подчиненному Бударгину подготовить соответствующий документ, предварительно согласовав его с Генеральным прокурором СССР Горшениным. Через два дня Бударгин доложил, что Горшенин согласен с представлением. Вскоре Л. был досрочно освобожден.

Однако через некоторое время в ЦК ВКП(б) поступил донос о том, что Афанасьев умышленно добился освобождения террориста. Комитет партийного контроля при ЦК создал специальную комиссию, в которую вошел и Горшенин, ставший к этому времени министром юстиции СССР. Разбор дела шел явно тенденциозно. Видя это, Афанасьев обратился к Горшенину: «Константин Петрович, вот вы сейчас согласны, что дело Л. решено мною неправильно. Допустим, что это так, но ведь документ в Верховный суд был подписан мною только после предварительного вашего согласия, почему же сейчас всю вину, если она есть, возлагаете на меня одного?»

Горшенин стал заявлять, что никаких указаний по делу Л. он не давал. Вызванный в КПК Бударгин подтвердил, что вопрос об освобождении Л. он лично согласовывал с Горшениным.

Тот покраснел и спросил: «А где моя подпись о согласии?»

Бударгин ответил, что обычно устные указания подписью не скрепляются, а делается лишь пометка в деле.

Тогда Горшенин заявил, что Афанасьев и Бударгин лгут и никаких указаний по делу он не давал.

Председатель Комитета партийного контроля Шкирятов добился того, чтобы персональное дело Афанасьева рассматривалось на Секретариате ЦК ВКП(б). Вел заседание Маленков. Шкирятов стал говорить о том, что Афанасьев засорил свой аппарат и даже взял под защиту явного контрреволюционера-террориста. Л. Горшенин полностью его поддержал и добавил, что Афанасьев, как Главный военный прокурор, работает плохо, и он неоднократно указывал ему на это, что дело Л. решено им неправильно и вместо того, чтобы признать свою ошибку, он пытается свалить вину за освобождение Л. на него, Горшенина.

«Я не выдержал такой наглости и подлости, — вспоминал Афанасьев, — и едва он закончил, я встал и вновь попросил

слова у Маленкова. Тот слово мне дал. Я доложил, что чрезвычайно удивлен заявлением Горшенина. Моя работа при нем ежегодно проверялась и всегда признавалась удовлетворительной. При Горшенине и по его представлению я был дважды награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени. Он сам, Горшенин, как я точно знал, пять раз представлял меня к следующему воинскому званию “генерал-полковник юстиции”, а вот теперь Горшенин говорит в ЦК, что я плохой работник.

Горшенин завертелся как уж, потому что все, что я сказал, было правдой. Тогда он начал выкручиваться, заявил, что неточно выразился и его неправильно поняли. “Я хотел сказать, — заявил он, — что товарищ Афанасьев серьезно болен и это мешает ему работать лучше”». Больше он ничего не сказал.

Секретариат ЦК все же освободил Н. П. Афанасьева от должности Главного военного прокурора по болезни.

31 мая 1956 года Министерство юстиции СССР было упразднено, а вместо него создана Юридическая комиссия при Совете Министров СССР с ограниченными функциями. К. П. Горшенин автоматически утратил свой пост и довольствовался лишь должностью директора Всесоюзного института юридических наук. В 1963 году он был назначен заведующим сектором трудового законодательства Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. В 1967 году вышел на пенсию, продолжая вести активную научно-педагогическую деятельность. В 1968 году стал доктором юридических наук.

Скончался Горшенин 27 мая 1978 года в Москве.

Со свойственной ему энергией и увлеченностью Роман Андреевич несколько лет лично, постоянно и настойчиво занимался вопросами подготовки кадров, повышения их квалификации, делового уровня, пока не убедился, что учеба прокуроров и следователей вошла в организационное русло и дает свои результаты. Не было ни одного выступления Руденко на различных совещаниях, где бы он не касался вопросов юридической учебы. Проводились совещания и семинары кадровых аппаратов, слушались отчеты областных прокуроров. Словом, были использованы все формы контроля.

Исключительно важное значение Руденко придавал выступлениям прокуроров по уголовным и гражданским делам. Само участие прокуроров в судебных процессах он рассматривал не только как метод надзора за законностью в право-

судии, но и как сильнейшее средство правового воспитания населения, действенную форму профилактики правонарушений. Он говорил, что показать закон в действии лучше всего удастся в суде, где потерпевшие, свидетели и все присутствующие в зале люди воочию видят, что законы олицетворяют справедливость и охраняют не только интересы государства, но и каждого человека.

Несмотря на многотрудные текущие дела, Руденко никогда не оставлял судебной трибуны. Он был прирожденным оратором. Выступал без особых излишеств, говорил просто, доходчиво и ясно.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Галан

Город Львов, 24 октября 1949 года.

На квартиру писателя Ярослава Галана под видом граждан, ищущих встречу с депутатом городского совета, приходят члены Организации украинских националистов (ОУН) Стахур и Лукашевич. Во время разговора с ничего не подозревающим писателем и депутатом Стахур выхватывает из под плаща топор и наносит смертельный удар...

Чтобы понять, какая сила занесла топор над Галаном, нужно пояснить, чем он занимался. Писатель сотрудничал с газетой «Радяньска Украина» и был ее специальным корреспондентом на Нюрнбергском процессе. Его очерки и репортажи, отличавшиеся остротой и доходчивостью, обличали фашизм, тесные связи украинских националистов с гитлеровцами и их преступную деятельность.

Материалы из Нюрнберга принесли Галану популярность среди читателей, и они же вызвали приступы злобы у тех, кого он умело и талантливо разоблачал. Расправу над писателем подготовило и осуществило нацистско-оуновское подполье.

Государственное обвинение в суде над убийцами Ярослава Галана поддерживал лично прокурор Украины Руденко, который хорошо знал писателя по Нюрнбергскому процессу, и посчитавший участие в этом процессе продолжением своей работы в Нюрнберге. Процесс во Львове показал, что и годы спустя после официальной капитуляции Германии нацизм не сошел с арены. Он был сломлен в вооруженной борьбе, но окончательно не уничтожен и сохранил способность к новым преступлениям.

В начале 50-х годов Руденко бесспорно выдвинулся в число самых известных советских юристов. Он неоднократно принимал участие в конгрессах и заседаниях Совета Международной ассоциации юристов-демократов и был избран в ее руководящий состав.

Старожилы Прокуратуры СССР рассказывали, что на одном из совещаний, когда Генеральный прокурор Сафонов попросил слова, вождь сделал вид, будто его вовсе не знает. Когда Сафонов пошел к трибуне, Сталин, в притихшем зале, спросил у своего помощника Поскребышева:

— Кто это?

— Генеральный прокурор, товарищ Сталин, — ответил Поскребышев.

Осенью 1952 года в ЦК партии стали поступать, видимо сработанные не без участия Берия, материалы, компрометирующие Генерального прокурора СССР Сафопова. Было принято решение провести по ним соответствующую проверку. Вскоре материалы были доложены секретарю ЦК КПСС Маленкову. Выводы комиссии оказались для Сафопова неутешительными. Отмечалось, что он не оправдывает оказанного ему доверия и заслуживает строгого партийного взыскания. Однако закончилось все тем, что Сафопова вызвал к себе Шаталин, тогдашний секретарь ЦК и указал ему на допущенные ошибки.

Так что вопрос об отставке Сафопова, можно сказать, витал тогда в воздухе и многие тогда гадали: «Кто же будет следующим Генеральным прокурором СССР?»

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

Григорий Николаевич Сафонов родился 13 (26) октября 1904 года в Ростове Ярославской губернии. Его отец, Николай Дмитриевич, до революции имел собственную кузницу, в которой работал до 1920 года. Затем до самой смерти, последовавшей в 1930 году, считался кустарем. Мать происходила из семьи богатого лесопромышленника, владевшего в Угличском уезде Ярославской губернии лесами и землями. Когда свершилась революция, леса и земли были отобраны.

До 18 лет Григорий Сафонов жил с родителями, учился в ростовской средней школе. В сентябре 1922 года он стал студентом правового отделения Ленинградского государственного университета. Через три года дипломированный

юрист занял скромную должность помощника юрисконсульта машиностроительного треста в Ленинграде. В ноябре 1926 года его призвали Красную армию. Вернувшись через год в Ленинград, Григорий Сафонов несколько месяцев помыкался без работы. Только в марте 1929 года ему удалось получить место юрисконсульта на Невском машиностроительном заводе им. В. И. Ленина. Вскоре он возглавил юридическое бюро завода. В октябре 1929 года Сафонов стал членом партии.

На машиностроительном заводе Г. Н. Сафонов работал более шести с половиной лет, заслужив репутацию способного юриста, особенно хорошо разбирающегося в гражданском и трудовом праве, и активного общественника (он часто выступал с лекциями и докладами, руководил различными агитационно-пропагандистскими кружками и семинарами).

В апреле 1935 года прокуратурой Ленинградской области был поставлен вопрос о переводе Сафонова в органы прокуратуры, однако руководство завода этому воспротивилось. Тогда прокурор области обратился в обком партии с просьбой мобилизовать Сафонова на работу в органы прокуратуры. И он стал прокурором Окуловского района Ленинградской области.

В райкоме партии Сафонов считался малоактивным. В характеристике того времени отмечалось, что он редко выезжает на места — в сельсоветы и колхозы, больше отсиживается в канцелярии, не интересуется работой секций революционной законности на предприятиях и группы содействия прокуратуре, не проявляет интереса к жизни района; среди районного актива авторитетом не пользуется. Однако эти недостатки скорее всего можно было отнести не столько к его личности, сколько к невероятной загруженности чисто служебными делами. Штат прокуратуры был небольшой, поэтому ему самому приходилось часто выступать в судах. Только за 1937 год Сафонов поддержал обвинение по 161 уголовному делу и выступил по 28 гражданским делам.

22 августа 1938 года Сафонова утвердили в должности прокурора одного из центральных районов Ленинграда — Кировского. В этом районе Сафонов пробыл менее года. Его способности успели заметить и по достоинству оценить в Прокуратуре Союза ССР. Весной 1939 года Сафонова стали усиленно перетягивать на работу в центральный аппарат, тем более что там требовался толковый начальник гражданского-судебного отдела.

В июле 1939 года Сафонов, уже при Прокуратуре Союза ССР Панкратьеве, перебрался в Москву и приступил к ис-

полнению своих новых обязанностей. С этого времени его карьера резко и стремительно пошла вверх.

В декабре 1939 года Панкратьев внес предложение в ЦК ВКП(б) об утверждении Сафонова одним из своих заместителей. Там оно нашло поддержку, и вчерашний районный прокурор в 35-летнем возрасте становится заместителем Прокурора Союза ССР. Из-за сталинских чисток выбор был тогда не слишком велик.

Как всегда бывает в таких случаях, и здесь не обошлось без завистников. Вскоре в ЦК партии стали поступать сигналы о том, что у Сафонова, оказывается, не совсем пролетарское происхождение, и что этот факт он якобы скрыл. Действительно, Григорий Николаевич не особенно распространялся в своих анкетах о родственниках, сообщал о них очень скупно. Он писал, в частности, что его отец до революции арендовал кузницу, а потом работал кустарем. О своем деде-лесопромышленнике умолчал...

Начались проверки; в разные концы полетели запросы. К счастью Сафонова, эти проверки никаких негативных последствий не имели.

В должности заместителя, а затем и первого заместителя Прокурора (Генерального прокурора) Союза ССР Григорий Николаевич Сафонов пробыл около 9 лет. Принимал участие в Нюрнбергском процессе, консультировал группу обвинителей и следователей от Советского Союза и не раз тогда встречался с Романом Андреевичем Руденко.

4 февраля 1948 года Григорий Николаевич Сафонов был назначен Генеральным прокурором Союза ССР. Было ему тогда немногим более 43 лет.

На одном из совещаний В. М. Молотов, жестко критикуя прокуроров, бросил им упрек в том, что они хотят жить со всеми в мире, быть хорошими людьми, ни с кем не ругаться, чтобы все были довольны. Он призвал их навести порядок в областях. Когда же прокуроры пытались на деле реализовать эти лозунги и защищали закон от произвола местных руководителей, на них сыпались взыскания. Прокурора, например, могли исключить из партии только за то, что он возбудил дело, дал санкцию на арест или обыск в отношении какого-либо местного руководителя, не согласовав этого вопроса с райкомом...

В 1949 году Прокуратура СССР выявила много случаев необоснованного привлечения к ответственности. Только в 1948 году суды оправдали свыше 4,7 тысячи человек. Сафонов, после соответствующей проверки, объявил строгие взыскания. Кто-то из обиженных обратился с заявлением в

ЦК партии, на имя Маленкова. В письме утверждалось, что Прокуратура Союза ССР вместо организации борьбы с преступностью необоснованно снимает с работы прокуроров и следователей, угрожает отдачей под суд и в то же время не предпринимает никаких мер к созданию надлежащих условий для работы.

Далее неизвестный автор писал следующее:

«В результате психоза, поднявшегося вокруг неосновательного привлечения, во всех органах прокуратуры больше никто не думает над тем, чтобы вскрыть преступление, изболочить преступника — все заняты только одним — поменьше бы иметь уголовных дел, поскорее бы от них избавиться, как-нибудь протащить в суде — с каким угодно, но только бы ни с оправдательным приговором, а может быть, и прекратить дело, не направляя его в суд.

К прокурору предъявляются требования быть сверхчеловеком и никогда не ошибаться, — жаловался анонимный корреспондент. — Вместе с тем Генеральный прокурор, предъявляя непомерно грозные требования, не сумел поставить себя в надлежащих органах власти так, чтобы создать должный авторитет и вес ему подчиненных органам».

Сафонов занимал пост Генерального прокурора Союза ССР более пяти лет. Надо сказать, он не пользовался особым авторитетом у руководителей партии и правительства. Об этом свидетельствует и тот факт, что ему так и не был присвоен положенный Генеральному прокурору СССР классный чин действительного государственного советника юстиции. Это же подтверждает и эпизод, рассказанный бывшим Главным военным прокурором Н. П. Афанасьевым.

Когда в августе 1950 года Секретариат ЦК ВКП(б) рассматривал вопрос об освобождении Афанасьева от занимаемой должности после проведения тенденциозной проверки, инициированной Комитетом партийного контроля при ЦК, и Маленков, ведший заседание, выслушав явно предвзятые выступления председателя КПК Шкирятова и министра юстиции Горшенина, поднял Сафонова с вопросом: «Ну, а что вы скажете об Афанасьеве?» — Генеральный прокурор не нашел что ответить. Уничтожительно посмотрев на него, Маленков бросил: «Ничего-то вы, Сафонов, не знаете. Знаете одну охоту. Со вторника собираетесь на нее, в пятницу до понедельника уезжаете — и так все время. Вот что, отныне ЦК запрещает вам ваши поездки на охоту. Садитесь».

Писатель А. А. Безуглов, работавший прокурором уголовного-судебного отдела при Сафонове, рассказывал мне, что Генеральный прокурор СССР был человеком небольшого

роста, полным, напоминавшим какой-то колобок. В руке он всегда держал кожаную папку.

«В приемной у него были не секретари, а два офицера — адъютанты Ильин и Гусев. Безуглову особенно запомнилась первая встреча с Сафоновым.

Прокуроры по очереди дежурили по ночам в приемной генерального. Это дежурство заключалось в приеме почты, а иногда кто-нибудь звонил. И вот однажды во время моего дежурства появился в приемной Сафонов. Я, естественно, встал и поздоровался с ним. Сафонов на меня посмотрел и ничего в ответ не сказал. Так повторилось еще раз. Я был удивлен. И однажды с одним старшим товарищем поделился своим недоумением. В ответ он говорит: “Многого хочешь, он даже с начальниками отделов, генералами, не здоровается, а ты хотел, чтобы он здоровался с рядовым. К этому со-трудники привыкли”.

Но вот к нам в отдел поступает на работу Антонина Яковлевна Ионкина. Она была женой первого заместителя Прокурора РСФСР Буримовича. И когда она поздоровалась с Сафоновым, а тот не ответил, Антонина Яковлевна была возмущена и решила обратиться к секретарю парткома Прокуратуры СССР Сливину. Тот пообещал выяснить причины, по которым Сафонов не ответил на приветствие Ионкиной. Через несколько дней он объявил Антонине Яковлевне, что разговаривал по этому поводу с Сафоновым и тот заявил, что он настолько занят государственными делами, только и думая о них, что никого и ничего вокруг себя не замечает».

После отставки, по свидетельству ветеранов прокуратуры, Сафонов стал совершенно иным человеком. Вел себя очень демократично, был прост в общении, не кичился своей прежней должностью. Иногда он рассказывал интересные эпизоды из своей жизни, непрочь был посидеть в компании и выпить с товарищами и даже учил правильно пить водку молоденьких секретарей Прокуратуры РСФСР, где он тогда работал.

Приведу еще одно свидетельство Безуглова: «Однажды я увидел Сафонова в Прокуратуре СССР. Я обратил внимание, что полнота Сафонова исчезла. Он очень похудел. Когда мы сели в лифт, там находился Семен Михайлович Лавров, прокурор уголовно-судебного отдела. Он хромал и был с палочкой. Лифт стал подниматься, и наступило тягостное молчание. Мы были смущены присутствием вчерашнего Генерального прокурора.

И вот, желая разрядить обстановку, Сафонов вдруг обратился к Лаврову: “А что это у вас с ногой?” Семен Михай-

лович Лавров был человек с юмором. Он посмотрел на Сафонова и ответил: “Григорий Николаевич, когда я ходил к вам на доклады, она у меня была такой же, но вы почему-то прежде не интересовались, что у меня с ногой. Дело в том, что она у меня такая с детства”. Сафонов был смущен, и ничего не ответил».

О репрессиях конца 1940 — начала 1950-х годов написано много: выходили статьи, монографии, книги, мемуары и другая литература. Поэтому, не вдаваясь в подробное исследование этой проблемы, остановлюсь только на том, как объяснял причины творившегося в стране беззакония и роль в этом деле органов госбезопасности и прокуратуры тот, кто по своему должностному положению вроде бы должен был бы стать надежной преградой на пути произвола. В личном деле Сафонова на этот счет есть немало документов.

В одном из своих объяснений он писал: «С изданием постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года в деятельности органов государственной безопасности и в прокурорском надзоре была создана твердая основа законности. Правда, уже тогда в указаниях НКВД, на которые имеется ссылка в этом постановлении, были предусмотрены некоторые отступления от закона (разрешалось следователям составлять т. н. обобщенные протоколы и т. п.)...

Опираясь на постановление партии и правительства, прокуроры требовали и впервые за все это время реально добились строгого соблюдения законности при расследовании дел. Однако продолжалось это недолго. Примерно через год после принятия постановления органам МВД (тогда они назывались НКВД. — *Авт.*), которыми в то время руководил Берия, было дано указание о возможности применения к обвиняемым мер воздействия. “Было предусмотрено, что вопрос о применении этих мер в каждом” конкретном случае решается начальником областного управления (и вышестоящими руководителями) по своему усмотрению. Прокуратура за этой сферой деятельности надзор не осуществляла.

Указание о применении “мер воздействия” находилось в очевидном противоречии и опрокидывало принцип строгого соблюдения законности, положенный в основу постановления от 17 ноября 1938 года. В статье 136-й действующего Уголовно-процессуального кодекса (УПК) ясно записано: “Следователь не имеет права домогаться показания или со-

знания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер”.

После того как разрешено было применять “меры воздействия”, органы государственной безопасности были поставлены в такие условия, что их побаивались не только враги. Это разрешение открывало возможность для нечестных работников сфабриковать какие угодно показания, получить компрометирующий материал на любого человека. В связи с этим некоторые местные руководители, помнящие как в 1937/38 годах ряд работников (в том числе большое количество прокуроров), пытавшихся прекратить беззакония, были по ложным показаниям арестованы либо скомпрометированы, избегали ссориться с органами государственной безопасности и в тех случаях, когда ссориться было необходимо...

Такая система работы, естественно, развращала работников НКВД, создавала широкие возможности для беспринципного карьеризма. Проверка дел, по которым были вскрыты явные факты фальсификации следствия, показала, что в большинстве случаев мотивом, которым руководствовались работники, встав на нечестный путь искусственного создания обвинений против советских людей, было желание отличиться в глазах начальства».

И далее: «Массовым извращением в деятельности органов государственной безопасности на протяжении столь длительного периода времени способствовал тот факт, что МГБ (МВД) было поставлено в ненормальное положение в системе государственных органов.

Был создан государственный орган, который имел мощный аппарат для наблюдения с разветвленной, всюду проникающей сетью сотрудников и агентов; свою армию (войска МГБ); свой суд (особое совещание); свои места заключения (внутренние тюрьмы и особые лагеря) и зависимую от него систему прокуратуры и трибуналов войск МВД. Именно этой прокуратуре и этим трибуналам была по положению поднадзорна и подсудна основная часть дел, расследуемых МГБ... Органам государственной безопасности был создан непомерный авторитет, отнюдь не оправданный их работой.

В бытность мою Генеральным прокурором за все 5 с половиной лет товарищ Сталин ни разу не вызвал меня (так же, впрочем, как и моих предшественников) для обсуждения касающихся следствия вопросов с руководящими работниками и со следователями МГБ, которых он иногда приглашал к себе. Никогда он не вызывал к себе также министра юстиции и председателя Верховного суда Союза ССР».

Это объяснение написано Сафоновым в 1954 году и, конечно, носит субъективный характер. Однако оно все же дает определенный ответ на вопрос о том, почему был окончательно утрачен надзор за следствием в органах государственной безопасности. Очевидно, что и Руденко мог бы при нужде сослаться на те же обстоятельства.

Многие сотрудники государственной безопасности, поставленные в более благоприятные материальные и служебные условия, нежели работники прокуратуры и суда, относились к последним с нескрываемым пренебрежением. Прокуроры и судьи хорошо сознавали и то, что и за ними самими ведется оперативное наблюдение.

30 июня 1953 года 5-я сессия Верховного Совета СССР 3-го созыва освободила Сафонова от должности Генерального прокурора. Снятие с работы он признавал как серьезное, но справедливое наказание и тяжело переживал его. В соответствии с постановлением Президиума ЦК партии он был оставлен в так называемой номенклатуре ЦК, то есть мог рассчитывать на соответствующую должность. Лично Маленков заявил на заседании Президиума, что ему будет предоставлена работа в прокуратуре, органах юстиции или другом государственном органе.

После сдачи дел новому Генеральному прокурору Руденко Григорий Николаевич ушел в отпуск на полтора месяца, так как не отдыхал несколько лет.

В апреле 1954 года КПК при ЦК КПСС была представлена в Секретариат ЦК записка о партийной ответственности Г. Н. Сафонова. В ней отмечалось, что Сафонов, будучи Генеральным прокурором СССР, допускал серьезные ошибки и не осуществлял надлежащего контроля за соблюдением законности в следственной работе МГБ СССР. Не проявил необходимой требовательности к подчиненной ему группе прокуроров, специально выделенных по надзору за следствием в МГБ СССР. В результате чего прокурорские работники этой группы свели прокурорский надзор к штампованию обвинительных материалов.

Давая санкции на арест, работники Прокуратуры СССР и лично Сафонов не вникали в существо дела, не разбирались с каждым арестованным в отдельности, а целиком брали на веру представленные МГБ следственные материалы, многие из которых, как теперь выяснилось, были сфальсифицированы. Не было ни одного случая, чтобы Сафонов и его заместители проверяли законность содержания людей в тюрьмах МГБ...

Было там много и других обвинений. Затем делался вывод, что Г. Н. Сафонов заслуживает строгого партийного наказания за серьезные недостатки в деле осуществления прокурорского надзора и нереагирование на сигналы о нарушениях законности в проведении следствия в бывшем МГБ СССР.

Сафонов дал подробные объяснения по всем пунктам. Например, касаясь дел генералов и офицеров, он пояснил, что в то время был информирован в том смысле, что арестовывались они и решения по ним принимались с ведома Сталина. При таких обстоятельствах он не считал возможным вмешиваться.

Решение о наказании Сафонова было принято только 25 февраля 1955 года. Ему был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку (снят в марте 1967 года).

Пока рассматривалось персональное дело, ему никакой номенклатурной должности не предлагалось и с июля 1953 года он почти два года нигде не работал. Только в марте 1955 года Сафонов был назначен на должность заместителя Московского окружного транспортного прокурора, на которой пробыл два года. В мае 1957 года его перевели на работу в аппарат Прокуратуры РСФСР, где он также занял весьма скромное место заместителя начальника уголовно-судебного отдела. Последние годы жизни он работал прокурором следственного управления прокуратуры республики.

Вспоминая эти годы, С. В. Тюрин, бывший тогда заместителем начальника следственного управления Прокуратуры СССР, рассказывал:

«Он приходил ко мне по конкретным делам. К тому времени он был уже в довольно преклонном возрасте, и я поражаюсь его удивительной работоспособности, ясности ума и умению глубоко, квалифицированно, на высоком профессиональном уровне решать самые сложные дела и вопросы прокурорского надзора. Его можно назвать человеком от станка — от прокурорского станка».

И еще:

«Где бы и в качестве кого он в то время ни работал, он отличался исключительно большой работоспособностью и добросовестностью. Он доказал, что может не только руководить, но и сам выполнять любую черновую работу прокурора, следователя и делать это на высоком профессиональном уровне».

Скончался Г. Н. Сафонов в 1972 году. Урна с прахом захоронена в колумбарии Новодевичьего кладбища в Москве.

Берия

Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР и министр внутренних дел СССР Берия был арестован днем, около 13 часов, 26 июня 1953 года на заседании Президиума ЦК КПСС группой военных.

По словам генерала армии Москаленко, участвовавшего в аресте, Берия отвезли вначале на гарнизонную гауптвахту Москвы. На следующий день, 27 июня (это была суббота), туда заявились новый министр внутренних дел Круглов и его заместитель Серов, которые сказали, что по поручению Хрущева и Маленкова они уполномочены вместе с Москаленко вести следствие по делу Берия.

Как писал Москаленко, такое заявление его насторожило. Он разыскал Хрущева, который в тот вечер вместе со всеми членами Президиума находился в Большом театре.

Вот как описывает дальнейшие события Москаленко:

«Во время антракта в особой комнате Большого театра собрался весь состав Президиума ЦК. Серов и Круглов доложили, что я и мои товарищи неправильно обращаемся с Берией, порядок содержания его неверный, что я не хочу сам с ними вести следствие и т. д.

Дали слово мне. Я сказал: я не юрист и не чекист, как правильно и как неправильно обращаться с Берией, я не знаю. Я воин и коммунист. Вы мне сказали, что Берия враг нашей партии и народа. Поэтому все мы, в том числе и я, относимся к нему как к врагу. Но мы ничего плохого к нему не допускаем, если я в чем и не прав, подскажите, и я исправлю. Выступили Маленков и Хрущев и сказали, что действия т. Москаленко правильны, что Президиум их одобряет, и тут же сказали, что следствие будет вести вновь назначенный Генеральный прокурор т. Руденко Р. А. в присутствии т. Москаленко...»

Учитывая, что Маленков и Хрущев почти сразу же сказали, кем будет вестись следствие по делу Берия, этот вопрос, по всей видимости, у них предварительно обсуждался и был решен в пользу прокурора Украинской ССР Руденко.

В своих воспоминаниях Хрущев пишет:

«Тут же мы решили на завтра или послезавтра, так скоро, как это было технически возможно, созвать пленум ЦК, где и поставить вопрос о Берии. Одновременно было решено освободить Генерального прокурора СССР, потому что он не вызывал у нас доверия и мы сомневались, что он может

объективно провести следствие. Новым Генеральным прокурором утвердили товарища Руденко и поручили ему провести следствие по делу Берии».

Когда происходили изложенные события, Руденко находился в Киеве. Он был вызван в Москву в понедельник, 29 июня 1953 года. В его бумагах сохранилось командировочное удостоверение № 357, подписанное заместителем прокурора Украинской ССР Смоленским. В нем отмечено, что оно выдано «Руденко Р. А. — прокурору УССР, государственному советнику юстиции 2 класса, командированному в Москву по служебным делам. Срок командировки 7 дней. Основание: приказ № 70 от 29 июня 1953 г.» И на обороте: «Убыл из Киева 29 июня 1953 г.»

«Служебная командировка» Руденко в Москву на 7 дней растянулась на 27 лет напряженной работы на посту главного законника страны.

В тот же день, то есть 29 июня 1953 года, Руденко уже присутствовал на заседании Президиума ЦК КПСС, на котором его, по предложению Н. С. Хрущева, утвердили Генеральным прокурором СССР вместо смещенного с этого поста Сафонова.

Официально Руденко был назначен Генеральным прокурором Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1953 года, а затем утвержден в этой должности Верховным Советом.

К этому времени Роман Андреевич уже имел большую семью. Он был женат на дочери рабочего Бакинских нефтяных промыслов, погибшего от рук белогвардейцев в 1918 году, Марии Федоровне. От этого брака имел двух дочерей — Галину, студентку 1-го курса Киевского медицинского института, Ларису, учившуюся тогда в 8-м классе, и сына, Сергея, которому было два года. Он сразу же получил классный чин действительного государственного советника юстиции.

На этом же заседании Президиума ЦК было принято постановление «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии». В нем Генеральному прокурору Руденко поручалось ведение следствия по делу. Ему предлагалось в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, «с учетом данных на заседании

Президиума ЦК указаний», к выявлению и расследованию «фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берии через его окружение — Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др. ...»

Старейший работник органов прокуратуры, прослуживший в ее рядах более 40 лет, Сергей Васильевич Тюрин рассказывал:

«1 июля 1953 года нас, аппарат Прокуратуры СССР, срочно собрали в Мраморном зале. В президиуме появился Р. А. Руденко, один, без всякого сопровождения, и объявил о том, что он назначен новым Генеральным прокурором. Р. А. Руденко сразу же сообщил, что он уполномочен заявить: Политбюро (Президиум. — *Авт.*) ЦК КПСС претензий к прежнему Генеральному прокурору СССР Г. Н. Сафонову не имеет, его освобождение связано с тем, что сочтено неудобным оставление его в должности в связи с арестом Берии.

Конечно, мы понимали, что после разоблачения Берии не могло не быть претензий к Генеральному прокурору СССР и освобождение Сафонова произошло “не просто так”.

Но важен был и какой-то успокоительный жест в адрес Прокуратуры СССР. Им как бы подчеркивалось, что органы прокуратуры не отождествляются с бандой Берии и органами безопасности, творившими произвол».

Перед новым Генеральным прокурором вставала неимоверно трудная задача — нужно было повернуть деятельность органов прокуратуры в русло законности и правопорядка, но конечно же в свете тех требований, которые выдвигались тогда ЦК.

Но среди множества дел, которыми ему приходилось заниматься в первые месяцы после своего назначения, главным все же было расследование дела Берии.

Руденко подобрал группу квалифицированных следователей и прокуроров. Во всех следственных действиях принимал участие также командующий войсками Московского военного округа генерал армии К. С. Москаленко. Вот что он писал:

«29 июня 1953 г. ко мне прибыл Генеральный прокурор т. Руденко Роман Андреевич, и мы вместе с ним в течение шести месяцев день и ночь вели следствие. Основной допрос вел Руденко, часто и я задавал Берии вопросы. Следствие велось долго, трудно и тяжело. Ведь к Берии никаких физических или психологических методов не применялось, никто ему ничем не угрожал. Показания он давал только после улик, при представлении ему документов за его подписью или с его резолюцией, и только после полного изобличения он сознавался...»

Следствие проводилось в подземном бункере (командном пункте) штаба Московского военного округа. Бункер представлял собой хорошо оборудованное (в том числе всеми средствами связи и жизнеобеспечения) помещение из нескольких комнат. Берия поместили в одну из них, площадью 10—12 квадратных метров, из которой предварительно все вынесли, оставив лишь койку да табурет.

Наиболее просторную комнату отвели для Генерального прокурора, в которой он и проводил все следственные действия.

Это дело было настолько одиозным, что власти не могли полностью довериться даже Генеральному прокурору. Проводить обыск в служебном помещении Берии в Кремле Маленков поручил не Роману Андреевичу, а своим доверенным лицам: секретарю ЦК КПСС Н. Н. Шаталину, бывшему помощнику, а в то время заведующему канцелярией Президиума ЦК партии Е. Н. Суханову и заместителю заведующего административным и торгово-финансовым отделом ЦК КПСС А. Л. Дедову.

Маленков, вероятно, опасался, что во время обыска могут быть найдены компрометирующие его документы.

Как и в былые времена крупных сталинских процессов, еще до начала следствия были опубликованы партийные и государственные решения по делу Берии, которые предопределяли его виновность, а именно постановление июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС и Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором содержались и правовые оценки деяний бывшего министра внутренних дел СССР. Следствию и суду как бы предлагалось лишь облечь в «юридическую упаковку» партийные директивы.

В сентябре 1953 года Руденко представил в Президиум ЦК КПСС проект обвинительного заключения по делу Берии и его соучастников, хотя следствие все еще шло полным ходом. Рассмотрение его состоялось 17 сентября.

Присутствовали Хрущев, Маленков, Булганин, Молотов и некоторые другие члены Президиума. Докладывал Генеральный прокурор. Было внесено немало «ценных» поправок и предложений. Члены Президиума ЦК, как заправские следователи, формулировали обвинение, излагали доказательства и т. п.

Было решено доработать обвинительное заключение в течение двух недель (срок явно нереальный, учитывая, что следствие даже и не приближалось к концу). Для того чтобы усилить партийное влияние при окончательной отшлифовке этого процессуального документа, поручили Сулову,

тогдашнему секретарю ЦК КПСС и члену Президиума «принять участие как в подготовке Генеральным прокурором СССР проекта обвинительного заключения по делу Берии, так и проекта сообщения от Прокуратуры СССР».

Одновременно Руденко было поручено внести предложения о составе специального присутствия Верховного суда СССР. Другими словами, прокурор должен был определить судей для предстоящего процесса!

Президиум ЦК решил, что дело по обвинению Берии и его соучастников должно рассматриваться в закрытом судебном заседании, без участия сторон, то есть на него не допускались ни обвинители, ни защитники. Таким образом, прения сторон по делу сразу же исключались.

Спустя два месяца после этого следствие было завершено. Материалы составили почти 40 томов. Одно обвинительное заключение было более чем на ста страницах.

10 декабря 1953 года Президиум ЦК КПСС на своем заседании утвердил проект обвинительного заключения по делу Берии, Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского, текст сообщения вестника «В Прокуратуре СССР», а также проект указа Президиума Верховного Совета СССР об образовании и составе Специального судебного присутствия для рассмотрения дела по обвинению Берии и его соучастников.

Согласно обвинительному заключению преданию суду подлежали бывшие министры: внутренних дел Л. П. Берия, государственной безопасности, а перед арестом — государственного контроля В. Н. Меркулов, внутренних дел Грузии В. Г. Деканозов, внутренних дел Украины П. Я. Мешик, первый заместитель министра внутренних дел Б. З. Кобулов, начальник Третьего управления МВД С. А. Гоглидзе и начальник следственной части по особо важным делам МВД Л. Е. Влодзимирский.

Из восьми назначенных для ведения этого процесса судей лишь только двое имели отношение к органам юстиции — это Е. Л. Зейдин, первый заместитель Председателя Верховного суда, и Л. А. Громов, председатель Московского городского суда. Остальные являлись партийными или профсоюзными функционерами (Н. А. Михайлов — секретарь Московского обкома, Н. М. Шверник — Председатель ВЦСПС, М. И. Кучава — Председатель Грузинского республиканского Совета профсоюзов) и военными (И. С. Конев, Маршал Советского Союза — председатель Специального присутствия; К. С. Москаленко, генерал армии). А также К. Ф. Лунев, первый заместитель министра внутренних дел

(ранее работал заведующим административным отделом Московского обкома партии).

Включение в состав Специального присутствия генерала армии Москаленко, который не только арестовывал Берия, но и принимал непосредственное участие в следственных действиях, является грубейшим нарушением уголовно-процессуального законодательства и ничем не было оправдано. Почему Руденко не протестовал против этого — непонятно. Ведь если бы поручили эту функцию любому иному военачальнику — ничего не изменилось бы в судьбе Берии и его соучастников.

Видимо, это была прихоть Хрущева или кого-то другого из высших партийных бонз. Более того, после суда Москаленко принимал участие в расстреле Берии...

Чтобы один и тот же человек арестовывал, вел следствие, судил и приводил приговор в исполнение, — такого не случилось даже во времена «скорострельной юстиции» при Сталине!

Все преданные суду лица обвинялись по статьям Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающим ответственность за государственные (контрреволюционные) преступления, в частности по статье 58,1 п. «б» (измена Родине, совершенная военнослужащими), статье 58,8 (совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти), статье 56,11 (организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений), а Берия, кроме того, еще и по статье 58,13 (активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период Гражданской войны) и по части 2 Указа Президиума Верховного Совета от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование».

Все статьи Уголовного кодекса о контрреволюционных преступлениях предусматривали высшую меру уголовного наказания — расстрел с конфискацией имущества.

В опубликованном в газетах сообщении «В Прокуратуре СССР» отмечалось: «Следствием установлено, что Берия, используя свое положение, сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков, ставившую своей преступной целью использовать органы Министерства внутренних дел как в центре, так и на местах против Коммунистической партии и Правительства СССР в интересах иностранного капитала, стремившуюся в своих вероломных замыслах поставить Министерство внутренних дел над

партией и правительством для захвата власти и ликвидации советского рабоче-крестьянского строя в целях реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии».

Берии инкриминировалось то, что он продвигал на руководящие должности в Министерстве внутренних дел участников заговорщической группы, подвергал преследованиям и гонениям честных работников МВД, саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий партии и правительства, пытался оживить остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР, поддерживал преступные связи с иностранными разведками и т. п.

Берия и его сообщники, по версии следствия, совершили ряд изменнических актов, пытаясь ослабить обороноспособность Советского Союза, а также террористические акты. Берия, как отмечалось в сообщении, совершил и иные преступления, свидетельствующие о его глубоком моральном падении.

Разобраться, где здесь правда, а где выдумка, и сегодня мудрено. В общем, обвинили во всем, в чем можно было обвинить. Но то, что он был одним из самых страшных и мерзких сталинских палачей, сомнению не подлежит...

Суд состоялся в помещении штаба Московского военного округа, где и содержался после ареста Берия. Судебное заседание открылось 18 и закончилось 23 декабря вынесением смертного приговора всем подсудимым. В день окончания суда приговор был приведен в исполнение в присутствии Генерального прокурора СССР Руденко.

После этого дела Роман Андреевич занялся и другими «одиозными» делами. В тюрьмах тогда сидели В. С. Абакумов, М. Д. Рюмин, А. Н. Рапава, бывший нарком (министр) государственной безопасности Грузии, а затем министр юстиции этой республики, Н. М. Рухадзе, бывший министр государственной безопасности Грузии, арестованный в 1952 году, Надария, телохранитель Берии, и многие другие лица, так или иначе связанные с Берией.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Абакумов

Наиболее известным было дело В. С. Абакумова. Оно возникло менее чем через год после окончания так называемого «ленинградского дела».

12 июня 1951 года был арестован один из инициаторов этого процесса министр государственной безопасности СССР генерал-полковник Абакумов. Ему было тогда сорок два года.

Абакумов происходил из рабочей среды, образование имел только в объеме городского училища, которое окончил в Москве. Однако благодаря исключительной энергии, природной сметке и уму он сумел достичь высших воинских чинов.

В 1939 году он был еще рядовым сотрудником НКВД, оперуполномоченным в Секретно-политическом отделе. Затем во время репрессий неожиданно и круто выдвинулся, получив должность начальника Ростовского управления НКВД, а вслед за этим — заместителя наркома госбезопасности и начальника управления особых отделов РККА. Во время Великой Отечественной войны Абакумов занимал уже пост заместителя наркома обороны и начальника Главного управления контрразведки, знаменитого Смерша.

По словам Генерального прокурора Союза Сафонова, указание на арест Абакумова и возбуждение в отношении него уголовного дела по статье 58,1 п. «б» (измена Родине) он получил непосредственно от политического руководства. Прямо из кабинета Генерального прокурора Абакумов был препровожден в сокольническую тюрьму, так называемую «Матросскую тишину».

Вслед за ним были арестованы и его ближайшие соратники: начальник следственной части по особо важным делам МГБ Леонов, его заместители Лихачев, Комаров и Шварцман, начальник секретариата министерства Чернов и его заместитель Броверман.

Помимо них Сафонов, в нарушение всех существующих законов, арестовал и жену Абакумова — тридцатилетнюю Антонину Николаевну, которая вместе с грудным ребенком была помещена в Сретенскую тюрьму. Надо признать, что у Сафонова хватило смелости отказать в санкции на арест бывшей жены министра — Т. Смирновой. В Прокуратуре СССР ограничились лишь ее интенсивными допросами.

Так было создано дело о якобы «враждебной деятельности» ответственных сотрудников МГБ. Характерно, что толчком к возбуждению этого дела послужило письмо одного из сотрудников министерства, старшего следователя подполковника Рюмина, который донес Сталину о «смазывании» руководством МГБ террористических вылазок врагов против руководителей партии и правительства. Доносчик, как водится, сразу же получил повышение — стал начальником следственной части, а затем и заместителем министра государственной безопасности (им был тогда Игнатъев).

В течение первых месяцев дело Абакумова расследовалось в Прокуратуре СССР. Им непосредственно занимался заместитель Генерального прокурора Мокичев, так как Сафонов после автомобильной аварии попал в больницу. Рюмин, спровоцировавший возбуждение этого дела, всеми силами стремился к тому, чтобы забрать расследование из органов прокуратуры. Хотя к следствию был привлечен очень узкий круг ответственных работников прокуратуры, Рюмин через свои каналы получал подробную информацию о всех мероприятиях прокуратуры и, соответственно переработав ее, использовал в своих целях.

Более того, от арестованного по ложному доносу прокурора отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Дорона Рюмин путем применения незаконных методов и истязаний добивался показаний даже в отношении Генерального прокурора СССР и других руководящих работников органов прокуратуры.

Оказавшись после смерти Сталина на свободе, Дорон рассказывал своим коллегам из Прокуратуры Союза ССР, что, добиваясь от него показаний, следователи МГБ били пряжкой ремня по голым ягодицам, приговаривая: «Вот тебе процессуальное, а вот тебе материальное право».

В конце 1951 года на очередном докладе дела Абакумова у Сталина Рюмин выразил сомнение в том, что прокуратура сумеет «раскрутить» Абакумова. Сталин с его мотивировкой согласился.

В феврале 1952 года это дело было передано для расследования в МГБ. Арестованного Абакумова сразу же переместили из «Матросской тишины» в Бутырскую, а затем в Лефортовскую тюрьму. Одновременно с этим была арестована еще одна группа ответственных работников МГБ, а заодно с ними и несколько ведущих врачей Кремлевской больницы (Рюмин готовил тогда так называемое «дело врачей»).

Для Абакумова и его «сообщников» наступили самые тяжелые дни. Бывший руководитель Министерства госбезопасности на себе почувствовал, что значит попадать в руки подобных «чекистов», которых он сам и подбирал...

Начались бесконечные и самые изощренные пытки и истязания обвиняемых. На Абакумова надели наручники, поместили в тесный карцер (обычную холодильную камеру), без окон, без притока свежего воздуха, где несколько суток держали на хлебе и воде, включая непрерывно холодильную установку. Описывая эти зверства в письме на имя Берии и Маленкова, Абакумов просил их «избавить его от Рюмина и его друзей» и передать дело вновь в прокуратуру.

Рюмину не удалось полностью насладиться плодами своей победы над бывшим шефом. В конце 1952 года его отстранили от ведения следствия и вскоре вообще уволили из органов МГБ, а сразу же после смерти Сталина, в марте 1953 года, он был арестован.

Однако и Абакумов не был выпущен из тюрьмы. Его дело все еще расследовалось, хотя и не столь интенсивно. Еще до судебного разбирательства, 15 сентября 1954 года, оно рассматривалось на заседании Президиума ЦК КПСС, где фактически предreshался приговор, утверждалась судебная коллегия.

Бывший председатель Верховного суда А. А. Волин рассказывал мне, что на президиуме он предлагал направить дело для производства дополнительного расследования, так как в нем многое было еще неясно. Однако с ним не согласились.

Генеральный прокурор Руденко выступал за то, чтобы дело слушалось в закрытом судебном заседании (как и дело Берии), но это предложение не прошло.

Суд над Абакумовым начался 14 декабря 1954 года в Доме офицеров Ленинградского военного округа (там же, где судили участников «ленинградского дела»). Обвинение подерживал Руденко.

Абакумов виновным себя не признал, сказав, что его дело было сфабриковано Берией, Кобуловым и Рюминым. И тем не менее Абакумов и некоторые его соучастники были приговорены к расстрелу. Приговор, как и в сталинские времена, привели в исполнение незамедлительно. Абакумову даже не дали возможности его обжаловать.

Его главного изобличителя Рюмина Военная коллегия Верховного суда приговорила к расстрелу еще раньше, в июне 1954 года.

Спустя сорок лет Военная коллегия Верховного суда по протесту заместителя Генерального прокурора пересмотрела дело Абакумова и других и переквалифицировала их действия на статью 193,17 п. «б» УК РСФСР — злоупотребление властью и превышение власти при наличии особо отягчающих обстоятельств. И это обвинение вполне соответствовало действительности. Власть эти люди порой использовали действительно во зло.

Глава VII

КУРС НА «СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ»!

Кто-то сегодня наверняка воспринимает этот лозунг с иронией или сарказмом. Но тогда, после «сталинщины» с ее беспрецедентным террором, это звучало и воспринималось совсем иначе.

Именно Руденко начал осуществлять мероприятия по восстановлению в своих правах прокурорского надзора после долгих лет диктатуры и произвола. В своих речах, выступлениях тех лет он всегда подчеркивал обязательность советских законов для всех, недопустимость противопоставления законности и целесообразности, неразрывную связь законности с культурностью.

Эти идеи он проводил в жизнь, конечно, в тех пределах, которые допускались политическим руководством страны. Сообразно этим установкам решались кадровые вопросы.

Руденко, как правило, своих заместителей, а также начальников управлений и самостоятельных отделов, считавшихся старшими помощниками Генерального прокурора, подбирал лично. Естественно, приходилось оглядываться и на ЦК партии, в первую очередь на отдел административных органов, откуда ему тоже «поставлялись» руководящие кадры. Но это было для него дело привычное.

При нем в центральном аппарате прокуратуры установилась стабильность в кадровом составе: чехарда, присущая предыдущим годам, исчезла. Люди почувствовали себя увереннее и спокойнее. Своих заместителей он менял не часто и только тогда, когда они уходили либо на пенсию, либо на другую руководящую работу. Достаточно отметить, что почти четверть века его первыми заместителями были только четверо: П. В. Баранов, А. Н. Мишутин, М. П. Маляров и А. М. Рекунков. Все — люди неординарные, прошедшие хорошую прокурорскую выучку на разнообразных должностях, включая самые низшие.

При Руденко начались глобальные перемены в деятельности органов прокуратуры. Ранее безликие и, по существу, бесправные прокуроры стали наиболее активными проводниками так называемой социалистической законности. Слово «закон» стало наконец употребляться в связках с такими понятиями, как «справедливость», «порядочность», «честность». Началось постепенное, пока еще медленное и нерешительное исправление тех преступлений, которые допускались во времена «сталинщины».

Очень часто следователи прокуратуры увлекались тогда расследованием мелких, конъюнктурных дел, которые порой возбуждались по самым незначительным поводам. На это их зачастую подталкивали партийные функционеры, проводившие одну «кампанию» за другой. Посмотрим, какие дела расследовались прокуратурой к моменту прихода Руденко.

1952 год. В производстве у следователей прокуратуры тогда находилось около 458 тысяч уголовных дел. В числе 403 тысяч дел, направленных прокурорами в суд, были дела о бандитизме (1158), умышленных убийствах (6831), изнасилованиях (4589), взяточничестве (1903) и других опасных преступлениях.

Но все же превалировали «малозначительные» дела. В прокуратуре расследовали, например, более 67 тысяч уголовных дел об абортах и так называемых «самоабортах», что составляло почти 17 процентов от всех оконченных дел. За эти преступления были преданы суду более 74 тысяч человек.

Среди расследованных прокуратурой значилось также 1,5 тысячи уголовных дел о преступном обращении с лошадьми, несколько десятков тысяч дел о хулиганстве, нарушениях правил торговли, спекуляции и тому подобных преступлениях, для «раскрытия» которых не требовалось большого умения.

Одной из причин произвола при расследовании преступлений, пусть не главной, являлись низкий уровень следственной работы и квалификации следователей. Поэтому не случайно одним из первых Руденко подписал приказ «О мероприятиях по повышению квалификации следователей органов прокуратуры».

Многие следователи прокуратуры, особенно молодые, в то время не умели пользоваться научно-техническими средствами, имеющимися в следственном чемодане, а такие важнейшие следственные действия, как осмотр места происшествия, осуществляли кое-как, поверхностно и небрежно. Они подчас вообще игнорировали методические разработки,

подготовленные институтом криминалистики, не знакомилась с юридической литературой, а поэтому не умели «раскрывать» преступления. Некоторые из них слабо знали процессуальное и материальное уголовное право.

В целях усиления борьбы с преступностью Руденко в одном из своих указаний (от 19 июня 1954 года) потребовал правильно и своевременно разрешать первичные материалы и сообщения о совершенных преступлениях. В то время зачастую под видом проверки поступивших материалов фактически производилось предварительное следствие, а вопрос о возбуждении уголовного дела даже при наличии к тому достаточных оснований разрешался с большим опозданием. Руденко предложил рассматривать первичные материалы и сообщения о совершенных преступлениях и решать вопрос о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела не более чем в трехдневный срок.

В случаях насильственной смерти граждан или получения ими тяжких телесных повреждений, а также самоубийств он предложил уголовные дела возбуждать без какого-либо промедления и проводить предварительное расследование.

Происходящие перемены работники органов прокуратуры восприняли в основном с удовлетворением. «Чувство законности» было многим из них все же действительно присуще. Другое дело, что проявлять его во времена «сталинщины» могли далеко не все, ведь на это требовалось тогда особое мужество. Но когда немного расчистилась «политическая атмосфера», повеяло переменами — абсолютное большинство прокуроров стали активными сторонниками новых идей.

Вспоминая Романа Андреевича тех лет, современники отмечали, что они действительно увидели в нем прокурора, способного быть проводником прогрессивных идей. Прежде всего потому, что был он незаурядной личностью. Знавший его много лет С. В. Тюрин вспоминал:

«Мудрый, неторопливый в решениях, он чрезвычайно тщательно, осмотрительно подходил к решению любой проблемы. По некоторым вопросам он не один раз откладывал принятие решений, пока не находил наиболее правильное. Порой могло показаться, что это идет от некоего консерватизма либо нерешительности. Так некоторые и воспринимали его осторожность.

Но это глубоко ошибочное представление! В те времена умный и порядочный человек не мог иначе действовать на

таким важным государственным посту. А от него действительно многое зависело... Он предпочитал лучше выждать, воздержаться до поры от скоропалительных решений пока, как говорят, не улягутся страсти вокруг очередной сомнительной идеи или кампании. Это было глубоко осознанное поведение большого государственного человека, единственно верное в тех исторических условиях, в которых приходилось работать. Именно понимание государственной важности своих позиций заставляло его проявлять осмотрительность».

С особой тщательностью Руденко подходил к готовящимся в аппарате приказам и указаниям. «По нескольку раз возвращал он такие документы на доработку, каждое слово в них взвешивал, искал точные, безупречно выверенные в правовом отношении формулировки, — вспоминал Тюрин. — Случалось, что даже после подписания документов он еще и еще раз возвращался к ним, перечитывал и перепроверял свои сомнения».

Среди прочих первостепенной важности дел Руденко придавал особое значение работе над новым Положением о прокурорском надзоре в СССР, так как предыдущее (принятое 17 декабря 1933 года) явно устарело.

Создалась парадоксальная ситуация, когда прокуроры, осуществляющие надзор за законностью в стране, сами не имели законодательного документа, определяющего их права и обязанности по осуществлению этого надзора.

19 января 1955 года в центральной печати было опубликовано постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему укреплению социалистической законности и усилению прокурорского надзора». За два предшествующие десятилетия это было первое партийное решение, ориентирующее все государственные и советские органы на необходимость укрепления законности в стране. Особая роль при этом отводилась органам прокуратуры, которые призваны были обеспечить надзор за строжайшим соблюдением законов, особенно при производстве следствия по делам, расследуемым органами внутренних дел и госбезопасности. В целях повышения роли прокуратуры в обеспечении социалистической законности было признано целесообразным принять специальное Положение о прокурорском надзоре в СССР.

Проект положения готовился при непосредственном участии Руденко, а также его первого заместителя Баранова, и был представлен в ЦК КПСС. Постановлением от 19 января 1955 года он был одобрен, а Руденко поручено внести его на рассмотрение и утверждение Президиума Верховного Сове-

та. От всех заинтересованных организаций в союзную прокуратуру поступило около 60 различных замечаний и предложений. В подавляющем большинстве они были приняты.

Но были и такие замечания, которые Руденко посчитал неприемлемыми. На этом он и заострил вопрос, когда весной 1955 года доработанный проект Положения о прокурорском надзоре в СССР вторично обсуждался на Президиуме Верховного Совета.

На заседании Руденко сказал:

«Одно из принципиальных возражений, по поводу которого я просил бы выступить членов Президиума, внесено Председателем Верховного суда СССР т. Волиным и министром юстиции СССР т. Горшениным. Они предлагают из проекта исключить статью 30.

Статья 30 проекта Положения о прокурорском надзоре устанавливает право Генерального прокурора опротестовать постановление пленума Верховного суда СССР в Президиум Верховного Совета СССР.

Тов. Волин (я главным образом буду говорить о нем, ибо он является главным оппонентом по этому вопросу) считает, что постановление пленума Верховного суда не может быть опротестовано в Президиум Верховного Совета, что пленум Верховного суда — это высшая инстанция и, стало быть, решение этой высшей инстанции не может быть опротестовано.

Мы стоим на другой позиции: мы считаем, что Верховный суд СССР подотчетен Верховному Совету СССР, поскольку он образуется, избирается Верховным Советом СССР, а в период между сессиями подотчетен Президиуму Верховного Совета. Это положение давным-давно зафиксировано законодательными актами и нет никаких оснований от него отказываться. В Положении о прокурорском надзоре в СССР, утвержденном 17 декабря 1933 года, в ст. 1, говорилось: «Прокурор Союза ССР имеет право опротестования постановлений пленума Верховного суда в Президиум Центрального Исполнительного Комитета...»

Таким образом, этот порядок действовал, и правильно действовал, до настоящего времени. Нет никаких оснований изменять этот порядок.

С другой стороны, при всей авторитетности Верховного суда СССР, этой высшей судебной инстанции, мы не исключаем, что она может выносить отдельные ошибочные решения. Было бы неправильно считать, что раз это высшая судебная инстанция, то нет другой власти в стране, которая была бы вправе поправить эту инстанцию. У нас есть такая

власть — есть Президиум Верховного Совета, который, безусловно, полномочен вносить коррективы, исправления и т. д.

Может быть, нет необходимости вносить понятие “опротестование” решений Верховного суда потому, что это как бы ставит Президиум Верховного Совета на уровень судебной инстанции. Но сказать, что Генеральный прокурор может войти в Президиум Верховного Совета с вопросом об отмене постановления Верховного суда, будет правильно. Мы не можем исходить из измышлений буржуазных теоретиков, которые ставят суд надо всем, как суд, ни от чего не зависящий и т. д. Мы отлично понимаем, для чего буржуазным теоретикам нужна такая постановка вопроса.

Мы бы просили Президиум Верховного Совета сохранить ст. 30 Положения, может быть, с изменением редакции, но сохранить принципиальное право Генерального прокурора входить в Президиум Верховного Совета СССР по вопросу об отмене, изменении постановлений Верховного суда СССР».

После того как Руденко закончил свое выступление, Ворошилов, ведший заседание, спросил: «Кто просит слова?» Слова попросил Председатель Верховного суда А. А. Волин, основной оппонент Генерального прокурора. Отметив актуальность и своевременность принятия нового Положения о прокурорском надзоре, он сказал, что многие предложения Верховного суда были учтены составителями проекта.

Затем он обратил внимание членов Президиума на то, что нельзя пройти мимо статьи 30, которую так яростно защищал Генеральный прокурор Руденко. Он, в частности, сказал: «Хочу отметить, что не только Верховный суд и не главным образом т. Волин, как сказал т. Руденко, возражает против этой статьи. Я считаю, что это оговорка. Что значит — главным образом? В равной степени против этой статьи возражает Юридический отдел, возражает Министерство юстиции СССР и возражают другие товарищи. Я позволю себе сказать, что статья 30 проекта Положения не поддерживается и юридической наукой. В кулуарах юристы, говоря между собой, считают эту статью порочной, не соответствующей нашей советской Конституции.

Тов. Руденко в своем выступлении ссылаясь на старое Положение о прокуратуре, на Положение 1933 г. Но разве можно забывать о Конституции, изданной в 1936 г., которая действует в настоящее время и которая поставила несколько иначе все эти вопросы. Думаю, что т. Руденко это достаточно хорошо известно. Нельзя базировать свое мнение на законах, давно отмененных и отживших в нашем государстве...

Как бы мы не хотели проявить ведомственное начало, мы, люди, работаем и уходим, а учреждения и порядки в наших учреждениях должны оставаться. Поэтому я просил бы понять мою точку зрения не как ведомственную.

Почему не может быть принята ст. 30? Что вытекает из этой статьи? Во-первых, что решения судебных органов, в том числе Верховного суда СССР, могут быть отменены Президиумом Верховного Совета СССР. Это означает, что правосудие в нашем государстве не кончается в судебных органах. Это первое положение, которое вытекает из этой статьи.

Второе положение — что Президиум Верховного Совета наделяется судебными функциями. Надо ли нам устанавливать такое положение? Ведь законодатель издает законы и следит за их исполнением — это его высшая функция как высшего органа государственной власти. Устанавливать же такое положение, чтобы законодатель издавал законы, следил за их исполнением и сам исполнял, нельзя. Функция законодателя более высокая, нежели функция правосудия. Нельзя смешивать функции одного порядка с высшими государственными функциями — издание законов и наблюдение за точным их исполнением».

Ворошилов, слушавший до этого молча, вставил реплику:

«А если эти функции высшего государственного органа, которым у нас является Верховный Совет, а в период между сессиями — его Президиум, захватываются Верховным, но не Советом, а судом, тогда на авансцену выступает прокурор, который следит за законностью. Я думаю, что тов. Руденко имеет в виду это.

Нечего греха таить: суд позволяет себе иногда законодательствовать, и вы эти случаи знаете, когда вместо трех лет наказания за проступок дают 25 лет. Вы очень хорошо, с большим подъемом говорите, но нужно иметь в виду и такие случаи. А как здесь быть?»

Волин ответил дипломатично:

«Если это имеет место, хотя бы в отдельных случаях, то это, Климент Ефремович, глубоко неправильно, и мы сделаем соответствующие выводы.

Продолжаю: может быть, действительно полезно было бы принять такое Положение, которое предлагает тов. Руденко, и отступить от Конституции. Может быть, это диктуется жизнью? Но мне думается, что не следует изменять Конституцию, в этом нет никакой необходимости».

Затем Волин подробно остановился на том, как Президиум Верховного Совета СССР осуществляет руководство Верховным судом СССР и направляет его деятельность. Он на-

звал три основные формы руководства: заслушивание докладов и отчетов об исполнении законов, истолкование законов, обязательное для всех судебных органов, и осуществление помилования. Помимо этого есть еще партийное руководство в лице ЦК КПСС, которое наблюдает, контролирует деятельность Верховного суда.

«Надо ли еще устанавливать в проекте Положения те формы, о которых говорит т. Руденко? Я думаю, что этого делать не надо. Мы все подчиняемся нашей центральной власти, центральному партийному руководству. Нужно ли искусственно (я здесь далек от упрека в адрес т. Руденко) с ведомственным уклоном формулировать этот вопрос? Это не только в нашем государстве, но и за границей будет воспринято как некоторый отход от демократических начал в осуществлении советского правосудия. Статья 30 тянула бы нас в этом отношении, т. е. в части демократического устройства нашей судебной системы, назад. Вот почему мы решительно высказываемся против этой статьи проекта».

Далее Волин подробно изложил свое мнение о том, каким образом Генеральный прокурор может влиять на принятие более правильного решения по судебным делам: личное участие в заседаниях пленума Верховного суда, внесение на рассмотрение пленума вопроса о даче судам соответствующих руководящих указаний, повторная постановка того или иного вопроса на рассмотрение пленума Верховного суда, внесение представлений в Президиум Верховного Совета. В этом случае Президиум Верховного Совета вправе истолковать закон иначе, чем его истолковал пленум Верховного суда.

«В наших законах достаточно положений, — заключил Волин, — чтобы направить дело суда, не употребляя формулировок, противопоставляющих закон Конституции. Вот почему мы просим статью 30 проекта Положения исключить, потому что в такой формулировке она неправильна».

Выступивший вслед за Волиным министр юстиции Горшенин говорил обтекаемо. С одной стороны, он сказал, что статью 30 в том виде, как она представлена, принимать нельзя. В то же время заметил, что Волин не прав, когда приписал докладчику какой-то ведомственный подход. По его мнению, не противоречит Конституции наделение Президиума Верховного Совета функцией рассмотрения протестов. Закончил же он тем, что заявил: «Вряд ли нужна статья 30, ибо это приведет к смещению и к некоторому перекосу во взаимоотношениях, установленных в государственном устройстве».

Выслушав всех желающих, Ворошилов предоставил заключительное слово Руденко. Согласившись с некоторыми прозвучавшими на заседании предложениями, Роман Андреевич основной упор сделал на возражениях Волина. Он сказал: «Тов. Волин вступил в противоречие с собой, ибо он говорит, что пленум Верховного суда и повторно может не согласиться с Генеральным прокурором. Тогда я спрашиваю — как же быть? Значит, я должен войти с представлением в Президиум Верховного Совета. И нечего нам пугаться, что вся заграница будет говорить об этом, вся наука восстанет против этого. Наоборот, я думаю, что наука воспримет это положение как правильное. В заключение хочу сказать, что я получил большое удовлетворение от активного обсуждения представленного документа. Состоявшееся обсуждение на заседании Президиума имеет очень большое значение, и сейчас наша обязанность состоит в том, чтобы сделать все возможное для усиления прокурорского надзора».

Затем с небольшой репликой опять выступил Волин.

Подводя итоги заседания, Ворошилов сделал несколько редакционных замечаний. Ему очень не понравилась формулировка статьи 16 проекта, в которой говорилось, что в отношении должностных лиц и граждан, нарушивших закон, прокурор, в зависимости от характера правонарушения, «возбуждает уголовное, административное или дисциплинарное преследование». По этому поводу он заявил: «Мы никого не преследуем, мы преследуем одну цель — заставить исполнять закон так, как ты обязан его исполнять. Поэтому надо сказать не “преследование”, а употребить другое выражение, более соответствующее вашей благородной функции. Преследовать — это догонять, это хватать за шиворот и т. д. Слово это здесь не подходит. Наш язык так богат, что мы можем найти другое слово вместо этого».

После этого Ворошилов высказался и по статье 30, вызвавшей такой сыр-бор. Он сказал: «Считаю, что тов. Руденко правильно бьется за эту статью. Но в такой редакции она не годится, и здесь прав тов. Волин.

Здесь тоже нехорошее выражение — прокурор входит с протестом, ведь этот протест будет не ради искусства, а присутствует он для того, чтобы выполнять свою функцию... Статью 30 нужно принять, но в более точной формулировке, чтобы она не выглядела столь грубо... Видимо, нужно будет еще раз отредактировать Положение о прокурорском надзоре, потому что этот документ будет действовать долгие годы. Все, что режет слух и мешает логике, должно быть устранено».

Ворошилов предложил поручить окончательное редактирование проекта Положения Руденко, Горшенину, Волину с привлечением председателей Комиссий законодательных предположений Яснова и Гедвиласа. «Созыв должен быть за Руденко», — сказал он.

В Положении о прокурорском надзоре в окончательном виде было записано: «В случае если Генеральный прокурор СССР усматривает, что постановление пленума Верховного суда СССР не соответствует закону, он обязан войти по этому вопросу с представлением в Президиум Верховного Совета СССР (статья 29)».

Положение 24 мая 1955 года было утверждено и стало законом. Оно действовало около 25 лет, вплоть до принятия Закона о прокуратуре СССР 30 ноября 1979 года.

В седьмом номере журнала «Социалистическая законность» за 1955 год была опубликована большая статья Руденко «За усиление прокурорского надзора», посвященная разъяснению основополагающих положений этого важнейшего для прокуратуры законодательного акта. В ней он особенно выделил то, что Положение «четко регламентирует многообразную деятельность органов прокуратуры и определяет права и обязанности прокуроров». Далее он пишет, что «строгое соблюдение социалистической законности должно предупреждать и пресекать преступную деятельность любых антиобщественных элементов. Не случайно злейшие враги Советской власти в качестве одного из основных методов своей подрывной деятельности избрали именно преступное нарушение социалистической законности. Так действовали, в частности, враг народа Берия и его сообщники, разоблаченные Центральным Комитетом Коммунистической партии».

Сославшись на то, что статья 17 Положения возлагает на Генерального прокурора СССР и подчиненных ему прокуроров обязанность «привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, принимать меры к тому, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни один преступник не уклонился от ответственности», Руденко отметил, что необходимо серьезно улучшить надзор за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия.

Обратив внимание также на то, что Положение наделяет прокуроров большими правами в области борьбы с преступностью, Руденко подчеркивал, что оно в то же время налагает на прокурорско-следственных работников и большие

обязанности, важнейшей из которых, по его мнению, является усиление борьбы с наиболее опасными преступлениями. И здесь же он их перечисляет. Это — преступления против Советского государства, против священной социалистической собственности, против жизни, здоровья и личной собственности граждан.

Руденко заметил, что Положение обязывает прокуроров с особой внимательностью и тщательностью относиться к санкционированию арестов. При этом надо строить работу органов прокуратуры и суда, так же как органов предварительного следствия и дознания, так, чтобы «ни один из преступников не смог уклониться от ответственности, и в то же время полностью искоренить случаи неосновательного привлечения к уголовной ответственности, необоснованных арестов граждан и неправильного их осуждения».

Далее в своей статье Руденко раскрыл задачи, возлагаемые Положением на органы прокуратуры в области надзора за исполнением законов учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР, то есть функции так называемого «общего надзора» прокуратуры, а также задачи по рассмотрению жалоб в области судебного надзора и надзора за соблюдением законности в местах лишения свободы. В заключение статьи он остановился на вопросах укрепления, подбора и расстановки кадров, идейно-политического воспитания работников органов прокуратуры, повышения их политической ответственности за порученное дело.

25—29 июня 1956 года в Прокуратуре Союза по инициативе Руденко состоялось совещание работников отделов кадров прокуратур республик, краев и областей. Доклад сделал заместитель Генерального прокурора Мишутин. Он особо подчеркнул, что от наличия юридически подготовленных и знающих свое дело прокуроров и следователей во многом зависит уровень всей оперативной работы органов прокуратуры. Особое значение должно придаваться улучшению качественного состава районных прокуроров и следователей. «Надо добиться известной устойчивости следственных кадров, беречь каждого способного следователя, прекратить не вызываемые интересами дела перемещения следователей на другую работу, не связанную со следствием, — подчеркнул Мишутин. — Следственная работа требует большого профессионального мастерства и жизненного опыта. А умение и опыт приобретаются не сразу. Необходимо поэтому, чтобы у нас как можно больше было следователей, имеющих многолетний опыт этой работы».

Вспоминает **Эльвира Алексеевна Миронова**, бывший прокурор Главного следственного управления Прокуратуры СССР, впоследствии Генеральной прокуратуры СССР, старший советник юстиции, проработавшая на следственной работе более пятидесяти лет.

«В мае 1955 года я была зачислена на должность прокурора Главного следственного управления Прокуратуры СССР, где и проработала до ее ликвидации в декабре 1991 года. К этому времени я уже имела довольно солидный стаж следственной работы: следователя районной прокуратуры, а с 1944 года — старшего следователя прокуратуры города Москвы, где участвовала в раскрытии особо опасных преступлений, была участником первой послевоенной конференции лучших следователей.

На новой должности я скоро получила поручения по ряду сложных дел персонально от Генерального прокурора СССР Романа Андреевича Руденко.

Руденко тогда был уже известным государственным деятелем, юристом-профессионалом высочайшей квалификации. Никого не удивило, что именно на него пал выбор при назначении Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе. При этом он был подлинным интеллигентом, человеком воспитанным, демократичным. Всегда пропускать женщин вперед, вставал из-за стола и шел навстречу входившему в своем служебном кабинете. Всем своим поведением он являл образец какого-то внутреннего аристократизма, хотя и происходил из простой крестьянской семьи.

Первое поручение Роман Андреевич мне дал в 1957 году после обращения к нему шахтеров — ведь он был депутатом Верховного Совета СССР от их региона. Шахтеры утверждали, что по их краям под видом журналиста разъезжает мошенник и собирает крупные денежные суммы якобы для приобретения “машин, издания автобиографических книг, организации поездок за рубеж”.

Мне и раньше приходилось получать персональные поручения по раскрытию опасных преступлений от руководителей прокуратур Москвы в РСФСР. Часто они отличались неконкретностью и сводились к общим фразам типа “найти и обезвредить”.

С Руденко все было иначе. Никакого формализма, расплывчатости, политических соображений. В самом начале разговора стало ясно, что Роман Андреевич уже располагает

определенной информацией об аферисте, выдававшем себя за журналиста. Это был некто Мильман-Романовский, на протяжении почти 20 лет безнаказанно разъезжавший по Украине, Уралу и другим областям нашей страны и обманывавший людей. Руденко дал мне двухнедельный срок для составления четкого плана расследования. Нужно было сразу определиться, от кого, для чего и какая помощь потребуется. Собрать максимум сведений о его окружении, близких, прошлых связях.

Надо заметить, ныне многие следователи выяснением подобных данных себя не утруждают. А зря. Быстрому розыску и задержанию Мильмана-Романовского органам МВД, которым был поручен розыск, весьма поспособствовало то обстоятельство, что в постановлении о розыске были указаны несколько женщин, бывших с Мильманом в близких отношениях. Их телефоны сразу были взяты на учет. По одному из них и позвонил разыскиваемый. Как выяснилось, звонил он из города Борисова Минской области. Там он вскоре и был арестован.

Следствию удалось изобличить Мильмана не только в мошенническом завладении личными средствами граждан, но и в хищении государственных денег в особо крупных размерах. Для этого потребовалось доказать, что, подписывая договоры с различными издательствами и получая там авансы, Мильман заведомо знал, что никаких книг он писать не будет. Кстати, Мильман заявлял мне множество отводов, считая несправедливым ведение следствия по его делу прокурором, но закон это разрешал и в удовлетворении ходатайств Мильману было отказано. Верховный суд СССР осудил Мильмана-Романовского к 12 годам лишения свободы.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

В мае 1958 года Роман Андреевич поручил мне срочно подключиться к расследованию обстоятельств изнасилования Марины Л., якобы совершенного известным футболистом Эдуардом Стрельцовым, которого болельщики всей страны просто обожали и буквально носили на руках.

Роман Андреевич прекрасно понимал, какое это непростое дело, сколько вокруг него будет кипеть страстей.

Хорошо помню его слова: “Эльвира Алексеевна, по делу шума уже много, а будет еще больше. Нашей сборной команде на чемпионат мира ехать, а тут такой казус!.. Это

дело поручается вам не только потому, что вы хороший следователь, но и потому, что вы женщина. Вам проще будет говорить с потерпевшей. Будьте тактичны при ее допросе... Подобные дела щепетильны, потерпевшие часто получают тяжелую психическую травму... А с другой стороны, бывают и оговоры. В общем, нужна истина. Какой бы шум вокруг дела ни стоял!»

Помолчав, Роман Андреевич добавил: «Если Стрельцов виноват и мы сможем это доказать, то его поклонники быстро не успокоятся. Будут пытаться его любой ценой реабилитировать... Нам нужно быть к этому готовыми».

Как в воду смотрел Роман Андреевич».

Глава VIII

РЕАБИЛИТАЦИЯ ВО ВРЕМЕНА «ОТТЕПЕЛИ»

После июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС повеяло «оттепелью» и какой-то, пусть урезанной, ограниченной определенными рамками, но все же свободой. Органы внутренних дел и государственной безопасности, ранее вершившие все дела, теперь отодвигались на второй план. Восстанавливались в своих правах суды и прокурорский надзор. Внесудебные органы расправы ликвидировались. Самым одиозным из них было Особое совещание при Министерстве внутренних дел, рассматривавшее долгие годы основной массив политических дел по пресловутой 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР.

Вскоре после своего назначения Руденко подписал первые документы, касающиеся реабилитации невинно привлеченных к уголовной ответственности лиц. Совместно с министром Вооруженных сил Н. А. Булганиным и председателем Военной коллегии Верховного суда А. А. Чепцовым он подписал записку о необходимости реабилитации большой группы генералов и адмиралов Советской армии, арестованных в годы сталинского правления. В ней отмечалось, что в период с 1941 по 1952 год было арестовано генералов и адмиралов 101 человек. Многие из них находились под следствием до 10 лет, к ним применялись незаконные методы следствия, пытки, вследствие чего 12 генералов умерли в заключении.

По этой записке Президиум ЦК КПСС принял постановление, обязывающее Военную коллегия Верховного суда пересмотреть дела на осужденных генералов и адмиралов, а МВД — прекратить дела, находящиеся в производстве, а также освободить из-под стражи членов семей осужденных генералов, подлежащих полной реабилитации.

Первого сентября 1953 года Президиум Верховного Совета СССР упразднил Особое совещание. Одновременно с этим Верховному суду СССР было предоставлено право пе-

решать по протесту Генерального прокурора СССР решения бывших коллегий ОГПУ, троек НКВД—УНКВД, Особого совещания при НКВД—МГБ—МВД.

8 декабря 1953 года Руденко совместно с министром внутренних дел Кругловым направил секретарю ЦК КПСС Хрущеву записку с предложением реабилитировать лиц, осужденных пресловутым Особым совещанием при НКВД—МВД. В ней отмечалось, что за все время существования Особого совещания (с 5 ноября 1934 года по 1 сентября 1953 года) им было осуждено в подавляющем большинстве за контрреволюционные преступления 442 531 человек, в том числе приговорено к расстрелу — 10 101 человек, к лишению свободы — 360 921, а остальные — к иным мерам наказания (ссылке, высылке, принудительному лечению и т. п.).

В записке признавалось, что по этим делам допускались «грубейшие извращения советских законов». В частности, в соответствии с секретной директивой МГБ и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 года многие лица из числа осужденных за контрреволюционные преступления, освобожденные из мест заключения по окончании Великой Отечественной войны, без каких-либо поводов вновь привлекались к уголовной ответственности за те же самые «преступления», за которые они отбыли наказание. Причем если во время следствия не удавалось собрать данные об их антисоветской деятельности после освобождения, то их дела направлялись на рассмотрение Особого совещания для ссылки их на поселение. (С момента издания этой директивы и до упразднения Особого совещания в ссылку на поселение было направлено 20 272 человека.)

Для пересмотра архивных следственных дел авторы записки предлагали создать комиссию в составе Генерального прокурора Руденко, министра внутренних дел Круглова, председателя Верховного суда СССР Волина и заведующего отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС Дедова. Заключение комиссии должны были направляться в Верховный суд СССР для вынесения решения об отмене постановлений Особого совещания. Работу предполагалось закончить в течение шести месяцев.

Однако вскоре стало ясно, что нужна более масштабная реабилитация невинно осужденных.

19 марта 1954 года Руденко, министр внутренних дел Круглов, председатель КГБ при Совете Министров СССР Серов и министр юстиции СССР Горшенин направили в

Президиум ЦК КПСС записку с предложением образовать Центральную комиссию по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления», содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке на поселении. В ней отмечалось, что «с целью истребления честных, преданных делу коммунистической партии и Советской власти кадров, преступники, пробравшиеся в органы МВД, сознательно насаждали произвол и беззаконие, совершали незаконные аресты ни в чем не повинных советских граждан, применяли строжайше запрещенные законом преступные методы ведения следствия и фальсифицировали дела».

Авторы записки предлагали пересмотреть все уголовные дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления судебными и внесудебными органами, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах (467 946 человек), а также на лиц, находящихся в ссылке на поселении (62 462 человека).

Для пересмотра дел предлагалось создать Центральную комиссию под председательством Генерального прокурора Руденко, а в республиках (не имеющих областного деления), краях и областях — комиссии, возглавляемые прокурорами республик, краев и областей.

4 мая 1954 года постановлением Президиума ЦК КПСС такие комиссии были образованы. В Центральную комиссию, помимо Руденко, от Прокуратуры СССР вошли также начальник управления по надзору за местами заключения Вавилов, заместитель начальника отдела по спецделам Сучков, начальник отдела Главной военной прокуратуры Максимов и прокурор отдела этой же прокуратуры Турцев. 14 июля того же года Секретариат ЦК КПСС, по предложению Руденко, включил в состав Центральной комиссии по пересмотру дел его заместителя и одновременно начальника отдела по спецделам Салина.

19 апреля 1954 года Прокуратура СССР и Министерство внутренних дел внесли предложение в Президиум ЦК КПСС об освобождении из ссылки ранее осужденных за «антисоветскую деятельность» на срок до 5 лет и после отбытия наказания направленных по нарядам МГБ—МВД и постановлениям Особого совещания в ссылку на поселение. Оно было принято, и уже 24 апреля министр внутренних дел Круглов и Генеральный прокурор Руденко подписали совместный приказ на этот счет. Они предложили своим подчиненным всю работу по освобождению указанных лиц закончить к 1 июня 1954 года.

Следует отметить одну очень важную особенность, связанную с реабилитацией. Органы прокуратуры не были

вполне свободны, когда речь шла о необходимости реабилитации видных советских, партийных и хозяйственных работников, осужденных по наиболее «громким» делам. В таких случаях Руденко один или же с министром внутренних дел и председателем Комитета государственной безопасности испрашивал согласие Президиума ЦК КПСС. Отсюда истекли и такие довольно странные формулировки в партийных решениях. Так, в постановлении Президиума ЦК КПСС, предварительно рассматривавшего 15 апреля 1954 года вопрос о реабилитации лиц, проходивших по «ленинградскому делу», было записано: «Разрешить Генеральному прокурору СССР после принятия решения опротестовать приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по данному делу на предмет его прекращения и реабилитации осужденных». 3 мая 1954 года Президиум ЦК КПСС принял в окончательной редакции постановление о «ленинградском деле», в котором уже поручал Генеральному прокурору СССР Руденко опротестовать приговор Военной коллегии по делу Кузнецова и других, хотя к этому времени протест уже был внесен и 30 апреля 1954 года Военная коллегия реабилитировала всех лиц, осужденных по этому делу, а также членов их семей и родственников, приговоренных Особым совещанием как соучастников.

Президиум ЦК КПСС поручил Н. С. Хрущеву в мае 1954 года выехать в Ленинград и доложить активу ленинградской партийной организации о решении ЦК КПСС по делу Кузнецова, Вознесенского и др. Такая поездка состоялась 6 и 7 мая. Хрущев взял с собой Генерального прокурора СССР Руденко. Открывая собрание ленинградского партийного актива, Хрущев зачитал постановление Президиума ЦК КПСС по «ленинградскому делу», а затем предложил заслушать Руденко. Роман Андреевич подробно рассказал о том, как фабриковалось это дело, о выбивании у арестованных признательных показаний и т. п. В заключение он признал, что Прокуратура СССР, по существу, не осуществляла никакого надзора за следствием в органах государственной безопасности. Он сказал: «За все время существования Прокуратуры СССР до последнего времени ни разу не проверялись прокурорским надзором Внутренняя и Лефортовская тюрьмы МГБ—МВД, хотя именно в этих тюрьмах совершались преступления. Внутренняя и Лефортовская тюрьмы не проверялись по единственной причине: Берия, Меркулов, Абакумов запретили пускать туда прокуроров».

Генеральный прокурор Руденко постоянно докладывал ЦК КПСС о результатах работы Центральной комиссии по

пересмотру дел. В частности, в июне 1954 года он сообщал, что комиссия на своем заседании 31 мая рассмотрела 81 уголовное дело на 113 человек, ранее осужденных Особым совещанием. Принято решение полностью реабилитировать 46 человек, снизить меру наказания 12 лицам, переквалифицировать состав преступления и освободить из ссылки 3 человека. Отказано в просьбе об отмене решения 18 лицам.

15 ноября 1954 года Руденко и председатель КГБ при Совете Министров СССР Серов внесли предложение в ЦК КПСС об упрощении порядка рассмотрения жалоб и заявлений по делам на лиц, осужденных бывшей коллегией ОГПУ, тройками НКВД—УНКВД и Особым совещанием. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 года эта работа была возложена на Прокуратуру Союза ССР с предварительным заключением Комитета государственной безопасности. В записке предлагалось разрешить Прокуратуре СССР и Комитету государственной безопасности самим устанавливать порядок рассмотрения жалоб. ЦК КПСС с этими доводами согласился, и вскоре появился соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР.

29 апреля 1955 года Руденко направил в ЦК КПСС записку о результатах работы Центральной комиссии и комиссий союзных республик, краев и областей по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. В ней сообщалось, что по состоянию на 1 апреля 1955 года было рассмотрено уголовных дел на 237 412 осужденных лиц. Отменено решений и дела прекращены в отношении 8973 лиц, сокращен срок наказания 76 344 лицам, в том числе с освобождением из-под стражи 21 797 человек. Отменена ссылка и высылка на поселение 1371 человеку. Отказано в реабилитации 125 202 лицам.

Как видно из записки, комиссии подходили к вопросу пересмотра дел еще довольно осторожно — более 50 процентов осужденным в реабилитации отказывалось. Характерен такой пример. Известная поэтесса А. А. Ахматова обратилась к К. Е. Ворошилову с просьбой о пересмотре дела ее сына Льва Николаевича Гумилева, молодого ученого-востоковеда, вторично арестованного органами МГБ в 1949 году и приговоренного Особым совещанием к 10 годам лишения свободы. На письме имеется резолюция Ворошилова: «Руденко Р. А. Прошу рассмотреть и помочь». Тем не менее тогда Руденко Председателю Верховного Совета отказал. В своей записке на имя Ворошилова Руденко пишет, что Гумилев занимался антисоветской деятельностью и осужден правильно и что Центральная комиссия по пересмотру дел

14 июня 1954 года приняла решение отказать Ахматовой в ее ходатайстве о пересмотре решения Особого совещания по делу ее сына — Л. Н. Гумилева.

19 августа 1955 года Президиум Верховного Совета СССР предоставил право военным трибуналам военных округов и флотов, верховным судам союзных республик, президиумам верховных судов автономных республик, краевым и областным судам пересматривать по протестам соответствующих прокуроров решения бывших коллегий ОГПУ, троек НКВД—УНКВД и Особого совещания при НКВД—МГБ—МВД по делам, следствия по которым производились местными органами госбезопасности. Пересмотр же решений бывшей комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР по следственным делам был отнесен к компетенции Верховного суда СССР.

7 августа 1957 года Президиум Верховного Совета СССР расширил полномочия верховных судов союзных республик и военных трибуналов округов (флотов), предоставив им право пересматривать и решения Особого совещания по делам, следствие по которым производилось центральными органами госбезопасности, а также решения, принятые комиссией НКВД СССР и Прокуратурой Союза по следственным делам.

Уже по этим изменениям можно судить об увеличивающемся объеме дел, подлежащих пересмотру. В связи с законодательными актами о реабилитации Генеральный прокурор СССР Руденко издал целый ряд приказов и указаний, которыми был установлен порядок рассмотрения жалоб и заявлений от лиц, отбывших наказание по решениям коллегии ОГПУ, троек НКВД—УНКВД и Особого совещания при НКВД—МГБ—МВД. Руденко и его заместители направили на места и ряд других секретных указаний и приказов, касающихся пересмотра уголовных дел, возбужденных по 58-й статье. Лица, необоснованно привлеченные к уголовной ответственности, подлежали трудоустройству, пенсионному обеспечению; время пребывания в местах лишения свободы и ссылке им засчитывалось в трудовой стаж, им должны были предоставлять в первоочередном порядке жилую площадь и т. д. Закон об этих льготах имел обратную силу, то есть распространялся и на лиц, освобожденных до его принятия. Этот нормативный акт был постоянно в поле зрения органов прокуратуры, как, впрочем, и другие подобного рода законы. Снимались с учета некоторые категории спецпоселенцев, восстанавливались и права репрессированных народов: немцев, калмыков, греков, болгар, армян, чеченцев, ингушей, карачаевцев и др.

Так начиналась первая волна реабилитации жертв политических репрессий, пока еще выборочная и осторожная, но с каждым годом все более набирающая силу.

Руденко подходил ко всем вопросам, связанным о реабилитацией жертв политических репрессий, особенно когда наступил второй ее период, более массовый, весьма осторожно.

В начале января 1955 года Генеральный прокурор пригласил к себе заместителя Главного военного прокурора Бориса Алексеевича Викторова. Он сказал, что ему поручается формирование и руководство специальной группой военных прокуроров и следователей, которая должна незамедлительно заняться рассмотрением писем и заявлений с просьбами о реабилитации, как их самих, так и родственников, ставших жертвами необузданного произвола при Сталине.

Викторов вспоминал, что Руденко сказал ему тогда: «Следует добиться, чтобы мнение у народа о военной юстиции изменилось в лучшую сторону. Пока прокуратура больше преуспела в том, чтобы как можно удачнее прикрыть свое или чужое беззаконие, погасить жалобы. Не исключено, что придется ставить вопрос об отмене неправосудных приговоров... Для восстановления честного имени не может быть никаких сроков давности. Чтобы принимать обоснованные решения, придется производить заново всестороннее объективное расследование. В этом примут участие сотрудники КГБ. Его аппарат в основном обновился, пришли новые люди, честные и принципиальные».

Руденко подробно разъяснил Викторovu самые неотложные задачи: сформировать группу, проинструктировать людей, наладить работу, сочетая ее со специальной подготовкой и учебой. Для того чтобы лучше уяснить себе, как производилось в те годы следствие, Руденко порекомендовал Викторovu ознакомиться с делами бывшего наркома внутренних дел Ежова, его заместителя Фриновского, а также с делами Берии, Абакумова, Рюмина, где факты беззакония и произвола были обнажены до предела.

Викторovu удалось быстро сформировать группу, в которую в основном вошли бывшие фронтовики, окончившие после войны Военно-юридическую академию, в частности Нарбут, Торопкин и др.

При создании специальной группы речь шла о реабилитации не только лиц, осужденных по политическим процессам, проводившимся до войны, но и жертв так называемого военного времени, то есть лиц, которые вследствие тех или иных «обстоятельств» попали в плен, хранили случайно ока-

завшиися у них фашистские листовки и т. п. При этом Руденко предупредил, что могут быть «попытки поставить под сомнение правильность осуждения действительных врагов Советской власти, активных пособников фашистов, карателей, допустить реабилитации таких лиц ни в коем случае нельзя».

Первые же дни работы специальной группы выявили множество вопросов, на которые Викторов решил получить ответы у Руденко. В частности, он хотел знать: есть ли политическое решение о массовом пересмотре дел прошлых лет?

Вот что, по словам Викторова, ответил ему Руденко:

«Поведение ваших товарищей объяснимо, им нелегко сразу воспринять все то, что вы им сообщили. Просят сослаться на решение о пересмотре дел прошлых лет? Что же, так привыкли. Не верят на слово? В академии так учили. Всем нам придется столкнуться с тем, что оценки некоторых событий и их участников, казавшиеся неизменными, нужно будет пересмотреть. Сделать это надо во имя истины, справедливости и правды истории. А решение будет. Оно готовится».

23—25 июня 1955 года Генеральный прокурор Руденко созвал в Москве Всесоюзное совещание руководящих прокурорских работников. В его работе приняли участие около 400 прокуроров с мест и работники центрального аппарата Прокуратуры Союза ССР.

Касаясь вопросов начавшейся в стране реабилитации лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, Руденко сказал: «Осуществляя надзор за расследованием дел органами государственной безопасности, советский прокурор должен помнить о своей активной роли в деле изобличения государственных преступников.

Необходимо отметить, что за последние два года количество вновь возбужденных следственных дел о контрреволюционных преступлениях сократилось.

Несомненно, что снижение числа дел о контрреволюционных преступлениях является закономерным, свидетельствуя о возросшем морально-политическом единстве советского народа и укреплении Советского государства. К снижению числа этих дел привело также разоблачение фактов фальсификации дел вредителями из числа заговорщической группы Берии...»

Далее Руденко отметил, что «органы прокуратуры должны провести все еще очень большую работу по ликвидации последствий вредительства со стороны врага народа Берии и

его сообщников». «Враг народа Берия» был тогда расхожей фразой риторики советских руководителей...

Об объеме проводимой работы свидетельствует то, что по сравнению с 1953 годом поступление жалоб и рассмотрение дел в порядке надзора по периферийным органам прокуратуры увеличилось в четыре раза, а количество внесенных протестов и представлений в 1954 году в сравнении с 1953 годом возросло более чем в 50 раз. Аналогичное положение имеет место и по центральному аппарату Прокуратуры СССР, где в сравнении с 1952 годом количество внесенных протестов стало больше в 45,4 раза.

Предстояло провести еще и очень большую работу по проверке дел и жалоб.

«В этой работе, — подчеркнул далее Руденко, — обнаруживаются ошибки, которые в основном заключаются в допущении двух крайностей: в ряде случаев решения об оставлении ранее вынесенных приговоров и постановлений в силе принимаются без необходимой проверки доводов жалобщиков, только на основании материалов дела, в то время как имеющиеся данные свидетельствуют о необходимости проверки материалов следствия (при наличии данных о применении незаконных методов следствия); в других случаях, наоборот, необоснованно ставится вопрос об отмене приговоров и решений по тем мотивам, что антисоветские действия, такие, например, как контрреволюционная агитация, имели место без контрреволюционного умысла, хотя вывод об этом не вытекает из материалов дела».

Затем Руденко напомнил собравшимся: «В работе по пересмотру дел о контрреволюционных преступлениях мы должны исходить из того, что это не амнистия, не помилование преступников, а проверка дел с целью реабилитации лиц, невинно осужденных, или отказа в пересмотре дел в отношении преступников».

Со времени предыдущего форума руководящих работников органов прокуратуры прошло более семи лет. Поэтому участники Всесоюзного совещания обоснованно сетовали на то, что отсутствие живого общения между ними являлось серьезной помехой для улучшения надзора за исполнением законов. Они говорили о том, что прежнее руководство Прокуратуры Союза не считало нужным поддерживать непосредственную связь с подчиненными, знало практику местных органов прокуратуры преимущественно по бумагам, мало внимания уделяло прокурорско-следственным кадрам, особенно районного звена, плохо осуществляло обмен положительным опытом работы. Острой критике подверглась ра-

бота Следственного управления, отделов по надзору за местами заключения, уголовно-судебного надзора, общего надзора и других подразделений Прокуратуры Союза.

На заключительное заседание прибыли Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, председатель Совета Министров Н. А. Булганин и председатель Президиума Верховного Совета К. Е. Ворошилов. Это был первый случай в истории советской прокуратуры, когда прокурорский форум посетили сразу три высших руководителя партии и государства. Хрущев, не привыкший отсиживаться на совещаниях, выступил с небольшой речью, которую, как всегда, произнес эмоционально, почти не прибегая к каким-либо записям. Он сказал, что вовсе не отождествляет прокуроров с «бандой Берии» и вполне понимает то положение, в которое были поставлены органы прокуратуры.

Заместитель Главного военного прокурора Викторов, участвовавший в работе Всесоюзного совещания и слушавший Хрущева, вспоминал, что Хрущев тогда сказал:

«Мы пришли к вам не для того, чтобы упрекать, что при вашем попустительстве в НКВД творился произвол... Мы пришли засвидетельствовать свое почтение и уважение к вам... Берия и его банда создали систему — сами арестовывали и сами судили. Вы тоже виноваты, но мы принимаем во внимание, в какое положение вы были поставлены».

Обратил внимание Хрущев и на то, что отношения прокурор должен строить не на личных связях, а на законе. Прокурор обязан быть строгим законником и неумолимым государственным человеком.

«Либеральный подход у нас проистекает от наших партийных и человеческих качеств, — продолжал Хрущев. — Сейчас готовится амнистия для тех осужденных советских граждан, которые по малодушию или несознательно оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами. Мы считаем это справедливым и гуманным. Нельзя не учитывать создавшуюся обстановку во время войны и коварство врага. В государстве должен быть порядок. Нельзя притуплять и бдительность. Мы окружены врагами, есть и преступники, которых надо перевоспитывать, а не просто использовать как рабочую силу, как делал Берия. Хочу напомнить, ошибка прокурора очень дорого обходится. Нужны прилежание и внимание в работе».

И тут следует отметить, что положение Руденко было очень непростым. Реабилитация неоднозначно воспринималась и в обществе, и в партии, и среди руководителей государства. Когда на июньском пленуме в 1957 году рассмат-

ривался вопрос о так называемой «антипартийной группе» Маленкова, Молотова и других, Руденко, выступавший на нем, привел такой эпизод.

На Президиуме ЦК КПСС 1 сентября 1955 года, на котором рассматривался вопрос «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», возник вопрос и о пересмотре «старых» политических дел. Вел заседание в отсутствие Хрущева Каганович. Во время выступления Руденко Маленков бросил такую реплику: «Вы сейчас привлекаете к ответственности тех, кто ранее арестовывал, а мы вас будем привлекать за то, что освобождаете». По словам Руденко, он не стал тогда вступать в спор, считая это бестактным, но на другой день позвонил Маленкову и сказал, что он неправильно ставит вопрос и его обвинения незаслуженные. Маленков на это ответил, что он не его персонально обвиняет.

Руденко занимался вопросами реабилитации лично. Среди первых реабилитированных были и некоторые расстрелянные бывшие руководители Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР и их близкие: первый Прокурор Союза ССР И. А. Акулов и его жена Н. И. Шапиро, бывшие прокуроры РСФСР Н. В. Крыленко, В. А. Антонов-Овсеенко и его жена Софья Ивановна, Ф. Е. Нюрина, Н. М. Янсон и его жена Л. Ф. Петрулевич.

Большая работа проводилась и отделом по спецделам Прокуратуры СССР по пересмотру политических дел. Так, только за второе полугодие 1954 года, январь и февраль 1955 года было рассмотрено 13 084 дела на лиц, осужденных по обвинению в контрреволюционных преступлениях, и внесено 7727 протестов об отмене и изменении решений состоявшихся судебных приговоров и постановлений Особого совещания.

Конечно, без политического решения реабилитация жертв массовых репрессий не смогла бы принять столь глобальный характер. В январе 1956 года Президиумом ЦК КПСС была образована Комиссия по изучению материалов о политических репрессиях в стране в период 1935—1940 годов. Активное участие в работе комиссии принимал и Руденко. Выводы комиссии легли в основу секретного доклада «О культе личности и его последствиях», произнесенного Первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым 25 февраля 1956 года, в последний день работы XX съезда КПСС. В докладе впервые было сказано о беззакониях и произволе, творимых органами внутренних дел и государственной безопасности

не только с попустительства, но и по прямому указанию Сталина.

Вот как описывает свои ощущения от этого доклада Викторов:

«По инициативе Романа Андреевича Руденко я оказался в числе приглашенных на съезд. Это было глубоко впечатляющее, незабываемое событие в моей жизни... В конце работы съезда выступил Никита Сергеевич Хрущев. Его доклад о злоупотреблениях Сталина произвел большое впечатление. Еще свежа была в памяти всенародная скорбь. Прощаясь со Сталиным, многие искренне плакали. Все хорошо знали, помнили лозунг: «За Родину, за Сталина!» С этими словами шли в бой и погибали. С его именем связывали все предшествующие достижения... Что произошло в 1936—1937 годы и почему, многие не могли объяснить. Слышали: были в НКВД изверги Ежов и Берия, но им ничего не простили, покарали. О какой-либо конкретной виновности во всем этом самого Сталина никто открыто не говорил.

Впервые от Никиты Сергеевича Хрущева мы услышали о фактах личных злоупотреблений Сталина — один страшнее другого. В своем блокноте я сделал тогда пометки, которые сохранились».

Многие факты, приведенные в докладе Хрущевым, оказались откровением и для Руденко, участвовавшего в работе съезда в качестве делегата. Вот что говорил тогда Хрущев: «Массовые репрессии резко усилились с конца 1936 года после телеграммы Сталина и Жданова из Сочи от 25 сентября 1936 года, адресованной Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро, в которой говорилось следующее: “Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудел. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД”.

Следует, кстати, заметить, — продолжал Хрущев, — что с партработниками Сталин не встречался и поэтому мнение их знать не мог. Эта сталинская установка о том, что “НКВД опоздал на 4 года” с применением массовых репрессий, что надо быстро “наверстать” упущенное, прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы...»

Конечно, Хрущев сказал далеко не все, что было ему известно. Ни разу он не упомянул и своего имени и не покался за свои «прегрешения», которых было не меньше, чем

у любого другого члена Политбюро. Ведь он тоже был причастен к массовым «чисткам» на Украине, когда стал в январе 1938 года первым секретарем ЦК КПУ, а потом и членом Политбюро ЦК компартии.

Привел в своем докладе Хрущев и первые цифры реабилитированных. По его словам, на день открытия съезда (с 1954 года) Военной коллегией Верховного суда СССР было реабилитировано 7679 человек, многие из них — посмертно.

По докладу Хрущева без обсуждения было принято соответствующее решение, а 30 июня 1956 года вышло большое постановление ЦК КПСС «О культуре личности и его последствиях».

Вскоре после съезда постановлением Президиума ЦК КПСС от 19 марта 1956 года было образовано 97 комиссий Президиума Верховного Совета СССР для «проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения каждого лица, обвиненного в совершении преступления политического характера». Одновременно с этим проверялись дела осужденных за должностные и хозяйственные преступления. Для координации деятельности этих комиссий и наблюдения за рассмотрением дел была создана также Центральная комиссия. В нее вошел и Руденко. Сроки пересмотра дел установили весьма жесткие — к 1 октября 1956 года эта работа должна быть закончена. По сообщению комиссии, на этот срок были рассмотрены дела на 176 325 человек, из которых 100 139 были освобождены из мест лишения свободы (в их числе 50 944 осужденных за политические преступления), а 42 016 — снижены сроки наказания.

13 апреля 1956 года Президиум ЦК КПСС вновь возвращается к рассмотрению так называемых контрреволюционных дел. На этот раз принимается постановление «Об изучении материалов открытых судебных процессов по делу Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других». В специально созданную для этого комиссию вошли руководители партии и правительства: Молотов, Каганович, Ворошилов, Аристов, Пospelов и другие. Был включен в нее и Руденко.

10 декабря 1956 года комиссия представила свое заключение. Тогда политической воли хватило только на то, чтобы реабилитировать репрессированных военных: М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича, И. Э. Якира, А. И. Корка и других, приговоренных к расстрелу Специальным судебным присутствием Верховного суда в июне 1937 года.

Комиссия пришла к выводу, что «оснований для пересмотра дел в отношении Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева... не имеется, поскольку они на протяжении многих лет возглавляли антисоветскую борьбу, направленную против строительства социализма в СССР». Все они были реабилитированы только через 30 лет, в 1988 году.

Руденко постоянно интересовался работой специальной группы, занимавшейся вопросами реабилитации, и всегда напоминал руководителям Главной военной прокуратуры о всей важности порученного им дела.

Викторов вспоминал:

«Вся наша работа проходила под непосредственным руководством Генерального прокурора. Руководство аппаратом, созданным в Главной военной прокуратуре для этих целей, осуществлял Главный военный прокурор. Возглавляли отделы назначенные с периферии опытные военно-прокурорские работники, занимавшие до этого и во время Отечественной войны должности военных прокуроров армий и корпусов. Из фронтовиков в основном был сформирован и весь аппарат для этой работы».

Руденко не любил вспоминать мрачные годы репрессий, а также дела Бери, Меркулова, Абакумова, Рюмина и других. Тем не менее мне удалось найти одного человека, которому Роман Андреевич все же рассказал о деле Берии, точнее о поведении Берии во время следствия.

Президент Национальной академии киноискусства и наук России, режиссер-постановщик многих популярных фильмов, таких как «Бег», «Тегеран-43», «Закон», «Десять лет без права переписки» и других, Владимир Наумович Наумов рассказал мне, что во время оттепели 60-х они вместе с Аловым решили снять художественный фильм о сталинских репрессиях. Зная о том, что министр культуры СССР Е. А. Фурцева состояла в хороших отношениях с Руденко, он попросил Екатерину Алексеевну переговорить с Романом Андреевичем, чтобы тот принял его. Ждать пришлось недолго. Через несколько дней Наумов уже сидел в большом кожаном кресле напротив Руденко, они пили чай, и Роман Андреевич достаточно осторожно, но все же отвечал на вопросы, ибо его откровения, как считает Владимир Наумович, имели огромное значение для постановки будущего фильма.

«Очень хорошо помню, — вспоминает он, — как на мой вопрос: “А Берия, что-нибудь просил у вас во время допросов?” — он ответил: “Просил лишь одно: “Только жизнь, только жизнь, товарищ прокурор!” В силу известных причин, снять фильм в те годы нам с Аловым не удалось. На эту тему вскоре было наложено табу. Многие за давностью лет из того, что я узнал, читая дело, забылось. Однако наш замысел, но уже после смерти Руденко — в конце 80-х годов, я все же реализовал. Правда, тогда меня достаточно профессионально консультировал уже другой человек — старший помощник Генерального прокурора СССР Александр Григорьевич Звягинцев, но то, что однажды поведал мне Руденко, оказалось бесценным — об этом мне больше никогда и никто не рассказывал».

Глава IX ПО-НОВОМУ

После принятия Положения о прокурорском надзоре, впервые четко конкретизировавшего основные функции высшего надзора по всем его отраслям, прокуратура вступила в новый этап своей деятельности.

За год до этого прокуроры и следователи сменили форму. Еще во время Великой Отечественной войны и много лет после ее окончания многие работники гражданских министерств и ведомств (железнодорожного, морского и речного транспорта, горной промышленности, связи, энергетики и др.) имели звания и носили форменную одежду, обязательными атрибутами которой являлись погоны, а для высшего состава (генералов) лампасы. Такая же форма, введенная в 1943 году, была и у прокуроров. На Западе это вызывало определенное раздражение — дескать, русские выступают за мир, за разоружение и сокращение армии, а сами чуть ли не всех заставляют носить погоны. Хоть завтра любой встанет под ружье. Так что не случайно 6 июля 1954 года Совет Министров отменил форменную одежду и персональные звания для сотрудников гражданских министерств и ведомств. Все гражданские лица разом лишились званий и погон.

18 октября 1954 года постановлением Совета Министров СССР были введены новые знаки различия для прокурорско-следственных работников, а также изменена их форменная одежда. Совсем оставлять прокуроров без формы не решились. Вместо погон плечевых появились петлицы на воротнике, кокарду заменили ведомственной эмблемой, шинель — пальто, а костюм поменял цвет — темно-коричневый на темно-синий.

При Руденко изменилась не только форменная одежда прокурорских работников, но, что самое главное, содержание всей служебной деятельности «стражей законности». Прокуроры, оставаясь главными защитниками государст-

венных интересов, теперь были ориентированы в неизмеримо большей степени, чем это было раньше, на обеспечение прав и законных интересов граждан.

В аппарате Прокуратуры СССР в середине 50-х годов еще работали многие ветераны, стоявшие у истоков советской прокуратуры.

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

Николай Леонтьевич Зарубин был помощником Генерального прокурора СССР по особым поручениям. Он родился в 1893 году в крестьянской семье. Окончил трехгодичную сельскую школу и с шестнадцатилетнего возраста работал в волостном суде. Служил в царской армии солдатом. После революции сел за судейский стол, а с 1926 года начал службу помощником губернского прокурора. До февраля 1941 года, когда он пришел в аппарат Прокуратуры СССР, успел побывать заместителем прокурора Киргизии и Средне-Волжского края, прокурором лагерей Хабаровского края. В 1941—1942 годах был заместителем начальника отдела по надзору за местами заключения прокуратуры, затем, прослужив два года прокурором Ставропольского края, вернулся на ту же должность в аппарат союзной прокуратуры. На пенсию вышел в 1956 году. Видевший многих предшественников Руденко на посту Генерального прокурора СССР, он, по словам С. В. Тюрина, говорил о Руденко так: «Это первый Генеральный прокурор — государственный человек».

Ветераном органов прокуратуры был и **Дмитрий Евграфович Салин**, которого Руденко назначил в 1954 году своим заместителем и начальником отдела по спецделам (впоследствии по надзору за следствием в органах госбезопасности). Он родился в 1903 году в Петербурге. Образование имел незаконченное среднее, правда, потом окончил военно-юридические курсы. Служить начал в 1926 году простым милиционером, затем до 1933 года был начальником райотдела и окружного отдела милиции, городского управления в Мичуринске. После этого работал старшим следователем прокуратуры Московско-Донбасской железной дороги, был также на аналогичных должностях в прокуратурах Туркестанско-Сибирской и Оренбургской железных дорог, прокурором Ташкентской железной дороги. В 1946—1948 годах Салин служил прокурором Литовской ССР, а затем стал главным прокурором железнодорожного транспорта и главным транспортным прокурором. На пенсию вышел в 1959 году.

При Руденко в прокуратуру пришло много молодых талантливых юристов. Работали они везде. И не пугали их ни очень Дальний Восток, ни вечная мерзлота. Некоторые из них достигли больших высот и по сей день трудятся на ниве юриспруденции.

Вениамин Федорович Яковлев, когда появился в 1953 году в Якутске, был хрупким юношей. Он с отличием окончил Свердловский юридический институт и был направлен на север преподавателем юридической школы. Менее чем через год он стал директором этого учебного заведения. А когда школу закрыли, в 1956 году его приняли в прокуратуру на должность начальника отдела по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел. Это был будущий видный ученый, судебный и государственный деятель.

Работавший в те годы в прокуратуре Якутска в должности начальника отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Борис Яковлевич Полонский много рассказал мне интересных историй о совместной работе с Яковлевым (ведь с Вениамином Федоровичем они потом в Москве более двадцати лет трудились вместе). Но вот одну из них, которая как нельзя лучше характеризует и Яковлева, и стиль работы прокуратуры при Руденко, стоит изложить. Рассказывает почетный работник прокуратуры Б. Я. Полонский:

«Было это в конце 50-х годов. В прокуратуру Якутска приехала бригада проверяющих из Москвы. Как и подобает ревизорам, они рьяно принялись за работу, думая, что уж в этом медвежьем углу наверняка конь не валялся. Однако после тщательного ознакомления с положением дел, к немалой нашей радости, проверяющие дали объективную и исключительно лестную оценку работе прокуратуры по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел и лично В. Ф. Яковлеву. Вскоре положительный опыт был распространен по всей стране».

В 1960 году Вениамин Федорович поступил в аспиранту Свердловского юридического института. В 1963 году защитил кандидатскую диссертацию и стал работать старшим преподавателем, затем доцентом кафедры гражданского права института. В последующие годы был деканом вечернего факультета, заведующим кафедрой, проректором. В 1973 году защитил докторскую диссертацию. С 1974 года — профессор. Профессиональный рост проходил под благотворным влиянием виднейших правоведов страны, в частности С. С. Алексеева.

В 1987 году Яковлев был приглашен в Москву, где возглавил ВНИИ советского законодательства. В этот период актуа-

лизировались вопросы права, появилась возможность соединить опыт, накопленный в прокуратуре во времена Руденко, и научную деятельность с практической работой, реализовать свои научные идеи. Под руководством Яковлева группа видных ученых-цивилистов разработала проект Основ гражданского законодательства, многие идеи которого после развала СССР были заложены в новый Гражданский кодекс Российской Федерации.

В 1989 году Яковлев возглавил Министерство юстиции СССР, главной задачей которого стало содействие в формировании правового государства, новых экономических отношений, создании независимого правосудия.

На посту министра юстиции СССР Яковлев поставил работу государственного аппарата на научную основу. На проводимых им заседаниях коллегии царил дух товарищества, практика и новые тенденции облекались в строго научно-практические выводы.

В 1991 году был поднят вопрос о новой судебной системе в сфере экономики, создать и возглавить которую поручили Яковлеву. Он был назначен Главным государственным арбитром СССР. Благодаря его организаторским способностям в короткий срок создана самостоятельная ветвь судебной власти для разрешения споров в сфере экономической деятельности — арбитражные суды. Председателем Высшего арбитражного суда СССР стал Яковлев.

После распада СССР назначен государственным советником по правовой политике при Президенте Российской Федерации, однако уже в январе 1992 года стал председателем Высшего арбитражного суда Российской Федерации и работал до 2005 года. С 1996 года также председатель совета Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации.

16 февраля 2005 года Вениамин Федорович назначен советником Президента Российской Федерации и представителем Президента Российской Федерации в Высшей квалифицированной коллегии судей Российской Федерации.

В мае 2003 года избран членом-корреспондентом РАН. Участвовал в работе над многими законами РФ, опубликовал много научных трудов. Удостоен почетного звания «Заслуженный юрист РСФСР», трижды награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» 3-й, 2-й и 1-й степени.

Вспоминая в дни празднования 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне те далекие годы, Вениамин Федорович много и интересно рассказывал о днях минувших. Давая оценку Роману Андреевичу Руденко,

он поведал мне об одной истории, непосредственно связанной с его именем:

«Для всех нас, работников системы Прокуратуры того времени, Роман Андреевич Руденко был не только Генеральным прокурором Союза, но и легендарной личностью, что в наших глазах поднимало значение и нашей скромной работы. Помню, как гордились мы документами с его подписью о присвоении классного чина.

Но Руденко знали не только прокурорские работники. Он вообще был широко известным в стране человеком. Помню один очень непростой или даже тяжелый эпизод работы, который может это проиллюстрировать. Человек, которого доставляли к месту приведения в исполнение приговора о применении высшей меры наказания, а фамилия его была Руденко, вдруг сказал своим конвоирам: «Да, знал бы мой дядя, куда меня везут». На вопрос конвоира о том, кто же его дядя, осужденный ответил: «Генеральный прокурор». Из дальнейшего разговора, правда, выяснилось, что имя и отчество своего «дяди» он не знает.

Для меня время работы в прокуратуре оказалось большой школой жизни и служения закону. И не только закону, праву, но и людям. Довольно часто мы ощущали себя правозащитниками».

В июле 1956 года, то есть только через три года после робкого начала десталинизации, наконец-то была изменена подсудность дел о государственных преступлениях. Они изымались (за исключением дел о шпионаже) из ведения военных трибуналов. В связи с этим Руденко своим приказом от 1 августа 1956 года возложил надзор за следственными делами о государственных преступлениях, совершенных гражданскими лицами, на прокуроров областей, краев, автономных и союзных республик. Они же обязаны были отныне рассматривать и первичные надзорные жалобы по такого рода делам. Дела же о государственных преступлениях, расследуемые центральным аппаратом Комитета государственной безопасности, подлежали контролю со стороны отдела прокуратуры по надзору за следствием в органах госбезопасности.

4 августа 1955 года Руденко издал очень важный приказ, который касался усиления прокурорского надзора за соблюдением законности при задержании, аресте и привлечении к уголовной ответственности граждан. В нем признавалось, что незаконные задержания, аресты и необоснованное при-

влечение людей к уголовной ответственности до сих пор не изжиты и проистекают они от безответственного отношения прокуроров и работников следственных органов к исполнению своего служебного долга. Например, в 1954 году прокурорами было арестовано 283 300 человек. В последующем 29 300 (свыше 10 процентов) были освобождены из-под стражи в связи с прекращением дела или оправдания их судом. Из камер предварительного задержания прокуроры освободили более пяти тысяч человек, незаконно задержанных, что составляло два процента от их общего числа. Более 20 процентов жалоб, поступавших в прокуратуру на органы милиции, находили свое подтверждение и удовлетворялись.

В приказе отмечена и другая сторона «медали». Прокуроры иногда перестраховывались и необоснованно отказывали в санкционировании ареста лиц, совершивших тяжкие преступления. И те и другие факты Руденко расценивал как грубые нарушения закона, которые должны повлечь за собой строгую ответственность как прокуроров, так и следователей. Другими словами, Генеральный прокурор потребовал от своих подчиненных «ювелирной» точности при решении всех этих вопросов. В приказе прямо предписывалось, что необходимо применять арест в качестве меры пресечения при совершении тяжких преступлений. Самые актуальные из них перечислялись — это убийство, разбойное нападение, изнасилование, хищение социалистической собственности (указ от 4 июня 1947 года), хулиганство. А в отношении лиц, совершивших менее тяжкие преступления, предлагалось с «особой тщательностью рассматривать вопрос о целесообразности ареста». Необходимо было учитывать также тяжесть улик против обвиняемого, род его занятий, возраст, состояние здоровья и семейное положение.

Прокуроры, санкционирующие арест, должны были лично знакомиться с материалами расследования, глубоко изучать собранные доказательства виновности, а в необходимых случаях производить личный допрос подследственных. Руденко запретил прокурорам санкционировать аресты по одним лишь справкам следственных органов, что широко практиковалось в сталинские времена.

Прокурорам республик, краев и областей поручалось обеспечить силами отделов уголовно-судебного надзора проверку каждого дела, по которому судами был вынесен оправдательный приговор или определение о прекращении дела, направленного в суд. В случае обнаружения неосновательного предания суду граждан или ареста решать вопрос об ответственности виновных.

Несмотря на столь строгий приказ, нарушения законности при аресте граждан все еще допускались, и было их не столь уж мало. Сказывались привычки и «навыки» прошлых лет, когда людей сажали за самые малозначительные проступки. Так, прокурор одного из районов Баку за единственный случай обвеса покупателя арестовал продавщицу магазина, у которой на иждивении находились 9 человек, из них 7 малолетних детей. А в Московской области районный прокурор арестовал трех подростков за кражу голубей...

В апреле 1957 года Президиум Верховного Совета СССР утвердил новую структуру центрального аппарата Прокуратуры СССР. Теперь в аппарате образовывались три управления (следственное, кадров и хозяйственно-финансовое), девять отделов, приемная, канцелярия (на правах отдела). В состав Прокуратуры СССР входили также Главная военная прокуратура и Главная транспортная прокуратура. При Генеральном прокуроре СССР состояли следователи по особо важным делам и методический совет, а при Прокуратуре СССР — Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики и журнал «Социалистическая законность», издаваемый совместно с Министерством юстиции и Верховным судом СССР.

Новой структурой органов прокуратуры и переименованиями отделов руководство стремилось подчеркнуть те изменения, которые наметились в этой правоохранительной системе, как бы показывая, что с прошлым раз и навсегда покончено. Конечно, организационные меры и приказы мало что могли изменить в репрессивной политике государства без кардинального изменения судопроизводства, уголовного, уголовно-процессуального и даже гражданского законодательства.

12 февраля 1957 года Верховный Совет СССР на 6-й сессии 4-го созыва утвердил Положение о Верховном суде СССР, а 25 декабря 1958 года на 2-й сессии 5-го созыва принял целый «букет» новых законов: Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР и союзных республик, Положение о военных трибуналах, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Законы об уголовной ответственности за государственные преступления и уголовной ответственности за воинские преступления.

14 февраля 1959 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ о порядке введения в действие Основ уго-

ловного законодательства, Основ уголовного судопроизводства и Законов об уголовной ответственности за государственные и за воинские преступления и постановление о применении этого указа.

Улучшению деятельности прокурорской системы способствовало образование в феврале 1959 года в Прокуратуре Союза ССР и в прокуратурах союзных республик коллегий. Персональный состав коллегии Прокуратуры СССР был утвержден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 апреля 1959 года. Первыми членами коллегии стали: Р. А. Руденко (председатель), А. Г. Горный, П. И. Кудрявцев, В. В. Куликов, А. Н. Мишутин, Г. Н. Новиков, И. Е. Савельев, Д. Е. Салин, Г. А. Терехов.

В соответствии с законом, коллегия на своих заседаниях рассматривала с участием в необходимых случаях работников местных органов прокуратуры наиболее важные вопросы практического осуществления прокурорского надзора за законностью, проверки исполнения, подбора и подготовки прокурорско-следственных кадров, проекты важнейших приказов и инструкций, заслушивала отчеты начальников управлений и отделов Прокуратуры СССР, прокуроров союзных республик и других работников прокуратуры. Решения коллегии проводились в жизнь приказами Генерального прокурора.

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

Александр Николаевич Мишутин в этот период был назначен заместителем Генерального прокурора СССР. Высокий, красивый, душевный человек — он был всеобщим любимцем аппарата Прокуратуры Союза, его ценили и уважали периферийные работники. Доступный для любого прокурора, отзывчивый и простой, Мишутин в то же время был человеком трудной, временами даже трагичной судьбы.

Он родился 3 марта 1905 года в семье железнодорожного рабочего в селе Выры Тагаевской волости Симбирской губернии. Среднее образование получил в Инзенской железнодорожной школе. С августа 1923 года работал помощником заведующего агитпунктом на станции Инза, через два года был назначен заведующим правления рабочего клуба в том же Инзенском районе Ульяновской области. В 1929 году Александр Николаевич становится народным следователем, а еще через четыре года — прокурором Инзенского района, отошедшего уже под юрисдикцию Куйбышевского края.

Работать тогда приходилось в трудных условиях. Чуть какая промашка — сразу же выговор. Вот и Мишутин в начале 1935 года неожиданно получил от прокурора Куйбышевского края два «строгача». Произошло это так. В то время о машинах прокуратуры районов и мечтать не могли. Поскольку район был большой, то добираться до поднадзорных организаций приходилось на попутном транспорте. Мишутин решил купить велосипед. И такой случай подвернулся. Когда в район завезли велосипеды, Александр Николаевич купил за свой счет один для прокуратуры. Но на беду оказалось, что те велосипеды предназначались только для «стимулирования хлебозаготовок». Поскольку прокуратура к таковым не относилась, стало быть, и велосипед ей не положен. Приобретение велосипеда в прокуратуре края расценили как «дискредитирующий поступок» и Мишутину объявили строгий выговор. А в приказе заодно указали и еще один «криминал» — «несвоевременное расследование газетных заметок». Через месяц — опять «прокол». На этот раз — более серьезный. Мишутину объявили строгий выговор «за искривление директив партии и правительства в деле оказания юридической помощи населению», а также за содержание «ведомственного следователя» (надо полагать, Мишутин, чтобы «разгрести» дела, взял следователя на работу сверх положенного штата).

Вскоре Мишутин стал работать прокурором Николо-Пестровского района того же края. Там начались для него новые испытания. В октябре 1937 года на основании клеветнических материалов А. Н. Мишутин пленумом Николо-Пестровского райкома партии был исключен из рядов ВКП(б) со зловещей формулировкой — «пособничество врагам народа». Это уже был прямой путь на плаху. Александр Николаевич, обескураженный случившимся, сразу же дал телеграмму прокурору Куйбышевского края, прося его разрешения на проезд в Куйбышев для личных переговоров. Однако через несколько часов Мишутин получил телеграмму, в которой сообщалось, что он отстранен от работы.

С этого времени прокурор стал отчаянно биться за свою судьбу. Он написал свыше 20 заявлений только на имя Прокурора СССР Вышинского, обращался к Прокурору РСФСР Рычкову, в Комиссию партконтроля — но все безрезультатно, никакого ответа ни от кого он не получил. Очувтившись без средств к существованию (ему даже не выплатили компенсацию за неиспользованный в течение трех лет отпуск), Мишутин попытался устроиться куда-нибудь на работу, но

везде ему отказывали под любым предлогом. Вот как он сам описывает эти события:

«Люди со мной не разговаривали, все избегали, мне даже лесхоз отказал в покупке дров, тогда как дрова продавались всему населению. Будучи в таком нервном состоянии, я серьезно заболел, у меня обострился туберкулез легких, и я слег в постель. Врачи на мои приглашения ко мне не являлись и медицинской помощи не оказывали». По случаю в Николо-Пестровский район приехал с выездной сессией спецколлегии областного суда заместитель прокурора Куйбышевской области Егоров. Отчаявшийся найти справедливость Мишутин попросил его зайти к нему, так как сам лежал пластом. Егоров пришел к нему ночью и для подстраховки взял с собой исполняющего обязанности прокурора района Лапина. Мишутин попросил Егорова объективно проверить его работу, на что последний сказал: «Мы сейчас по некоторым соображениям проверку работы делать не будем. Вы прокурор и защищайтесь сами как хотите». После такого ответа Мишутин, по его словам, находился на грани самоубийства. Только месяца через четыре его допустили до работы в том же районе в качестве следователя, а 16 марта 1938 года партколлегия по Куйбышевской области отменила незаконное решение пленума райкома. Мишутин был восстановлен в партии и на работе.

Жизненные передряги не сломили и не озлобили Мишутина. Он оставался все таким же уравновешенным, спокойным, общительным человеком. Некоторое время работал прокурором Мелекесского района, а затем стал заместителем прокурора Куйбышевской области по спецделам. Во время Великой Отечественной войны, в 1942 году, его назначили на должность прокурора Ярославской области, а через два года поставили во главе Прокуратуры Латвийской ССР, где он проработал более пяти лет.

За эти годы он окончил Всесоюзный юридический заочный институт, получил диплом юриста. В 1950—1951 годах Александр Николаевич работал в ЦК ВКП(б) инструктором, а затем стал заместителем (первым заместителем) Генерального прокурора СССР. В органах прокуратуры Мишутин работал до 1964 года, после чего уступил свое место ставленнику заведующего отделом административных органов ЦК КПСС — Малярову.

Сам же Александр Николаевич довольствовался должностью председателя Юридической комиссии при Совете Министров СССР, где служил вплоть до ее ликвидации в 1970 году. Скончался в 1988 году. Память о нем среди коллег ос-

талась самая светлая. Хорошо помню, что когда известие о его смерти дошло до Генеральной прокуратуры СССР, очень многие сочли своим долгом проводить Александра Николаевича в последний путь.

...Занятый важными государственными делами, Руденко уже не так часто, как это было в первые годы, поднимался на судебную трибуну. Однако как только возникло громкое уголовное дело, Генеральный прокурор взялся сам поддерживать по нему обвинение. Это было дело американского летчика-шпиона Ф. Г. Пауэрса. Оно было возбуждено в мае 1960 года.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Пауэрс

В праздничный день, 1 мая 1960 года, в 5 часов 36 минут по московскому времени, на сверхсекретном военном самолете-шпионе У-2, не имевшем опознавательных знаков, Пауэрс вторгся, как писали газеты, «в воздушное пространство нашего государства». Он имел задание пролететь по маршруту Пешавар (Пакистан)—Аральское море—Свердловск—Киров—Архангельск—Мурманск и приземлиться на базе Буде в Норвегии. Как можно заметить, маршрут довольно дерзкий. Учитывая, что летчик летел на высоте 20 тысяч метров, он был недосыгаем для наших самолетов. На это и рассчитывали в ЦРУ, планируя такую операцию.

Части противовоздушной обороны СССР сразу же засекли летчика-шпиона. Около 9 часов утра, когда самолет был в районе города Свердловска, а Москва готовилась к торжественному параду на Красной площади, советские ракетчики получили задание сбить иностранный самолет. О том, как это происходило, в последнее время появилось немало версий. Согласно официальным отчетам самолет-нарушитель все же был сбит первой ракетой. В постсоветский период стали писать о том, что-де и сбит был не первой ракетой, а жертвой первого выстрела стал наш самолет и т. п. Но факт остается фактом — самолет уничтожен, а летчик захвачен в плен и после непродолжительного следствия был предан суду Военной коллегии Верховного суда СССР.

Руденко активно контролировал ход расследования уголовного дела по обвинению летчика-шпиона Пауэрса, лично допрашивал его, выясняя обстоятельства совершения им пре-

ступления. Как было установлено следствием, Пауэрса завербовали в 1956 году, когда он подписал секретный контракт с ЦРУ США и обязался выполнять все разведывательные полеты за 2500 долларов в месяц. Подготовка к полетам на самолетах У-2 велась на секретном атомном полигоне Лас-Вегас в пустыне штата Невада. Подготовкой руководил полковник Перри, возглавивший впоследствии так называемое подразделение 10-Ю. К обучению были привлечены и представители компании «Локхид», производившей указанные самолеты, а также наиболее опытные военные летчики. Всем завербованным летчикам на время подготовки были даны вымышленные имена. Пауэрс на этих «курсах» именовался Палмером.

Осенью 1956 года шпионское подразделение 10-Ю, куда входил теперь и Пауэрс, было переброшено на американско-турецкую базу Инджирлик возле города Аданы в Турции. Отсюда развевывалась их шпионская деятельность. Лично Пауэрс, по его показаниям, в 1956—1960 годах, то есть за неполных четыре года, совершил примерно 30—40 полетов с разведывательными целями вдоль южной границы Советского Союза.

В конце апреля 1960 года Пауэрс получил указание от командира разведывательного подразделения Шелтона вылететь на авиационную базу Пешавар в Пакистане. Там ранним утром 1 мая он получил задание лететь по маршруту Пешавар (Пакистан) — Буда (Норвегия), то есть через территорию Афганистана и значительную часть территории СССР.

На одном из допросов Пауэрс сказал: «Я должен был следовать по маршруту, который был нанесен на карте красным и синим карандашом, и в отмеченных на карте местах включать и выключать нужные переключатели аппаратуры». И далее: «Полковник Шелтон сообщил мне, что приготовил для меня свертки с советскими деньгами и золотыми монетами на тот случай, если со мной что-нибудь произойдет. Свертки были положены в карманы моего летного костюма. Он показал мне также серебряную монету в один доллар, в которую была вставлена булавка. Полковник сказал мне, что никакой опасности нет, так как СССР не располагает самолетами или ракетами, которые могли бы достигнуть высоты моего полета, однако если что-либо случится и я буду арестован и подвергнут пыткам и не смогу их выдержать, то у меня будет возможность покончить с собой с помощью этой булавки, содержащей яд».

Самолет был оборудован особым устройством для того, чтобы в случае вынужденной посадки на территории Советского Союза летчик смог его взорвать. Взрывной аппарат

был установлен также в магнитофоне, предназначенном для записи сигналов советских радиолокационных станций.

Когда Пауэрс находился на расстоянии более двух тысяч километров от места пересечения им границы СССР, в районе города Свердловска, и летел на высоте 68 тысяч футов (то есть более 20 тысяч метров), он, по его словам, увидел оранжевую вспышку и его самолет после этого начал падать. При падении самолета пилота прижало к приборному щитку, и он не смог воспользоваться катапультирующим устройством. Тогда он поднял над головой фонарь кабины, отстегнул пристяжные ремни и выбрался из самолета через верх. Парашют открылся автоматически. Пауэрс приземлился, но был задержан четырьмя советскими гражданами. Все они были удостоены правительственных наград.

Пауэрсу было предъявлено обвинение по статье 2 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, то есть шпионаж.

Судебный процесс по делу Пауэрса открылся 17 августа 1960 года в Москве, в Колонном зале Дома союзов, и проходил три дня. Его судила Военная коллегия Верховного суда СССР. Почти 30 стран прислали своих корреспондентов для освещения процесса. На нем присутствовали видные представители государств и общественные деятели, юристы из Америки, Европы, Азии, члены дипломатического корпуса и военные атташе, туристы из США. В специальной ложе находились отец, мать, жена Пауэрса и сопровождавший их адвокат.

Обвинение поддерживал Роман Андреевич Руденко. Он блестяще, наступательно вел допрос подсудимого и свидетелей, был требователен, но корректен.

После окончания судебного следствия и исследования всех доказательств Руденко произнес большую обвинительную речь. Она была исключительно аргументированная, взвешенная и обстоятельная. Ни одно доказательство не выпало из поля зрения прокурора.

Он начал ее с политической оценки происшедшего события, сказав, что «разбойничий агрессивный рейд подсудимого» явился «политикой балансирования на грани войны» руководящих кругов США, торпедировавшей «совещание в верхах», которое тогда усиленно готовилось. Изложив затем обстоятельства дела, проанализировав показания, данные Пауэрсом, Руденко детально исследовал вещественные доказательства, имевшиеся в деле. Затем перешел к обоснованию того, что полет Пауэрса являл собой акт агрессии против Советского Союза.

Закончил он свое выступление юридической оценкой преступления:

«Поддерживая в полном объеме государственное обвинение по делу Пауэрса, в соответствии со статьей 2 Закона Союза ССР “Об уголовной ответственности за государственные преступления”, я имею все основания просить суд применить в отношении подсудимого Пауэрса исключительную меру наказания. Но учитывая чистосердечное раскаяние подсудимого Пауэрса перед советским судом в совершенном преступлении, я не настаиваю на применении к нему смертной казни и прошу суд приговорить подсудимого Пауэрса к 15 годам лишения свободы».

По оценкам западных юристов, Руденко был очень справедлив по отношению к Пауэрсу. «Я не думаю, что если бы Пауэрса судили в США, то к нему относились бы так вежливо и внимательно», — сказал американский юрист В. Холлинен. Английский же юрист Л. Дейчес заметил, что ему было «приятно отметить вежливую, сдержанную манеру допроса обвиняемого Генеральным прокурором. Его допрос не оскорблял и не задевал Пауэрса. Именно такой стиль допроса обвиняемого прокурором любят в Англии».

19 августа 1960 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Пауэрса к 10 годам лишения свободы, причем первые три года он должен был находиться в тюрьме.

Спустя два года по решению Советского правительства Пауэрс был обменен на задержанного в США советского разведчика Абеля.

Материалы следствия и судебного процесса над летчиком-шпионом Пауэрсом, а также вся история с этой «подрывной» акцией, разработанной под руководством небезызвестного директора ЦРУ Даллеса, легли в основу двухсерийного художественного фильма, снятого в 1985 году режисером-постановщиком народным артистом СССР Т. Левчуком по сценарию Б. Антонова и И. Менджерицкого. Но фильм «Государственный обвинитель» был посвящен все же в основном Генеральному прокурору СССР, чью роль блестяще исполнил киноактер С. Яковлев. Фильм достоверно и убедительно воспроизвел обстановку тех лет, когда проходил знаменитый судебный процесс, роль Генерального прокурора СССР в расследовании, а затем и судебном рассмотрении уголовного дела, показав зрителям не только умудренного опытом, высокопрофессионального государственного деятеля, но и просто обаятельного человека. Каким и был в жизни Роман Андреевич Руденко.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Пеньковский

В конце 1962 года вновь разгорелся шпионский скандал. 22 октября в Москве был арестован Пеньковский, связанный с английской и американской разведками, а несколькими днями позднее органы государственной безопасности Венгерской Народной Республики задержали шпиона-связника английского подданного Винна. Следствие по этому громкому делу Генеральный прокурор Руденко контролировал лично.

Поддержание государственного обвинения по нему он, правда, доверил Главному военному прокурору А. Г. Горному. В мае 1963 года уголовное дело рассматривалось Военной коллегией Верховного суда СССР. В своей речи Горный подвел итог всему, что было установлено в ходе четырехдневного судебного разбирательства, проанализировал доказательства вины подсудимых, дал четкую юридическую оценку их действиям. За измену Родине суд приговорил Пеньковского к расстрелу, а шпиона-связника Винна — к восьми годам лишения свободы. 17 мая 1963 года в газете «Правда» было опубликовано сообщение о том, что Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство Пеньковского о помиловании и приговор приведен в исполнение.

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

Артем Григорьевич Горный родился в 1912 году в Подольской губернии в рабочей семье. Рано начал трудовую деятельность. Вступил в комсомол, был секретарем комитета. В 1934—1936 годах проходил действительную военную службу в пограничных войсках. В последующие годы получил юридическое образование и работал помощником прокурора города Винницы. С началом Великой Отечественной войны на фронте. Служил военным прокурором мотострелковой дивизии, помощником военного прокурора армии и фронта, заместителем военного прокурора фронта. После окончания войны остался в органах военной прокуратуры, возглавлял военные прокуратуры Дальневосточного военного округа и Тихоокеанского флота. В 1957 году назначен Главным военным прокурором Советской армии. В этой должности Артем Григорьевич прослужил 29 лет — до 1986 года. 27 февраля 1959 года Президиум ВС СССР принял указ об

образовании коллегии в Прокуратуре СССР. 18 апреля утвержден первый состав коллегии Прокуратуры СССР из девяти человек. Одним из членов коллегии был Горный.

Он принимал деятельное участие в разработке Положения о военной прокуратуре (утверждено указом Президиума ВС СССР от 14 декабря 1966 года). В нем четко обозначены полномочия военных прокуроров и следователей, порядок организации и комплектования военной прокуратуры. Положение определило объекты надзора Главной военной прокуратуры и подчиненных ей органов.

Под руководством Горного Главная военная прокуратура развернула большую работу по изучению состояния законности в войсках, выявлению и устранению преступлений и правонарушений и причин, их порождающих. Особое внимание уделялось надзору за исполнением законов о деятельности органов дознания в Вооруженных силах и военных следователей. Одновременно с этим военная прокуратура оказывала им необходимую методическую помощь.

Одно из основных направлений деятельности военных прокуроров — поддержание государственного обвинения по делам военнослужащих, надзор за законностью и обоснованностью приговоров и определений военных трибуналов. По наиболее значимым делам Горный лично поддерживал государственное обвинение. В 1963 году, как уже ранее отмечалось, принял участие в заседании Военной коллегии Верховного суда СССР, рассматривавшей дело по обвинению О. В. Пеньковского в измене Родине и английского подданного Г. М. Винна в шпионаже.

Награжден орденом Октябрьской Революции и другими высокими наградами. Генерал-полковник. Удостоен знака «Почетный работник Прокуратуры СССР». Умер в 1986 году в Москве.

Глава X **НА ВЕРШИНЕ**

В конце 50 — начале 60-х годов Роман Андреевич Руденко достиг той вершины, на которую до него не поднимался ни один союзный прокурор, даже Вышинский. Он имел классный чин действительного государственного советника юстиции (что по сталинской «табели о рангах» соответствовало воинскому званию генерала армии), неоднократно избирался депутатом Верховного Совета, был членом ЦК КПСС.

Следует заметить, что Сталин ни одного из своих прокуроров не подпускал к партийной верхушке. Вышинский, например, стал членом ЦК ВКП(б) только в 1939 году, когда готовился покинуть прокурорский пост, а старый большевик, первый Прокурор Союза ССР Акулов в то время, когда занимал эту должность, был лишь членом ЦК ВКП(б) и КПК ВКП(б).

Руденко внес «живую струю» не только в содержание прокурорского надзора, но, что было не менее важно, и в саму атмосферу прокурорских коридоров.

Его предшественник Сафонов мог «не заметить» при встрече не только рядового работника, но и начальника отдела. С Романом Андреевичем никогда такого не случалось. Работавшая с 1980 года в Секретариате Руденко Ольга Анатольевна Бондаренко рассказывала мне: «Указания Романа Андреевича всегда были четкими, в корректной форме. “Чем выше руководитель, тем сдержаннее он должен быть с подчиненными. Недопустимо хамить тому, кто не может тебе ответить”, — не раз подчеркивал Руденко.

Я многому научилась у него... Однажды он обратил внимание на мое плохое настроение: “Оля, мы работаем в организации, в которую люди приходят со своими бедами. Поэтому все свои неприятности мы должны оставлять за воротами...” С тех пор это стало для меня законом.

Выдержка у него была необыкновенная. Хорошо помню, как новый дежурный прокурор по неопытности соединил

Романа Андреевича с психически больным человеком по фамилии Соловьев из Ленинграда. Но в то время прокурором Ленинграда тоже был Соловьев и дежурный решил, что звонит прокурор города. Руденко терпеливо слушал его минут двадцать. И не бросил трубку.

Работать с ним было легко. Несмотря на возраст, Роман Андреевич обладал необыкновенной памятью. Я часто наблюдала, как он возвращал документы, где исполнители забывали поправить какое-то слово, ранее им исправленное, или учесть какие-либо другие его замечания». При всей своей требовательности и взыскательности Руденко был неизменно корректен, доброжелателен, вежлив и доступен для всех. Следователь по особо важным делам всегда принимал без всякой заминки, прокурор управления или отдела мог прийти к нему на прием и доложить свою точку зрения на тот или иной решаемый вопрос.

В то же время Руденко неукоснительно соблюдал правила прокурорской иерархии, требовал, чтобы ему лично докладывали те дела, по которым уже состоялись решения его заместителей. Руденко не только уважал и ценил «процессуальную независимость» любого работника, но и насаждал ее, добивался, чтобы каждый был ответствен за свое решение.

Характерен такой случай, о котором рассказал мне в конце 1970-х годов мой визави по кабинету бывший старший следователь прокуратуры города Киева, а затем прокурор-криминалист Прокуратуры Украины Леонид Яковлевич Пинский, с которым мне довелось проработать в одном кабинете пять лет.

ГРОМКОЕ ДЕЛО «Веселое заведение»

В конце 50-х годов Руденко, тогда старшему следователю прокуратуры города Киева, пришлось расследовать уголовное дело об организации в столице Украины притона. Это «злачное место» посещали не только так называемые уголовные элементы, но и вполне уважаемые граждане. Среди них были артисты, спортсмены, писатели и другие представители элитной и интеллигентской среды. Заглядывали туда и приезжие знаменитости из Москвы, наслышанные о «веселом доме». После возбуждения уголовного дела возник приличный скандал, эхо которого докатилось и до столицы. Ведь это было одно из первых дел подобного рода. Его держали на контроле в ЦК компартии Украины, следили за

развитием событий. По этому делу тогда допрашивались многие звезды эстрады, в том числе столичные, любившие при случае навестить «веселое заведение».

Неожиданно поступил приказ из Москвы — направить следователя вместе с этим делом к Генеральному прокурору Руденко. Роман Андреевич лично принял следователя Пинского, побеседовал с ним, выяснил все обстоятельства, затем взял дело и передал его для изучения своим помощникам. Командировка Пинского, рассчитанная на два дня, растянулась до десяти. Видимо, дело докладывали в ЦК КПСС. В конце концов его вернули следователю и предложили завершать. Вскоре оно было направлено в суд, и виновные в организации притона были привлечены к уголовной ответственности. А знаменитые посетители еще долго потом блистали на эстрадных подмостках.

И это был далеко не единичный случай, когда провинциальные следователи лично докладывали расследованные ими дела Генеральному прокурору страны.

Бывший старший помощник Генерального прокурора СССР, а затем министр юстиции В. И. Теребилов в своих воспоминаниях писал:

«Вспоминая прокуратуру 50—60-х годов, не могу пройти мимо фигуры Генерального прокурора СССР Романа Андреевича Руденко. Он, пожалуй, был самым известным юристом тех лет. Полагаю, что я был одним из немногих, с кем Руденко иногда был раскован и откровенен, думается, что это дает мне право сказать о нем хотя бы несколько слов». По мнению Теребилова, Руденко «ненавидел бериевщину и сдержанно, но критически отзывался о роли Сталина». В то время в аппарате Генеральной прокуратуры сослуживцы в своем кругу шутливо называли Руденко «патриархом».

11 мая 1960 года Руденко издал специальный приказ, который так и назывался «О повышении процессуальной самостоятельности следователя и его ответственности за производство предварительного следствия». В нем он писал: «Процессуальная самостоятельность следователя выражается прежде всего в том, что решения о направлении следствия и о производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора». И далее: «Следователь несет полную ответственность за законность и обоснованность своих решений... Осуществляя свою процессуальную самостоятельность, следователь не должен опасать-

ся за принятые им решения по делу, исходя из тех соображений, что прокурор может с этими решениями не согласиться... Прокурор должен всячески поощрять творческую инициативу и находчивость следователя, ценить и уважать принципиальность следователя, помогать ему решительно и настойчиво разоблачать преступников, он должен повышать самостоятельность следователя и вместе с тем его ответственность за своевременное и законное производство предварительного следствия, за раскрытие каждого преступления».

И другой аргумент Руденко из этого приказа: «То обстоятельство, что прокурор и следователь работают в одном учреждении, не должно, разумеется, отражаться на их процессуальных взаимоотношениях, определяемых законом и не зависящих от ведомственной принадлежности участников процесса».

ГРОМКИЕ ДЕЛА

От Тулы до Прибалтики

Еще несколько историй, которые мне рассказала Эльвира Алексеевна Миронова.

«В 1960 году председатель Верховного Совета СССР Брежнев принял мать 10-летнего Вити Соколова из Тулы, погибшего в результате наезда автомашины. Мальчик сошел с трамвая и переходил улицу, не нарушая никаких правил, но был сбит мчавшимся на огромной скорости автомобилем. Местные следователи в течение года безуспешно пытались установить эту машину. По этому же делу жаловалась и гражданка Франци, муж которой, советский подданный, на первоначальном этапе следствия подозревался в наезде на мальчика.

Руденко дал мне указание выехать в Тулу и подключиться к расследованию. При этом сразу обратил мое внимание на тот факт, что мальчик был сбит на улице, где висел “кирпич” — знак, запрещающий движение. Значит, машина была необычная или за рулем находился пьяный лихач, так как далеко не всякий рискнет выезжать на улицу, по которой запрещено движение автотранспорта.

Было ясно, что Роман Андреевич уже ознакомился с надзорным производством и вник в суть происшествия. Обращаю на это особое внимание потому, что, увы, многие надзирающие прокуроры такого не делают, а многие в следствии вообще не разбираются. Руденко же следствие знал хорошо, разбирался в доказательствах, прекрасно умел их оценивать, анализировать, сопоставлять.

Работа по делу о гибели Вити Соколова резко активизировалась. В поле зрения следствия попала автомашина Новомосковского отдела внутренних дел Тульской области, на которой часто приезжал в Тулу начальник отдела Васильев. На первом же допросе Васильев заявил о своем алиби: 16 апреля из Новомосковска не выезжал, участвовал в рейде дружинников по подбору пьяных на улицах.

Началась кропотливая работа по установлению фактической даты проведения рейда. И выяснилось, что рейд был в день Пасхи, а не накануне. Васильев же все протоколы задержания оформил прошедшим числом. Улики сомкнулись. И виновный был арестован.

Надо сказать, что Роман Андреевич придавал особое значение делам, по которым проходили, как сейчас говорят, “оборотни в погонах”, то есть преступники из правоохранительных органов. Вот и тогда Руденко позвонил в Верховный суд РСФСР и попросил организовать выездную сессию. Он считал, что процесс должен быть показательным, люди должны были видеть, что мундир не защищает преступника.

Обвинение по делу Руденко поручил мне. Уголовно-процессуальный кодекс допускал к участию в суде прокурора, проводившего расследование. Васильев был признан виновным и осужден к 10 годам лишения свободы.

Хочу отметить, что вопросам грамотного поддержания в суде обвинения, этике поведения прокурора в суде Руденко придавал большое значение, как и вообще документам, исходившим из стен прокуратуры.

Помню, как на одной из расширенных коллегий Роман Андреевич зачитал письмо одного райпрокурора, который в ответ на жалобу написал: “Зачем пишете в Прокуратуру СССР по поводу кражи носильных вещей? Генеральный прокурор ваши штаны искать не будет”. Руденко считал, что таким образом отвечать на жалобы граждан недопустимо. Прокурор, позволивший себе такой тон, был уволен из органов прокуратуры.

Поэтому сегодня мне кажутся дикими выходки, которые позволяют себе отдельные прокуроры. Так, в Московском областном суде представитель гособвинения объявила, что если присяжные заседатели подсудимых оправдают, она возьмет автомат и расстреляет подсудимых... Во времена Руденко услышать такое из уст прокурора, выступающего от имени Генеральной прокуратуры, было просто невозможно.

В связи с этим вспоминается дело об убийстве женщины-инструктора Скуодасского райкома партии Литовской ССР Микнене.

В соответствии с распоряжением Руденко я выезжала в Литву для участия в расследовании. Видимо, опять он рассчитывал, что мне будет проще разобраться в обстоятельствах гибели женщины. В убийстве Микнене был заподозрен, а затем арестован и привлечен к уголовной ответственности некий Стонкус. Основанием тому послужили следующие обстоятельства: на месте убийства была обнаружена сумка-сетка оригинальной вязки, выполненной, как установило следствие, соседкой Стонкуса. Именно в этой сетке находился камень, завернутый в газету и послуживший орудием убийства. Стонкус не отрицал, что сетка принадлежит ему, но заявил, что потерял ее незадолго до происшествия. Несколько свидетелей опознали Стонкуса как человека, вышедшего из леса, где был обнаружен труп. Не отрицал Стонкус и этого, но заявил, что просто любит прогулки в лесу. На одном из допросов Стонкус вдруг признал себя виновным в убийстве, но не смог назвать мотивов преступления, а вскоре от этих показаний отказался.

Несмотря на слабость улик, дело по обвинению Стонкуса было направлено в суд, который его оправдал.

Результаты судебного разбирательства были доложены Руденко. Он спросил, что еще можно предпринять для поиска доказательств и есть ли основания для выдвижения иной версии и мотивов убийства? Но таковых не было. Руденко предложил подготовить мужу погибшей ответ, в котором говорилось, что “собранные по делу доказательства суд счел недостаточными для признания Стонкуса виновным, других улик добыть не удалось, а потому Прокуратура СССР не находит оснований для опротестования оправдательного приговора”. При этом Руденко добавил: “Нечего из каждого оправдательного приговора делать трагедию. Во Франции, например, оправдывают куда больше лиц, преданных суду”.

Руденко был противником надуманных версий, не вытекавших из материалов расследования, и соглашался с его приостановлением, если следственные возможности по собиранию доказательств оказывались исчерпаны. Он помнил истину, пришедшую к нам от римлян: “Истина должна быть конкретна”. Выступая на одном инструктаже для прокуроров центрального аппарата, готовившихся к выезду на места для проверки обоснованности приостановления дел о нераскрытых разбойных нападениях, он строго предупредил: “Если будете предъявлять претензии, должны указать, какие конкретно оперативные и следственные действия не выполнены, что еще нужно по делу осуществить”.

Каждая встреча с Романом Андреевичем, будь это коллегия, инструктаж, поручение по жалобе, являлась своего рода семинаром, уроком. Отсюда и огромный авторитет как его личный, так и возглавляемой им прокуратуры в целом. Недаром Руденко единственный из генеральных прокуроров был удостоен звания Героя Социалистического Труда».

В мае 1962 года было торжественно отмечено сорокалетие органов советской прокуратуры.

Вскоре после торжеств, проведенных в Москве, Руденко направил на места обстоятельно подготовленный приказ «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности органов прокуратуры в борьбе с преступностью и нарушениями законности». Отмечая в нем позитивные сдвиги, происшедшие за последнее десятилетие в надзоре за законностью, некоторые положительные результаты в борьбе с преступностью, более активное привлечение общественности к деятельности органов прокуратуры, Генеральный прокурор подробно остановился и на главных недостатках, мешающих работе прокуроров и следователей.

Одним из них Руденко признал «неустойчивость» судебного-прокурорской практики, когда допускались ничем не оправданные крайности: от применения лишения свободы за все преступления, в том числе и за малоопасные, до либерального отношения к лицам, совершившим тяжкие преступления. Прокуроры все еще недооценивали предупредительное и воспитательное значение публичных судебных процессов, проводимых на предприятиях и в организациях с участием общественных обвинителей.

Основное же острие своих критических стрел в этом приказе Руденко направил на работу следственного аппарата, органов дознания и розыска, назвав ее «особенно неблагоприятной». Волокита, низкое качество расследования, неполная раскрываемость преступлений, необоснованные аресты и осуждения граждан, разобщенность в действиях органов прокуратуры и МВД как в центре, так и на местах, попустительство местничеству — вот далеко не полный перечень тех промахов и упущений, которые присущи были, по мнению Генерального прокурора, следственной работе.

Досталось не только прокурорам на местах, но и работникам аппарата Прокуратуры СССР, где живая организаторская работа нередко подменялась составлением различного рода общих директив, многочисленных заданий, проведением так называемых комплексных ревизий, кото-

рые на самом деле сводились к собиранию ненужных справок и сведений. Руденко признал, что отделы и управления Прокуратуры и прокуратур союзных республик «запоздало реагируют на недостатки и ошибки в судебно-прокурорской практике, несвоевременно дают разъяснения по актуальным вопросам прокурорской деятельности, не проявляют должной инициативы в постановке важных общегосударственных вопросов дальнейшего укрепления законности и усиления борьбы с преступными проявлениями».

Поскольку данный приказ был издан 30 июня 1962 года, то есть почти сразу же после проведенного в мае совещания руководящих работников республиканских органов прокуратуры и суда, где всесторонне были обсуждены меры по устранению недостатков, имеющихся в работе органов прокуратуры и суда, Руденко обстоятельно изложил в нем все основные требования. В числе прочих он потребовал от прокуроров союзных и автономных республик, краев, областей, городов и районов устранить разобщенность в деятельности органов прокуратуры, суда и МВД по борьбе с преступностью. Систематически совместно обсуждать ее состояние и определять конкретные меры по координации следственных и розыскных действий. Тщательно разбираться в причинах каждого случая волокиты в расследовании и содержании обвиняемых под стражей свыше установленного законом срока, строго взыскивая с виновников этих нарушений.

Не забыл Генеральный прокурор и другие участки прокурорского надзора: общий, за рассмотрением в судах гражданских дел и т. п. При их осуществлении он потребовал устранить из практики прокуратуры случаи их вмешательства в хозяйственную деятельность предприятий, организаций, колхозов, не подменять контрольно-ревизионные органы.

В июле 1963 года исполнилось десять лет пребывания Романа Андреевича Руденко на посту Генерального прокурора СССР.

В соответствии с Конституцией СССР 1936 года и Положением о прокурорском надзоре в СССР Генеральный прокурор назначался Верховным Советом СССР сроком на семь лет, поэтому шел уже второй конституционный срок его службы. Казалось бы, положение его было незыблемым. Однако неожиданно над головой Руденко начали сгущаться тучи, не предвещавшие ему ничего хорошего.

Конечно, утверждение кандидатуры Генерального прокурора СССР на сессии Верховного Совета СССР было в не-

котором роде делом формальным. Всем было хорошо и достаточно точно известно, что министры и другие руководители ведомств всегда выдвигались на свои посты Центральным Комитетом компартии, а уж такие ключевые фигуры, как Генеральный прокурор СССР, — непременно первыми лицами государства.

Поэтому ждать неприятностей Руденко мог только со стороны партийной власти. Хотя Роман Андреевич был вхож к Первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву, и они хорошо знали друг друга еще по совместной работе на Украине до и во время войны, все же нельзя не признать, что во многом мнение Хрущева о прокуратуре формировалось его окружением.

Во времена Хрущева в прокурорской среде ходил слух о том, каким образом были отменены пресловутые согласования арестов членов партии, совершивших преступления, с секретарями партийных комитетов. Одна из дочерей Хрущева окончила юридический факультет и работала простым следователем. Однажды она пожаловалась отцу на то, что ей пришлось долго торчать в райкоме партии, согласовывая арест какого-то преступника, носившего партбилет. Эмоциональный Хрущев сразу же сказал, что это безобразие и что такой порядок согласования негодный. Вскоре он был отменен.

В период расследования дела Пауэрса в 1960 году Руденко неоднократно докладывал лично Хрущеву все перипетии следствия. В какой-то мере это оказало благотворное влияние на положение органов прокуратуры, так как в то время в недрах ЦК КПСС затевалась их реорганизация, в которую был втянут и заместитель Генерального прокурора Кудрявцев. В период временного отсутствия Руденко он, не согласовав с Генеральным прокурором позиций, вошел «со своими» предложениями в ЦК. Суть их сводилась к децентрализации прокуратуры, ликвидации ее следственного аппарата и т. п. Руденко удалось убедить Хрущева в необходимости сохранения прокуратуры в том виде, как она есть. Кудрявцев же лишился своего поста и был направлен на работу прокурором Казахской ССР.

Глава XI

ЕСЛИ БЫ МИРОНОВ ОСТАЛСЯ...

Немаловажную роль в формировании того или иного облика руководителей союзной прокуратуры у Хрущева играл отдел административных органов ЦК КПСС, который в то время возглавлял Николай Романович Миронов. Он начинал свою работу на низовых должностях в комсомоле и партии, служил в органах МГБ—КГБ, хорошо знал работу правоохранительных органов, в том числе и прокуратуры. Во второй половине 50 — начале 60-х годов он много внимания уделял вопросам реабилитации невинно пострадавших людей. Часто выступал в печати по вопросам укрепления законности и правопорядка. Ему прочили пост секретаря ЦК КПСС.

И вот на одном из партийных собраний аппарата Прокуратуры СССР Миронов, после того как с докладом выступил Руденко, подверг его острой критике.

Рассказывает участник этого собрания Сергей Васильевич Тюрин:

«Мы привыкли к тому, что представители ЦК, присутствовавшие тогда на партийных собраниях, обычно отмалчивались, если же и выступали, то критиковали Прокуратуру СССР вообще. Мы никогда не слышали, чтобы критика касалась непосредственно кого-либо из руководства прокуратуры. Очевидно, тогда это было не принято. И вдруг слышим, как заведующий отделом административных органов начинает критиковать не только аппарат, но и самого Генерального прокурора СССР. Для нас это было непривычно, чувствовалось, что такой оборот оказался неожиданным и для самого Руденко. Обычно уверенный в себе, он в своем заключительном слове вдруг потерял уверенность, был явно растерян. Ведь критика эта с “той” стороны всегда воспринималась очень серьезно, потому что после такой критики, как правило, следовали оргвыводы...

Критику Мироновым Генерального прокурора СССР мы... восприняли очень серьезно и, прямо скажем, с трево-

гой. Мы поняли, что между ними возникли серьезные расхождения».

Сейчас трудно сказать, в чем конкретно заключались эти расхождения, но по всей видимости, так считает С. В. Тюрин, речь шла о различных взглядах на роль прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов.

Мионов появился в ЦК КПСС в 1962 году, когда была уже принята Программа КПСС, которая бросила тогда известный лозунг, долгое время потом красовавшийся на главном павильоне Выставки достижений народного хозяйства СССР, а именно: «Партия торжественно провозглашает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Этот лозунг уже тогда вызывал тайные усмешки у многих членов партии, но, конечно, никто его открыто не опровергал. Потом он «тихо» исчез из Программы партии, как будто его там и вовсе не было. А через двадцать лет люди шутили: вместо коммунизма получили Олимпийские игры.

Не менее авантюрной была и другая поставленная партией задача — ликвидировать преступность. За решение этой «эпохальной» задачи рьяно взялся Мионов, а подыгрывал ему тогдашний министр внутренних дел Щелоков. Победить преступность можно было только одним способом — не регистрировать преступления совсем. Но на пути стояли работники прокуратуры и лично Генеральный прокурор, требовавший от своих подчиненных решительно пресекать практику сокрытия преступлений от учета и по-прокурорски жестко реагировать на всякие нарушения со стороны органов внутренних дел. Чтобы «повязать» прокуратуру, ей всячески навязывалась роль главного координатора по борьбе с преступностью. Руденко не выступал в принципе против координации органов прокуратуры с судами и МВД, он вкладывал в этот тезис несколько иное содержание, о чем он писал в своих приказах, но и не относился к ней упрощенно.

По всей видимости, Мионов, открыто критиковавший Руденко, уже успел подготовить соответствующую почву у Первого секретаря ЦК КПСС. Как известно, Хрущев отличался безапелляционностью во взглядах, упрямством и самомнением. По словам В. И. Теребилова, длительное время работавшего в органах прокуратуры, Руденко «немного побаивался Хрущева в связи с его неудержимыми и непредсказуемыми всплесками государственной деятельности».

Думается, что Руденко хорошо помнил, как Хрущев, со свойственной ему эмоциональностью, на одном из съездов колхозников, когда некоторые делегаты посетовали на то, что, дескать, прокуроры «вмешиваются» в колхозные дела, категорически заявил, что прокурору в колхозе делать нечего.

Конечно, такое заявление Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР создало определенные трудности в прокурорском надзоре за соблюдением законов в аграрном секторе, но Руденко тогда смог дипломатично разрешить эту проблему.

Вскоре после критики Руденко на партийном собрании в аппарате начали происходить некоторые кадровые перестановки. Вторым человеком в Прокуратуре СССР Александр Николаевич Мишутин вынужден был уступить свой пост первого заместителя Генерального прокурора СССР 55-летнему военному прокурору Московского военного округа генерал-майору юстиции Михаилу Петровичу Малярову. Приказом министра обороны Малиновского он был откомандирован в распоряжение Генерального прокурора СССР с оставлением на действительной военной службе в кадрах Советской армии (уволен в запас с правом ношения военной формы лишь 16 марта 1968 года).

«Ни для кого не было секретом, что это была креатура самого Миронова, который знал Малярова по совместной работе в Ленинграде. Было очевидно, что это было сделано с далеко идущим прицелом», — вспоминал Тюрин.

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

Михаил Петрович Маляров был своеобразным человеком, и отношение к нему в прокуратуре было двойственное. Характерна такая деталь: незадолго до назначения его первым заместителем Генерального прокурора СССР деятельность прокуратуры Московского военного округа подверглась глубокой проверке бригадой Прокуратуры Союза ССР, которую возглавлял заместитель Генерального прокурора Жогин. Проверяли, конечно, не только прокуратуру этого округа, но и деятельность всей Главной военной прокуратуры, но претензий к Малярову было много. Когда же Маляров поднялся несколько выше Жогина, то попытался «подмять» его под себя, но этого не случилось. Жогин оказался «крепким орешком», сам не раз переходил в наступление, открыто возражал ему на заседаниях коллегии. «Мы были постоянными свидетелями “пикировки” Жогина и Малярова», — рассказывал Тюрин.

Маляров родился в 1909 году на Украине, в городе Гадяч Полтавской губернии в семье неграмотного рабочего-портного. В 1917 году он начал посещать церковно-приходскую школу, но через несколько лет учебу оставил из-за отсутст-

вия средств. В 1923 году пошел работать по найму, был портным вначале в Гадяче, а затем на швейной фабрике в Харькове. В 1930 году поступил во Всеукраинский коммунистический институт советского строительства и права. После окончания института работал политинспектором Харьковского областного отдела исправительно-трудовых работ, а в 1935 году был призван в Красную армию. Прослужив несколько месяцев красноармейцем, в том же году стал военным следователем в Житомире.

В последующие годы служил военным следователем военной прокуратуры погранвойск в Туркменской ССР, военным прокурором 4-го отдела Главной военной прокуратуры. Во время Великой Отечественной войны занимал должности военного прокурора мотострелковой дивизии, заместителя военного прокурора и военного прокурора армии. После войны он возглавил третий отдел первого управления Главной военной прокуратуры, был военным прокурором советской военной администрации в Германии, Ленинградского военного округа, некоторое время служил в КГБ, а затем вернулся в Главную военную прокуратуру, где занимал должности старшего помощника прокурора, военного прокурора Южной группы войск и Московского военного округа.

В характеристиках и аттестациях Малярова неизменно отмечался его высокий профессионализм, служебная хватка, твердость в отстаивании своего мнения. Но в то же время подчеркивалось, что он был «самолюбив и обидчив, слегка вспыльчив». Были сигналы о том, что, работая начальником 3-го отдела Главной военной прокуратуры и выступая по уголовным делам на заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР, он ведет себя иногда нетактично, грубит членам коллегии, «отстаивает свои явно неправильные предложения по кассационным делам». Автор «анонимки» (письмо не было подписано) считал, что Маляров «не соответствует занимаемой должности и подлежит снятию с работы».

Проверка показала, что эти доводы неправильны. О Малярове хорошо отзывался председатель Военной коллегии Ульрих (правда, его похвала сейчас звучит зловеще), а также другие члены коллегии. Чем же был недоволен автор, не подписавший письмо? Оказывается, Маляров однажды предложил Военной коллегии прекратить дело в отношении некоего Еремина, обвиненного по статьям 58,1«б» (измена Родине, совершенная военнослужащим) и 58,14 (контрреволюционный саботаж), караемые высшей мерой наказания, в связи с недоказанностью обвинения. Коллегия на это не пошла, но срок наказания снизила до 5 лет. В другой раз Ма-

ляров настаивал на прекращении уголовного дела по указанным выше статьям в отношении осужденного Буряка, и Военная коллегия с ним согласилась. Учитывая, что эти события относились к 1945—1946 годам, следует признать, что Маляров принимал неординарные решения и достаточно мужественно отстаивал свое мнение.

Тюрин, хорошо знавший Малярова, вспоминает:

«К Малярову в аппарате было разное отношение. Его «свободную» речь не раз останавливал Руденко. Так, когда он однажды на заседании коллегии, выражая неудовольствие устаревшей, по его мнению, прокурорской формой, назвал ее «устаревшими штанами», Руденко его оборвал и заметил, что это государственная форма и о ней надо говорить с уважением.

Многие в аппарате были недовольны его твердостью и категоричностью в принятии решений, частым несогласием с мнениями и заключениями по конкретным делам, отказам подписать проект протеста и т. д. Но я к этому относился с пониманием. Он — руководитель, имеющий право по закону принимать решение, и если он его принял, то это его дело и его право. Он берет на себя ответственность за принятое решение. Важнее было другое — он никогда не отказывался от принятого решения и, что очень важно, свое решение фиксировал письменно».

Как сложилась бы дальнейшая судьба Руденко, да и Малярова, которого явно прочили на его место, сказать трудно. Только в 1964 году события резко изменились. 19 октября Миронов погиб в авиационной катастрофе. А за несколько дней до этого, 14 октября, на известном заседании Пленума ЦК КПСС был освобожден от должности Первого секретаря ЦК КПСС Хрущев. Центральный Комитет компартии возглавил Л. И. Брежнев, с которым у Руденко были неплохие отношения. По словам Теребилова, Руденко «симпатизировал Брежневу за его внешне демократическую манеру общения». Но кто знает, как сложилась бы его судьба, останься жив Миронов, которому все сулили большую партийную карьеру...

Маляров прослужил в должности первого заместителя Генерального прокурора СССР десять лет.

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

«Крепким орешком» был упоминавшийся уже Николай Венедиктович Жогин. До конца жизни он оставался при светлой памяти. Хорошо писал, интересно рассказывал. Прихо-

дится только сожалеть, что Николай Венедиктович не оставил своих воспоминаний. Хотя об этом я его не раз просил.

Николай Венедиктович Жогин родился 12 декабря 1914 года в селе Глядково Рязанской губернии в семье рабочего-железнодорожника. В 1930 году окончил среднюю школу, в 1932-м — школу фабрично-заводского ученичества треста «Моспромвентиляция». Получил квалификацию слесаря и в 1932 году направлен в город Хабаровск на строительство оборонного завода. В ноябре того же года переехал в город Клепиков, где его отец служил прокурором, и поступил на работу помощником машиниста электростанции. В 1933-м (в связи с переводом отца) переехал в город Каширу Московской области, работал слесарем в мастерских местпрома, затем на Каширской гидроэлектростанции. В 1934 году поступил в Московский индустриально-инструкторский техникум, спустя год оставил его из-за тяжелого материального положения и стал трудиться инструктором по слесарному делу школы фабрично-заводского ученичества Коломенского завода имени В. В. Куйбышева.

В феврале 1936 года призван в армию, службу он проходил в Белорусском военном округе, был избран секретарем комитета комсомола батальона. Демобилизовавшись (1937), стал работать народным следователем Клепиковской районной прокуратуры Рязанской области. В феврале 1938 года назначен исполняющим обязанности прокурора Клепиковского района, в мае 1939 года возглавил прокуратуру Михайловского района той же области. В марте 1940 года стал прокурором города Рязани.

Почувствовав нехватку специальных знаний, поступил в ВЮЗИ, окончил его в 1945 году. К этому времени он был уже прокурором Западно-Казахстанской области и проживал в городе Уральске. В 1946 году направлен в Иркутск, где возглавил прокуратуру области, а спустя еще два года стал прокурором Таджикской ССР. На этой должности служил десять лет. Неоднократно избирался членом ЦК КП Таджикистана, депутатом ВС республики. В Таджикистане началась его активная научно-педагогическая деятельность в качестве преподавателя на кафедре государственного права и советского строительства ВПШ.

В 1957—1961 годах работал прокурором Татарской АССР. В 1959 году защитил диссертацию и стал кандидатом юридических наук. С 1966 года Жогин — доктор юридических наук. В 1961 году назначен заместителем Генерального прокурора СССР. Ему был присвоен классный чин государственного советника юстиции 1-го класса.

14 июля 1972 года освобожден от должности заместителя Генерального прокурора СССР, спустя три дня назначен заместителем директора Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР. На этой должности оставался семь лет, руководил научно-исследовательской работой группы секторов, разрабатывавших проблемы прокурорского надзора, уголовного процесса, криминалистики и внедрения научных рекомендаций в практику, был ответственным редактором сборников «Следственная практика» и «Научная информация по вопросам борьбы с преступностью». После выхода на пенсию работал профессором-консультантом института (1979—1981). Автор нескольких книг по вопросам уголовного законодательства, деятельности органов прокуратуры. Под его редакцией выходили многие научные труды.

Награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета». В 1982 году стал почетным работником прокуратуры.

Умер 31 марта 2002 года в Москве.

Глава XII

БЫЛ «ЖЕСТОКИМ ДЕМОКРАТОМ»

Владимир Иванович Теребилов, по-доброму относившийся к Роману Андреевичу, вспоминал:

«Безусловно, умный, осторожный, дипломат до мозга костей, Руденко настойчиво стремился выглядеть демократом и, наверное, хотел быть таким. Однако жизнь, обстановка нередко требовали твердости и даже жестокости. Вот таким “жестоким демократом” он и был».

Действительно, в то время от руководителя любого ранга жизнь требовала жесткости, особенно в вопросах, которые не особенно-то вязались с установками партии и правительства, иногда шли с ними вразрез. Инакомыслие тогда, если сказать мягко, не поощрялось. А вернее, не допускалось.

В своих воспоминаниях В. И. Теребилов отмечал, что 1961—1964 годы, то есть последние четыре года «правления» Хрущева, были для юристов «не из легких». Своеобразный характер Первого секретаря сказывался и на судебной работе. Вначале была жесткая установка на прекращение уголовных дел с передачей виновных на поруки общественным организациям и трудовым коллективам даже за серьезные преступления, а потом, когда произошел всплеск преступности, была дана команда изменить судебную практику и, как образно выразился Хрущев, «свернуть хулиганов в бараний рог». За некоторые преступления в начале 60-х годов была восстановлена и смертная казнь. Причем применялась она иногда с грубыми нарушениями законов.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Рокотов и Нейланд

Самыми характерными были беззакония, допущенные по двум нашумевшим делам: Рокотова и Нейланда.

Суть этих дел довольно проста. Рокотов и компания дли-

тельное время занимались валютными махинациями. В те годы любые противозаконные операции с валютными ценностями признавались преступными и карались длительными сроками лишения свободы. Изобличенные в совершенных преступлениях, Рокотов и его соучастники предстали перед судом, который и приговорил их к длительным срокам лишения свободы. Казалось бы, что на этом можно поставить точку.

Однако такой итог судебного заседания не устроил Хрущева. Наверное, по чьему-то наущению он приказал подготовить указ Президиума Верховного Совета СССР, который бы предусматривал за незаконные валютные операции в качестве меры наказания смертную казнь. Но потом началось непредвиденное. Указу решили придать обратную силу, то есть распространить на деяния, совершенные до его принятия. Именно по этим основаниям приговор суда в отношении Рокотова и других был отменен, и дело слушалось повторно. На этот раз судьи знали что делали и приговорили Рокотова к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение.

Второй случай оказался еще более вопиющим.

В 1964 году в Ленинграде Аркадий Нейланд, родившийся в 1949 году, из корыстных побуждений убил совершенно незнакомых ему людей — женщину и ее малолетнего сына. С помощью обмана он проник утром в квартиру потерпевших и расправился с ними, используя в качестве орудия топор. Картина преступления была жуткой. Уже через три месяца судья вынесла ему смертный приговор. А еще через четыре месяца Аркадий Нейланд был расстрелян. По закону за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах смертная казнь могла быть применена, но только в отношении совершеннолетнего подсудимого. А Нейланду тогда не было шестнадцати лет... Чтобы обойти закон, по указанию Хрущева Президиум Верховного Совета СССР принял указ, разрешавший, в порядке исключения, применение смертной казни к несовершеннолетнему.

До недавнего времени считалось, что как Генеральный прокурор Руденко при рассмотрении таких дел явно пасовал перед неудержимым напором Первого секретаря ЦК партии Хрущева.

Однако история хоть и с опозданием, но все же открывает некоторые свои тайны. И мы видим, что Руденко, не боясь, по крайней мере открыто, мог высказывать свою точку зрения. Как же на самом деле вел тогда себя Р. А. Руденко? Об этом стало известно только сейчас — в 2007 году. Вот что рассказал мне сын Романа Андреевича, Сергей Руденко:

«В 1961 году состоялся серьезный разговор отца с моей старшей сестрой Галиной.

Отец сказал, что на состоявшемся заседании по делу валютчиков Рокотова и Файбышенко Хрущев потребовал применить к ним высшую меру наказания — расстрел. Это означало придание закону обратной силы. Отец в ответ заявил, что он с этим не согласен.

“А вы чью линию проводите, мою или чью-нибудь еще?” — спросил Хрущев. “Я провожу линию, направленную на соблюдение социалистической законности”, — ответил отец. “Вы свободны”, — сказал Хрущев.

После этого с Хрущевым у отца долго не было никаких контактов, и он ожидал отставки в любой момент. И вот, одним из вечеров, после ужина он пригласил к себе в кабинет Галину и, все ей рассказав, попросил ее, чтобы она, когда я вырасту (а было мне тогда 10 лет), объяснила реальные причины его возможной отставки.

Однако все сложилось иначе. На проходящей спустя два или три месяца сессии Верховного Совета СССР Хрущев вдруг опять обратил внимание на отца, попросил его подняться и, ссылаясь на упомянутый случай, поставил его в пример всем присутствующим, как человека, принципиально отстаивающего свои взгляды».

Применение смертной казни в Советском Союзе во времена Руденко было далеко не безупречным. Об этом свидетельствуют некоторые приказы Генерального прокурора СССР за те годы.

В июне 1960 года Президиум Верховного Совета СССР заслушал на своем заседании сообщения Председателя Верховного суда СССР Горкина и Генерального прокурора СССР Руденко по вопросу практики применения судами смертной казни. В принятом по этим сообщениям постановлении отмечалось, что «имеют место факты, когда органы следствия и прокуратуры недостаточно полно исследуют обстоятельства и мотивы совершения преступления, нарушают установленные законом сроки проведения предварительного расследования; судебные органы допускают случаи неправильной квалификации действий осужденных, что приводит к необоснованному применению смертной казни».

Направляя это постановление на места, Руденко предложил прокурорам расследование дел об умышленных убийствах, совершенных при отягчающих обстоятельствах, поручать наиболее квалифицированным следователям, старшим следователям и следователям по особо важным делам, а над-

Роман Андреевич Руденко

INTERNATIONAL MILITARY
TRIBUNAL

1865

11. März 1946

Pass No.

Date Issued

RAGINSKY, MARK

Name

Soviet Delegation

Other Data

is authorized to enter the Area of the
PALACE OF JUSTICE

Yuliy I. ... H H H

Mark Raginsky

SECURITY OFFICER

signature of bearer

PASS N° 4423

DATE 26 Nov. 1945

Raginsky M.Y. Mr. Russ.

name rank serial number

is authorized to enter the Area of the

PALACE OF JUSTICE

Glen H. Show

signature of bearer

Captain, Artillery
SECURITY OFFICER

Glen H. Show

SHOW WHEN ENTERING AND LEAVING BUILDING

Пропуск М. Ю. Рагинского на заседания
Международного трибунала в Нюрнберге

Члены советской
делегации в Нюрнберге —
Б. А. Соловов,
Р. А. Руденко
и В. В. Кучин с женами

Бывшее здание прокуратуры УССР, в котором работал Р. А. Руденко.
Киев

В Киеве после освобождения города от фашистов
Р. А. Руденко работал прокурором республики

Дом на улице К. Либкнехта, в котором жил Р. А. Руденко. Киев

Москва. Генеральная прокуратура.
В этом здании Р. А. Руденко проработал 27 лет

Г. Н. Сафонов

С. В. Тюрин

Н. А. Руденко

А. А. Руденко

П. А. Руденко

Братья Р. А. Руденко —
Петр, Николай
и сестра Нина

Сестра Р. А. Руденко Нина Андреевна Масенко
у своего дома в селе Пидгайном. 1977

Б. Я. Полонский

В. Ф. Яковлев

Совещание
работников
прокуратуры ЯАССР.
Якутск, март 1958 г.

Мария Федоровна
с сыном Сергеем.
1956

В кругу семьи.
Слева направо —
жена Мария
Федоровна,
дочь Галина
с сыном,
Роман Андреевич
и сын Сергей

Р. А. Руденко

Кабинет Р. А. Руденко. Прием иностранного гостя

Роман Андреевич
с коллегами.
Любил поручить...

М. П. Маляров

Р. А. Руденко выступает
на процессе
над Фрэнсисом Г. Пауэрсом

Л. Я. Пинский

Главный военный прокурор СССР Г. А. Горный (второй справа),
Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко (третий), заместитель
Генерального прокурора СССР Н. В. Жогин (четвертый),
В. М. Блинов (первый слева во втором ряду)

Р. А. Руденко у мемориальной доски
российскому императору Александру II. *Болгария*

Напутствие молодым коллегам

Р. А. Руденко с участниками совещания прокурорско-следственных работников Узбекской ССР.
В первом ряду третий слева заместитель Генерального прокурора СССР
Н. В. Жогин. *Ташкент, 1957*

Вручение Р. А. Руденко диплома об избрании его почетным доктором юридических наук Карлова университета в Праге. 1966

зор за раскрытием и расследованием наиболее сложных дел осуществлять лично прокурорам областей и республик.

Однако положение дел улучшалось медленно. Об этом свидетельствует постановление Пленума Верховного суда от 16 ноября 1965 года, то есть принятое спустя пять лет после появления указанного выше постановления Президиума Верховного Совета. Оно явилось результатом изучения Прокуратуры СССР совместно с Верховным судом СССР практики применения исключительной меры наказания.

Что же показало это изучение? Отмечалось, что при расследовании преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь, при поддержании по ним государственного обвинения и осуществлении надзора за законностью и обоснованностью выносимых судами приговоров допускаются «серьезные недостатки и ошибки». Какие же это ошибки? Оказывается, неправильно оцениваются доказательства и квалифицируются деяния виновных. А следовательно, выносимые приговоры «не основываются в некоторых случаях на бесспорных доказательствах», расширительно толкуются обстоятельства, отягчающие ответственность (особенно такие, как хулиганские и корыстные побуждения, проявления особой жестокости), по делам об изнасиловании смертная казнь назначается даже при отсутствии особо тяжких последствий и т. п. В те годы Президиум Верховного Совета, по просьбе следственных органов и прокуратуры, нередко допускал содержание обвиняемых под стражей сверх срока, установленного уголовно-процессуальным кодексом.

Об этом Руденко был, естественно, хорошо осведомлен. Более того, именно он или лицо, исполняющее обязанности Генерального прокурора, мог войти с предложением в Президиум Верховного Совета СССР, но...

Бывший министр юстиции СССР В. И. Теребилов о делах Рокотова и Нейланда потом писал:

«Нередко думаю, а что можно было сделать? В знак протеста против нарушения закона уйти в отставку? Но вряд ли это произвело бы впечатление и изменило положение дел. Это были годы, когда единоличное правление государством все еще шло в гору».

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

Владимир Иванович Теребилов родился 5 марта 1916 года в Петрограде в бедной семье. До 1931 года учился в школе. Трудиться начал в 15-летнем возрасте учеником токаря на

ленинградском заводе «Красный Октябрь». В 1932 году в качестве рабочего участвовал в полярной экспедиции профессора Алешкова. После окончания школы поступил в Ленинградский юридический институт. С 1939 года работал народным следователем, помощником прокурора, прокурором Парголового района Ленинградской области. Потом был призван на действительную службу в армию и направлен за Полярный круг, в район Кандалякши. В апреле 1941 года отозван из армии и вновь назначен прокурором Парголового района.

С началом Великой Отечественной войны Теребилов стал комиссаром срочно сформированного рабочего отряда (без освобождения от обязанностей прокурора). Оперативные сотрудники прокуратуры перешли на казарменное положение. В начале октября 1941 года во главе отряда численностью 56 человек он выехал на фронт, в течение 2—3 недель участвовал в боях, держал оборону в районе станции Белоостров. В условиях военного положения городская прокуратура была преобразована в военную, в ее состав включили и прокуратуру Парголового района.

Вместе со всеми ленинградцами Теребилов перенес неимоверные тяготы блокады. В 1943 году был демобилизован и возвратился в штат прокуратуры Ленинградской области. В 1944 году работал в Тихвине, где располагался костяк прокуратуры, затем по приказу вернулся в Ленинград. В августе 1945 года назначен прокурором Приморского района Ленинграда, в 1948 году возглавил следственный отдел городской прокуратуры.

В августе 1949 года Теребилов получил от прокурора города Неганова приказ немедленно выехать в Москву за новым назначением — началась «чистка» кадров перед возбуждением известного «ленинградского дела». В Москве он сначала работал старшим научным сотрудником только что учрежденного ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР. В 1953 году стал заведующим сектором, а в 1954 году защитил кандидатскую диссертацию. Занимался преподавательской деятельностью.

В 1957 году новый Генеральный прокурор СССР Руденко пригласил Владимира Ивановича на должность заместителя начальника Следственного управления Прокуратуры СССР. Спустя 4 года он возглавил отдел по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах, стал членом только что учрежденной коллегии Прокуратуры СССР.

В 1962—1970 годах Владимир Иванович Теребилов — заместитель председателя Верховного суда СССР. При воссоз-

дании Министерства юстиции СССР получил пост министра юстиции и возглавлял министерство 14 лет.

В марте 1972 года Совет министров СССР утвердил Положение о Министерстве юстиции СССР, над которым Тербилов лично много работал. Вскоре были согласованы планы строительства более тысячи зданий для судов и органов юстиции, началась скрупулезная работа над 50-томным Собранием действующего законодательства СССР, изучены более 400 тысяч нормативных актов, в подавляющем большинстве подзаконных. Многие из них были отменены, изменены либо существенно переработаны. В начале 1980-х началась подготовка Свода законов СССР (1-й том опубликован в 1981 году, всего издано 11 томов).

Сотрудники Министерства юстиции СССР и лично Тербилов принимали непосредственное участие в подготовке Конституции СССР, принятой в 1977 году. Был создан Всесоюзный институт усовершенствования работников органов юстиции при Министерстве юстиции.

В апреле 1984 года на сессии ВС СССР Тербилов был избран председателем Верховного суда СССР. В мае 1984 года он провел его пленум, который был посвящен анализу сложившейся судебной практики. В соответствии с решением пленума в кратчайшие сроки подготовлен и издан обновленный «Сборник действующих постановлений пленума Верховного суда СССР» (за 1924—1986 годы).

Под руководством В. И. Тербилова Министерство юстиции достаточно эффективно осуществляло руководство судебной системой, кодификацию законодательства, организацию пропаганды правовых знаний и многое другое. Немало сделал бывший министр и для развития отечественной адвокатуры. Была существенно расширена сеть юридических консультаций, значительно улучшено статусное и материальное положение адвокатов. Глубоко симптоматично, что разработанный при активном участии В. И. Тербилова Закон об адвокатуре, принятый Верховным Советом СССР 30 ноября 1979 года, действовал без малого четверть века.

Именно тогда начали издаваться такие быстро завоевавшие популярность журналы, как «Человек и закон», «Хозяйство и право», правовые передачи появились на радио и телевидении, а в школах — общеобразовательная дисциплина «Основы Советского государства и права». Всемерно расширялась лекционная работа по юридической тематике.

В. И. Тербилов всегда отстаивал независимость судебной власти, активизировал работу приемной Верховного су-

да СССР, установил постоянную связь с журналистами, писавшими на правовые темы. В этот период требовалось по-новому осмыслить практику судов по делам экономической направленности, усилить судебную охрану прав граждан. Особое место в деятельности Верховного суда СССР занимала работа по пересмотру дел лиц, невинно пострадавших в годы массовых репрессий.

В апреле 1989 года Владимир Иванович Теребилев вышел на пенсию. Умер в апреле 2004 года.

Следует отметить, что Руденко был непримирим, когда дело касалось нечистоплотных работников, злоупотребляющих своим высоким положением.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Киргизия

В этом отношении характерно дело, возбужденное в начале 60-х годов против большой группы работников прокуратуры и Министерства внутренних дел Киргизии. На скамье подсудимых оказались прокуроры, занимавшие ответственные должности в аппарате республиканской прокуратуры и прокуратуре города Фрунзе, которые совместно с оперативными работниками органов внутренних дел республиканского министерства за взятки освобождали преступников от заслуженного наказания, а иногда обирали граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности.

По делу было привлечено к уголовной ответственности 30 человек, из них 17 работников прокуратуры и органов внутренних дел. Семь человек приговорили к высшей мере наказания — расстрелу, а остальных — к длительным срокам лишения свободы и иным мерам.

Словом, Роман Андреевич Руденко оставался человеком своей эпохи, членом партии, не сомневающимся в правильности ее политики. Он был «непримирим» и к «врагам народа» 60—70-х годов, так называемым диссидентам, лицам, занимавшимся «антисоветской пропагандой и агитацией», и ко всем другим «инакомыслящим». Установки партии по этим вопросам он, безусловно, проводил в жизнь.

В приказе «Об усилении прокурорского надзора за расследованием дел о государственных преступлениях и рассмотрением их в судах» от 27 июля 1962 года Руденко писал:

«Имеют место факты недостаточно решительной борьбы с антисоветскими проявлениями. Иногда лица, совершающие такого рода преступления, даже не привлекаются к уголовной ответственности, как этого требует закон, а в отношении их ограничиваются мерами предупреждения. Некоторые прокуроры не проявляют активности в борьбе с подобными преступлениями, недооценивают их опасности и допускают беспечность».

Далее Руденко сослался на письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 года к партийным организациям «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», в котором отмечалось, что «в отношении вражеского охвота у нас не может быть двух мнений по поводу того, как с ними бороться... Коммунисты, работающие в органах прокуратуры, суда и государственной безопасности, должны зорко стоять на страже интересов нашего социалистического государства, быть бдительными к проискам вражеских элементов и, в соответствии с законом Советской власти, своевременно пресекать их преступные действия».

Руденко приказал «усилить борьбу с антисоветскими и другими враждебными проявлениями», прокурорам республик, краев и областей лично ознакомиться в органах КГБ и МВД с соответствующими материалами и совместно с ними наметить мероприятия по усилению борьбы с государственными преступлениями, активно участвовать в расследовании дел, поддерживать по ним государственное обвинение, добиваясь строгого наказания виновных лиц. Справедливости ради надо отметить, что Генеральный прокурор рекомендовал своим подчиненным «умело отделять антисоветские элементы от лиц, попавших под их влияние вследствие недостаточной политической зрелости».

В апреле 1963 года Президиум Верховного Совета СССР «в связи с запросами органов суда, прокуратуры, охраны общественного порядка (так до создания МВД назывались органы внутренних дел. — *Авт.*) и государственной безопасности» разъяснил, что по статье 14,1 Закона СССР от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления» как за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, могут привле-

каться к уголовной ответственности также и те не поддающиеся перевоспитанию особо опасные рецидивисты, которые, несмотря на все принятые к ним меры воздействия, злостно нарушая установленный в местах лишения свободы порядок и ведя паразитический образ жизни, наносят татуировки антисоветского содержания и тем самым препятствуют нормальной работе по исправлению и перевоспитанию заключенных.

Руденко незамедлительно и без всяких колебаний довел это разъяснение до сведения всех подчиненных ему прокуроров для исполнения.

Борьба против так называемого диссидентства — одна из самых мрачных страниц истории советской прокуратуры постсталинского периода, которая, конечно же, не закончилась «эрой Руденко». Но следует заметить, что движущей силой этой борьбы была вовсе не прокуратура, а партийные органы.

Но тем не менее санкции на арест, высылку из определенных мест, изгнание давали именно прокурорские работники. Любых инакомыслящих, активно выступавших против действующих порядков и выражавших свои «идеи» в какой-либо форме, будь то литературное произведение или манифестация с соответствующими антисоветскими лозунгами, привлекали к уголовной ответственности, сажали в тюрьмы и этапировали в исправительно-трудовые лагеря, применяли к ним административные санкции, помещали в психиатрические больницы и т. п.

Начиная с 1961 года, когда появился знаменитый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая, лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда и ведущих антиобщественный образ жизни, могли подвергать ссылке в административном порядке на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества. Этот закон использовали и в борьбе с инакомыслящими. В 1962 году по постановлениям судов и решениям исполкомов было выселено на основании указа в «специально отведенные местности» 15,7 тысячи человек. Среди них оказался и поэт И. А. Бродский. Впоследствии он эмигрировал, стал лауреатом Нобелевской премии.

В 1966 году к активно применявшейся статье 70 УК РСФСР, предусматривавшей ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду, добавилась статья 190,1 УК РСФСР, карающая за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

А затем в Уголовном кодексе РСФСР появилась и статья 209,1, устанавливавшая уголовную ответственность за ведение антиобщественного паразитического образа жизни.

В эти годы Руденко назначает директором Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР замечательного ученого-криминалиста Игоря Ивановича Карпеца.

КОЛЛЕГИ И СОРАТНИКИ

Игорь Иванович Карпец родился в 1921 году в Ленинграде в семье военнослужащего. После окончания средней школы в 1939 году призван в Красную армию. Служил солдатом в управлении коменданта Ленинграда, а с началом Великой Отечественной войны — в управлении войск охраны тыла Ленинградского фронта. Перенес все тяготы 900-дневной блокады Ленинграда. В 1943 году в осажденном городе вступил в партию. Демобилизовавшись в 1946 году, Карпец поступил на юридический факультет Ленинградского государственного университета, который с отличием окончил через пять лет. Решением горкома партии молодой юрист был направлен на работу в исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, где в течение четырех лет последовательно занимал должности старшего контролера группы контроля, секретаря, помощника и старшего помощника председателя исполкома, заведующего отделом внешних связей.

Будучи склонен к научной и творческой работе, Игорь Иванович окончил заочно аспирантуру и в 1955 году защитил кандидатскую диссертацию. В том же году его направили на работу в органы милиции и вплоть до 1966 года он занимал оперативные должности в управлении милиции Ленинграда: начальника научно-технического отдела, следственного отдела, отдела уголовного розыска и, наконец, заместителя начальника управления. Не оставлял он и научной работы. В 1963 году получил ученую степень доктора юридических наук.

28 июня 1963 года И. И. Карпец был переведен в Москву и приказом Руденко назначен директором Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР. Вскоре после этого, 14 апреля 1965 года, за крупные успехи в научной деятельности Карпец был утвержден в звании профессора.

Спустя шесть лет Игорь Иванович по решению ЦК КПСС направляется на работу в органы Министерства внутренних

дел, где возглавляет одно из самых сложных подразделений министерства — Главное управление уголовного розыска — и становится членом коллегии. На этом посту он оставался в течение десяти лет. Ему присвоено звание генерал-лейтенанта.

С 1979 года по 1984 год Карпец руководил Всесоюзным научно-исследовательским институтом МВД СССР.

В 1984 году Игорь Иванович Карпец вторично стал директором Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР и оставался бессменным его руководителем до конца жизни. В 1989 году он стал членом коллегии Прокуратуры СССР.

С 11 по 15 мая 1987 года в Москве в здании Совета Экономической Взаимопомощи проходил VI конгресс криминологов социалистических стран. На него прибыли делегации Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Северной Кореи, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии. Советскую делегацию возглавлял заместитель Генерального прокурора СССР О. В. Сорока.

Конгресс открыл Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунов.

Генеральный доклад от Советского Союза сделал директор Всесоюзного научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка Карпец.

Доклад назывался «Социалистическая криминология. Его состояние и задачи». Право на такой доклад Игорь Иванович заслужил всей своей предыдущей научной и практической деятельностью. Ученый с мировым именем, он по праву считался одним из лучших криминологов страны. Он был автором свыше 300 научных работ, в числе которых крупные монографии, такие как «Отягчающие и смягчающие обстоятельства в советском уголовном праве», «Индивидуализация наказания», «Преступления международного характера» и др. Многие труды Карпеца получили широкую известность в нашей стране и за рубежом, переведены на иностранные языки. Большое значение для криминологии имели такие работы Карпеца, как «Проблемы преступности» (1969), «Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы» (1972) и др. Продолжая исследования в этом направлении, Игорь Иванович принял участие в написании и редактировании «Курса криминологии». В 1992 году издана книга «Преступность: иллюзии и реальность». Проведено первое совместное с представителями естественных наук исследование и опубликована книга «Генетика, поведение, ответственность».

Научные достижения Карпеца получили международное признание. Еще в марте 1964 года на конгрессе Международной ассоциации юристов-демократов он был избран вице-президентом ассоциации. Игорь Иванович являлся также вице-президентом Международной ассоциации уголовного права и членом директората Международного института уголовного права в Сиракузах, президентом Международной ассоциации юристов, членом Российского комитета защиты мира.

В быту Игорь Иванович был очень доступным человеком, интересным собеседником, прекрасным рассказчиком. Мы вместе с ним многие годы арендовали служебные дачи в Истринском поселке прокуратуры. Соседствовали. Наши участки разделял лишь низкий, редкий и очень ветхий штакетник, что позволяло нам без труда преодолевать это ограждение и общаться.

Скончался Игорь Иванович Карпец 24 мая 1993 года.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Синявский и Даниэль

В 1966 году были осуждены по статье 70 части первой УК РСФСР (агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти) известные московские литераторы Синявский и Даниэль.

Уголовное дело в отношении их было возбуждено 8 сентября 1965 года КГБ. В постановлении отмечалось, что «на территории Советского Союза среди определенной категории лиц имеют факты распространения зарубежных изданий, носящих антисоветский клеветнический характер. В частности, имеют хождение произведения “Говорит Москва”, “Фантастические повести”, “Любимов” и другие, авторы которых скрываются под псевдонимами Николай Аржак и Абрам Терц. Как видно из предисловия к “Любимову” и другим произведениям, их авторы являются советскими гражданами, нелегально передавшими свои рукописи за границу».

В тот же день Синявский был задержан и направлен в следственный изолятор КГБ. 11 сентября первый заместитель Генерального прокурора Маляров дал санкцию на его арест. Через три дня был взят под стражу и Даниэль.

Спустя четыре месяца следствие было завершено, и начальник Следственного отдела КГБ направил уголовное де-

ло Генеральному прокурору Руденко для утверждения обвинительного заключения.

При выборе государственного обвинителя по этому делу произошел эпизод, который наглядно свидетельствовал о том, что Руденко умел ценить и уважать позицию прокурора, а к поддержанию обвинения относился как к нравственному долгу каждого работника. Об этом поведал автору бывший помощник Генерального прокурора СССР В. Г. Демин. Он рассказывал:

«Поддерживать обвинение по известному делу Даниэля и Синявского было поручено заместителю начальника отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Прокуратуры СССР Николаю Николаевичу Шанявскому. Потомок известной интеллигентной фамилии, фронтовик, потерявший на войне ногу, эрудит, блестящий юрист и обвинитель (несмотря на заикание — фронтовую контузию), родственник Р. Плятта, Шанявский имел огромный авторитет в нашей юридической среде. Однако на предложение Р. А. Руденко Николай Николаевич ответил кратко и ясно: “Товарищ Генеральный прокурор! По такому делу я обвинение поддерживать не стану!”

Р. А. Руденко тут же перевел разговор на другую тему и этого вопроса больше не касался. К Н. Н. Шанявскому он сохранил то же уважительное отношение, которое было и прежде...»

14 февраля 1966 года дело рассматривалось Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР под председательством Л. Н. Смирнова.

Государственное обвинение поддерживал помощник Генерального прокурора О. П. Темушкин. Синявского защищал адвокат Э. М. Коган, а Даниэля — М. М. Кисенишский.

Синявский и Даниэль виновными себя не признали. Синявский говорил, что, направляя свои произведения за границу, не стремился причинить вред Советскому государству, а исходил только из того, что хотел видеть их напечатанными, так как его произведения сложные и даже свои обычные статьи в СССР он публиковал с трудом.

А вот что говорил Даниэль: «О том, о чем я пишу, молчит и литература, и пресса. А литература имеет право на изображение любого периода и любого вопроса. Я считаю, что в жизни общества не может быть закрытых тем... Я хочу еще сказать, что никакие уголовные статьи, никакие обвинения не помешают нам — Синявскому и мне — чувствовать себя людьми, любящими свою страну и свой народ. Это все. Я готов выслушать приговор».

Суд приговорил «виновных» к лишению свободы: Синявского — на семь, а Даниэля — на пять лет.

28 августа 1991 года приговор Судебной коллегии по уголовным делам был опротестован Прокуратурой Союза ССР в Президиум Верховного суда РСФСР. В протесте предлагалось приговор в отношении Синявского и Даниэля отменить, а уголовное дело прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

Если к преследованию одних диссидентов Прокуратура СССР и лично Руденко имели все же косвенное отношение, то что касается изгнания из страны А. И. Солженицына и ссылки А. Д. Сахарова — самое прямое.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Архипелаг

В 1970 году Александру Солженицыну была присуждена Нобелевская премия в основном за «Архипелаг ГУЛАГ», в котором история происходивших в стране репрессий была обнажена до предела.

Вопрос о «наказании» писателя витал во властных кабинетах и коридорах. Не могли только решить, как лучше это сделать: то ли выдворить из страны, то ли привлечь к уголовной ответственности. Но избавиться от всемирно известного писателя Советское правительство решило твердо. Роль основного двигателя отводилась, конечно, Комитету государственной безопасности и его руководителю Ю. В. Андропову. Но не последнюю скрипку играл здесь и Генеральный прокурор.

После присуждения Солженицыну Нобелевской премии в области литературы был подготовлен проект указа Президиума Верховного Совета СССР «О выдворении А. И. Солженицына из пределов СССР и лишении его советского гражданства». Тогда же Руденко и Андропов направили в Секретариат ЦК КПСС довольно любопытную записку, в которой они излагали свое видение «проблемы Солженицына». Они писали:

«Проживание Солженицына в стране после вручения ему Нобелевской премии укрепит его позиции и позволит активнее пропагандировать свои взгляды... Выдворение Солженицына из Советского Союза лишит его этой позиции —

позиции внутреннего эмигранта и всех прочих преимуществ, связанных с этим... Сам же акт выдворения вызовет кратковременную антисоветскую кампанию за рубежом с участием некоторых органов коммунистической прессы... Взвесив все обстоятельства, считали бы целесообразным решить вопрос о выдворении Солженицына из пределов Советского государства».

Интересно, что совершенно иную позицию занял в этом вопросе тогда министр внутренних дел Щелоков, который считал, что Солженицыну нужно дать немедленно квартиру, прописку и вообще проявить к нему внимание. «За Солженицына надо бороться, а не выбрасывать его, — писал он. — В данном случае надо не публично казнить врагов, а душить их в объятиях».

Однако ни одна из точек зрения тогда не возобладала. Солженицына не выдворили из страны и не «задушили в объятиях». Но травля писателя продолжалась, и вопрос ни на один день не оставался закрытым. В последующем он обсуждался даже на Политбюро ЦК КПСС, где после долгих дебатов было принято решение предоставить Председателю КГБ СССР Андропову «разрубить гордиев узел». Политбюро приняло специальное постановление «О мерах по пресечению антисоветской деятельности Солженицына А. И.». Проведение «карательной операции» было поручено Андропову и Руденко. Они должны были определить всю процедуру следствия и суда и после согласования всех вопросов произвести арест писателя.

О том, как происходили арест и изгнание, Солженицын подробно описал в своих автобиографических книгах. Но некоторые детали прояснил бывший старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Ю. А. Зверев. Он рассказал, что однажды Руденко пригласил его к себе и, передав вышедшую за границу книгу Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», а также подборку «отзывов прессы» на нее, поручил «изучить на предмет решения вопроса о возбуждении уголовного дела»...

«Я изучил и доложил, что в книге содержится огромный материал, причем наряду с суждениями и выводами автора там огромный массив фактов, которые либо соответствуют действительности, либо ложны... Я и сейчас думаю, что не все отдельные факты абсолютно точны. Это теперь мы все так много знаем о том периоде. А тогда — только слухи... Было очень страшно верить...

Но я был обязан выяснить, соответствует ли изложенный материал действительности или это вымысел, клевета. Я и

запросил компетентные инстанции, могут ли они опровергнуть приведенные автором факты. Инстанции ответили, что опровергнуть массив фактов возможности нет.

И тогда я получил указание возбудить уголовное дело и допросить Солженицына. Допросить не удалось: несмотря на неоднократные вызовы, он в прокуратуру не являлся. Руденко предписал доставить его приводом. Я вынес постановление о приводе Солженицына и отправился за ним лично, благо он жил на улице Горького, неподалеку от Прокуратуры СССР.

...Дело Солженицына только формально вел я. Все мои действия через Генерального прокурора направлялись политическим руководством. И доставить Солженицына мне предписали не в здание прокуратуры, в мой кабинет, а в Лефортовский следственный изолятор КГБ СССР...

Солженицын действительно ожидал ареста, и у него все было готово. Он быстро оделся и все заранее приготовленные вещи, уже, видимо, ему послужившие в лагере, сложил в мешок с нашитым полотнищем шведского флага. Я попросил его вывернуть мешок флагом внутрь, что он и сделал без возражений.

К моменту нашего приезда в Лефортово было уже найдено политическое решение, которое и определило дальнейшие действия руководства Прокуратуры СССР. Решение это состояло в том, что Солженицын должен быть лишен советского гражданства и выдворен из СССР...

Конечно, судьбу Солженицына решали не на Пушкинской! Но полагаю, что Руденко, опытный и изобретательный юрист, нашел такую форму, которая могла бы придать если не видимость законности, то, по крайней мере, видимость здравого смысла тому, что произошло. Мне предписали возбудить в отношении Солженицына уголовное дело по обвинению не в антисоветской агитации и пропаганде, а по обвинению в измене Родине...

Здесь-то, как я думаю, и обнаруживается “юридический вклад” Руденко. Ведь доказать, что Солженицын в “Архипелаге ГУЛАГ” оклеветал Советскую власть, было невозможно даже в то время. А задача состояла в том, чтобы его из СССР удалить. Как? Обвинив Солженицына в более тяжком преступлении — измене Родине, Прокуратура парадоксальным образом смягчила ситуацию. Политическая власть, вмешавшись и лишив Солженицына гражданства, снимала все юридические проблемы, ибо не может изменить Родине человек, не являющийся более ее гражданином. Стало быть, уголовное дело автоматически прекращается... Все это реша-

ли, конечно, не я и, думаю, не Руденко, но именно он, по моему, мог подсказать этот вариант».

В похожем ключе Руденко пришлось заниматься и «проблемой» Сахарова. Проблему «решили», выслав в январе 1980 года академика в город Горький.

Что же касается дела Солженицына, то в 1991 году последним Генеральным прокурором СССР Николаем Трубиным были изменены основания прекращения уголовного дела в отношении него (дело прекращалось в связи с отсутствием в действиях опального писателя состава преступления), о чем незамедлительно была направлена телеграмма в США, штат Вермонт, город Кавендиш, где жил тогда Солженицын, с принесением ему извинения за неправомерные действия работников Прокуратуры Союза ССР (дело было прекращено в 1974 году по не реабилитирующим основаниям).

Однако телеграмму, которую готовил тогда автор этой книги, увы, Александру Исаевичу в городе Кавендише (штата Вермонт, США) сразу не вручили на том основании, что в ней не был указан дом, в котором вот уже много лет проживал нобелевский лауреат. Тогда, подготовив сообщение для передачи в средства массовой информации под рубрикой «В Прокуратуре Союза ССР», я отправился к главному редактору программы «Время» О. В. Какучая, с которым у меня сложились довольно дружеские отношения. Выслушав мой рассказ, Ольвар Варламович без всяких формальностей тут же распорядился сообщить в программе «Время» о реабилитации А. И. Солженицына. Вскоре все увидели на экране и самого Александра Исаевича, узнавшего эту новость.

Повторная телеграмма, отправленная мной адресату, уже не вернулась. Вероятно, местные власти из СМИ наконец-то догадались, что у них в городе проживает всемирно известный писатель.

Перед тем как перейти к очередному этапу жизни и деятельности «патриарха советской прокуратуры», хочется рассказать более подробно еще об одном из его многочисленных соратников. И не только для того, чтобы показать, как «короля играет свита» и в каких исторических условиях работал Руденко, какое давление он порой испытывал, с какими трудностями сталкивался, а скорее для того, чтобы показать, каким было то поколение послевоенных советских прокуроров...

Борис Васильевич Кравцов родился 28 декабря 1922 года в Москве, на территории Кремля, где до пятилетнего возраста проживал в квартире номер семь Потешного дворца. Свое название дворец получил от так называемых потех, или представлений, устраиваемых здесь время от времени при царе Алексее Михайловиче, а позднее — императрицами Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной. Они останавливались во дворце, когда приезжали в Москву на коронацию.

После Октябрьской революции в Потешном дворце поселились рабочие и служащие Кремля и Совнаркома РСФСР. Одним из них и был отец Кравцова, Василий Алексеевич, состоявший курьером при Председателе Совнаркома Ленине. Ему не было тогда еще и тридцати лет. Наряду с курьерскими, Василий Кравцов выполнял еще и обязанности истопника, отапливая кабинет вождя революции. Ленин любил, чтобы в кабинете всегда была «бодрящая» температура — не больше четырнадцати градусов.

Василий Кравцов состоял в браке с Гликерией Львовной, которая вела домашнее хозяйство. В их семье было трое детей, старшая дочь Валентина, средний сын Борис и младший — Анатолий. В детстве Борис вместе со своими друзьями частенько играл прямо под окнами кабинета Сталина. Тогдашний генсек через оконное стекло иногда грозил ребяташкам своей неизменной трубкой, когда они слишком шалили.

В 1930 году Борис поступил в 131-ю московскую среднюю школу в тихом Леонтьевском переулке. Любимыми его предметами были литература и история, а также точные науки — физика и геометрия. Как и все юноши того времени, Борис увлекался спортом. Мечтал о морской службе и даже собирался поступать в Севастопольское военно-морское училище.

Известная советская поэтесса Юлия Друнина, которая училась с Кравцовым в одном классе, писала: «Спасение челюскинцев, тревога за плутающую в тайге Марину Раскову, покорение полюса, Испания — вот чем жили мы в детстве. И огорчались, что родились слишком поздно...»

21 июня 1941 года после экзаменов состоялся выпускной вечер. А на следующий день — ошеломляющая весть о начале войны.

В июле 1941 года Борис проводил отца на фронт. Сам он тоже всей душой рвался в действующую армию, но в военкомате ему сказали, как отрезали, — ждите призыва.

18 августа 1941 года вчерашнего выпускника призвали на службу в Красную армию. Через восемь месяцев, в мае 1942 года, молодой офицер, получивший лейтенантские кубики, был направлен на Юго-Западный фронт.

В составе 2-го дивизиона 822-го артиллерийского полка 300-й стрелковой дивизии Борис Кравцов два месяца командовал взводом топографической разведки, а затем был командиром взвода 132-го Гвардейского артиллерийского полка 60-й Гвардейской стрелковой дивизии. Полк участвовал в боях на Юго-Западном, Сталинградском и Донском фронтах. Особо памятна Кравцову весна и лето 1942 года, когда ему вместе с нашими войсками, с тяжелыми боями, под натиском бронированных фашистских полчищ, приходилось отступать к Волге. Потом были оборона Сталинграда, окружение и разгром крупнейшей вражеской группировки.

За подвиг, совершенный на острове Хортица, старшему лейтенанту Борису Кравцову указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и Золотой Звезды. Узнал он о награждении уже в госпитале, куда был направлен после тяжелого ранения в ногу, полученного 31 декабря 1943 года в ходе боев в Западной Украине. По словам Кравцова, первой его поздравила мать по телеграфу из Москвы.

В течение длительного времени Борис Васильевич лечился в госпиталях городов Запорожья, Славянска и Ленинанкана. В июне 1944 года его признали инвалидом 2-й группы и демобилизовали из армии. Разом рухнули все мечты о военной академии. Двадцатидвухлетний герой вернулся в Москву. Почти четыре месяца долечивал раны. Даже работать не мог. Проживал с матерью. Война отняла у него отца — Василий Алексеевич пропал без вести еще в 1941 году.

В сентябре 1945 года, когда боли немного поутихли, Борис Васильевич по направлению Коминтерновского райкома партии поступил в Московскую юридическую школу, которая находилась тогда на 1-й Брестской улице. Спустя два года окончил ее с отличием.

С июля 1947 года Б. В. Кравцов стал работать в органах юстиции. За месяц до его назначения, 4 июня 1947 года, были приняты «знаменитые» указы Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение

государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан», значительно ужесточающие наказание за воровство. Достаточно сказать, что простая кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества карались заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от семи до десяти лет, а те же действия в отношении колхозного, кооперативного или иного общественного имущества — от пяти до восьми лет. За «простую» кражу личного имущества граждан предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до шести лет.

Еще более строгое наказание полагалось за так называемое квалифицированное воровство, то есть хищение, совершенное повторно или организованной группой (шайкой), или в крупных размерах. Здесь уже виновный в хищении государственного имущества мог «загреть» в места не столь отдаленные на срок от десяти до двадцати пяти лет и обязательно с конфискацией имущества.

Поскольку понятия «мелкого» хищения тогда не было (оно было введено указом Президиума Верховного Совета СССР только в 1955 году), это значило, что по первой части указов даже за самое незначительное воровство можно было «схлопотать» как минимум пять—семь лет лишения свободы. Что и говорить, указы жестокие и беспощадные, хотя и обусловленные тяжелейшими условиями послевоенной жизни, когда каждый килограмм хлеба, каждый метр ткани, каждый литр бензина был на строгом учете. Ведь в стране нужно было восстановить разрушенные войной десятки тысяч городов, поселков, деревень, заводов и фабрик, колхозов и совхозов, построить жилье для миллионов людей, оставшихся без крова. Конечно, указы в первую очередь больно ударяли по тем людям, которые «ташили» все, что плохо лежит, только для того, чтобы как-то поддержать свои семьи, не умереть с голоду. Но были и такие (и немало), кто воровство сделал своей второй, а то и основной профессией.

И надо же было так случиться, что молодому юристу Борису Кравцову пришлось начинать свою деятельность на судебном поприще именно с рассмотрения уголовного дела по указу от 4 июня 1947 года. И суду-то были преданы не закоренелые ворюги, а простые советские ребята, вчерашние школьники. А случилось это так. Кравцов после окончания юридической школы был прикреплен в качестве стажера к опытному юристу, члену трибунала (так назывались тогда транспортные суды) майору Краснову. Вместе с ним он от-

правился в город Калинин (ныне Тверь), где надо было рассмотреть массу дел о хищениях государственного имущества. И вот, когда командировка подходила к концу, майор Краснов предложил Борису Кравцову самостоятельно рассмотреть последнее уголовное дело.

Кравцов подошел к этому делу, в общем-то довольно заурядному, со всей ответственностью. Ведь ему предстояло самому вынести приговор. За ночь он прочитал (и не один раз) все дело, что называется, от корки до корки: протоколы допросов, акты осмотров, справки, обвинительное заключение. Фабула дела была простая. Трое парней, рабочие порта, украли несколько метров грубой материи, а точнее наволочек для матрацев, намереваясь продать их на рынке и таким образом «подзаработать». Пойманы они были с полным, вину свою признали. В другое время их бы за это под суд не отдали. А тогда, в трудные послевоенные годы, их судил трибунал.

Во время процесса Кравцов дотошно пытался докопаться до истоков преступления, понять, что же толкнуло этих молодых и здоровых ребят пойти на преступление, которое сулило им лишь мизерную материальную выгоду. Поскольку ущерб был полностью возмещен, а виновные искренне раскаивались в содеянном, Борис Васильевич на этот раз ограничился минимальным наказанием, предусмотренным по указу от 4 июня 1947 года.

В течение трех лет Кравцов был членом линейного суда Московско-Окского речного бассейна.

В июле 1950 года Б. В. Кравцова перевели на работу в аппарат Министерства юстиции СССР, где он занял должность старшего ревизора отдела транспортных судов. В 1952 году без отрыва от основной работы он окончил московский факультет Всесоюзного юридического заочного института. В сентябре 1955 года Борис Васильевич был избран освобожденным секретарем парткома партийной организации аппарата Министерства юстиции СССР, а через год его выдвинули на работу в Центральный Комитет КПСС. В должности инструктора отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР он работал до января 1960 года.

Приказом Руденко от 8 января 1960 года Кравцов был назначен первым заместителем прокурора РСФСР. В марте того же года указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоен классный чин государственного советника юстиции 3-го класса, а 5 июня 1962 года — государственного советника юстиции 2-го класса.

В Прокуратуре республики на Б. В. Кравцова было возложено руководство отделами по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел, по делам несовершеннолетних, по надзору за местами лишения свободы, а также аттестационной комиссией и методическим советом. В дальнейшем вместо отдела по надзору за местами лишения свободы он стал курировать работу канцелярии и приемной Прокуратуры РСФСР. В последующие годы направлял работу двух ведущих отделов прокуратуры: по надзору за рассмотрением в судах уголовных и гражданских дел. В отсутствие Прокурора республики Борис Васильевич исполнял его обязанности.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Покушение на прокурора

Сейчас покушения на жизнь и даже убийства государственных и общественных деятелей, депутатов стали чуть ли не нормой нашей жизни. Тогда же, в начале 60-х годов прошлого столетия, было совсем иначе. Террористические акты, конечно, случались. Но их было мизерное количество, они не наводили, как теперь, страх на окружающих, ибо о них мало кто знал. Чаще всего их совершали либо психически неполноценные, либо неуравновешенные люди под влиянием каких-либо обстоятельств. И совсем уж редко — вполне осознанно, хладнокровно и расчетливо. Именно такое покушение и было совершено на первого заместителя прокурора республики (он исполнял тогда обязанности прокурора) Бориса Васильевича Кравцова тихим сентябрьским утром 1964 года прямо у входа в здание Прокуратуры РСФСР на углу Кузнецкого моста и улицы Жданова (теперь — Рождественка).

Террористом оказался пятидесятилетний житель Дагестана, некий Мататья Исакович Исаков. Кто же он такой, этот Исаков? Что толкнуло его на преступление?

Исаков проживал в городе Дербент Дагестанской АССР. В свое время участвовал в Великой Отечественной войне. Образование имел низшее, работал до 1957 года в колхозе «Путь к коммунизму» на должностях, связанных с материальными ценностями: счетоводом, заведующим складом, завхозом, а последнее время — уполномоченным по реализации вина колхозникам. В то время в колхозах трудодни начислялись «натурой». Но не каждый пойдет торговать вином. Вот они и действовали через уполномоченных. Работа было неплохая, прибыльная. Исаков часто выезжал в коман-

дировки за пределы республики. Но вскоре эта «лавочка» закрылась — вино на трудодни давать перестали. Ведь у колхозников и своего девать было некуда. Нужда в уполномоченных отпала, и Исакова перевели на другую работу, более тяжелую и уж совсем не прибыльную. Денег у него поубавилось. Тогда он предъявил претензии к правлению колхоза, считая, что ему неправильно оплатили командировочные, а также не полностью начислили трудодни. Правление это требование отвергло, и он обратился в суд, который удовлетворил его иск частично.

Исаков озлобился на всех и вся. Поскольку писать он умел, то стал «строчить» жалобы о том, что, дескать, притесняют его, обижают, а председатель сельскохозяйственной артели такой и сякой, ворует, злоупотребляет властью. Конечно, ни один такой сигнал без внимания не оставался. Приезжали в колхоз проверяющие, комиссии из республиканских органов и даже из Москвы. Жалобами Исакова занималась и Прокуратура РСФСР. Но факты — вещь упорная. Они или есть, или их нет. Недостатки, естественно, кое-какие выявлялись, но никакого «криминала» в действиях председателя не находили. Поэтому ни следствия, ни суда, как того требовал Исаков от проверяющих, не назначали. Бывший уполномоченный еще сильнее распалялся. Теперь он писал жалобы уже и о том, что члены комиссий вступили в сговор с председателем артели. До бесконечности это продолжаться не могло, и Исакову просто перестали верить.

Озлобление толкнуло его на хулиганскую выходку. Он был исключен из членов сельскохозяйственной артели. А за хулиганство дербентский народный суд приговорил его к одному году лишения свободы. В заключении Исаков продолжал писать жалобы.

Освободившись, Исаков стал работать в различных совхозах, получая иногда неплохие деньги (до 400 рублей в месяц). Но озлобление его не только не утихло, но, напротив, усилилось. Особенно после того, как народный суд Дербента 5 мая 1961 года удовлетворил иск А. Х. Хаимова, предъявленный к Исакову о взыскании с него долга в сумме 2,9 тысячи рублей. Вместо того чтобы обжаловать решение суда в вышестоящие судебные инстанции, Исаков пустил в ход испытанное оружие — перо. И вновь застрочил жалобы. Он расценил решение суда как продолжение преследований.

Исаков обратился в Министерство обороны, в адрес XXII съезда КПСС и другие инстанции с требованием пересмотра его дела. Жалобы переправляются в Прокуратуру РСФСР, которая дала соответствующие поручения прокура-

туре Дагестанской АССР. Та не нашла оснований для опротестования решения суда. Наконец, по поручению ЦК КПСС этим гражданским делом стала заниматься и Прокуратура РСФСР. Истребовав из Дагестанской прокуратуры все материалы и тщательно изучив их, начальник отдела по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел М. М. Сеницын 7 декабря 1961 года направил Исакову ответ о том, что его требования необоснованны, а жалоба оставлена без удовлетворения. Неугомонный Исаков добивается приема в Прокуратуре СССР, где от него было принято заявление, в котором он недвусмысленно грозился в случае неудовлетворения его просьбы совершить «грубое преступление» и «за это получить высшую меру наказания».

В начале мая 1962 года его принял первый заместитель Прокурора РСФСР Кравцов. Борис Васильевич выслушал взволнованного и нервного посетителя, посмотрел документы, принял от него жалобу и пообещал еще раз во всем тщательно разобраться. Поскольку Исаков указывал на наличие имеющихся у него каких-то новых документов, подтверждающих его правоту и ранее не исследованных судом, Кравцов приостановил исполнение решения народного суда и поручил прокуратуре Дагестанской АССР в порядке надзора еще раз проверить дело.

Однако Исаков никаких дополнительных материалов не представил, и вскоре приостановление исполнения решения суда было Прокуратурой РСФСР отменено. Исаков вновь принялся «бомбардировать» своими жалобами Прокуратуру СССР и редакции газет, вплоть до «Пионерской правды».

В этот период в личных записях Исакова и в его устных высказываниях стали все яростнее звучать намерения убить Кравцова, а также председателя колхоза Гильядова.

4 сентября 1964 года Верховный суд Дагестанской АССР рассмотрел в порядке надзора гражданское дело по иску Хаимова и еще раз подтвердил правильность вынесенного дербентским судом решения. После этого Исаков решил привести в исполнение свой замысел об убийстве Кравцова. Он откопал спрятанный им еще в 1946 году недалеко от дома револьвер системы «смит-вессон», калибра 8,3 мм. В апреле 1964 года он приобрел для него у каких-то военнослужащих шесть боевых патронов от револьвера системы «наган». Прихватив с собой револьвер и патроны, 6 сентября Исаков выехал в Москву.

В столице он остановился в четвертом корпусе гостиницы «Ярославская» и вновь стал обивать пороги партийных и советских органов, везде оставляя многочисленные заявле-

ния и жалобы. Одновременно установил наблюдение за Кравцовым у здания Прокуратуры РСФСР, отмечая, когда он приезжает на службу и уезжает домой. 25 сентября он появился в приемной Прокуратуры РСФСР и настаивал на повторном приеме его Кравцовым. Ему резонно ответили, что оснований для этого никаких нет, а определение Верховного суда Дагестанской АССР от 4 сентября он может обжаловать в Верховный суд РСФСР. Исаков ушел из приемной, высказывая угрозы.

На другой день утром, выпив четвертинку водки, Исаков отправился в Прокуратуру РСФСР, где появился в восемь часов пятнадцать минут.

Аппарат Прокуратуры РСФСР начинал в те годы работу в 9.30 утра. Кравцов всегда приезжал заблаговременно. И на этот раз его служебная «Волга» остановилась на улице Жданова у дома № 9 примерно в 8 часов 30 минут. Борис Васильевич, не спеша, вышел из нее и направился к подъезду прокуратуры, выходящему на Кузнецкий мост. Не успел он взяться за ручку массивной двери, как услышал резкий хлопок и сразу же за этим почувствовал сильный удар в правое плечо. Обернувшись, Борис Васильевич увидел человека, который хладнокровно целился в него. Над стволом направленного в прокурора револьвера еще висел дымок от выстрела. Преступник стрелял в спину. Вот-вот должен был грохнуть второй выстрел. Но его не последовало, благодаря мгновенной реакции шофера Карпова.

Рассказывает Юрий Карпов:

«Только захлопнулась правая передняя дверь автомашины, прошло, по моему мнению, не более тридцати секунд, я еще не успел выключить мотор, как вдруг неожиданно раздался громкий выстрел. Я сразу не понял, что это был выстрел из револьвера, и вначале подумал, что это выстрел из глушителя моей автомашины. Я мгновенно дернул за ручку капота и одновременно взглянул в лобовое стекло автомашины. С правой стороны крыла моей автомашины на середине тротуара, я увидел незнакомого мужчину, одетого в темно-синий плащ. В левой руке он держал сумку черного цвета, а в правой руке какой-то предмет, завернутый в тряпку. Стоял мужчина так, что я хорошо видел его руки и потому запомнил хорошо, что он держал в руках. Одновременно с этим я из лобового стекла машины увидел заместителя прокурора РСФСР Кравцова Б. В., который обернулся лицом к мужчине, они находились друг от друга примерно на расстоянии не более четырех метров... Мужчина, который стоял недалеко от моей автомашины, стал приподнимать

правую руку с предметом, завернутым в тряпку. Меня сразу же пронзила мысль, что это он стрелял и снова намеревается выстрелить. Он немного повернулся в сторону, где находился Кравцов. Я мгновенно выскочил через правую дверь из автомашины, подбежал к мужчине, который стоял от машины не более чем в полутора-двух метрах и схватил за предмет, который мужчина держал в протянутой в сторону Кравцова Б. В. руке. Только в этот момент я понял, что в руке у мужчины находится оружие, из которого он стрелял в Кравцова Б. В. В моей левой руке оказался ствол оружия, завернутого в тряпку... Вторично мужчина выстрелить не смог, т. к. я вывернул у него оружие. Оно оказалось у меня в левой руке, держал я его за ствол».

А в это время к Карпову уже спешил водитель другой машины. Вместе они скрутили преступника и отдали его в руки милиционера, дежурившего в этот день в прокуратуре республики и уже выскочившего из здания.

Тем временем Кравцов внешне спокойно поднялся по крутой лестнице на второй этаж в свой кабинет, осмотрел травму. На правом плече пальто зияла большая дырка, обожженная по краям. Но крови видно не было. Карпов, поднявшийся вслед за прокурором, настаивал на том, чтобы поехать в больницу.

Через несколько минут «Волга» уже мчалась в Институт скорой помощи им. Склифосовского. До перевязки Кравцов успел позвонить Руденко и предупредил его, что не сможет быть сегодня на коллегии Прокуратуры СССР. Тот сказал, что уже все знает, и спросил, насколько серьезна рана. Кравцов ответил: «Пустяковая. Заживет без бюллетеня».

Из больницы Борис Васильевич поехал домой, переделся и вскоре уже сидел за своим рабочим столом. Продолжались текущие дела.

Исаков был предан суду за покушение на умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах первого заместителя прокурора РСФСР Б. В. Кравцова (ст. ст. 15 и 102 п. «в» УК РСФСР), угрозу убийством председателю колхоза «Путь к коммунизму» А. Х. Гильядову (ч. 1 ст. 193 УК РСФСР) и незаконное хранение огнестрельного оружия (ч. 1 ст. 218 УК РСФСР).

Дело слушалось 12 февраля 1965 года Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР

В ходе судебного следствия подсудимый заявил, что он отказывается давать показания до тех пор, пока не будут выполнены все его требования, изложенные в многочисленных заявлениях, адресованных в различные партийные, совет-

ские и правоохранительные органы. В своих отдельных объяснениях он утверждал о неправильности разрешения его прошлых уголовных и гражданских дел. После второго дня заседания Исаков отказался от защитника. Участвовавшая в судебном заседании эксперт-психиатр дала заключение о вменяемости Исакова в инкриминируемых ему деяниях, но вместе с тем признала его психопатической личностью с чертами патологического (сутяжного) развития.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР признала Исакова виновным в совершенных преступлениях и приговорила его к 12 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Приказом Руденко от 21 января 1971 года Борис Васильевич Кравцов был назначен Прокурором РСФСР сроком на пять лет и утвержден председателем коллегии прокуратуры республики.

Кравцов много своего служебного времени отдавал следственной работе, хотя непосредственно следствие в прокуратуре курировал один из его заместителей. Ему самому не пришлось работать следователем, но проницательности, дошности, подлинного искусства при изучении тех или иных материалов, связанных с совершением преступлений, ему было не занимать. Можно привести лишь один пример. Незадолго до конференции в Прокуратуру РСФСР из Чечено-Ингушской АССР поступило заявление по делу одного несовершеннолетнего, которого обвиняли в убийстве. Запросили дело. Борис Васильевич лично с ним ознакомился и сумел разобраться во всех хитросплетениях. Оценив показания обвиняемого, свидетелей, сопоставив их с другими обстоятельствами дела, он уверенно сделал вывод — подросток не убивал. По его мнению, убийство мог совершить другой человек. Дело вернули в прокуратуру республики. Предложили еще раз во всем тщательно разобраться. И Кравцов оказался прав. Дополнительным расследованием было установлено, что убийство совершено взрослым, который и «угovorил» подростка взять вину на себя.

Внимательно и придирчиво Кравцов относился к жалобам и заявлениям, поступавшим в многочисленном количестве в Прокуратуру РСФСР. Многие из них ложились к нему на стол, он давал по ним свои поручения и строго контролировал исполнение.

Одно из таких заявлений было от некоего Шевченко, преподавателя Ростовского автодорожного техникума. Он

был снят с работы. Ему предъявлялись тяжкие обвинения в том, что, выступая на собраниях, а также в письмах, адресованных партийным и советским органам, он клеветал на руководителей учебного заведения, пытался дискредитировать честных людей, в искаженном виде представляя состояние учебно-воспитательной работы. В техникуме в связи с этим работали различные комиссии, проверяющие, но все они, как было потом установлено, подходили к делу предвзято, односторонне.

В своей статье «По нормам морали и права» Борис Васильевич писал по этому поводу: «Читая материалы уголовного дела, возбужденного через некоторое время против тех, кого разоблачал Шевченко, диву даешься, насколько невнимательны были должностные лица, которым поручалось разобраться в сути волновавших педагогический коллектив вопросов. Они ушли в сторону, отвлеклись от главного, от существа дела. Все внимание ревизоров почему-то сосредоточилось на личности Шевченко: кто он и с какой стати все время пишет, почему не прекращает хождения “по инстанциям”».

Такой перекосяк, а точнее говоря, беспринципность привела к ложным выводам. Голос правды, хотя и ненадолго, но был заглушен. Человек, не побоявшийся остаться в меньшинстве, испортить кое с кем отношения, показавший пример принципиальности, оказался без поддержки. Но зато злорадствовали его недруги».

По указанию прокурора РСФСР Кравцова было проведено тщательное расследование всех обстоятельств, на которые указывал в своем заявлении Шевченко. Подтвердились факты взяточничества, вымогательства денег у учащихся, подлогов и фальсификации документов. Автор письма по требованию прокуратуры был восстановлен на работе, а виновных отдали под суд. Так завершилось рассмотрение только одного заявления. А сколько их было в многолетней практике Кравцова!

Кравцов никогда не чуждался и судебной трибуны, несмотря на загруженность текущей работой, депутатскими обязанностями и иной общественной деятельностью, принимал участие в поддержании государственного обвинения по уголовным делам. Причем легких дел он для себя не выбирал. Каждое из них привлекало к себе внимание общественности, имело значительный резонанс, им сопутствовали многочисленные отклики в печати.

Накануне Дня знаний, 1 сентября 1981 года, машинист Ленинград-Финляндского локомотивного депо В. Н. Шахов изрядно выпил. На следующий день ему предстояло вести тяжелогрузный состав. Рано утром, перед тем как идти на работу, он, что называется, «поправил» большую и тяжелую голову пивком. Показываться после похмелья врачам (надо было пройти предрейсовый контроль) он не решился и, благо служебная дисциплина в депо была не ахти какая строгая, успешно миновал эту преграду. Так же лихо он прошмыгнул мимо нарядчиков и дежурного по депо — сам заполнил маршрутный лист, без которого поездка вообще запрещалась. Лист, в нарушение существовавших правил, по его просьбе принес помощник машиниста Юрьев. Теперь можно было еще раз приложиться к бутылке, поскольку пивко опохмелило его недостаточно. Шахов организовал коллективную выпивку, в которую вовлек машиниста Минакова и своего помощника Дедушкова. Поскольку денег на выпивку у него не было, он позаимствовал их у дублера помощника машиниста (или стажера) Максимова. «Подготовка» к рейсу состоялась таким образом по полной программе. Своего захмелевшего помощника Дедушкова Шахов «благородно» отпустил домой. Решил, что справится с большегрузным составом вместе с дублером Максимовым. Остатки вина прихватил с собой в электровоз, и по дороге не раз прикладывался к бутылке.

Товарный поезд под управлением хмельного машиниста на большой скорости (до 95 километров в час) приближался к станции Сосново. Здесь был очень сложный участок пути. Сразу же за входным светофором начинался уклон, и предельно допустимая скорость не должна была превышать 25 километров в час. Шахов об этом отлично знал, но выпитое вино сделало свое дело — он задремал. Дублер Максимов, видя надвигающуюся опасность (сам он не имел права управлять электровозом), с трудом растолкал своего «наставника», но было уже поздно. Экстренное торможение не помогло, и поезд перед крушением имел скорость 90, а на пристанционном пути — 80 километров в час.

Все это привело к тому, что 38 цистерн с нефтепродуктами сошли с рельсов и опрокинулись, а электровоз на большой скорости пронесся по тупиковому пути, срезал ограждавшую призму и сошел под откос. Мгновенно протрезвев, Шахов решил первым делом замести следы своего преступления. Для этого он сорвал катушку скоростемерной ленты и

выбросил ее в окно, изменил в кабине положение приборов и хотел даже прогнать дублера Максимова. Но, на его беду, к опрокинувшемуся составу уже спешили работники транспортной милиции. Они-то и обнаружили злополучную ленту.

Последствия крушения были тяжелые, хотя только по счастливой случайности обошлось без человеческих жертв. Были разрушены 230 метров пути и путепровод, два стрелочных перевода, семь контактных опор, десять километров автоблокировки и линий электропередачи. Списано в металлолом 38 цистерн. Почти на двое суток на этом участке дороги было приостановлено движение трех грузовых и 15 пассажирских поездов. Утрачена большая часть нефтепродуктов, выброс которых из цистерн создал реальную угрозу для ближайших водоемов, местной фауны и флоры. Река Сосновка полностью оказалась загрязненной нефтепродуктами, и поэтому практически выбыла из числа рыбохозяйственных рек. По мнению специалистов, «вымывание» нефтепродуктов должно было продолжаться до пяти лет. Согласно обвинительному заключению, только реально установленный по документам ущерб составил более 200 тысяч рублей (огромная сумма для того времени).

Государственный обвинитель Кравцов убедительно опроверг все доводы Шахова, который пытался объяснить случившееся крушение дефектами колесных пар локомотива («ползунами»), из-за чего якобы произошла просадка путепровода. Преуменьшая вину, подсудимый и его защитник пытались также доказать причинную связь между действиями дублера помощника машиниста Максимова и крушением. Но и это не прошло. По правилам, электровоз должна была обслуживать бригада из двух человек — машиниста и его помощника. Дублер же, не имеющий прав и опыта управления, ни в коей мере не может заменить помощника. Как предписывали инструкции, машинист мог допустить дублера к управлению электровозом только под бдительным своим контролем и под личную ответственность.

В заключение Б. В. Кравцов констатировал: «Высказывая свое мнение о мере наказания, хочу отметить, что наше законодательство гуманно к тем, кто случайно оступился, совершил преступление при стечении неблагоприятных обстоятельств. Лица же, совершающие преступления, повлекшие тяжкие последствия, да еще на почве пьянства, всегда должны чувствовать силу закона и неотвратимость строгой ответственности».

Прокурор просил суд признать В. Н. Шахова виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 85

часть 1 УК РСФСР и назначить ему наказание в виде восьми лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии общего режима. Лишить его права управлять электровозом сроком на три года.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР согласилась с мнением прокурора, но в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1982 года об амнистии назначенное Шахову наказание было сокращено наполовину. Суд вынес частное определение в адрес Министерства путей сообщения СССР по основаниям, предложенным государственным обвинителем.

Прокуроров, которые ни перед кем не боялись отстаивать свои законные позиции, Кравцов всегда поддерживал, продвигал по службе, поощрял.

Строгий спрос с подчиненных прокуроров был в то время повсеместным. Ни одно служебное упущение, кем бы оно ни допускалось, не оставалось без внимания и реагирования. Прокуратура республики тоже находилась «под прицелом», и Кравцов не раз держал ответ за работу своих подчиненных перед коллегией Прокуратуры СССР.

Не забывал Борис Васильевич и следствие. Он лично контролировал расследование по наиболее громким уголовным делам и, что особенно важно, сам подписывал по ним обвинительные заключения, не перекладывая эту обязанность на заместителей.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Катастрофа на Волге

Одним из них в 1983 году было дело о катастрофе пассажирского теплохода «Александр Суворов». Трагедия произошла 5 июня 1983 года в 21 час 40 минут. Теплоход под командой капитана В. В. Клейменова выполнял туристический рейс по Волге и направлялся из Ростова-на-Дону в Москву. На его борту находились 438 человек, включая команду и обслуживающий персонал. При подходе к мосту через реку Волга в городе Ульяновске стоявший у руля неопытный матрос направил теплоход вместо 3-го пролета в несудоходный 6-й пролет, высота которого над уровнем водной поверхности оказалась ниже надстроек четвертой палубы теплохода на два метра. Вследствие удара теплохода о ферму моста были снесены надстройки четвертой палубы: рулевая рубка,

каюты капитана и старшего помощника, радиорубка и кинозал, в котором находились более 200 пассажиров. Авария унесла жизни 176 человек, а 49 получили телесные повреждения различной тяжести. Был поврежден ульяновский мост и железнодорожный путь на нем, что привело к крушению грузового поезда. Ущерб от катастрофы оценивался в сумме около 2 миллионов рублей.

Следствием по этому делу занимался старший следователь по особо важным делам при Прокуроре РСФСР Гуженков. Кравцов внимательно контролировал весь ход расследования. Было установлено, что трагедия произошла в результате грубых нарушений требований Устава службы на судах Министерства речного флота РСФСР, отсутствия надлежащего контроля за несением вахтенной службы на судне и за трудовой дисциплиной.

Предварительное расследование было проведено оперативно, и уже 8 июля 1983 года Кравцов утвердил обвинительное заключение. Капитан теплохода В. В. Клейменов был предан суду по части 1 статьи 85 УК РСФСР и осужден. В отношении других виновных (старшего помощника капитана и рулевого) уголовное дело было прекращено в связи с их смертью. Поддерживать обвинение по этому делу Борис Васильевич поручил своему заместителю Н. С. Трубину.

В служебные дела Борис Васильевич уходил с головой. Но тем не менее он никогда не забывал одноклассников, фронтовых товарищей. Он рассказывал:

«Сразу же после войны у нас появилась какая-то непреодолимая тяга узнать про тех, с кем учился в школе, в своем классе. Мы не всегда знали: кто жив, кто погиб. Хотелось разыскать, встретиться со своими одноклассниками. Уже в пятидесятые годы такие встречи стали регулярными. Мы были нужны друг другу, чтобы согреть друг друга, в чем-то помочь. Из тех, кто из нашего класса ушел на фронт, остались единицы.

Удивляло то, что, несмотря на ранения, несмотря на трудные испытания, нелегкую послевоенную жизнь, мои одноклассники оставались людьми энергичными, среди них не было нытиков. Наши встречи проходили интересно: вспоминали школьные годы, конечно, о войне, говорили о послевоенной жизни, об армии и по поводу необоснованных нападков на нее. На встречах читали стихи, в том числе и Юли Друниной, звучали песни, написанные на стихи их знаменитой одноклассницы. Особенно нравилась всем песня “У кургана”».

11 марта 1985 года на внеочередном Пленуме ЦК КПСС Генеральным секретарем был избран Горбачев. Вскоре началась эпоха так называемой гласности и перестройки. К этому времени Кравцов был уже министром юстиции СССР, он руководил министерством более пяти лет, в самые горячие годы перестройки.

В августе и сентябре 1986 года в газете «Известия» были опубликованы беседы журналиста с министром юстиции.

Вот некоторые мысли, высказанные тогда Кравцовым:

«Судить всегда сложно и ответственно. У правосудия есть постоянная задача — утверждение справедливости. И есть задача дня — применение действующего законодательства к конкретному делу. Деление это, конечно же, условное. Обе задачи сливаются в деятельности правосудия. Суд как институт государства не стоит “над схваткой”, он живет тем, чем живет общество, естественно, действуя специфически, занимая место, отведенное ему законом.

...Суды, если они хотят быть авторитетными органами, должны квалифицированно ориентироваться в меняющейся обстановке и в новых правовых нормах. Уж кто-кто, а они обязаны противостоять всем возможным перегибам, закон противопоставлять компанейщине... Обвиняемый считается невиновным, пока не будет доказано иное. При сомнительных доказательствах вывод о виновности недопустим.

...Специально подчеркну, что авторитет суда во многом зависит от председательствующего. Председательствующий управляет ходом всего процесса, от него зависит создание атмосферы, наиболее благоприятной для глубокого, спокойного и всестороннего исследования обстоятельств дела... Последовательно и неуклонно должен проводиться в жизнь конституционный принцип независимости судей и народных заседателей. Никто не вправе воздействовать на них в какой бы то ни было форме в “нужном” направлении».

В период расцвета перестройки Минюст многое делал для приведения действующего законодательства в соответствие с вновь принятыми актами. По состоянию на середину 1988 года было уже отменено или изменено 4300 законодательных актов, постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР, решений правительства. Совместно с другими министерствами и ведомствами шла усиленная разработка нормативных актов по вопросам налогообложения, внешнеэкономической деятельности, охраны природы и рационального использования природных ресурсов, аренде и арендных отношениях, кооперации, о банковской деятельности, о землепользовании и т. п. Словом, объем работы по законотворчеству был огромен.

В конце 1988 года была произведена конституционная реформа. Создавалась двухуровневая система представительных органов: Съезд народных депутатов и двухпалатный Верховный Совет СССР, избираемый из депутатов съезда и работающий на постоянной основе. Учреждался пост Президента СССР, который избирался Съездом народных депутатов и наделялся довольно широкими полномочиями.

25 мая — 9 июня 1989 года состоялся I Съезд народных депутатов СССР. Председателем Верховного Совета СССР стал М. С. Горбачев. Спустя некоторое время он же стал первым (и последним) Президентом СССР.

Происходили значительные изменения и в других юридических сферах. В частности, в феврале 1989 года был утвержден Устав Союза адвокатов СССР. 22—23 июня того же года в Москве в Колонном зале Дома союзов состоялся учредительный съезд Союза юристов СССР.

Это было последнее масштабное мероприятие, проведенное под непосредственным руководством Кравцова. В июле 1989 года он был отправлен в отставку.

После выхода на пенсию Б. В. Кравцов активно занимается общественной и адвокатской деятельностью, ветеранскими делами. Продолжались встречи с одноклассниками и однополчанами. Изредка виделся и с Юлией Друниной. Борис Васильевич рассказывал:

«Но вот наступило новое время, время перестройки. Мы, товарищи Юли, были удивлены тому, что она согласилась на выдвижение ее кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, ибо знали ее резко отрицательное отношение к всякого рода заседаниям и совещаниям еще в школьные годы, для нее это было пыткой.

Свой поступок Юля объяснила тем, что у нее было огромное желание хоть что-то сделать для армии, ветеранов Отечественной войны, афганцев».

Последний раз Крацов встречался с Друниной в феврале 1991 года. Она пригласила его и другого одноклассника, Михаила Лейкина, к себе на дачу, в Пахру. О многом они тогда переговорили — о ситуации в стране, о возможной перспективе ее развития. По словам Бориса Васильевича, появившаяся у Друниной ранее эйфория сменилась тревогой.

Незадолго до своей трагической кончины Юлия Владимировна два раза звонила Кравцову домой, но не застала его, так как он был в отъезде.

Скорее всего, именно в это время она, приняв решение уйти из жизни, написала несколько писем родным и близким, в Союз писателей и в милицию. В предсмертной запи-

ске, которая была оставлена на даче для зятя Юлия Владимировна писала: «Андрюша, не мучайся. Вызови милицию и вскройте гараж».

Это была ее последняя воля. Смерть поэтессы наступила в результате отравления выхлопными газами автомобиля.

Герой Советского Союза Борис Васильевич Кравцов был на 15 лет моложе Романа Андреевича Руденко. В этом году ему (Кравцову) исполняется 85, но он, как и прежде, бодр и равнодушен ко всему, что происходит в стране и мире. Особенно неприязненно он относится к тем, кто пытается сейчас приуменьшить значение завоеванной Победы, переоценить крупнейшие сражения войны, бросить тень на имена прославленных полководцев. С негодованием говорит о тех, кто пытается обелять политику фашистской Германии, принижать высокие духовные качества нашего народа, армии, искажать известные факты Великой Отечественной войны, заниматься бездарной фальсификацией истории.

Глава XIII

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Многие современники, хорошо знавшие Романа Андреевича Руденко, называли его «государственным человеком». Кто-то говорил, что правильнее называть «государев человек». Мол, больше служил не государству, а государям, вождям. Да, с вождями он не боролся, не был он революционером, зато был ревностным охранителем государственности. Поэтому первое определение, на мой взгляд, куда точнее и правильнее передает характер его деятельности. Да, случилось, он освящал духом закона решения и приказы государства. Наверное, потому, что всегда верил: несмотря ни на что, его государство живет и развивается в правильном направлении.

Кто-то скажет, а как же знаменитый принцип «*Pereat mundis et fiat justitia!*» — «Пусть погибнет мир, но свершится правосудие!» Но давайте вспомним, что еще Александр Иванович Герцен считал, что «с этим нельзя согласиться, потому что антитезис дурно выбран». То есть мир, жизнь, страну все-таки желательно сохранять. Руденко был профессионалом именно в советском понимании этого слова. И не мог быть тогда другим. Другого на таком посту просто не потерпели бы...

Terra incognita

Думаю, здесь будет весьма уместно вспомнить о «тыле» Романа Андреевича — его семье, их образе жизни. Ведь до сего времени это была закрытая тема — *terra incognita* — нигде об этом не писалось. Сам Руденко к родному очагу никого на пушечный выстрел не подпускал. За исключением тех, кому он искренне верил и доверял. Но таких было очень немного. Наложённое же им табу сохранялось и после его смерти...

Тяжелым выдался на Украине 1932 год. Голодное время... Многие работники прокуратуры, что называется, «на последнем градусе хаотки» исполняли свои непростые обязанности. И именно в это суровое время в шахтерском крае «неньки Украины» в Донбассе решили зарегистрировать свой брак 25-летний Роман Руденко и 23-летняя Мария Ткалич.

Молодой помощник Мариупольского городского прокурора тогда делал только первые шаги на тернистой стезе служения закону. Но уже был ярок и заметен. И поэтому не удивительно, что молодая видная брюнетка Мария Федоровна Ткалич, дочь рабочего Бакинских промыслов, погибшего в Гражданскую войну в 1918 году, сразу обратила внимание на стройного, интересного и умного молодого человека.

Роман Андреевич был галантным кавалером, и Мария Федоровна сразу в него влюбилась. От сонма чувств тогда у обоих вскружилась голова, и они 4 ноября 1932 года зарегистрировали брак, а 7 ноября сыграли свадьбу.

Без малого 50 лет прожили вместе в согласии и любви, мире и уважении, воспитали прекрасных детей и внуков.

Первой на свет в 1934 году появилась дочь Галина. И было это 30 июля, в день рождения Романа Андреевича. Второй — Лариса. Родилась она в год 30-летия отца и в день свадьбы родителей — 7 ноября. Только рождение, 24 марта 1951 года, сына Сергея в Киеве ни к каким памятным датам семьи Руденко привязано не было.

Семья быстро росла. Сначала появились зятья Михаил (муж Галины) и Всеволод (муж Ларисы). Потом пошли внуки и внучки, их было семеро — два Сергея, Михаил, Андрей, Маша, Таня и Катя. Чуть позже — правнуки. Сейчас их трое — Роман, Нина и Маша.

Роман Андреевич любил детей и много своего свободного времени отдавал общению с ними. Конечно, не все из них помнят своего деда, а тем более прадеда, ибо некоторые из них родились тогда, когда его уже не было рядом с нами. Но то, что на их долю выпала радость общения с ним, они уже никогда не забудут. Да и как можно забыть те дни, когда после наполненных державными заботами будней Роман Андреевич вдруг совершенно преображался — суровый лик недоступного чиновника превращался в сияющий добротой и заботой образ любящего главы семейства.

В летнее время, после завтрака, собрав на даче, как он выражался, « всю свою футбольную команду » (а к ней он относил всю свою многочисленную семью), он начинал матч,

который, как правило, продолжался часа два. Сам Руденко стоял на воротах и всегда оставлял за собой право бить пенальти. Это ему удавалось блестяще. Несмотря на солидный возраст и вес, удар у него был поставлен великолепно. Зная это, иногда члены его команды сами провоцировали собственное падение, чтобы заслужить 11-метровый. Футбольные баталии всегда проходили легко, весело, без напряжения.

Такой же атмосферой были наполнены семейные встречи и вечера в зимней квартире в Москве, на Грановского, где собирались родственники и друзья. Даже, казалось бы, такую серьезную карточную игру как преферанс Роман Андреевич умел превращать в удовольствие для всех играющих. Пульку расписывали, как правило, в выходные дни. Как рассказывал мне Сергей Романович, «играли мы регулярно, кроме отца, матери, сестер и их мужей с 9-го класса уже на постоянной основе в этой игре участвовал и я. Отец говорил, что преферанс его хорошо отвлекает от мыслей, связанной с работой, помогает немного расслабиться и отдохнуть». Во время игры Роман Андреевич шутил, смеялся, каламбурил, мог затянуть какую-нибудь песню.

Особенно весело и незаметно пролетало время, когда в гости приезжал из Киева его родной брат Федор. Он садился за пианино, и они тогда уже дуэтом пели: «Рывэ та стогнэ Днипр широкий», «Рушнычок», «Ой, мороз, мороз...» — и другие русские и украинские песни.

Как уже ранее отмечалось, Руденко достаточно взыскательно относился к отбору друзей и приятелей. Гостями семьи в 50—70-е годы были министры: культуры — Е. Фурцева, цветной металлургии — П. Ломако, гражданской авиации — С. Дементьев, радиопромышленности — В. Калмыков, а также Маршал Советского Союза К. Москаленко и первый заместитель Руденко — А. Мишутин. С двумя последними чета Руденко довольно долго поддерживала теплые дружеские отношения. Несмотря на разногласия, а порой даже и жаркие споры по ряду актуальных вопросов правоохранительной деятельности, в целом неплохие человеческие отношения были и с Н. Щелоковым. Они приезжали друг к другу. А жена Щелокова Светлана Владимировна по собственной инициативе лично даже проводила Роману Андреевичу специальный курс медицинского лечения.

Родным и близким Романа Андреевича запомнились также визиты к ним генерального прокурора Чехословакии Яна Бартушки. Он хорошо владел русским языком и обладал, как и Руденко, большим чувством юмора. «Его визиты в гости к отцу, — рассказывал Сергей Романович, — оставили у

меня самые светлые воспоминания — много смеха, веселья, а также очень много внимания ко мне, тогда еще маленькому ребенку».

Вспоминая свои детские годы, потомки Романа Андреевича отмечали, что он никогда не повышал на них голос, и они никогда не слышали, чтобы родители ссорились или устраивали перебранку, но хорошо знали, что если вдруг глава семейства менял интонацию и переходил на требовательный тон, это означало: что-то ему не нравится и делается не так.

«Когда мне было около пяти лет, — рассказывал мне Сергей Романович Руденко, — произошел такой случай. Не помню уже почему, но, когда матери не было дома, я разозлился на гостившую у нас одну дальнюю родственницу и, схватив веник, стал гоняться по квартире за молодой женщиной (ей было около 30 лет). В это время пришла мать и мгновенно привела меня в чувство, сильно отшлепав и поставив в угол. Хотя это было непедагогично и единственный раз в моей жизни, но я надолго запомнил этот урок, потому что это было строго, но справедливо.

Вечером, когда вернулся с работы отец, у них с матерью состоялся разговор. Случайно мне довелось его услышать. Отец сказал примерно следующее: “Наказать Сергея, конечно, надо было, но применение силы в любой форме в нашей семье недопустимо. Исходи из того, что ты это сделала последний раз в жизни”.

Конечно, более приятные впечатления остались у меня от отдыха в Крыму, куда мы часто выезжали в те годы. Отдыхали мы в Нижней Ореанде. Часто в этот санаторий приезжал и Н. С. Хрущев. Он любил играть в волейбол. И после обеда всем, кто умел играть, говорил: “Нечего спать, пошли на волейбольную площадку”. Игра проходила непринужденно и весело.

Запомнился также большой банкет, который Н. С. Хрущев устроил в Крыму. Детям был выделен отдельный столик. В разгар банкета к нашему столику подошел Н. С. Хрущев с отцом и сказал: “Пусть от молодежи произнесет тост Сережа” (мне тогда было шесть лет). Естественно, для меня это было полной неожиданностью. Но когда он меня поставил на стул, я, взяв бокал с газированной водой, громко произнес: “За прекрасных дам!”

После того как утих взрыв общего хохота, Хрущев сказал отцу: “Да-а... я вижу, что вы очень прогрессивно воспитываете своего сына”, на что отец ответил: “Это только начало его жизненного пути”».

Вот так тревожно и интересно, насыщенно и бурно, а порой, что бывало, правда очень редко, и неторопливо текла семейная жизнь Романа Андреевича Руденко. Именно в семье он отдыхал от государственных дел. Правда, отвлечься от них не удавалось и там...

В свое время Руденко пришлось выдержать немало «битв» за следствие, за право органов прокуратуры производить расследование по уголовным делам, которое не раз подвергалось сомнению. Особенно усердствовал в этом вопросе министр внутренних дел СССР Щелоков, который неоднократно ставил вопрос о передаче всего следствия в органы внутренних дел.

Вот что рассказывает о тех событиях С. В. Тюрин:

«Щелоков, пользуясь своими особыми отношениями с Брежневым, подбил его на то, чтобы передать в подследственность органам внутренних дел хотя бы дела о преступлениях несовершеннолетних. Этот вопрос неожиданно для всех был вынесен на заседание Политбюро ЦК КПСС. Даже Руденко об этом был извещен буквально накануне заседания. Расчет был, видимо, на то, чтобы неожиданностью вывести его из равновесия и лишить возможности даже подготовиться к новой постановке вопроса.

Надо отдать должное Руденко. Известно, что на заседаниях Политбюро ЦК КПСС не принято было возражать против членов Политбюро. А уж что касается самого генсека, то об этом и помыслить было невозможно. Руденко, безусловно, знал об особых отношениях Щелокова с Брежневым. Понял он, конечно, и то, почему, несмотря на отрицательное решение столь авторитетной комиссии, вопрос все же был вынесен на Политбюро, хотя и в урезанном виде.

И вот, несмотря на это, Руденко на заседании Политбюро решительно выступил против предложения Щелокова о передаче дел несовершеннолетних в подследственность органов внутренних дел. Никто из членов Политбюро его не поддержал. Промолчали даже и те, кто был против этого предложения. И Брежнев, как бы оправдываясь перед Руденко, развел руками и сказал: “Ну вот видите, Роман Андреевич, никто вас не поддерживает”. Правда, Брежнев, как бы желая смягчить ситуацию, тут же заверил, что мы, мол, вас, Роман Андреевич, все уважаем и ценим.

Авторитет Руденко как Генерального прокурора СССР был настолько силен, что даже открытое выступление с особым мнением на заседании Политбюро не пошатнуло его положение.

ния. И хотя было принято решение, не совпадающее с его мнением, никто не мог усомниться в том, что Генеральный прокурор СССР отстаивает интересы законности и исходит из твердого убеждения в правильности своей правовой позиции».

Старожилы прокуратуры приводили много и других примеров, когда Руденко проявлял характер. Делясь своими воспоминаниями о Романе Андреевиче, заведующий кафедрой криминологии, психологии и уголовно-исправительного права Московской государственной юридической академии, почетный работник прокуратуры, государственный советник юстиции 3-го класса, профессор Владимир Евгеньевич Эминов рассказывал мне, что, когда он работал в ВНИИ Прокуратуры СССР (1963—1980 годы), ему не раз приходилось участвовать в проводимых по заданию Руденко проверках аппаратом Прокуратуры Союза ССР, давать заключения. Много за давностью лет сейчас запечатлелось. Однако он хорошо помнит стычку в 1977 году Р. А. Руденко с Б. П. Бугаевым — министром гражданской авиации, Главным маршалом авиации, фаворитом Л. И. Брежнева.

А было это так. Рассказывает В. Е. Эминов:

«По личному распоряжению Руденко ВНИИ и следственному управлению Прокуратуры СССР было дано задание разработать первую отечественную методику расследования авиационных происшествий в гражданской авиации и подготовить предложения по совершенствованию прокурорского надзора за соблюдением законодательства, регламентирующего безопасность полетов и эксплуатацию гражданских воздушных судов.

Работа поручалась мне и старшему прокурору следственного управления Прокуратуры СССР Марату Сергеевичу Лодысеву.

По итогам этой сложной и длительной работы мы подготовили методические рекомендации, информационные письма, а также представление Генерального прокурора СССР министру гражданской авиации СССР “О грубейших нарушениях законодательства о безопасности полетов при эксплуатации легких самолетов и вертолетов в гражданской авиации”.

Проект представления в 1977 году лег на стол Р. А. Руденко. Многие считали, что такой резкий документ он не подпишет. Ведь представление адресовалось самому Бугаеву — шеф-пилоту и любимцу Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева.

Однако Руденко без каких-либо комментариев и сомнений представление сразу же подписал, ибо речь шла о безопасности граждан и интересах государства.

По свидетельству очевидцев, Бугаев, получив представление, пришел в неопишемую ярость и устроил скандал в отделе административных органов ЦК КПСС, откуда немедленно в Следственное управление и Министерство гражданской авиации примчались проверяющие. Наша с Лодысевым служебная карьера висела в буквальном смысле на волоске. Однако это продолжалось недолго. Вскоре ревизоры ЦК КПСС завершили проверку. При этом они не только подтвердили все описанные в представлении просчеты, но и выявили еще и другие. Об этом они не преминули довести до сведения обескураженного министра. Руденко же, как всегда, был невозмутим и сразу же подписал приказ, в котором мне и Лодысеву были объявлены благодарности и выданы денежные премии в размере месячного оклада».

Как видим, Руденко был тверд в своих мнениях. Действовал он хоть и строго, но всегда осмотрительно.

Вспоминается еще один случай, который произошел в конце 1980 года, незадолго до начала работы XXVI съезда КПСС (съезд начал работу в феврале 1981 года). В то время все письма граждан, адресованные в адрес съезда, брались на контроль и направлялись для проверки по соответствующим ведомствам.

В числе самых первых жалоб «со съезда» тогда поступила и такая, которая была доложена лично Роману Андреевичу. И причины тому были. Во-первых, заявители, ее подписавшие, проживали в Ворошиловградской (Луганской) области. А Руденко именно от этого региона многие годы избирался в Верховный Совет СССР. Во-вторых, в письме сообщалось, что жизни был лишен человек, который якобы спас от верной смерти самого Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева во время кровопролитных сражений с фашистами во время Великой Отечественной войны при обороне Малой земли. И об этом, как утверждали заявители, даже упоминается в книге вождя «Малая земля».

Естественно, на эту жалобу сразу было обращено особое внимание и в Прокуратуре Союза ССР, и в Прокуратуре Украинской ССР, куда она поступила на разрешение. Проверку ее, как прокурору Следственного управления, курирующего Ворошиловградскую область, поручили мне. Помню, что сроки установили минимальные — 7 дней. Однако получилось так, что дело, о котором шла речь, я уже изучал и с принятым по нему решением согласился. И вот почему.

...Поздним осенним вечером в хорошем подпитии домой вернулся муж. И как всегда, стал требовать у жены спиртное. Та наотрез ему в этой просьбе отказала, продолжая чистить

картошку. Тогда разъяренный супруг схватил топор и набросился на женщину. Однако она увернулась от удара. И когда он замахнулся на нее топором очередной раз, она, обороняясь кухонным ножом, нанесла ему удар в живот — удар оказался смертельным.

Изучив все обстоятельства происшедшего, я тогда установил, что во время совместной супружеской жизни это был не первый случай, когда муж реально покушался на жизнь жены. Буквально за год до трагедии, в присутствии детей, семейный тиран бросил в женщину топор, который чудом не попал ей в голову. Но тогда возбужденное в отношении пьяного дебошира уголовное дело было прекращено, и он к ответственности привлечен не был.

Было также установлено, что жена очень положительно зарекомендовала себя на работе. И даже была награждена орденом «Знак Почета». Характеризовалась как трудолюбивый, доброжелательный, неконфликтный человек. В то время как муж являл собой полную противоположность...

Тем не менее, понимая всю серьезность ситуации, я затребовал дело повторно и тщательно проштудировал его еще раз. Не найдя весомых оснований для отмены принятого по делу решения, я составил по нему заключение и доложил заместителю Прокурора УССР С. Ф. Скопенко. Тот согласился со мной и дело вместе с утвержденным им заключением и с подробным письмом, которое после доклада подписал Прокурор УССР Ф. К. Глух, в конце ноября 1980 года было отправлено Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко.

В Прокуратуре Союза ССР разрешение жалобы поручили прокурору Следственного управления, нашему куратору Григорию Федоровичу Маляренко. Стиль работы его мы хорошо знали. Григорий Федорович был очень отзывчивым и чутким человеком, однако в служебных отношениях он являлся сущим деспотом. От его многоопытного взгляда не ускользала ни одна оплошность. Занудно требовательным голосом он, скрупулезно въедаясь в каждое слово, каждую запятую, мог подолгу учить жизни. За эти «деловые качества» мы дали ему прозвище Тля.

Вот такой был Григорий Федорович Маляренко! Поэтому, подготавливая материалы для отправки в Прокуратуру Союза ССР, мы понимали, что они могут попасть на разрешение и к нему. И как видим, так оно и случилось.

Однако вскоре стало известно, что въедливый зоил с нашей позицией согласился. Обстоятельный же Роман Андреевич после доклада сразу решение не принял и все матери-

алы оставил у себя. И это было понятно. Ознакомившись лично с досье и, безусловно, взвесив все «за» и «против», он не стал принимать конъюнктурных популистских решений и прибегать, как это довольно часто бывало (да и сейчас случается) к маленьким прокурорским хитростям — отменять постановление о прекращении уголовного дела и направлять его по формальным основаниям на дополнительное расследование «ввиду неполноты проведенного следствия» с указанием — исследовать какие-либо малозначительные, не имеющие для существа дела второстепенные обстоятельства. Руденко без дополнительного доклада и дрожи в руках, правда, немного подправив ответ в ЦК, сразу подписал его — ибо был абсолютно уверен в том, что в тот роковой миг добропорядочная женщина, защищая свою жизнь, действовала в состоянии необходимой обороны.

Вот так закончилась еще одна очень маленькая, но и очень запоминающаяся история, характеризующая Романа Андреевича Руденко.

Руденко как мог противостоял распространенному в те времена «директивному» или, как его еще называли, «телефонному» праву, когда те или иные высокопоставленные чиновники, и не только из партийной элиты, пытались так или иначе воздействовать на прокуроров и следователей.

Вот что рассказывал по этому поводу бывший помощник Генерального прокурора СССР по особым поручениям В. Г. Демин:

«Насколько примитивно и по сути ложно мнение, которое постоянно навязывается и сейчас, будто прокуроры всегда безропотно склонялись перед всемогуществом партийной власти. Могу уверенно засвидетельствовать, что обращения местных прокуроров за поддержкой в Прокуратуру СССР против не считающихся с законом партийных деятелей носили в то время постоянный характер.

Конечно, во многих случаях партийные бонзы оказывались могущественней и избавлялись от неудобных им прокуроров. Но не всегда это им удавалось, и прокуратура зачастую доказывала свою правоту. Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Грузия, Азербайджан, целый ряд краев и областей России — это примеры, когда вопреки воле местного партийного руководства прокуроры доводили до конца расследования крупных злоупотреблений.

Где нашел, например, поддержку министр внутренних дел Грузии, когда приехал в Москву с материалами о взяточничестве в аппарате ЦК Компартии Грузии? В Прокуратуре

СССР! А за что сняли заместителя Генерального прокурора СССР по вопросам следствия Виктора Васильевича Найденова? За то, что он начал расследовать злоупотребления партийных работников, не поставив об этом в известность ЦК КПСС... Как бы вышел из-под контроля...»

Действительно, когда во главе Следственного управления Прокуратуры СССР фактически стоял заместитель Генерального прокурора СССР В. В. Найденов, особенно громко заговорили о таких делах, как дело о руководителях Министерства рыбной промышленности СССР, которые были привлечены к уголовной ответственности и осуждены (так называемое дело «океан»). Именно благодаря Найденову был «разворошен муравейник» в Краснодарском крае. Несмотря на покровительство всемогущего тогда секретаря крайкома Медунова, многие должностные лица попали под суд за злоупотребления и взяточничество. Но это же «краснодарское дело» стоило карьеры и самому Найденову. Его обвинили в том, что он «избивает лучшие партийные кадры», «замахнулся на партию», и сняли с работы.

СОРАТНИКИ И КОЛЛЕГИ

Виктор Васильевич Найденов родился 9 сентября 1931 года в поселке Мучкап Мучкапского района Тамбовской области в рабочей семье. В 1950 году окончил среднюю школу и поступил в Московский юридический институт. В сентябре 1954 года начал работать в органах прокуратуры в качестве стажера, но уже в ноябре переведен на должность народного следователя Дрегельского района Новгородской области.

В июне 1955 года переведен на аналогичную должность в Маловишерский район, а в августе 1956 года возглавил прокуратуру этого района. В феврале 1960 года Найденов по семейным обстоятельствам был переведен в Ульяновскую область, где стал работать прокурором Мелекесской межрайонной прокуратуры. Спустя два года его уже выдвинули на должность заместителя прокурора Ульяновской области, а вскоре он стал первым заместителем, а затем и прокурором Ульяновской области.

С 1969 по 1973 год находился на партийной работе — был инструктором отдела административных органов ЦК КПСС. Через четыре года его назначили заместителем прокурора РСФСР. С 1977 года Виктор Васильевич занимал должность заместителя Генерального прокурора СССР — начальника Следственного управления Прокуратуры СССР.

На этом посту полнее всего раскрылись недюжинные способности Найденкова.

Виктор Васильевич был принципиальным, требовательным и системным руководителем, хорошим организатором. Он внимательно следил за внедрением в практику новых форм работы.

В этой связи вспоминается по тем временам уникальный труд заместителя прокурора Нижегородской области, опытного криминалиста-практика Л. Г. Видонова, который издал методический альбом «Система типовых версий о лицах, совершивших преступление».

Найденков, изучив этот опыт, не только распространил его по всей стране, но и самым настоятельным образом требовал от всех следственных работников органов прокуратуры абсолютного знания этого исследования и применения его в повседневной работе по раскрытию убийств. Причем на конференциях, семинарах и совещаниях, проходивших с его участием, он нередко сам экзаменовал руководителей следственных подразделений в знании материала.

Интересно отметить, что за 17 лет, в течение которых Видонов руководил следственным управлением, в Нижегородской области ежегодно оставались нераскрытыми 1—3 убийства, раскрывающиеся в последующие годы. И что очень важно, за эти 17 лет по данной категории дел не произошло ни одного незаконного осуждения.

Найденков был человеком эрудированным. Он умел слушать других, был доступен и никогда не допускал грубостей или высокомерия в отношении подчиненных. Но в то же время он не робел перед сильными мира сего и был тверд в своих суждениях, когда речь шла об отстаивании государственных интересов либо привлечении к уголовной ответственности должностных лиц, какой бы высокий пост они ни занимали.

Как и каждый человек, Найденков имел свои слабости и недостатки и конечно же совершал ошибки. Но не они определяли его лицо. Виктор Васильевич был стойким бойцом, умеющим держать удар, дерзновенным прокурором, перед которым закон на цыпочки вставал, но он был еще и очень интересным человеком, являя собой одновременно образ огненный и смиренный. Помню, что под его обаяние я попал сразу.

Было это в сентябре 1976 года в Киеве на I Всесоюзном съезде судебных медиков. Огромная седая шевелюра и молодые глаза, которые светились добротой и умом, действовали неотразимо. Три дня в свободное от заседаний время мы

гуляли по городу, осматривали его достопримечательности и разговаривали, разговаривали... Любознательность он проявлял необыкновенную. И хотя с тех пор прошло немало времени и с разными уважаемыми людьми мне приходилось коротать досуг, но таких, как он, я встречал очень немного.

В 1981 году Найденову исполнилось 50. Этот год оказался для него роковым. О том, что он схлестнулся с клеветом Брежнева Медуновым и что он поставил вопрос о привлечении к уголовной ответственности ряда руководителей этого региона, в том числе и видных партийных бонз, компетентные люди уже знали и по отношению к Найденову вели себя по-разному. Многие осторожничали.

Именно в это время меня пригласил к себе прокурор Украины Ф. К. Глух. Было это 7 сентября 1981 года. Федор Кириллович особую дружбу с Найденовым никогда не водил, тем не менее в тот критический момент для Виктора Васильевича Глух повел себя очень по-мужски. Он сказал: «Ты с Найденовым в хороших отношениях. Ему сейчас не просто. Послезавтра у него юбилей. Съезди в Москву и поздравь его от нас. Ему будет приятно».

9 сентября в 9 часов 15 минут я был у него в приемной. Найденов принял меня сразу. Как всегда, угостил чаем, спрашивал о делах и, хотя он старался ничем не выдать своего настроения, тем не менее привычного озорного блеска в глазах уже не было, и какая-то роковая печаль легла на его улыбку, которая реже обычного трогала его лицо.

В ноябре 1981 года Найденов был освобожден от занимаемой должности и уволен из органов прокуратуры. По этому поводу В. Г. Демин тогда написал стихи:

НА СНЯТИЕ В. В. НАЙДЕНОВА

По мнению людей приличных,
Он свое дело знал отлично,
Но любят более пластичных
И тех, что все решают лично.

Под тихий шорох авторучек
Без нахлобучек и без взбучек,
Без шума лишнего и чтения морали
Его убрали.

Ты спросишь, где искать мораль?
Ищи, где хошь, найдешь едва ль...

Отстоять Найденова Генеральный прокурор СССР Рекунков не сумел — он еще не имел в высших партийных кругах должного авторитета, какой имел его предшествен-

ник Руденко. Более того, он даже не смог оставить его в органах прокуратуры. Не прошло и его предложение в ЦК КПСС о назначении Найденова на должность директора Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (Найденов имел ученую степень кандидата юридических наук).

25 декабря 1981 года Виктор Васильевич назначается на незначительную должность заместителя начальника отдела по расследованию уголовных дел в следственную часть Главного следственного управления Министерства внутренних дел СССР, и ему — государственному советнику юстиции 1-го класса (что соответствует воинскому званию генерал-полковник) присваивается всего-навсего звание полковника милиции.

Не успел Найденов даже вникнуть во все тонкости этой должности, как был переведен на должность заместителя начальника Академии МВД СССР. Одновременно он возглавил и специальный факультет. На этой должности Найденов пробыл до июня 1984 года. После смерти Брежнева, давшего «добро» на увольнение Найденова, он стал добиваться восстановления в прежней должности, в связи с этим обратился с письмом к новому Генеральному секретарю ЦК КПСС Андропову. Только после этого, и то с длительными проволочками, он был восстановлен в должности заместителя Генерального прокурора СССР, но только теперь он руководил уже не следствием, а другими участками работы.

В марте 1987 года Найденов был назначен Главным государственным арбитром СССР. Виктор Васильевич Найденов скончался 2 июня 1987 года, похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Несмотря на то что один из заместителей Генерального прокурора всегда (и до Найденова) непосредственно занимался организацией всей следственной работы в стране, Роман Андреевич, как уже отмечалось, лично контролировал ход расследования многих уголовных дел, которые вызывали широкий общественный резонанс.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

ЧП в Киеве

Одно такое дело возникло в марте 1961 года и связано оно со страшной трагедией, произошедшей в Киеве. 13 марта 1961 года, утром, когда многие жители Киева отправля-

лись на работу, в районе Куреневки грязевой поток высотой в несколько метров, прорвав земляную дамбу, устремился на улицы города, сметая все на своем пути. В то трагическое утро погибло много людей, были полностью или частично разрушены 41 дом, здания и сооружения трамвайного депо и другие хозяйственные объекты. Ущерб исчислялся миллионами рублей.

Расследованием причин трагедии занимались следователь по особо важным делам Прокуратуры Украины Олейник и старший следователь Киевской городской прокуратуры Пинский. Руденко взял под особый контроль это дело и требовал, чтобы ему регулярно докладывали о ходе расследования.

Впоследствии Леонид Яковлевич Пинский рассказывал мне:

«Известие о ЧП в Куреневке и многочисленных жертвах было ошеломляющим. Наверное, даже на фронте не приходилось испытывать такого ужаса. На войне все было объяснимо. А тут мирное время — и жертвы. Невинные жертвы. Такое в сознании не укладывалось. Мы немедленно выехали на место трагедии. Возле стадиона в грязи на боку лежал сгоревший то ли автобус, то ли троллейбус. Внутри — скрюченные обугленные трупы. Погибли 145 человек. Подсчет велся не один день. Все погибшие были опознаны».

К уголовной ответственности за халатность, следствием которой явилась трагедия, были привлечены должностные лица Киевского специализированного управления, а также московской проектной организации.

В середине 60 — начале 70-х годов не без инициативы Руденко были приняты очень важные для деятельности органов прокуратуры постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР. 10 декабря 1965 года появилось постановление «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка». Важнейшей задачей работников следственного аппарата, как указывалось в постановлении, является полное и быстрое раскрытие каждого преступления и своевременное привлечение к законной ответственности всех виновных в этом лиц. Деятельность следователя, как представителя государственной власти, должна осуществляться в рамках неуклонного соблюдения социалистической законности и активно способствовать выявлению и устранению причин, порождающих правонарушения.

С 1 октября 1966 года в Ленинграде стал функционировать созданный в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 10 декабря 1965 года Институт усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и охраны общественного порядка.

30 июля 1970 года вышло еще одно важнейшее постановление ЦК КПСС и Совмина СССР — «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов», а 11 августа 1970 года — постановление Совета министров СССР «О мерах по улучшению условий работы и материально-технического обеспечения судов, органов прокуратуры и нотариальных контор».

После принятия этих постановлений прокурорский надзор, благодаря стараниям Руденко, наполнился новым содержанием. Акцент был сделан на укрепление законности и государственной дисциплины, планировалось усилить борьбу с правонарушениями и преступностью, при этом основной упор делался на предупреждении преступлений и искоренении причин, их порождающих, а также таких сопутствующих им социальных «болячек», как пьянство и наркомания. Была сделана попытка придать импульс борьбе с преступностью несовершеннолетних и особенно с теми, кто подстрекает и вовлекает их в преступную деятельность. Более активно и наступательно повелась борьба с местничеством, ведомственной ограниченностью, бюрократизмом и взяточничеством. Прокуратура повернулась лицом и к таким важнейшим проблемам, как охрана природы и окружающей среды. Расширились и укрепились связи прокуратуры с общественностью и средствами массовой информации, появились новые формы и методы пропаганды права. Прокуратура одной из первых заговорила о необходимости правового воспитания граждан, и прежде всего — молодого поколения.

В мае 1972 года Советская прокуратура праздновала свое 50-летие. 27 мая в газете «Правда» было опубликовано традиционное приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР по этому случаю.

В Москве состоялось торжественное собрание работников органов прокуратуры и представителей общественности, посвященное 50-летию советской прокуратуры. К юбилею лучшие работники были награждены орденами и медалями. Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко был удостоен очередного ордена Ленина и ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Накануне юбилея прокуратуры Руденко дал большое интервью редакции журнала «Огонек». В нем он сказал:

«Диапазон дел, которыми приходится заниматься прокурору, необычайно велик — сегодня он привлек к ответственности хозяйственников, выпустивших недоброкачественную продукцию, занимался исследованием причин, порождающих брак, плохое качество товаров, внес представление об устранении этих причин, а завтра листает дело о приписках, об очковтирательстве на заводе или в совхозе: государство облекло его высоким доверием — вести надзор за соблюдением законности в хозяйственной деятельности...

Хочется особо отметить значимость борьбы прокуратуры с хулиганством, особенно со злым хулиганством... По-прежнему мы зорко следим за всем тем, что толкает несовершеннолетних на преступления... В последнее время в сфере деятельности прокуратуры все чаще оказываются дела, связанные с охраной природы... Не могу не отметить еще одну сферу, требующую зоркого прокурорского надзора, — это любые проявления местничества, ведомственной ограниченности, бюрократизма...

Я уже упоминал о нашей задаче осуществлять надзор за расследованием преступлений. Это задача сложная, ответственная, это дело, на котором проверяется политическая зоркость, принципиальность прокурора. В стадии расследования преступлений прокурор, с одной стороны, привлекает к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, принимает меры к тому, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым, а с другой стороны, он строго следит за тем, чтобы ни один гражданин не подвергся незаконному привлечению к уголовной ответственности. Более того, прокурор обязан проследить за тем, чтобы органы дознания и предварительного следствия неуклонно соблюдали установленный законом порядок расследования преступлений».

ГРОМКИЕ ДЕЛА

От де Латура до «Тверского гостя»

В Львовской картинной галерее экспонировалась картина «У ростовщика». Более двух столетий считалось, что ее автором является голландский художник Г. ван Хонтхорст. В конце 70-х годов научный сотрудник Государственного Эрмитажа М. Щербачева, изучая полотно, высказала пред-

положение, что автор картины на самом деле великий французский художник Жорж де Латур.

Это сообщение вызвало особый интерес во Франции. Вскоре картина побывала на выставке в Лувре, где были собраны не только подлинные картины Латура, но и приписываемые ему. В отношении авторства полотна «У ростовщика» знатоки живописи к окончательному мнению не пришли. И тогда, в 1974 году, картиной заинтересовались прокуроры-криминалисты Львовской областной прокуратуры кандидат юридических наук О. А. Герасун и Ю. И. Седов. После довольно кропотливого и скрупулезного исследования они смогли рассмотреть, сфотографировать и идентифицировать подпись на картине, разгадав ее тайну, которая окружала картину почти три столетия. Подлинность автографа художника Жоржа де Латура более не вызывала сомнений. Это была девятая — последняя картина, подписанная де Латуром.

В эти же годы, но уже в другом регионе страны расследовалось на первый взгляд ординарное, но, как потом оказалось, весьма необычное по тем временам дело о похищениях очень странного преступника, рядящегося в тогу священнослужителя. Судьба в лице столичного уголовного розыска подарила тогда старшему следователю прокуратуры Владимирской области Виктору Николаевичу Тишаеву расследование редкого злодеяния.

Оперативники задержали в Москве у Новодевичьего монастыря настойчивого субъекта, который пытался продать иностранным туристам некоторые предметы церковной утвари. Задержанным оказался Юрий Климин, находившийся во всесоюзном розыске за убийство церковного сторожа в селе Эдемском под Суздалем.

Начиная с первых допросов Климин не только не отрицал своей виновности в убийстве и множестве других преступлений — кражах, мошенничестве и т. д., но напротив, глубоко раскаявшись в содеянном, подробно описывал каждый эпизод своей многолетней одиссеи по православным святыням Советского Союза. Находясь в одной из камер старинной следственной тюрьмы во Владимире, напоминавшей крепость с высокими башнями по углам, он не терял ни минуты даром, вспоминал, записывал, уточнял детали. Как будто бы боялся, что не хватит времени и что-то может быть упущено, не найдет отражения в протоколах допроса.

При расследовании этого дела следователь столкнулся с необычной задачей. Ему предстояло не опровергать и ули-

чать обвиняемого, а наоборот, вести поиск объективных доказательств тех или иных преступлений, в совершении которых он собственноручно признавался. Следствие затянулось на многие месяцы: расследовать предстояло сотни эпизодов преступной деятельности Климина во многих городах бывшего Советского Союза, которые происходили по одному сценарию. Пользуясь обширными знакомствами среди православного духовенства, он приезжал в тот или иной город, заходил в храм, представлялся священником (обычно из Тверской области либо одного из православных приходов Эстонии или Литвы), принимал участие в службе (надо отдать ему должное, Климин был знатоком в этом вопросе, ведь детские и юношеские годы он провел в церкви), после чего просился на ночлег к кому-либо из «коллег», а наутро исчезал, прихватив что-либо из золотой или серебряной церковной утвари. Всякий раз ему это удавалось легко, почти шутя, — ведь никто из служителей культа не предполагал в нем похитителя. Лишь одна кража была омрачена убийством: сторожиха церкви села Эдемского стала свидетельницей его очередной кражи и была им задушена, как он утверждал, случайно в процессе борьбы.

Климин был обвинен в преступлениях, предусмотренных 19 статьями Уголовных кодексов РСФСР и еще нескольких республик и приговорен к 15 годам лишения свободы.

А следователь В. Тишаев был удостоен необычной благодарности по тому атеистическому времени:

«В прокуратуру г. Владимира

гр. М. И. Грицака, настоятеля церкви во Владыкино
г. Москвы

Благодарность.

Выражаю глубокое чувство благодарности т. В. Н. Тишаеву, старшему следователю ПРОКУРАТУРЫ г. Владимира, за его мудрую и прекрасную работу в следственных органах нашей Родины. От души желаю ему доброго здоровья, светлых успехов в его благородной работе на благо и радость честных и порядочных людей, а их врагам и преступникам — на плач, разоблачение, страх и исправление!!!

С уважением, кандидат Богословских наук протоиерей
Матвей (Грицак)

21 августа 1975 г.»

Руденко принадлежит значительная роль в становлении прокурорско-следственной и уголовно-правовой статистики. Именно при нем началась усиленная борьба с сокрытием

преступлений от учета и регистрации. Разработав еще в 1960 году систему единого учета преступлений, Прокуратура СССР взяла на себя и функцию организатора этого учета и его нормативного регулирования, которая вот уже более сорока лет применяется на практике.

Но процесс совершенствования учета преступности шел трудно. Сергей Васильевич Тюрин, много лет возглавлявший отдел статистики, а затем информационно-аналитический отдел Прокуратуры СССР, рассказывает:

«Поскольку непосредственно учет и статистическую отчетность по преступности осуществляли органы внутренних дел, на этих учете и отчетности не могла не сказаться их ведомственная заинтересованность в получении статистических показателей, изображающих (именно изображающих, а не отражающих) благополучие в состоянии преступности и раскрываемости. На этой почве между Прокуратурой и МВД велась изнурительная борьба за правильное отражение состояния дел в статистике.

Особенно тяжелые бои пришлось выдержать в 70-х годах. Руководство МВД тех времен в лице Щелокова оказалось настолько заинтересованным в том, чтобы приспособить этот учет и статистику к получению показателей, позволяющих изображать благополучие в состоянии преступности и раскрываемости, что всякие попытки оградить ее от ведомственного влияния, а тем более внести в нее новые элементы, укрепляющие единые начала и правовой характер, наткнулись на открытое сопротивление».

На одном из совещаний в МВД, которое проводил Щелоков, С. В. Тюрину пришлось услышать от министра внутренних дел следующее:

«Вот мы с Романом Андреевичем перед XXV съездом КПСС допустили политическую ошибку. Все рапортовали съезду партии об успехах в своих делах, а мы с ним должны были докладывать о росте преступности».

Как говорил мне Тюрин, Руденко встретил такие «изъяснения» министра с явным «неприятием».

Слова Щелокова о росте преступности не были случайными. Надо сказать, тогда органы прокуратуры действительно часто наступали на «болезненную мозоль» органов внутренних дел, заставляя их регистрировать все преступления, которые произошли в стране. Удавалось, конечно, это далеко не всегда. Но в то же время, благодаря проверкам, проведенным прокурорами, во многих местах были вскрыты массовые нарушения, допущенные органами внутренних

дел, попытки «приукрасить» преступность, искусственно снизить ее уровень.

Весной 1974 года Прокуратура СССР проверила учет заявлений о совершенных преступлениях в органах внутренних дел города Горловка Донецкой области, и установила, что в районных отделах управления внутренних дел Горловского горисполкома систематически скрываются от учета и регистрации заявления и сообщения о преступлениях, не принимаются меры к установлению виновных и привлечению их к уголовной ответственности.

В результате в городе сложилась обстановка безнаказанности правонарушителей, а отчетность лакировалась, что создавало видимость благополучия в борьбе с преступностью. В статистических данных значилось, например, за 1973 год 1357 преступлений, из которых якобы было нераскрыто всего 10. Тогда как на самом деле треть всех преступлений (456) были скрыты работниками органов внутренних дел от регистрации, поэтому никакой работы по раскрытию многих случаев злостного хулиганства, разбойных нападений, грабежей, краж, изнасилований не принималось. По материалам проверки прокуратурой было возбуждено более 300 уголовных дел, в том числе и в отношении некоторых руководителей районных отделов УВД Горловского горисполкома.

В связи с этим Генеральный прокурор издал 10 апреля 1974 года приказ, которым обязал прокуроров республик, краев, областей, городов и районов принять меры к повышению уровня прокурорского надзора за следствием и дознанием в органах внутренних дел. При наличии данных и сигналов о нарушениях законности в регистрации преступлений требовать от руководителей органов внутренних дел производства глубоких и всесторонних проверок полноты регистрации, принципиально реагировать на каждый факт сокрытия преступлений от учета. Были сделаны и оргвыводы в отношении целого ряда прокурорских работников, просмотревших беззаконие.

В июне 1974 года Руденко вновь пришлось вернуться к этому вопросу, так как аналогичные нарушения были выявлены в городе Георгиевске и Георгиевском районе Ставропольского края. Нарушения были столь серьезны, что им уделил внимание даже Президиум Верховного Совета СССР, принявший 27 мая 1974 года постановление «О нарушении законности в деятельности органов внутренних дел по предотвращению и раскрытию преступлений в городе Георгиевске и Георгиевском районе Ставропольского края». В указании по этому поводу отмечалось, что «пытаясь создать

видимость высоких показателей в борьбе с преступностью, работники милиции нередко становились на путь искажения действительности, необоснованно отказывали в возбуждении уголовных дел, незаконно прекращали дела, фактически укрывали преступления от учета».

ГРОМКИЕ ДЕЛА

От насильников до фальсификаторов

Вспоминает Эльвира Миронова:

«У Руденко был свой стиль выступлений — без грома и пафоса, блестяще владея логикой, теорией косвенных доказательств, он умел убедить в обоснованности своих доводов.

На памяти дело по обвинению Левчишина, осужденного к смертной казни за убийство трех человек на сексуальной почве. В Верховном Совете СССР должно было рассматриваться ходатайство Левчишина о помиловании. Свою вину он категорически отрицал, приводил массу доводов в пользу своей непричастности. Комиссия по помилованию предложила дать свое заключение Руденко. Он поручил мне изучить указанное дело, подготовить соответствующее заключение. Даже в случае признания осуждения обоснованным отразить все доводы осужденного, показать, какими фактами они опровергаются.

Мне довелось присутствовать на заседании комиссии, когда Роман Андреевич докладывал это дело. Могу прямо сказать: испытывала чувство гордости за нашего Генерального прокурора, за его умение быстро ориентироваться и юридически грамотно отвечать на задаваемые вопросы, которых было немало. Верховный Совет СССР тогда отклонил ходатайство Левчишина.

Были и другие поручения Руденко по конкретным жалобам, обязательно с выездом на место. Последнее было дано мне в марте 1978 года. Поводом для личного вмешательства Руденко явилась жалоба из Алтайского края, адресованная председателю Совета министров СССР А. Н. Косыгину. В ней сообщалось о поставках сфальсифицированных вин из Грузинской ССР, вызвавших массовые отравления людей в Пензенской и Белгородской областях, а также Алтайском крае, где 7 человек скончались.

На жалобе Косыгин наложил резолюцию: «Р. А. Руденко. Разобраться и доложить. 18 марта 1978 года».

25 марта я уже находилась в Тбилиси, изучала многотомное дело, по которому под стражей оставался лишь один винодел Эргемлидзе. Да и того собирались освободить. Он

твердил, что не знает, как попала в вина шавелевая кислота, вызвавшая отравление. Поверить в это было трудно, учитывая, что отравилось около 1000 человек. Однако следствие ничего не делало, чтобы установить истинные причины случившегося.

Личный контроль Руденко ускорил расследование, и были выяснены обстоятельства изготовления сфальсифицированных вин. Как выяснилось, группа жуликов на протяжении многих лет закупала в Белоруссии различные ягодные экстракты, в Армении лимонную кислоту, смешивала их, разводила водой с сахаром и выдавала за натуральные плодово-ягодные вина. При этом сотнями составлялись ведомости на оплату якобы закупаемых у населения ягод. Однако одни жулики решили обмануть других и поставили однажды под видом лимонной кислоты шавелевую, по внешнему виду не отличавшуюся от лимонной, но бывшую в 10 раз дешевле.

Уже в мае 1978 года Руденко доложил А. Н. Косыгину о ходе следствия по делу, а в октябре завершилась моя командировка. На момент отъезда из Тбилиси было арестовано 48 дельцов, воровавших государственные средства и фальсифицировавших вина. Все они были преданы суду и осуждены».

Большой удачей для Руденко было то, что в эти годы в аппарате Прокуратуры СССР появился исключительно энергичный и напористый работник. Первым заместителем Генерального прокурора СССР в 1976 году стал фронтовик, один из опытейших работников прокуратуры, имевший стаж работы более 30 лет, Александр Михайлович Рекунков, который спустя пять лет сам возглавит Прокуратуру Союза ССР.

За два года до этого пришел в Прокуратуру Союза ССР и Николай Семенович Трубин, которому предстояло стать последним Генеральным прокурором СССР. Об этих людях, можно сказать, «вышедших из шинели» Руденко, ставших своеобразными «местоблюстителями» этого высокого государственного поста и продолживших в меру своих сил его дела, есть смысл рассказать поподробнее.

«МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ»

Александр Михайлович Рекунков родился 27 октября 1920 года на хуторе Стоговской Верхнедонского района Ростовской области. Его отец Михаил Иванович и мать Евдокия Абрамовна, которым тогда было по девятнадцать лет, вели

крестьянское хозяйство и по своему достатку причислялись к середнякам.

Александр учился в средней школе станицы, а после ее окончания решил связать свою судьбу с армией. В 1939 году Верхнедонской райвоенкомат направил его в Тбилиси, в артиллерийское училище. Молодой курсант начал постигать военную премудрость. Здесь же вступил в партию. Но стать тогда офицером ему не довелось. В декабре 1940 года он заболел и оставил училище. Вернулся к родителям.

В марте 1941 года райком партии рекомендовал молодого и грамотного коммуниста Рекункова на комсомольскую работу — заведующим отделом учета Верхнедонского РК ВЛКСМ. В октябре его призвали на службу в Красную армию и назначили инструктором Всебуча Верхнедонского военкомата. Вскоре повысили в должности: он стал начальником второй части. В военном комиссариате Рекунков задержался более двух лет. Шла война, и в феврале 1944 года он попал на фронт.

Рекунков командовал взводом, ротой и батальоном. С боями прошел Польшу и Восточную Пруссию. Насколько храбро и отважно сражался с врагами молодой командир, можно судить по его боевым наградам. В течение 1944 года Александр Михайлович получил один за другим четыре ордена: два Отечественной войны II степени (июнь и август), Отечественной войны I степени (октябрь) и Красной Звезды (декабрь). Война для Рекункова закончилась ровно через год поле того, как он попал на фронт — в феврале 1945 года. Тяжелое ранение вывело его из боевого строя.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны Александр Михайлович Рекунков женился на Антонине Ивановне Сучковой, с которой познакомился в госпитале. В 1946 году у них родилась дочь Наталья, а в 1958 году — сын Владимир.

После госпиталя Рекунков поехал долечиваться на родину. Послевоенная жизнь была тяжелая и голодная, поэтому долго лечиться ему не пришлось. В августе 1945 года боевой офицер по рекомендации Верхнедонского райкома партии был направлен на работу в органы прокуратуры. Рекунков стал помощником прокурора Верхнедонского района Ростовской области. С этого времени вся его жизнь была связана с деятельностью органов прокуратуры. Он прошел большой путь от помощника районного прокурора до Генерального прокурора СССР.

Вспоминая те далекие годы, Александр Михайлович рассказывал:

«В августе 1945 года я, как и многие мои сверстники, прошедшие тяжкие годы войны, пришел в прокуратуру и попал, как иногда говорят, на другой фронт — борьбы с преступностью и другими нарушениями законности. Обстановка была сложной. Но помогала фронтовая закалка.

Наше поколение составило в те годы ядро прокурорских кадров, тот золотой фонд, который задавал тон в работе. Мы привыкли проявлять инициативу, быть решительными, брать ответственность на себя, не прячась за спины подчиненных или начальства, добиваться положительных результатов и, если убеждены в правоте, отстаивать дело до конца. Привыкли к дисциплине, что не означало слепого и бездумного подчинения, к порядку во всем — в отношениях к людям, к делу, а также, считаю уместным это сказать, к имуществу, к содержанию помещения. Даже внешний вид здания, чистота и порядок в нем создают определенное впечатление о стиле работы... Вспоминаю, как мы старались держать в чистоте здание моей первой районной прокуратуры... Запомнилась даже такая деталь: посетители, приходя в прокуратуру, снимали галоши еще в вестибюле и шли по коридору в чистой обуви. Граждане проникались уважением к учреждению, его сотрудникам. С другой стороны, и работников прокуратуры это обязывало быть собранными, внимательными, чуткими, что обеспечивало доверительный тон разговора, утверждало уверенность, что здесь найдешь защиту».

С самого начала работы в прокуратуре Рекунков остро ощутил отсутствие профессиональных знаний. Поэтому почти сразу же после назначения он поступил на трехмесячные курсы при Ростовской юридической школе, а в 1946 году — в Ростовский филиал Всесоюзного юридического заочного института, который закончил в 1952 году, сдав все государственные экзамены на отлично.

В декабре 1946 года Рекунков был переведен на должность помощника прокурора более крупного Целинского района. Он часто выступал в суде.

В октябре 1947 года Рекункова назначили на самостоятельную, так называемую процессуальную, должность — прокурором небольшого Константиновского района Ростовской области. Характер его деятельности несколько изменился. Теперь надо было не только осуществлять надзорные функции, но и правильно организовать работу коллектива, самому принимать ответственные решения: давать санкции на арест людей, на обыски и выемки, утверждать обвинительные заключения и некоторые постановления следовате-

лей и т. п. Прокурором Ростовской области в то время был Полозков, юрист исключительно опытный. Деятельность Рекункова его вполне устраивала, и он, оценив активность, целеустремленность, трудолюбие молодого прокурора, зачислил его в резерв на выдвижение.

Вскоре Александр Михайлович возглавил прокуратуру более крупного Азовского района той же области. Не давал спуска никому и карал виновных, невзирая на должности. В это время партия была «руководящей и направляющей» силой общества. Авторитет же партийцев, входивших в бюро даже районного комитета, считался непререкаемым. Они почти всегда и во всем диктовали свои условия. Редко кто вступал с ними в открытую борьбу. Однако молодой прокурор не побоялся возбудить уголовное дело против некоторых членов бюро райкома, обвиняя их в хищениях и злоупотреблениях. На такой шаг не всегда отваживались даже опытные областные прокуроры.

На районного прокурора началось давление, а когда это не возымело действия — пошли звонки и «сигналы» в Прокуратуру Союза ССР. Вскоре оттуда приехала специальная бригада во главе с заместителем Генерального прокурора СССР Н. И. Хохловым. Представительная комиссия признала, что действия прокурора района правильные, и уголовное дело в отношении членов бюро райкома прокурором было возбуждено обоснованно. Однако до суда Рекунков это дело все же не довел. После смерти Сталина объявили широкую амнистию, и дело пришлось прекратить. Но виновные все же понесли наказание — их исключили из партии.

Несмотря на случившиеся отдельные «проколы», Рекунков уверенно руководил своим коллективом и считался одним из лучших районных прокуроров области.

С 1966 года Рекунков — уже на должности прокурора Воронежской области. И здесь ему не раз приходилось «проявлять характер». Уже будучи на пенсии, Александр Михайлович рассказывал автору этой книги, что во время одного из заседаний бюро обкома партии, на котором он делал сообщение, члены бюро попытались оказать на него давление, требуя прекращения весьма неприятного для руководства области уголовного дела. Рекунков использовал все свое красноречие, чтобы убедить «упершихся партийцев» в том, что дело надо расследовать до конца. Когда же он исчерпал все доводы, которые можно было бы привести в обоснование позиции следствия, но так и не смог достичь своей цели, то он встал, положил на стол перед первым секретарем обкома дело и заявил: «Если вы так считаете, то ведите след-

ствии по нему сами». Демарш произвел впечатление, и члены бюро обкома ретировались. После этого случая никто уже не пытался так откровенно «нажимать» на прокурора области.

В 1971 году Александра Михайловича перевели в центральный аппарат на должность первого заместителя прокурора республики. Одновременно он стал и членом коллегии Прокуратуры РСФСР.

А уже в 1976 году Руденко взял Александра Михайловича своим первым заместителем. Бывший прокурор Украины М. А. Потребенко, вспоминая те годы, поведал мне следующее:

«Я впервые встретился с Рекунковым на совещании в ЦК КПСС, где он выступал перед заведующими отделов адм. органов обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик. Участник войны, он прошел школу прокуратуры от низшего звена... Как говорится, человек, закаленный жизнью, и смелости ему было не занимать. Однако во время своего первого выступления в ЦК партии он немного смутился, был несобранным. Нужного впечатления на слушателей он тогда не произвел... Через год мне пришлось снова слушать его в том же качестве, но в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Здесь я увидел другого Рекункова — перспективного, достойного руководителя государственного органа. Он был собранным, категоричным в выводах».

Александр Михайлович был высокий, красивый мужчина, со строевой выправкой, за что получил в свое время от прокурорских работников дружеское прозвище Монумент.

Это было время, когда в стране началась разработка новой советской Конституции (принята в 1977 году), обновлялось законодательство, со все большей остротой вставали вопросы предупреждения преступности, особенно среди несовершеннолетних.

9 февраля 1981 года Александр Михайлович Рекунков был назначен Генеральным прокурором Союза ССР. В тот же день ему присвоили классный чин действительного государственного советника юстиции.

Рекункову пришлось руководить органами прокуратуры после принятия очень важного для этой институции Закона о Прокуратуре СССР, который значительно расширил функции и полномочия прокуроров. Заканчивалось так называемое «застойное время», основательно погрязшее во взяточничестве и коррупции.

В ноябре 1982 года скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев. Новый партийный лидер Андропов сразу

же провозгласил курс на укрепление порядка в стране и борьбу с коррупцией, повысил ответственность должностных лиц за принимаемые ими решения. Это, конечно, сразу же сказалось и на работе органов прокуратуры. Она как бы «раскрепостилась», ее действия стали более решительными, появилась возможность провести целый ряд мероприятий, возбудить и расследовать вереницу интересных дел, вызвавших большой общественный резонанс.

Бывший помощник Генерального прокурора СССР по особым поручениям В. Г. Демин рассказал мне такой характерный эпизод:

«На третий день после того, как Ю. В. Андропов стал Генеральным секретарем, он проводил совещание по проблемам укрепления порядка. А. М. Рекунков был приглашен. Мне было поручено подготовить его выступление. Основные идеи и общую направленность выступления мы, как всегда, тщательно обсудили.

На этот раз все было не так просто. Генеральный прокурор давал нелестную оценку положения с законностью, в котором оказалась страна, отмечал тревожные тенденции, падение государственной дисциплины, снижение уровня работы правоохранительных органов. Нелицеприятная оценка была дана МВД и лично Н. А. Щелокову. Его стиль характеризовался как показушный, укрытие преступлений от учета приняло всеобщий характер и являло собой, по существу, антигосударственную практику.

Оказалось, что у Прокуратуры СССР и МВД СССР совершенно противоположные позиции по основным проблемам укрепления правопорядка, что с их стороны усиливается желание избежать надзора или не считаться с ним. В том, что именно об этом нужно говорить, никаких сомнений у нас не было. Но когда Рекунков прочитал тезис о том, что в стране идет процесс разложения партийно-советского аппарата, что непосредственно сказывается на состоянии законности, что во многих местах партийные руководители сомкнулись с торгово-хозяйственными кругами — здесь мы, как бы помягче сказать, в принципе были единомышленниками, но выносить ли эти вопросы так в лоб и так сразу — это обсуждалось очень “остро”, никто никому не уступал (согласитесь, что сама возможность такого обсуждения характеризовала обстановку при руководстве Генеральной прокуратуры: никто не опасался высказывать и отстаивать свое мнение). Часа через два вызывает Рекунков и говорит: “Поезжай к Лукьянову” (тогда он был заведующим отделом административных органов ЦК КПСС).

В конфиденциальной беседе с ним выяснилось, что он тоже за самую острую постановку проблем законности. Когда я рассказал о сомнениях Рекункова насчет постановки перед Андроповым вопроса “разложения аппарата”, Анатолий Иванович недвусмысленно поддержал меня: “Неужели Рекунков не понимает, что именно это надо сказать в первую очередь”. Рекунков “озвучил” этот тезис в своем выступлении.

Правда, реакция Андропова, как мне потом передали и подтвердил сам Рекунков, была не совсем той, какую мы ожидали. “Ну, это вы уж слишком, Александр Михайлович”, — сказал он насчет “разложения”. Все же, как я понял, это сказано было довольно мягко и не носило форму упрека. “Ну, вот видите, Александр Михайлович. Он понимает, что мы правы, что это на самом деле так”, — горячился я. Последующие дни действительно показали, что Андропов заинтересован в повышении роли прокуратуры».

12 января 1983 года в Кремле под председательством кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецова состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР, на котором наряду с другими рассмотрен вопрос о деятельности Прокуратуры СССР.

Генеральному прокурору СССР и подчиненным ему прокурорам было предложено, в частности, усилить надзор за соблюдением уголовного законодательства с тем, чтобы обеспечивалось строгое наказание рецидивистов и других злостных преступников и более широкое применение к лицам, совершившим менее опасные преступления, мер воздействия, не связанных с изоляцией от общества.

В феврале 1984 года Андропов скончался. 13 февраля на внеочередном Пленуме ЦК КПСС новым Генеральным секретарем был избран Черненко.

Тот же Демин вспоминал:

«После смерти Андропова и назначения Черненко Рекунков как-то ушел в себя... “Ты знаешь, с кем уехал Черненко с пленума? — тихо спросил он меня, когда мы беседовали с ним в его кабинете. — С Чурбановым!” И многозначительно взглянул на меня. Обсуждать это “событие” мы не стали — и так было все ясно».

Чурбанов, зять Брежнева, был первым заместителем ми-

нистра внутренних дел СССР. Ему всемерно покровительствовал министр Щелоков, снятый с должности в декабре 1982 года. При жизни Андропова Главная военная прокуратура стала вплотную заниматься злоупотреблениями и взяточничеством, царившими в высшем эшелоне Министерства внутренних дел. Впоследствии Щелоков покончил жизнь самоубийством, а Чурбанов был привлечен к уголовной ответственности и приговорен к длительному сроку лишения свободы.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Чернобыль

В ночь с 25 на 26 апреля 1986 года (в 1.23) произошел взрыв на четвертом блоке Чернобыльской атомной электростанции. За ним сразу же последовал второй взрыв. По свидетельству очевидцев, над блоком взлетели горящие куски кровли. Часть из них упала на крышу машинного зала. Мгновенно сработала система тревоги номер 3 — максимальной, которая требовала особой мобилизации всех пожарных частей. Прошло всего несколько минут, когда к станции примчалась машина с пожарным караулом, которым руководил лейтенант внутренней службы Владимир Правик. Еще через считанные минуты прибыли пожарные во главе с лейтенантом внутренней службы Виктором Кибенком.

К этому времени пожаром был охвачен четвертый энергоблок и кровля машинного отделения. В 1.46 на место пожара прибыл начальник ВПЧ-2 майор внутренней службы Леонид Телятников. Так начиналась Чернобыльская катастрофа, ставшая первой крупномасштабной радиационной аварией в истории мировой атомной энергетики, вызвавшая тревогу во всем мире.

Тепловой взрыв повлек за собой гибель работников станции, привел к радиационному облучению значительного количества людей, загрязнению большой территории страны. Благодаря героической стойкости людей, пожар на атомной станции удалось локализовать, а затем и ликвидировать.

О Чернобыльской катастрофе написаны сотни книг и репортажей. Вначале замалчиваемая, она теперь стала едва ли не самым изученным из трагических событий. Кажется, что и добавить к сказанному уже нечего. Посмотрим же теперь на эту трагедию глазами прокуроров.

Прокуроры и следователи Украины, Белоруссии, некоторых других регионов, работники Прокуратуры Союза ССР конечно же не остались в стороне от страшной трагедии. Многие из них честно исполняли свой долг в экстремальных условиях.

Рассказывает прокурор Припяти Д. С. Полишук:

«25 апреля. Была пятница — приемный день. Мы в прокуратуре сидели допоздна. С разными пришли люди вопросами: один жаловался на невыплату премии, другой — на необоснованное наказание. Мать-одиночка пришла с заявлением, что ей не выдают пособие... Принимали, кроме меня, помощник прокурора П. А. Чоповский и старший следователь И. П. Елфимов, самый опытный наш юрист. Разошлись по домам, намечая прийти завтра, в субботу...

26 апреля. Проснулся от звонка в дверь. Открыв ее, увидел знакомого работника милиции, который торопливо сообщил об аварии на атомной станции. Быстро оделся и поехал на станцию. Над четвертым блоком угасало пламя. Начальник горотдела милиции В. Кучеренко, которого я встретил, сказал, что беда большая, но пожарные работают отлично. Решив выяснить, отчего произошло загорание, я направился к месту происшествия. На станции были уже и мои помощники П. Чоповский и И. Елфимов. Сведения были отрывочные и разноречивые. Я продолжал беседовать с людьми, а Кучеренко уехал проверять посты. В полпятого утра в Припятский горисполком приехали из Киева прокурор области Ю. Антоненко, его заместитель В. Даниленко и старший следователь областной прокуратуры С. Янковский».

26 апреля 1986 года, днем, в аэропорт Жуляны прилетела Правительственная комиссия, в составе которой были министр атомной энергетики СССР В. Майорец, первый заместитель министра здравоохранения СССР Е. Воробьев и другие специалисты. С ними по поручению Генерального прокурора СССР А. М. Рекункова прибыли заместитель Генерального прокурора О. В. Сорока, возглавлявший тогда Главное следственное управление Прокуратуры СССР, и заместитель начальника этого управления В. И. Ненашев. Из аэропорта все сразу же вылетели в Припять.

... Вот свидетельство одного их активных участников (со стороны прокуратуры) ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, в то время заместителя, а впоследствии прокурора Украины М. А. Потребенько, о первых днях после трагедии:

«Обстановка в Чернобыле была беспокойная, для этого были основания: постоянно поступала информация относи-

тельно повышения радиации на четвертом блоке станции, в самой Припяти. Это подтвердил Е. Легасов во время разговора с О. Сорокой, который он вел в моем присутствии. Понимая, что вопрос относительно отселения людей из Припяти может возникнуть в любое время, и город будет закрыт, мной, О. Сорокой, Ю. Антоненко и В. Даниленко делалось все для того, чтобы полностью провести необходимую работу, которая бы в дальнейшем исключила необходимость возвращения прокурорско-следственных работников. Поэтому на каждую возникшую деталь представители нашей службы реагировали немедленно, и решение принималось оперативно. Мы понимали, что дело с начала до конца придется расследовать прокуратуре...»

Вновь слово прокурору Припяти Д. С. Полищуку:

«27 апреля. В этот день я опять побывал на станции, беседовал с людьми, которые были заняты в ночной смене на всех четырех блоках. В больнице встречался с пожарными, часть из которых отправлялась на излечение в Москву. Прокурорская группа работала напряженно, без отдыха, почти круглосуточно. Входящие в ее состав люди выезжали на станцию, где беседовали с руководством АЭС, встречались с очевидцами аварии, инженерно-техническим персоналом, изучали показания, имеющие прямое отношение к взрыву на четвертом блоке. Вместе с В. Даниленко и С. Янковским я вел допросы в больнице. Условий для работы не было. Сами больные неохотно давали показания, тем более в присутствии других.

28 апреля. Особое внимание — документам, которые удалось собрать весьма и весьма нелегко. Снова беседы с очевидцами. В разговорах попадают интересные подробности, детали. То, что было туманно в первые часы аварии, начинает понемногу проясняться. После обеда — снова с участниками ликвидации пожара. Вместе с Елфимовым и Чоповским окончательно упаковали все, что надо было забрать из прокуратуры».

Работники Чернобыльской районной прокуратуры самоотверженно работали до полной эвакуации.

Из рассказа М. А. Потепенько:

«Ситуация на станции становилась все более неуправляемой. После того как я увидел проблески свечения, у меня возникло беспокойство относительно работников прокуратуры города Припяти. Было опасение, что они, пребывая на ЧАЭС, подвергались смертельной опасности. Зная прокурора города Д. Полищука и его помощника как исключительно добросовестных работников, меня беспокоило то, что,

полностью не осознавая последствий для своего здоровья, они могли снова оказаться на месте пожарища. И на самом деле Д. Полищук еще раз прорвался к взбешенному реактору для изъятия дополнительных документов и уточнения некоторых данных по месту события. После этого ему было запрещено появляться там, так как стало понятно: он получил довольно большую дозу...» Как потом оказалось — смертельную.

Первая группа работников Прокуратуры Союза и Украинской ССР пробыла в Припяти и Чернобыле самые трудные девять дней.

По факту аварии на Чернобыльской атомной электростанции прокуратурой было возбуждено уголовное дело, которое принял к своему производству старший прокурор Следственного управления Прокуратуры Украинской ССР Петр Николаевич Иванов.

Для решения многих сложных задач, возникших после аварии, в начале мая 1986 года была создана вахтовая прокуратура Чернобыльского района, которая занималась надзором за исполнением законодательства об охране здоровья граждан, работающих или проживающих в зоне аварии, о выплате им компенсации и предоставлении льгот и т. п. В координации с Юго-Западной транспортной прокуратурой осуществлялся действенный надзор за исполнением законодательства, направленного на борьбу с непроизводительными простоями железнодорожных вагонов, прибывающих с необходимым оборудованием и техникой, которые крайне нужны были для ликвидации последствий аварии.

Прокуратура проделала большую работу. Правительственная комиссия ежедневно получала от прокуратуры сведения о выявленных правонарушениях и преступлениях и предложения о мерах по устранению выявленных недостатков. Только за два первых года было проведено почти 200 проверок, по требованию прокуроров к дисциплинарной и материальной ответственности привлечено почти 500 человек, направлены сотни представлений, информационных записок, предписаний и предостережений должностным лицам, отвечающим за ликвидацию последствий аварии.

За грубые нарушения правил ядерной безопасности привлечены к уголовной ответственности и осуждены директор и главный инженер Чернобыльской атомной электростанции и другие виновные (всего шесть человек).

За образцовое выполнение служебных обязанностей и высокое профессиональное мастерство, проявленные во время ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, большая

группа работников органов прокуратуры была награждена орденами и медалями

Рекунков держал под неослабным вниманием все мероприятия, проводимые органами прокуратуры в зоне Чернобыльской АЭС, контролировал ход расследования уголовного дела, заслушивал на коллегии Прокуратуры СССР отчеты своих заместителей и руководителей управлений и отделов союзной прокуратуры, выезжавших на место.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Краснодарский резонанс

При Рекункове был расследован целый ряд дел, привлечших большое общественное внимание. Правда, до начала горбачевской перестройки некоторые из них, конечно, не стали достоянием широкой гласности. Это уже потом чуть ли не все газеты, захлебываясь, писали о подобных процессах. Одно из таких дел — это так называемое «краснодарское дело». Началось оно еще при Руденко.

«Хозяином» Краснодарского края был тогда первый секретарь крайкома партии С. Ф. Медунов, член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда, близкий приятель Брежнева, Черненко и многих других важных персон. И вот в его-то хозяйстве, в этом благодатном крае, и были выявлены вопиющие беззакония и произвол, злоупотребления, взяточничество, хищения.

Произошло это так. Следственная часть Прокуратуры Союза расследовала дело по Министерству рыбного хозяйства. Следственной бригадой руководил знаменитый на всю страну криминалист, следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Андрей Хоренович Кежоян. Он с санкции заместителя Генерального прокурора СССР В. В. Найденова арестовал заместителя министра Рытова. По делу проходили многие чиновники, занимавшие высокие должности. Когда Кежоян тяжело заболел, дело принял к своему производству следователь по особо важным делам Сергей Михайлович Громов, который и заканчивал расследование.

При расследовании дела по Министерству рыбного хозяйства СССР следователи «вышли» на курортный город Сочи. Там их заинтересовал директор первого в стране сочинского магазина фирмы «Океан» Пруидзе, который был арестован за передачу взятки заместителю министра Рытову. Затем последовали аресты других сочинских чиновников.

В показаниях замелькала фамилия председателя Сочинского горисполкома Воронкова. Дело в отношении него было поручено расследовать следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Георгию Александровичу Эфенбаху, одному из лучших криминалистов страны, человеку принципиальному и честному.

Так возникло непосредственно уже «краснодарское дело». Собственно говоря, оно не представляло собой единого целого, а состояло из целого ряда отдельных уголовных дел, которые следователи направляли в суд по мере их окончания, объединенных лишь своей принадлежностью к этому благодатному краю. На каком-то этапе к их расследованию была привлечена чуть ли не половина сотрудников следственной части Прокуратуры Союза ССР, не считая прикомандированных следователей из различных регионов страны. Но в то же время все дела были очень тесно взаимосвязаны. Каждый следователь, занимаясь своим делом, так или иначе вникал и в то, что происходило в кабинетах его коллег. Допрашивать им приходилось не только «своих» обвиняемых, но и тех, кто проходил по другим делам. И над всеми этими делами незримо вставала мрачная фигура «хозяина» края Медунова.

В этом «краснодарском деле» было все: небывалый накал страстей, беспрецедентное давление на следствие, в том числе и со стороны высших должностных лиц страны, шантаж, угрозы расправой, мужественное поведение и стойкость одних прокуроров, следователей и работников органов внутренних дел и предательство других, отставки и увольнения, инфаркты и инсульты у некоторых участников этой драмы, не выдержавших напряжения, и даже трагические смерти. И в конечном итоге — отдельные поражения следствия и его победы.

Вскоре после того как председатель Сочинского горисполкома Воронков попал в орбиту следствия, он был арестован и препровожден в Лефортовскую тюрьму. Вспоминая это дело, старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В. И. Калинин писал:

«В Сочи началась паника. В ход пошли широко известные приемы коррумпированных группировок. Они пытались доказать, что показания обвиняемых о взяточничестве серьезного внимания не заслуживают, что дают их люди, “длительное время содержавшиеся под стражей и находящиеся в условиях изоляции”. Именно эту фразу будет позже обыгрывать Медунов в публичных выступлениях, на страницах печати, в докладных записках в ЦК КПСС».

Изыскивались любые возможности для компрометации следствия, благо для этого появилась хорошая возможность. Дело в том, что у одного из свидетелей по делу, председателя Хостинского райисполкома, не выдержали нервы, и он, после того как его допросил следователь Эфенбах, покончил жизнь самоубийством. Раздались громкие крики о том, что человека довели до самоубийства следователи. Началась слезливая проверка, которая никаких нарушений, а тем более злоупотреблений со стороны работников органов прокуратуры и внутренних дел не обнаружила. Но нервы следователям потрепали основательно.

Руководители края делали все возможное, чтобы «закрыть» сочинские дела. Они пытались «давить» на Найденова, руководившего всем ходом следствия, но все было безуспешно. Придумали даже такой хитрый ход.

Слово В. И. Калиниченко:

«В Сочи решили провести всесоюзное совещание начальников горрайорганов внутренних дел курортных городов страны. Главная роль в этом спектакле отводилась Ю. Чурбанову. Пригласили для участия в совещании и В. Найденова. Пышно и торжественно встречали в аэропорту Адлера высокопоставленных гостей, особенно — принявшего решение не обделить своим вниманием столь важное мероприятие Медунова. И сегодня лежит в моих личных архивах цветная фотография, на которой в фойе горкома партии стоят на переднем плане в мундире генерал-лейтенанта внутренних войск и огромным набором орденских колодок Чурбанов и рядом, но чуть сзади, с Золотой звездой Героя Социалистического Труда — Медунов. За ними — другие гости, принявшие участие в совещании, и в том числе улыбающийся Виктор Васильевич Найденов. Глядя на фотоснимок, я всегда думал, как интересно было бы узнать, что думал в этот момент каждый из них. Про других не знаю, но Виктора Васильевича, полагаю, волновала информация о том, что его намереваются пригласить на ужин, угостить спиртным, на обратном пути под благовидным предлогом остановить автомашину и спровоцировать инцидент со всеми вытекающими отсюда последствиями. Насколько это соответствовало действительности, сказать трудно, но он не стал искушать судьбу. Сразу после окончания совещания Найденов с работниками КГБ уехал в Гагры, а Медунов и Чурбанов в “резиденцию” на застолье. Ближе к вечеру последовала команда Сергея Федоровича привезти к ним Найденова, но ожидало его, увы, разочарование».

О том, что подобные опасения были не праздными и что краснодарские власти могли спровоцировать все, что угодно, свидетельствует и такой факт, о котором рассказал в своей статье «Судьба прокурора» писатель и ученый Аркадий Ваксберг.

После того как в «Литературной газете» был опубликован его очерк «Ширма» о бывшем сочинском «голове» Воронкове, ему по кинематографическим делам срочно надо было побыть в Сочи. Накануне отлета Ваксбергу позвонил Найденев.

А. Ваксберг пишет далее:

«Никогда еще Виктор Васильевич не был со мной так сух и так лаконичен.

— Вы собрались в Сочи, — не спрашивая, а сообщая, сказал он. — Настоятельно рекомендую этого не делать.

— Убьют? — мрачно пошутил я, не посмеив спросить, откуда у него столь точная информация.

Найденев шутки не принял.

— До этого, думаю, не дойдет. Но... Мало ли что... Вдруг вам захочется там нахулиганить. Или... — Он запнулся. — Кого-нибудь изнасиловать... Вы меня поняли? В обиду вас мы не дадим, но цели они достигнут. Распустят слухи — им не впервой. Вы будете обороняться, а не наступать. Впрочем, решать вам, а не мне. Я только предупредил...

Полет был отменен. Расспрашивать о подробностях мне казалось неловким».

Для того чтобы опорочить следствие, в Сочи приехали представители комиссии партийного контроля крайкома партии, которые затеяли проверку, обвиняя работников правоохранительных органов в нарушении социалистической законности. Не брезговали даже фальсификацией материалов. Несмотря на это, следствием все же был привлечен к уголовной ответственности и в дальнейшем осужден секретарь Сочинского горкома партии Мерзлый. Однако с подачи Медунова был снят с работы, а затем и исключен из партии прокурор города Сочи заслуженный юрист РСФСР Петр Кузьмич Костюк, активно помогавший следствию и дававший санкции на аресты некоторых высокопоставленных сочинских взяточников. Министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков уволил из органов внутренних дел заместителя начальника УВД Сочинского горисполкома А. Удалова и еще нескольких руководителей, активно способствовавших разоблачению взяточников. Им поставили ультиматум — немедленно покинуть Сочи.

Но следователи и не думали сдаваться. Аресты высокопоставленных сочинских чиновников продолжались. Оказа-

лись в тюрьме второй секретарь Сочинского ГК КПСС Тарановский, заведующий отделом административных и торгово-финансовых органов Перепада, ряд руководителей торговли и общественного питания Сочи. Тогда Медунов выдвинул «тяжелую артиллерию». Он написал докладную записку в ЦК КПСС, обвиняя следователей во всех тяжких грехах.

Обстановка вокруг дела накалялась с каждым днем. Ряды арестантов пополнил бывший секретарь Краснодарского крайкома партии, а непосредственно перед его арестом — заместитель министра мясо-молочной промышленности СССР Тарада. У него были изъяты деньги и ценности на сумму свыше 350 тысяч рублей (по тем временам это были очень большие деньги) и «нажитое имущество», которое при переезде в Москву он перевозил на рефрижераторах (официальная зарплата чиновника его уровня не превышала 400 рублей). Был арестован председатель партийной комиссии крайкома Карнаухов, другие высокопоставленные чиновники, бывшие к тому же депутатами местных Советов. Несмотря на представление Прокуратурой СССР доказательств вины обвиняемых, крайисполком не дал согласия на привлечение их к уголовной ответственности. Однако по представлению Генерального прокурора СССР Рекункова такое согласие было получено от Президиума Верховного Совета РСФСР.

Не выдержав напряженной борьбы и постоянных необоснованных нападков, скончался от инсульта в возрасте чуть более пятидесяти лет следователь по особо важным делам Георгий Александрович Эфенбах. Расследуемое им дело принял к своему производству старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Константин Карлович Майданюк.

Прокуратура Союза продолжала активно работать по всем сочинским делам. И в тот момент, когда Медунов рапортовал на срочно созванном им пленуме краевого комитета КПСС, что комиссия ЦК КПСС никаких нарушений со стороны секретаря Сочинского горкома партии Мерзлого не установила, в Сочинский горисполком поступило представление, подписанное заместителем Генерального прокурора СССР Найденовым, в котором испрашивалось согласие на привлечение депутата Мерзлого к уголовной ответственности. Это переполнило чашу терпения Медунова. Он встретился с Брежневым, отдыхавшим в то время в Крыму, и судьба Виктора Васильевича Найденова была решена — его попросту изгнали из органов прокуратуры.

Осмелевший Сочинский горисполком не дал прокуратуре своего согласия на привлечение к уголовной ответственности Мерзлого. Вторично этот вопрос перед депутатами был поставлен осенью 1981 года Генеральным прокурором СССР Рекунковым. Депутаты тянули до последнего, но все же весной 1982 года сдались. В мае того же года Мерзлый был арестован. Его делом занялся следователь по особо важным делам В. И. Калиниченко.

К этому времени Майданюк сумел «раскрутить» дело Тарады, который, казалось, давал правдивые показания, рассказывался, даже рассказал о некоторых тайниках с драгоценностями. Но следователь понимал, что он многое утаивает. И Константин Карлович нашел-таки деньги Тарады, о которых он не рассказал. Это были вклады на предъявителя на сумму свыше 200 тысяч рублей. По тем временам это были очень большие деньги. Пережить это Тарада не смог. После одного из допросов он вернулся в свою камеру в крайне возбужденном состоянии, потерял сознание и был доставлен в городскую больницу. Через день Тарада скончался.

После того как Генеральным секретарем стал Андропов, следствие пошло практически без помех. К длительным срокам лишения свободы были приговорены люди из ближайшего окружения Медунова — Тарановский, Перепадя, Мерзлый, Карнаухов и другие, сотни руководителей предприятий, учреждений и организаций Краснодарского края.

Сгустились тучи и над самим Медуновым. Теперь и ему пришлось давать показания в следственной части Прокуратуры Союза ССР.

Вспоминает Калиниченко:

«Передо мной сидел грузный, чуть выше среднего роста мужчина в черном костюме с Золотой звездой Героя Социалистического Труда на лацкане пиджака. Держался крайне настороженно, на вопросы отвечал, тщательно продумывая ответ. Я смотрел на него и вспоминал рассказ одного из свидетелей, проходивших по делу. На том знаменитом сочинском пленуме к Медунову, сидевшему в президиуме, подошел один из руководителей и тихо сказал: “Сергей Федорович, вас срочно просит к телефону Александр Михайлович Рекунков”. Медунов развернулся вполоборота и так, чтобы слышал президиум, отчеканил: “Пошел он...” — далее последовала нецензурная брань. Мог ли он тогда подумать, что через несколько лет будет сидеть не перед Генеральным прокурором СССР, а перед следователем и давать показания, что этажом выше в своем кабинете занимается в

это время своей обычной работой начальник следственной части Прокуратуры Союза ССР Герман Петрович Каракозов, которого он так недооценил в своих интригах. При выходе из кабинета следователя Медунов дрожащим голосом задал последний и, видимо, самый важный для себя вопрос: «Скажите, что со мной будет?..»»

Здесь следует заметить, что Медунов так и не был привлечен к уголовной ответственности. Он был снят со своего поста, а в марте 1989 года, когда уже проживал в Москве, исключен из партии.

Чтобы завершить рассказ о «краснодарском деле», уместно будет привести еще один эпизод, о котором поведал мне писатель Безуглов со слов бывшего начальника следственной части Прокуратуры Союза ССР Г. П. Каракозова.

Когда заканчивалось это дело и Каракозов докладывал о нем Генеральному прокурору СССР Рекункову, Александр Михайлович спросил: «Так, значит, закончили “краснодарское дело”». Каракозов подтвердил. «Ну, что ж, тогда надо заняться “ставропольским делом”». Каракозов заявил, что по «краснодарскому делу» остались еще «хвосты», нужно кое-что доделать. Решение о возбуждении какого-то «громкого» дела по Ставропольскому краю тогда не состоялось. Спустя несколько месяцев, когда секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству был избран Горбачев, работавший до этого первым секретарем Ставропольского крайкома партии, Рекунков, встретив Каракозова сказал: «Ну, ты что же, как в воду смотрел», имея в виду, что тот не согласился с наскока возбуждать уголовное дело и начинать следствие по Ставропольскому краю.

При Александре Михайловиче Рекункове было проведено расследование и по целому ряду других «громких» дел о взяточничестве, злоупотреблениях служебным положением и хищениях в особо крупных размерах, закончившихся преданием виновных суду и осуждением их к длительным срокам лишения свободы и даже к смертной казни. На процессе над Чурбановым прокурор А. В. Сбоев сказал:

«Возглавляя вместе с Щелоковым МВД СССР, Чурбанов, используя свою близость к главе государства и власть первого заместителя министра (курируя кадры МВД), не гнушался, как это было бесспорно установлено в судебном заседании, пышных встреч, приемов и застолий, обильных угощений и дорогих подношений. Вокруг Чурбанова был известный начальственный ореол. Благодаря этому ореолу

он воспринимался выше, чем какой-нибудь министр. Это была особа, как выражались в старину, приближенная... Все его поступки определялись не столько размером личности, сколько непомерной жадностью, властолюбием, которые были в полной мере использованы многочисленными приспособленцами, угодниками и подхалимами. Таких людей в период застоя в нашей стране было немало, и жилось им, как нам известно, неплохо».

«Важняки» Генерального прокурора СССР Рекункова умело распутывали не только хозяйственные дела, но и такие тяжкие преступления, как умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах. Их на счету следователей было немало. Одно из них — так называемое «витебское дело»

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Маньяк

По нему был привлечен к уголовной ответственности и осужден к исключительной мере наказания житель Витебской области Белоруссии некий Михасевич. Почти 14 лет он творил кровавые расправы, его жертвами стали 38 женщин, причем за совершение нескольких преступлений правоохранительные органы Белоруссии привлекли к уголовной ответственности невиновных. Материалы этого беспрецедентного дела составили 175 томов. Руководил исследованием дела в отношении Михасевича старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В. А. Париц.

Он рассказывал:

«Путь к его изобличению начался, можно сказать, с 1985 года, когда по инициативе главного следственного управления Прокуратуры Союза ССР все уголовные дела о нераскрытых убийствах женщин были внимательно изучены, проанализированы многие обстоятельства. На основании этого была выдвинута версия — действует один преступник. Оказались схожими способы удушения и сокрытия трупов, т. е. почерк убийцы. Не исключалось, что и мотивы были одинаковы. Составленные схемы показали, что маршруты следования большинства жертв вели к Полоцку. В Полоцком же районе совершено 19 убийств. Все это привело к убеждению: здесь и живет преступник».

В следственно-оперативную группу вошли опытные криминалисты и работники уголовного розыска. Возглавили ее

на первом этапе заместитель начальника следственного управления Прокуратуры БССР В. Лапшин и следователь по особо важным делам при прокуроре Белорусской ССР Н. Игнатович. В марте 1986 года Михасевич был уже арестован.

Рекунков с большим энтузиазмом воспринял идеи перестройки. Он искренне желал перемен и требовал от своих подчиненных творческого переосмысления пройденного пути, коренного изменения форм, стиля и методов работы. В его выступлениях последних лет часто звучали жесткие нотки, острая критика в адрес тех, кто не хотел (или не умел) работать по-новому.

На расширенном заседании коллегии Прокуратуры СССР в июле 1987 года он, например, говорил: «Оглядываясь назад, мы должны со всей прямотой признать, что руководство Прокуратуры Союза, коллегия, я как Генеральный прокурор не смогли должным образом оценить, насколько серьезно под воздействием местничества многие прокуроры стали отходить от принципа единства законности, как в угоду ведомственности и личному благополучию скатывались с партийных позиций. Беспринципность разъедала, как ржавчина.

...Демократизация общества, гласность обнажили наши прорехи. Состояние растерянности, чуть ли не страха у многих прокуроров особенно проявилось после того, как на страницах печати стали появляться критические статьи, острые отклики людей, в которых гневно обличаются допускаемые в правоохранительных органах беззакония. Оказалось, что критика и самокритика среди работников прокуратуры настолько были принижены, что утрачивалась объективная оценка собственной работы. Так постепенно укоренился бюрократический стиль, который сводил дело к одному — как бы лучше выглядеть за счет количества проведенных мероприятий».

Следует, однако, сказать, что критика критике — рознь. Некоторые средства массовой информации, пользуясь предоставленной свободой слова, бросились чернить все правоохранительные органы, в том числе и прокуратуру.

Вот одно из компетентных мнений весьма авторитетного и опытного прокурорского работника — начальника отдела систематизации и пропаганды советского законодательства Прокуратуры СССР С. А. Самойлова:

«Массированная атака прессы на прокуроров и следователей началась с конца 1985 года. Именно тогда, когда следственные органы, направляемые Прокуратурой СССР, при поддержке здоровых сил в партийном и государственном ап-

паратах развернули небывалую по масштабам очистительную работу в ряде регионов страны, разоблачая большие коррумпированные группы, орудовавшие в верхних эшелонах партийной и государственной власти; тогда, когда прозвучало признание того удручающего факта, что в нашем обществе существует и уже набрала силу мафия, журналисты, словно направляемые чьей-то недоброй рукой, да еще разгоряченные вскрытыми самой же прокуратурой трагическими по своим непоправимым последствиям фактами необоснованного осуждения невинных лиц, наперегонки ринулись на поиски “крамолы” в деятельности судебно-следственных органов.

Страницы газет и журналов в таком изобилии стали заполняться очерками и статьями о судебно-следственных ошибках и нарушениях, словно следователи и прокуроры только то и делали, что хватали первого попавшегося и сажали его в тюрьму. Никто не собирается оспаривать, что недостатков и даже грубых нарушений законности в деятельности правоохранительных органов достаточно. Критиковать эти органы есть за что, и надо критиковать. Но в соотношении публикаций положительных и негативных материалов были явно нарушены все разумные пределы... Прослеживалась откровенная погоня за сенсацией. Даже когда ошибки и просчеты следствия были незначительными или просто спорными, их раздували до небес, играя на эмоциях и чувствах читателей».

Рекунков сам рассматривал многие публикуемые статьи. По ним он не только лично учинял соответствующие резолюции на препроводительных письмах, но порой непосредственно и достаточно оперативно вникал в ситуацию. Причем реакция всегда была взыскательной и строгой. Правда, в тех случаях, когда Рекунков абсолютно был уверен в правоте подчиненного, вопрос им закрывался.

Об одном таком эпизоде рассказывает бывший старший следователь по особо важным делам при Прокуроре РСФСР В. А. Рева:

«Конец 1985 года. В вечернем (московском) выпуске газеты “Известия” появилась публикация, в которой известный корреспондент выражал несогласие с прекращением уголовного дела в отношении следователя УВД Приморского края Озерчука. Автор утверждал, что в действиях милицейского следователя есть состав преступления (незаконное задержание). Мое постановление о прекращении уголовного дела автор критиковал.

Утром следующего дня меня срочно вызвали к Генеральному прокурору Союза ССР Рекункову А. М. Через несколько минут, не без трепета, впервые вхожу в кабинет к Гене-

ральному. Александр Михайлович в кабинете один, на его большом столе утренний выпуск газеты “Известия” с той самой статьей. Здравоваемся. Пожимаю протянутую мне большую и довольно твердую руку. Сразу вопрос:

— Статью читал?

— Да, еще вчера.

— Почему прекратил дело?

Без запинки, как на уроке, докладываю о том, что следователь, в отношении которого расследовалось дело, действительно совершил необоснованное задержание, но в его действиях не было заведомо незаконного задержания, как того требует диспозиция соответствующей статьи уголовного кодекса, т. е. нет субъективной стороны преступления, что исключает привлечение к уголовной ответственности. Автор же статьи не вник в эти юридические тонкости и утверждает обратное.

Выслушав мой краткий, не более полутора-двух минут ответ и не задав ни одного вопроса, Генеральный прокурор кивнул: “Спасибо, мне понятна ваша позиция, можете идти”.

Меня порадовало, что сразу, с полуслова Генеральный прокурор страны понял существо дела. Больше к этому вопросу уже никто не возвращался».

В феврале 1987 года в журнале «Социалистическая законность» была опубликована большая статья А. М. Рекункова «Пути и перспективы перестройки в органах прокуратуры».

«Было бы наивным полагать, что перестройку в органах прокуратуры будут осуществлять специально для этого подготовленные люди, — отмечал в статье А. М. Рекунков... — Сегодня особенно важно, чтобы каждый работник понял: время бездумно действующих исполнителей прошло, возврата к нему не будет, нельзя сейчас строить работу только по команде сверху, нужна самостоятельность, инициатива, умение вовремя увидеть, где требуется прокурорское вмешательство для защиты интересов государства и прав советского человека».

В течение 1987 года Рекунков принял ряд довольно эффективных мер по коренной перестройке работы прокуратуры по всем основным направлениям: общему надзору, надзору за рассмотрением уголовных и гражданских дел в судах, законностью и обоснованностью арестов и задержания граждан, рассмотрению заявлений, писем и жалоб граждан и других дел, издав для этого ряд соответствующих приказов.

Год 1987-й был богат на разные события.

Руст

В День пограничника, 28 мая 1987 года, в 18 часов 40 минут, 19-летний западногерманский летчик-любитель Матиас Руст, преодолев несколько границ и коридоров ПВО, на спортивном самолете «Сессна-172» прилетел в Москву и, приземлившись в начале Москворецкого моста, вырулил прямо к Васильевскому спуску.

Незванный пришелец тут же был задержан, против него возбуждено уголовное дело и начато расследование. Разразился серьезный политический скандал. Фактически была поставлена под сомнение боеспособность противовоздушных сил СССР. Уже через несколько дней лишились своих постов министр обороны СССР маршал С. Соколов, отправлен на пенсию главком войсками ПВО А. Колдунов, перевернут практически весь Генштаб.

Расследование по делу продолжалось недолго. В течение лета оно было закончено и уголовное дело направлено в Верховный суд СССР для рассмотрения по существу. Процесс проходил в Москве со 2 по 4 сентября 1987 года. Дело рассматривалось судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР под председательством Р. Г. Тихомирнова. Государственное обвинение поддерживал начальник отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности В. И. Андреев. Защищал М. Руста адвокат В. Д. Яковлев. На процессе подсудимый глубоко раскаялся в содеянном и просил суд о снисхождении.

Осужден М. Руст был к четырем годам лишения свободы в колонии общего режима. Однако менее чем через год, в августе 1988 года, согласно постановлению Президиума Верховного Совета СССР он был досрочно освобожден от наказания и выдворен за пределы страны.

Правда, на этом злоключения Руста не закончились. Вскоре он опять был арестован за то, что ударил ножом девушку, за которой безуспешно ухаживал. Пресса писала, что после отбытия наказания Руст торговал обувью, отдавая заработанные деньги детскому дому. Затем он обратился в индуизм и женился на дочери богатого бомбейского чаоторговца. Но это было уже в 1997 году. В 2007 году он даже приезжал в Москву.

В 1987 году начался второй, наиболее массовый этап реабилитации жертв политических репрессий. Как известно, реабилитация стала возможной с марта 1953 года, когда

умер Сталин. Она особенно активизировалась после того, как на XX съезде КПСС был осужден так называемый культ личности Сталина. Однако в середине 1960-х годов реабилитация была как бы «заморожена». С началом перестройки эти процессы вновь оказались востребованными жизнью. 28 сентября 1987 года Политбюро ЦК КПСС принял постановление «Об образовании Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40 и начала 50-х годов».

Прокуратура СССР должна была направлять письменные указания Комитету государственной безопасности СССР о проведении дополнительного расследования уголовных дел (по вновь открывшимся обстоятельствам). После этого уголовные дела и материалы дополнительного расследования (на лиц, репрессированных внесудебными органами) направлялись в Прокуратуру СССР, которая принимала решение либо об отмене приговора и прекращении уголовного дела с последующим направлением его в Верховный суд СССР, либо об оставлении ранее принятого постановления в силе.

Приезжавший тогда в Москву генеральный прокурор штата Делавер Чарльз Оберли сказал: «У нас сложилось впечатление, что роль прокурора в советской правовой системе — самая ответственная, а потому и трудная. Прокурор — страж правопорядка, соблюдения законности и прав личности. Чтобы соответствовать этой роли, нужен высокий профессиональный уровень работников системы прокуратуры. В том, что он именно такой, мы имели полную возможность убедиться сами».

Александр Михайлович Рекунков оставался Генеральным прокурором Союза ССР до 26 мая 1988 года.

25 апреля 1988 года Пленум ЦК КПСС рассмотрел «личную» просьбу 74 членов ЦК КПСС, избранных XXVII съездом партии, о сложении с себя полномочий членов ЦК. Среди них был и Рекунков, вопрос об отставке которого был уже предreshен на высшем политическом уровне. И хотя он был еще полон сил и энергии, ему пришлось расстаться с креслом Генерального прокурора СССР.

Вскоре после отставки Рекункова, в конце 80-х годов, кое у кого возникло желание «разобраться» с ним. В уголовном деле, которое тогда расследовала Прокуратура СССР, вдруг появились сведения о передаче крупной суммы денег

Рекункову. Такие показания дал арестованный и содержащийся в «Матросской тишине» бывший первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Усманходжаев, обвинявшийся в неоднократном получении взяток от различных лиц.

Занимавший в те годы должность начальника управления по расследованию особо важных дел, Александр Васильевич Сбоев рассказывал мне:

«Рекунков отрицал получение денег и страшно возмущался, как он говорил, “оговором”. Генеральным прокурором к этому времени был назначен Александр Яковлевич Сухарев, который, посоветовавшись с коллегами, принял решение о проведении очной ставки между Рекунковым и Усманходжаевым. Это было не простое решение. Зная жесткий характер Рекункова, можно было ожидать, что он откажется от этого позорного для него следственного действия.

Однако он, не задумываясь, мужественно согласился, заявив, что заинтересован в установлении истины и бояться ему нечего. Думаю, что на такой шаг пошел бы не каждый генпрокурор, так как кроме голословного заявления Усманходжаева следствие ничем не располагало. Практически предъявить обвинение в получении взятки А. М. Рекункову было невозможно, но грязное пятно на его честном имени могло пробыть долгое время.

Именно это обстоятельство привело к решению о проведении очной ставки. Выехали утром на одной автомашине «Волга» и около 10 утра подъехали к тюрьме. После доставки в кабинет Усманходжаева и выполнения всех формальностей, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, заключенному Усманходжаеву было предложено дать показания на очной ставке по существу выдвинутых им обвинений Рекункова в получении взятки.

Усманходжаев, вскинув руки и упав на колени, со слезами и надрывно стал просить у Рекункова прощения, заявив, что оговорил его под влиянием следователя, а в дальнейшем боялся изменить показания, что могло, как он считал, повлиять на условия его содержания.

Александр Михайлович сказал буквально следующее: «Как же вы могли на меня такое наплести? Где же ваша совесть, сколько же вы причинили мне бессонных ночей?»

После оформления протокола мы с облегчением покинули тюрьму... Эпизод с обвинением бывшего Генерального прокурора Союза ССР А. М. Рекункова был прекращен за отсутствием состава преступления, а с его мундира были сняты грязные и лживые пятна».

Через несколько лет после отставки Рекунков стал работать простым прокурором в отделе по реабилитации жертв политических репрессий (с октября 1992 по сентябрь 1994 года), а затем стал помощником Генерального прокурора Российской Федерации по особым поручениям.

Скончался 23 мая 1996 года.

«МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ»

Николай Семенович Трубин, заместитель начальника Следственного управления прокуратуры, по праву считался в 70-е годы одним из опытейших прокурорских работников страны. Когда в начале 1976 года к Руденко обратился Генеральный прокурор Республики Куба Хосе Сантьяго Куба Фернандес с просьбой прислать толкового работника, которого можно было бы использовать в качестве консультанта по вопросам организации надзора за соблюдением законности, Руденко остановил свой выбор именно на Трубине.

Николай Семенович Трубин родился 23 сентября 1931 года в селе Бурдыгино Сорочинского района Оренбургской области в семье рабочего-путейца Семена Афанасьевича и его жены Анны Степановны. В голодном 1933 году мальчик, которому было полтора года, потерял свою мать, умершую в 27-летнем возрасте, и двух старших сестренек. Маленький Николай, сколько себя помнил, спал всегда на полу.

После окончания седьмого класса Николай тайком поступил в Ново-Сергиевское железнодорожное училище — ему хотелось выучиться на слесаря по оборудованию паровозов. Но отец, узнав об этом, решительно воспротивился такому «самоуправству». Будучи сам малограмотным, он мечтал, чтобы его сын стал учителем.

В 1946 году Николай вступил в комсомол. Вскоре его избрали заместителем секретаря комитета ВЛКСМ, а через некоторое время он сам возглавил школьную комсомольскую организацию. В 1949 году школа была успешно окончена, и перед восемнадцатилетним парнем встал вопрос о дальнейшей учебе. Скорее интуитивно, чем осознанно, он выбрал Свердловский юридический институт, куда, кстати, поступала одна его землячка, мечтавшая во что бы то ни стало выучиться на юриста.

В институте Трубин не только блестяще учился (хотя профессией юриста он по-настоящему увлекся лишь на втором году учебы), но и активно участвовал в общественной жизни: был комсоргом группы, членом курсового комитета

ВЛКСМ и профкома, председателем профбюро курса. Трубин получил диплом с отличием.

При государственном распределении Трубин отдал предпочтение системе спецпрокуратур. Так он стал помощником прокурора Северо-Печорского исправительно-трудового лагеря (ИТЛ). Трубин переехал на жительство в город Печору Коми АССР, и 22 июля 1953 года приступил к работе.

Первый свой классный чин, младшего юриста, Трубин получил в августе 1954 года, а на следующий год стал юристом 3-го класса.

Нередко служба была сопряжена с определенным риском, так как в лагере случались и неповиновение, и массовые беспорядки, и тяжкие преступления. Работать ему приходилось, что называется, «в зоне».

Николай Семенович вспоминает:

«Запомнилось первое дело, по которому мне пришлось вести расследование, а после поддерживать обвинение в лагерном суде. Это было дело об убийстве заключенного Чернова, квалифицированное как лагерный бандитизм. По нему уже был приговор, шестеро обвиняемых приговорены к расстрелу, но Верховный суд СССР этот приговор отменил и направил дело на новое расследование, которое и было поручено мне, молодому 22-летнему помощнику прокурора. Не скрою, страшновато было встречаться с обвиняемыми, биографии которых изобиловали многими судимостями и отмечены званием “вор в законе”... Но постепенно смущение улеглось, сменилось деловым стремлением к установлению истины. Михайлов, Козловский, Гришичев и их коллеги, всего 6 человек, обвинялись в убийстве “вора в законе” Чернова, заподозренного ими в измене “воровским” традициям, а проще — в “стукачестве”. Сложность доказывания обвинения заключалась в том, что данное убийство брал на себя заключенный Юсупов, который ночью пришел на КПП с двумя ножами, окровавленными руками и заявил о совершенном им убийстве в состоянии необходимой обороны, объяснив множественность ранений состоянием аффекта (“Чернов напал на меня с ножом, я отобрал у него нож и ударил, а когда он упал, взял другой нож и со злостью колот его в грудь лежащего, пока он не умер”).

На следующий день на допросе Юсупов сообщил, что фактически убийство совершили другие люди, перечислил их фамилии, изложил обстоятельства совершения убийства и последующего поручения ему как впервые осужденному взять преступление на себя, а некоторым другим очевидцам — быть свидетелями нападения Чернова на Юсупова и убийства

Юсуповым Чернова. Эта вторая версия Юсупова и была положена в основу обвинения при первоначальном расследовании и судебном рассмотрении дела, однако в достаточной степени она не была проработана, в собранных доказательствах оказалось много противоречий. В ходе нового расследования пришлось передопросить всех обвиняемых и свидетелей, провести очные ставки, организовать эксгумацию и повторное исследование трупа, перепредъявить обвинение, ознакомить обвиняемых и их адвокатов с материалами дела.

Поддерживая обвинение по этому делу при повторном его рассмотрении лагерным судом, я предложил определить всем обвиняемым по 10 лет лишения свободы, в пределах санкции ст. 136 УК РСФСР 1922 года. Однако суд, применив Указ Президиума Верховного Совета СССР от января 1953 года «Об усилении борьбы с лагерным бандитизмом», назначил всем им наказание в виде 25 лет лишения свободы. Так «зрелый» суд поправил «незрелого» прокурора. Но Верховный суд СССР, который был в то время второй инстанцией для лагерных судов, изменил приговор, снизив срок лишения свободы для всех осужденных до 10 лет. С подобными курьезами в дальнейшем я не встречался».

Активность, настойчивость и трудолюбие молодого юриста вскоре были замечены. Не достигший еще и 25-летнего возраста Николай Трубин стал прокурором Усть-Цилемского района.

Село Усть-Цильма находилось в приполярной тайге на реке Печоре. Часть района простиралась даже в Заполярье. Здесь Трубин жил и работал более четырех лет.

Но его пятилетний сынишка Сергей заболел, и врачи настойчиво рекомендовали Трубину переменить место жительства. Условия Крайнего Севера неблагоприятно сказывались на здоровье мальчика. Тогда Трубин обратился с просьбой к руководству Прокуратуры РСФСР о переводе его на работу в район юга или средней полосы России.

В июне 1960 года Н. С. Трубин покинул Республику Коми, где он прожил семь лет, и выехал в Краснодар. В августе 1961 года Трубин возглавил прокуратуру Новотитаровского района. Не прошло и двух лет, как он был выдвинут на работу в аппарат краевой прокуратуры. В марте 1963 года он становится прокурором следственного отдела, а уже в августе — старшим помощником прокурора края по кадрам. В сентябре 1964 года ему присвоили очередной классный чин советника юстиции.

Трубина всегда больше привлекала та сторона деятельности прокуратуры, которая была связана с расследованием

преступлений. В январе 1966 года Николай Семенович возглавил следственный отдел прокуратуры края. В этой должности он задержался дольше всего — шесть лет.

В январе 1972 года Трубин перешел в центральный аппарат Прокуратуры СССР. Взяли его с явным «прицелом» на выдвижение.

1 апреля 1976 года Трубин по приказу Руденко прилетел на Кубу. Там он выполнял обязанности советника Генерального прокурора Республики Куба. На острове Свободы Николай Семенович прожил год. Обладая глубокими познаниями во многих областях юриспруденции, он вел обширную педагогическую деятельность — читал лекции по криминалистике, уголовному, уголовно-процессуальному, исправительно-трудовому праву (впоследствии они были опубликованы в двух томах на испанском языке), участвовал в подготовке проектов законов о прокурорском надзоре в Республике Куба и об уголовном судопроизводстве, консультировал Генерального прокурора, других руководящих работников.

С лекциями и докладами Трубин объехал все провинции Кубы, выступая перед работниками прокуратуры и органов внутренних дел, судьями и служащими властных структур, студентами и рабочими. Его активность была замечена даже кубинской эмиграцией, осевшей в американском штате Майами. В своей газете она опубликовала едкую заметку о том, что помощник Генерального прокурора СССР Николай Трубин разъезжает по Кубе, пропагандируя социалистическую законность.

7 ноября 1976 года на торжественном собрании работников Генеральной прокуратуры и Верховного суда Республики Куба, посвященном 59-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Н. С. Трубин сделал большой доклад. К удивлению слушателей, он прочитал его на испанском языке.

Вот как описывает это событие Трубин:

«По завершении доклада присутствовавший на собрании секретарь ЦК КП Кубы Блас Рока Кальдеро вышел из-за стола, обнял меня, выразил удивление по поводу случившегося и заявил, что доклад произнесен на чистом кастильском наречии, чему он очень рад. С этого момента все дальнейшие свои выступления я делал на испанском языке. Переводчик подстраховывал меня лишь при ответах на вопросы слушателей».

Вернувшись с Кубы, Николай Семенович доложил о результатах проделанной работы Генеральному прокурору Руденко, который остался очень доволен деятельностью своего

помощника. Некоторое время Трубин продолжал выполнять обязанности заместителя начальника Следственного управления Прокуратуры Союза ССР.

За время работы в Следственном управлении ему пришлось провести десятки проверок деятельности союзных прокуратур и побывать в самых разнообразных регионах страны по личным поручениям Руденко. Как правило, результаты проведенных проверок докладывались им лично Роману Андреевичу, а также на заседании коллегии Прокуратуры СССР.

Летом 1977 года под его руководством была всесторонне проверена работа органов прокуратуры Белорусской ССР по борьбе с преступностью. Бригада объективно оценила все, что было позитивного в деятельности прокуратуры, которую в то время возглавлял А. Могильницкий, но также вскрыла и немало упущений и недостатков, которые мешали эффективности прокурорского надзора. Особенно это относилось к актуальным тогда вопросам, связанным с усилением уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции, приписки и иные искажения отчетности. С точки зрения проверяющих прокуратуре республики требовалось улучшить надзор за следствием и дознанием, а также за раскрытием преступлений.

Трубину приходилось много заниматься и так называемой текучкой: контролем за подчиненными ему прокурорами управления, рассмотрением наиболее актуальных уголовных дел, проведением различных совещаний и конференций по проблемам следствия, приемом заявителей, подготовкой методических рекомендаций следователям и т. п.

За свою работу он не раз поощрялся Генеральным прокурором Руденко. В характеристике Трубина, подписанной первым заместителем Генерального прокурора СССР Рекунковым в январе 1978 года, отмечалось, что он «зарекомендовал себя политически зрелым, высококвалифицированным и принципиальным работником, хорошим организатором, требовательным к себе и подчиненным... По характеру выдержан, скромн, трудолюбив, в общении с людьми внимателен, пользуется заслуженным уважением и авторитетом... Способен обеспечить участок работы с большим объемом».

Последняя фраза была не случайной. Дело в том, что вскоре после возвращения с Кубы Руденко как-то сказал Трубину, что ему пора переходить на «большую работу» и предложил должность заместителя Прокурора РСФСР по следствию. Николай Семенович принял на себя тяжкое бремя руководства всей следственной работой в Российской Федерации, которое он нес более четырех лет.

ГРОМКОЕ ДЕЛО «Красные кхмеры»

Не успел Николай Семенович как следует освоиться с новой работой, как ему снова пришлось паковать чемоданы. Зарубежная командировка предстояла, конечно, не столь длительная, как на Кубу, но чрезвычайно важная и ответственная, к тому же носила она секретный характер. В ЦК КПСС поступило обращение ЦК партии трудящихся Вьетнама с просьбой прислать группу квалифицированных юристов для оказания помощи в расследовании злодеяний, совершенных так называемой кликой Пол Пота и Иенг Сари в Кампучии.

Кампучия (до 1976 года — Камбоджа), страна, расположенная в Юго-Восточной Азии, долгие годы находилась под иностранным владычеством (французским, японским во время Второй мировой войны, затем снова французским), но в 1953 году добилась независимости, а в 1955 году стала членом ООН. Спустя 15 лет в стране произошел государственный переворот, свергнувший власть принца Н. Сианука. К власти пришли военные. Развернувшаяся гражданская война унесла 600 тысяч человеческих жизней. В апреле 1975 года «красные кхмеры», возглавляемые Пол Потом, вступили в столицу страны Пномпень и захватили власть. Пол Пот провозгласил себя премьер-министром, а его ближайшим заместителем стал Иенг Сари. Диктатура его продолжалась три года и восемь месяцев. За это время было уничтожено, замучено, погибло от голода и болезней около трех миллионов человек (более трети населения страны).

Такой политики, которую проповедовал режим Пол Пота, не знало даже средневековье. Ликвидировалась не только частная собственность, но и личная, деньги изымались из обращения, а торговля стала носить характер натурального обмена. Закрывались учебные заведения, не работали театры, телевидение, на всю страну выходил лишь один официальный информационный листок. Города признавались «обителями порока», поэтому жители насильно изгонялись оттуда в деревни, где их закрепляли за так называемыми трудовыми бригадами, фактически превращенными в концентрационные лагеря. Национальная религия, буддизм, была запрещена, так же как и ислам. Особенно жестокому преследованию подвергалась интеллигенция.

В январе 1979 года патриотические силы страны, под руководством Единого фронта национального спасения Кам-

пучии и поддержанные вьетнамской армией, свергли режим Пол Пота, который вместе со своим ближайшим соратником Иенг Сари укрылся в Таиланде.

Новые власти Кампучии наряду с восстановлением порядка в стране стали готовить судебный процесс над Пол Потом и Иенг Сари. Однако главная трудность заключалась в том, что большая часть интеллигенции была попросту уничтожена. На всю страну остались лишь несколько человек с юридическим образованием. Поэтому не случайно руководство Кампучии обратилось за содействием в подготовке процесса к вьетнамским властям, а последние, в свою очередь, не чувствуя себя достаточно компетентными в этом вопросе, — к советским.

Прокуратурой Союза срочно была сформирована группа в составе шести человек. Роман Андреевич Руденко, уже давно внимательно следивший за Трубиным, предложил возглавить группу именно ему.

Вскоре группа вылетела в Ханой, где ее встретили представители ЦК партии Вьетнама и разместили в одной из своих резиденций. К моменту прибытия советских специалистов вьетнамские юристы от имени новой власти Кампучии уже собрали солидный материал о кровавых событиях, произошедших в этой стране, но он не был достаточным образом изучен и систематизирован. В самые сжатые сроки предстояло выполнить колоссальный объем работы: подготовить список свидетелей, перечень письменных доказательств, процессуальные документы, связанные с предъявлением обвинения виновным лицам, избранием меры пресечения, требованием о выдаче скрывшихся преступников, а также проекты обвинительного заключения, обвинительной речи прокурора и даже выступлений защитников, так как найти адвокатов для процесса было проблематично.

Когда проекты необходимых процессуальных документов были подготовлены, советская делегация в сопровождении вьетнамских юристов вылетела вначале в Сайгон, а затем в Пномпень, почти полностью разоренный и пустой, где ее разместили во дворце бывшего генерал-губернатора. Кампучийцы, постепенно возвращавшиеся в город, встречали представителей Советского Союза как родных: радостно, с улыбками, что вызывало некую ревность у сопровождавших группу вьетнамцев, считавших себя «старшими братьями» кампучийцев. Особенно настороженно они следили за переговорами русских с новыми руководителями Кампучии — президентом Хенг Самрином, премьер-министром Хун Сенном и министрами.

Наиболее тесно специалистам из СССР пришлось общаться с министром культуры и информации, местным поэтом, которому и было поручено руководством страны поддержание государственного обвинения на процессе. С большим трудом удалось разыскать нескольких оставшихся в живых кампучийских юристов, которых пришлось долго уговаривать взять на себя защиту обвиняемых. Они вначале категорически отказывались от роли защитников, заявляя что и они сами, и их родственники пострадали от «красных кхмеров». Подобная работа была проведена и с кандидатами на роль судей специально созданного Народно-революционного трибунала. Для них был разработан подробный план действий по подготовке судебного процесса (оповещение международных организаций, приглашение наблюдателей и т. п.), а также примерный регламент заседания.

Командировка продолжалась три недели. Возвратившись в Москву, Трубин сразу доложил о ее результатах Руденко. Тот проинформировал ЦК. Прделанная советской группой вместе с вьетнамскими юристами работа была положена в основу состоявшегося спустя несколько месяцев судебного процесса. С 15 по 19 августа 1979 года в столице Кампучии — Пномпене заседал Народно-революционный трибунал, заслушавший дело по обвинению бывших руководителей Кампучии Пол Пота и Иенг Сари в проведении политики геноцида в отношении кампучийского народа. От Советского Союза в качестве наблюдателя присутствовал бывший член делегации Шубин. Трибунал признал Пол Пота и Иенг Сари (заочно) виновными в умышленном массовом уничтожении людей, в незаконном выселении жителей из городов, в насильственном принуждении их к рабскому труду, в запрете религиозно-культурной деятельности, в разрушении экономической и культурной структур страны. Оба они были приговорены к смертной казни.

По возвращении домой Трубин с головой окунулся в пучину многотрудных обязанностей заместителя Прокурора РСФСР по следствию. Работа была столь напряженной и ответственной, что редко кто из занимавших эту должность выдерживал более трех-четырёх лет.

В июне 1982 года Трубин сдал свои полномочия и в качестве заместителя Прокурора республики стал заниматься организацией работы управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах и отдела по надзору за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях.

Он лично поддерживал обвинение по многим уголовным делам, в том числе и по нашумевшему делу об аварии теплохода «Александр Суворов».

В июле 1986 года по представлению Генерального прокурора СССР Рекункова Николай Семенович был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в следующем году его назначили первым заместителем Прокурора РСФСР. Вскоре ему присвоили классный чин государственного советника юстиции 2-го класса.

Над страной уже вовсю дули ветры перестройки. Именно в этот период начались сепаратистские выступления в национальных республиках, и Трубину одному из первых руководителей органов прокуратуры пришлось вплотную ими заниматься. В 1989 году его пригласил к себе Чебриков, в то время секретарь ЦК КПСС, который предложил ему срочно выехать в Степанакерт и Ереван и разобраться на месте, что же там происходит на самом деле, сказав, что в ЦК партии из разных источников поступает абсолютно противоречивая информация о массовых выступлениях с требованиями отделения Нагорного Карабаха от Азербайджана.

Подробную справку со своими выводами и соображениями Трубин вручил лично Чебрикову. Составленная объективно и квалифицированно, она, естественно, пролила свет на происходящие события. Однако сами эти события, к большому сожалению, вследствие нерасторопности, нерешительности и некомпетентности как руководства страны, так и двух союзных республик вскоре абсолютно вышли из-под контроля.

28 мая 1990 года Трубин возглавил Прокуратуру РСФСР. «Из различных источников мне было известно, — рассказывал потом автору этой книги Трубин, — что у руководства страны были сомнения в моей лояльности, так как я не поддержал стремление некоторых работников КГБ СССР привлечь к уголовной ответственности известную в то время демократку Корягину Т. И., которая на многих митингах обвиняла Горбачева М. С. во взяточничестве, ссылаясь на «официальные данные Гдяна Т. Х.».

Рассмотрев материалы о Корягиной, выделенные Прокуратурой СССР из дела, возбужденного в отношении Гдяна, я как и. о. прокурора РСФСР распорядился возвратить их в Прокуратуру СССР для расследования в рамках дела Гдяна, а когда они вновь поступили к нам, вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Поэтому подписание приказа о моем назначении Прокурором РСФСР, произведенное, конечно же, не без согласо-

ния с руководством страны, означало, видимо, преодоление сложившегося у него предубеждения. Но интриги сохранились и дальше».

Трубин выступил тогда с критикой перестройки общего надзора при помощи дробления его на несколько самостоятельных направлений, которое было осуществлено в марте 1989 года только что назначенным Генеральным прокурором СССР А. Я. Сухаревым. По его мнению, «растаскивание общего надзора по специализированным кабинетам» не усилило, а наоборот, ослабило прокурорский надзор, лишило его таких преимуществ, как комплексность и единство, создало ненужные организационные осложнения.

«Перестройка была бы более эффективной, если бы ее начали с освобождения прокуратуры от функций, несовместимых с самой сутью высшего надзора, — считал он. — Глубоко убежден: при осуществлении высшего надзора за точным и единообразным исполнением законов прокуроры в перспективе должны быть освобождены от выполнения таких несвойственных им в правовом государстве функций, как борьба с выпуском недоброкачественной продукции, бесхозяйственностью в использовании оборудования, энергетических ресурсов, железнодорожных вагонов и судов, нарушениями договорных обязательств и т. д., если, конечно, речь не идет о деяниях преступного характера. Такие и им подобные явления должны устраняться в первую очередь экономическими, а не административно-нажимными методами».

Трубин высказал и еще одну смелую для того времени мысль. Он говорил, что функции надзора и «борьбы» вообще несовместимы. Борьба относится к исполнению закона. А закон не может надзирать за самим собой. «Смешение этих функций, как функций надзора и контроля, не раз приводило нас к активному и, что греха таить, не всегда компетентному вмешательству в чисто хозяйственную деятельность», — подчеркивал Трубин.

По мнению прокурора республики, прокуроры должны, не подменяя органы управления, надзирать за выполнением последними возложенных на них обязанностей по обеспечению законности в деятельности всех подведомственных и подконтрольных учреждений, организаций, должностных лиц.

Обратил внимание он и еще на одно важнейшее направление прокурорской деятельности — надзор за законностью правовых актов, их соответствием конституции и иному законодательству.

Требовался новый закон о Прокуратуре СССР, который учитывал бы все реалии времени.

В конце 80-х годов заметно поколебалась и централизация прокуратуры. Утрата единства прокурорской системы приняла довольно отчетливые очертания. Все громче и настойчивее раздавались голоса о предоставлении большей самостоятельности прокурорам союзных республик, пересмотра порядка их назначения (руководители республик считали, что это должна быть их прерогатива). В этих непростых условиях Трубин считал, что для сохранения единства системы Прокуратура Союза ССР должна была сделать кардинальные шаги. «Судьба прокуратуры, ее будущее тревожит всех нас, — писал он. — Хотелось бы надеяться, что еще не поздно изменить сложившуюся в прокурорской системе ситуацию. Что можно сделать уже теперь? Безотлагательно передать в компетенцию прокуроров союзных республик решение всех вопросов, связанных с назначением прокуроров районов и городов, а может быть, даже и областных прокуроров, присвоения классных чинов вплоть до советника юстиции, маневрирование штатами, материальными и иными ресурсами, утверждение структурных изменений. А главное — надо пересмотреть порядок назначения прокуроров союзных республик, согласившись с тем, чтобы они утверждались верховными советами республик или согласовывались с ними. Не надо делать вид, что ранее такие назначения ни с кем на местах не согласовывались. Понятно, чтобы рассматривать такие предложения, нужно внести изменения в Конституцию СССР и Закон о прокуратуре СССР».

Органы прокуратуры все более и более втягивались в выполнение несвойственных им функций. Это засасывало, как болото. Силы распылялись, прокуроры, по выражению Трубина, превращались в обычных «управленцев».

Ко всем прочим бедам добавились и кадровые. Из прокуратуры стали уходить люди. Появились кооперативы, совместные предприятия, которые остро нуждались в квалифицированных юристах. Условия работы там были несравненно легче, а зарплата значительно выше. Прокурор Ленинградской области Поруков признавался: «Такого трудного положения, как сейчас, никогда не было. Во всяком случае, на моей памяти. Сейчас 25 вакантных должностей. (И это на 200 штатных единиц.) Не хватает районных прокуроров, следователей, помощников прокуроров. Порой в районе просто некому работать. Положение отчаянное, хоть караул кричи».

А вот мнение на этот счет заместителя прокурора Москвы Чернова: «Половина районных прокуроров впервые назначена на эти должности. Около 80 процентов работающих — в возрасте до 40 лет. Ежегодно состав прокуратуры обновляется примерно на 10 процентов, причем в основном за счет приема на работу выпускников юридических вузов. Почти четверть — это лица, имеющие стаж менее трех лет».

По свидетельству прокурора Волгоградской области Руднева, прокурорских работников очень беспокоило «чувство незащищенности». Он пишет:

«По-моему, одна из самых тревожных проблем с кадрами, да и не только с кадрами, а вообще с нашей работой в целом, это то, что мы, прокуроры, следователи постоянно ощущаем себя как бы под прессом. Это крайне неуютное чувство создает дополнительную напряженность... А теперь новые явления, о которых еще робко говорим между собой, но они очень мешают работе. Имею в виду участившиеся случаи вмешательства отдельных народных депутатов в деятельность прокурора... Некоторые народные депутаты позволяют себе вмешиваться в решение конкретных дел, требуют, чтобы следователь или прокурор докладывал им о них, считая свое мнение единственно верным... Эйфория власти у ряда депутатов ведет порой к открытому неуважению к закону. Если учесть еще их правовую неосведомленность, да все более распространяющееся и, я бы сказал, подогреваемое мнение о том, что все законы, включая и Конституцию СССР, устарели, то в такой обстановке очень трудно утверждать законность, добиваться четкого и безусловного выполнения законов. Именно эта обстановка и приводит иногда наших людей к выводу о том, что работать в таких условиях нельзя».

Возглавлять прокуратуру республики Трубину довелось всего полгода. Бурные процессы, происходившие в стране, породили и кадровую чехарду. Вскоре от должности Генерального прокурора СССР был освобожден А. Я. Сухарев.

Вот что рассказывал мне Трубин об обстоятельствах своего назначения на должность Генерального прокурора СССР:

«Избранные в Верховный Совет РСФСР демократы первой волны стали внушать Ельцину Б. Н. мысль о том, что прокурор республики назначен недемократическим путем, что он является ставленником ЦК КПСС и т. д.

Вскоре началась работа по подготовке изменений в Конституции РСФСР, проектом которых предусматривалось утверждение кандидатуры прокурора республики вна-

чале Верховным Советом, а затем съездом народных депутатов РСФСР.

На этом историческом фоне измученный “борьбой” с Гдяном и Ивановым Генеральный прокурор СССР Сухарев А. Я. пригласил однажды меня к себе, сообщил о предстоящем своем уходе и намерении рекомендовать меня на должность Генерального прокурора СССР. Обсудив мои сомнения, мы пришли к выводу о том, что если поступит такое предложение, отказываться не следует.

Через несколько дней я был приглашен к первому заместителю Председателя Верховного Совета СССР Лукьянову, который, сообщив, что со мной намерен побеседовать Горбачев (в то время Председатель Верховного Совета СССР), повез меня на своем автомобиле в одну из загородных его резиденций. Такая беседа состоялась, носила она предварительный, ознакомительный характер. Конкретного предложения сделано не было. После этого наступила продолжительная пауза, в течение которой я воспользовался правом на отпуск. По возвращении из отпуска, полагая, что вопрос о моем переходе на новую работу отпал, я инициировал перед Ельциным и Хасбулатовым рассмотрение Верховным Советом РСФСР вопроса об утверждении меня в должности Прокурора РСФСР. Инициатива была поддержана. Состоялось обсуждение в двух комитетах, затем на пленарном заседании Верховного Совета, которое транслировалось по телевидению, и вопрос был решен положительно. Одновременно я дал согласие на назначение первым заместителем Прокурора РСФСР Степанкова В. Г. — в то время одного из депутатов, члена Верховного Совета РСФСР, работавшего до избрания прокурором Хабаровского края, чья кандидатура обсуждалась до этого для выдвижения на должность прокурора республики.

Вернувшись после этого вечером с работы домой, я от жены узнал, что меня разыскивал Горбачев, просил связаться с ним по телефону, оставил номер телефона. Соединили меня с ним сразу, как только я представился (по-моему, он был на даче). Спросив у меня, как дела, как настроение, Михаил Сергеевич предложил дать ему мое согласие на назначение Генеральным прокурором СССР. Я ответил, что теперь уже поздно, так как Верховный Совет РСФСР только что утвердил меня в должности Прокурора РСФСР. Михаил Сергеевич заявил, что ему об этом известно и свое предложение он согласовал с Ельциным. В столь молниеносное получение согласия Бориса Николаевича на мой уход я, признаться, не поверил, поэтому сказал, что должен

лично с ним встретиться. Михаил Сергеевич не возражал. На другой день в перерыве между заседаниями Верховного Совета РСФСР я зашел в комнату, где отдыхал Ельцин, и проинформировал о звонке Михаила Сергеевича. Борис Николаевич ответил, что он все знает, Михаил Сергеевич с ним разговаривал, и он дал согласие на мой переход, так как Россия заинтересована иметь своего представителя на должности Генерального прокурора СССР».

11 декабря 1990 года постановлением Верховного Совета СССР Трубин был назначен Генеральным прокурором Союза ССР, а 27 декабря IV Съезд народных депутатов СССР утвердил его в этой должности.

Николаю Семеновичу Трубину довелось быть последним Генеральным прокурором Советского Союза. Выступая на том съезде, Николай Семенович говорил о том, почему меры, осуществленные прокуратурой и другими правоохранительными органами, не влияли на оздоровление обстановки в стране, о пресловутой «войне законов», по существу, парализовавшей деятельность органов исполнительной власти, о правовом нигилизме республиканских законодателей, чем не преминули воспользоваться и местные органы власти, особенно в автономных республиках, о прямом и бесцеремонном вмешательстве в деятельность прокуратуры и т. п. Высказал он и свою мысль о том, что прокуратура должна быть освобождена от несвойственных ей функций и что прокурорский надзор не должен подменять органы управления и контроля.

«Концепция обновления нашего Союза, — говорил на съезде Трубин, — исходит из признания суверенитета республик, из признания необходимости разграничения полномочий между Союзом и республиками. Между тем Конституция СССР до последнего времени удерживала Прокуратуру Союза ССР на позиции строгой централизации прокурорской системы. Это привело к тому, что стихийно начавшиеся в республиках процессы по изменению статуса республиканских прокуратур оказались неурегулированными и Прокуратура Союза не могла никак на них влиять. Прокуратуре Союза пришлось плестись в хвосте событий либо принимать какие-то ошибочные организационные решения».

IV Съезд народных депутатов СССР, по предложению Трубина, внес поправку в Конституцию СССР, которая предоставляла право высшим органам государственной власти республик назначать прокуроров и требовать от них отчета об их деятельности.

«Получив новое назначение, — вспоминал Трубин, — я еще раз встретился с Ельциным, чтобы определиться с кандидатурой на должность Прокурора РСФСР. Из предложенных мною нескольких кандидатур Борис Николаевич оставил свой выбор на кандидатуре Степанкова В. Г., который и был назначен. Однако слова «У нас теперь есть свой прокурор», сказанные Борисом Николаевичем на одном из собраний межрегиональной депутатской группы в Доме кино, относятся скорее не к Степанкову, а ко мне».

Начались сложные прокурорские будни. Время было горячее и во многом непредсказуемое. Рушились стереотипы, стирались многие, казалось бы, незыблемые границы, в том числе и нравственные. Провозглашенный президентом страны лозунг: «Разрешено все, что не запрещено законом» вселил в людей, в том числе и должностных лиц, и ранее-то относившихся к закону «наплевательски», чувство вседозволенности и бесшабашного разгула.

Николай Семенович Трубин много внимания уделял повседневным заботам прокуратуры. Он побывал в крупнейших республиках Советского Союза: в Казахстане, на Украине, в Белоруссии, беседовал, в том числе и доверительно, с их руководителями Назарбаевым, Кравчуком и Дементеем, а также прокурорами республик Туякбаевым, Потребенько и Тарнавским. В беседах речь шла прежде всего о судьбе прокурорского надзора, да и вообще всей прокурорской системы. Удалось выработать более или менее приемлемые принципы.

Об одном из таких визитов в Киев Николай Семенович написал потом так:

«В июле 1991 года я вместе со своим старшим помощником А. Г. Звягинцевым прибыл в столицу Украины, проводить расширенное заседание коллегии. До этого на аналогичной коллегии по итогам работы за первое полугодие 1991 года мы побывали с ним в Белоруссии. Совещание прокурором УССР было хорошо организовано и прошло конструктивно и требовательно. В работе коллегии приняло участие практически все высшее руководство Украины. Не было только Л. М. Кравчука. И если в стенах прокуратуры республики было все как и в прежние годы, по-деловому спокойно и выдержано, уважительно и гостеприимно, то при посещении председателя Президиума Верховного Совета УССР Л. М. Кравчука чувствовался уже другой настрой — дух самостоятельности всюду гулял здесь по коридорам власти, а сам

Леонид Макарович всем своим видом и поведением давал понять, кто в доме хозяин.

Во время этого визита М. А. Потебенько в моем присутствии предложил А. Г. Звягинцеву должность заместителя Прокурора УССР. Просил меня дать согласие и назначить на эту должность Александра Григорьевича. Я не возражал. И из Киева в Москву я возвращался уже один. Однако через два дня Звягинцев вернулся и сказал, что, хорошо ознакомившись на месте с ситуацией, он передумал. «Отношения Кравчука и Потебенько, увы, никак нельзя назвать романтическими, — заметил он. — У Кравчука своя игра. Михаила Алексеевича в ближайшее время, скорее всего осенью, мягко говоря, ждут серьезные испытания. Да и вообще, судя по всему, сентябрь—октябрь в Украине будут очень горячими».

Прогноз Александра Григорьевича оказался верным. Последующие события это подтвердили. Буквально через пару месяцев Потебенько был освобожден от занимаемой должности».

Вспоминая первые месяцы работы в здании на Пушкинской улице, Трубин рассказывал:

«Моим предшественником на должности Генерального прокурора СССР был А. Я. Сухарев. Он хороший юрист, хороший организатор, но ему не повезло. Время его, как, впрочем, и моей работы совпало со временем разгула в СССР сепаратистских и демократических настроений, массовых протестных действий как в национальных республиках, так и в России. В обществе возникли неразрешимые противоречия, произошел раскол, при котором каждая из сторон признавала только свою правоту. В этих условиях от прокуратуры требовалось не только своевременное реагирование на события, но и принятие правильных правовых решений. Однако любое самое обоснованное решение не могло устраивать всех, вызывало публичную массовую критику, подогревало нездоровые настроения различного рода демонстрантов и митингующих. Положение усугубилось тем, что в ряды митингующих влились следователи Прокуратуры СССР Гдян и Иванов, выступавшие с публичными заявлениями о личной нечистоплотности “верхов”. Последовавшее за этим увольнение “мятежных” следователей и возбуждение против них уголовного дела еще больше накалило общественно-политическую обстановку. Поэтому Сухарев счел за благо уйти в отставку.

...Приход нового Генерального прокурора в моем лице дал повод определенным силам требовать пересмотра многих решений предшественника, возобновить попытки вовлечения прокуратуры в разрешение политических конфликтов и т. д. От меня, в частности, требовали восстановить на работе Гдляна и Иванова, прекратить возбужденное против них уголовное дело, привлечь к уголовной ответственности коррупционеров из ЦК КПСС, отдать под суд виновников тбилисских событий 1989 года из числа военных и государственных деятелей, вмешаться во взаимоотношения Грузии и Абхазии, Молдавии и Приднестровья, Армении и Азербайджана, навести порядок в организации прокурорской деятельности в Латвии, где функционировали две прокуратуры, пресечь “бесчинства” Рижского ОМОНа, выявить виновников вильнюсских событий 1990 года, а также “зачинщиков” шахтерских забастовок и т. д. Эти требования звучали из уст разных лиц на заседаниях Верховного Совета и съездах народных депутатов СССР, на митингах и прочих собраниях. С этим ко мне приходили Гдлян и Иванов, Ардзинба, Смирнов, Тер-Петросян, звонил Ландсбергис... При этом выводы прокуратуры о необоснованности каких-то требований не находили понимания у их инициаторов, вызвали новую волну недовольства, которое подогревалось заинтересованными лицами.

За непродолжительный период моей работы в должности Генерального прокурора СССР не было ни одного дня, когда бы в стране не произошло чего-нибудь чрезвычайного, требовавшего особого внимания именно Прокуратуры Союза. Аппарат работал с большим напряжением, особенно его следственная часть. Лично Генеральному прокурору необходимо было присутствовать на заседаниях Верховного Совета и съездах народных депутатов СССР, заседаниях Государственного совета, а решением конкретных вопросов деятельности прокуратуры, рассмотрением конкретных ее результатов, хода выполнения ее конкретных действий приходилось заниматься в перерывах между этими заседаниями и съездами. Тяжелое было время и неблагоприятное. Любое решение прокуратуры, удовлетворявшее одну часть общества, вызывало неприятие и публичную критику со стороны другой части общества. Отказался восстановить на работе Гдляна и Иванова — шумное недовольство их друзей из “Демократической России”. Согласился с прекращением возбужденного в отношении этих лиц уголовного дела — возмущение депутатов из Узбекистана и не только их. Не нашел оснований для пересмотра выводов своего предшест-

венника по тбилиским событиям 1989 года — бурная негодующая реакция грузинских депутатов и общественности. Так было во всем».

Сепаратистские устремления и действия политических руководителей союзных республик не могли не сказаться на незыблемости единства прокурорской системы. Прокуроры республик если и выполняли отдельные поручения Прокуратуры Союза, то обязательно с учетом своей «самостийности». Особенно это относилось к Грузии и Латвии.

Со стороны официальных лиц зазвучали даже высказывания о том, что Прокуратура Союза в системе органов обновленного Союзного государства вообще не нужна.

Немало хлопот доставляли Генеральному прокурору и пресса, и депутаты, которые буквально заваливали Прокуратуру Союза своими письмами и поручениями, на которые требовали незамедлительного ответа.

В конце 80-х годов в дополнение ко всем прочим бедам в стране обозначился всплеск преступности, причем отмечался он во всех союзных республиках. Количество зарегистрированных преступлений приблизилось к трем миллионам, из них почти четверть были тяжкие. Было совершено свыше 25 тысяч убийств, 22 тысячи изнасилований, более 150 тысяч разбоев и грабежей. Нарастала и преступность несовершеннолетних. На этом криминальном фоне процветали бесхозяйственность, разгильдяйство и воровство. Страна ежегодно теряла от хищений и недостач более 4 миллиардов рублей. Растаскивалось в пределах 20—30 процентов выращенного урожая, около 2,5 миллиона тонн мяса, огромное количество иной продукции. Грубо нарушались обязательства по договорам поставок, в том числе в общесоюзные фонды, что поставило на грань голода целые регионы. Очереди, дефицит, зачастую создаваемые искусственно, — вот реалии того времени.

Все это, по словам Трубина, не могло не отразиться на деятельности Прокуратуры СССР, которая во многом утратила свои позиции, не сумела перестроиться, сработать на опережение, допустила ослабление, а в ряде мест вообще утратила нити в управлении прокурорской системой. Были приведены и примеры. В Туркмении назначение прокуроров стали согласовывать с местными Советами, а в Латвии и Литве пошли даже на создание параллельных прокуратур, полностью зависимых от Верховных Советов республик, не признающих Конституцию СССР и союзные законы...

В то же время Трубин не прекращал, несмотря ни на что, усилий по усовершенствованию прокуратуры. Так, он высказался за создание самостоятельного Следственного комитета, считая, что в интересах законности следственного аппарата в прокуратуре быть не должно. «При необходимости любое дело прокурор может принять к своему производству», — подчеркнул он. Незадолго до этого в интервью газете «Известия» Трубин конкретизировал это предложение: «В душе я за самостоятельный Следственный комитет. Но для этого нужны время и деньги. Ни того ни другого у нас пока нет. Наиболее реальный шаг в этом направлении — сосредоточить расследование уголовных преступлений в МВД СССР».

«Своеобразие текущего момента, — отмечал тогда Трубин, — в том, что влиятельные силы, противодействующие построению правового государства, люди, которые хотят погреть руки на правовом хаосе и параличе власти, создают огромные трудности для поддержания законности и правопорядка, обеспечения стабилизации обстановки в стране. Одно из опаснейших проявлений сознательного правового нигилизма — так называемая война законов.

27 мая 1991 года приказом Генерального прокурора СССР Трубина для работников органов прокуратуры была введена «Присяга работника прокуратуры», которая должна была приниматься каждым работником, поступающим в прокуратуру на оперативные должности, начиная с 1 августа 1991 года. Был утвержден и текст этой присяги.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

ГКЧП

Утром 19 августа 1991 года страна проснулась под музыку Чайковского из балета «Лебединое озеро». В промежутке между мелодиями зазвучали необычные сообщения, заставившие всех прильнуть к радиоприемникам. Объявлялось о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП)...

После образования ГКЧП страна фактически раскололась. Одни поддерживали действия «гэкачепистов», называя их своевременными и правильными, другие, напротив, встретили их в штыки. Но если процессы в глубинке шли глухо, то Москва и Ленинград — клокотали.

Во время августовских событий Генеральный прокурор СССР Н. С. Трубин находился с официальным визитом на Кубе. Вот что он рассказал:

«19 августа на рассвете меня разбудили работники советского посольства и показали поступившие к ним документы ГКЧП, в том числе обращение к мировой общественности, из которых усматривалось, что в связи с болезнью Горбачева вся полнота власти в СССР переходит к группе лиц во главе с вице-президентом Янаевым... Для меня это стало потрясением, так как было непонятно, что случилось с Горбачевым за несколько дней моего отсутствия в Москве, что чрезвычайное произошло в стране.

Посла СССР в Республике Куба на месте не было, а замещавший его советник-посланник никакой дополнительной информацией не располагал. Оба мы сошлись на предположении, что речь идет о государственном перевороте, но полной уверенности в этом не было. Поэтому, когда после заключительного официального мероприятия нашей делегации (подписание договора о сотрудничестве с кубинской прокуратурой) меня атаковали журналисты с вопросом о том, что произошло в моей стране, я вынужден был сказать, что не могу дать однозначного ответа, т. к. не знаю, что фактически случилось с президентом и какие конкретные обстоятельства послужили основанием для введения режима чрезвычайного положения. В то же время разъяснил, что в СССР имеется Закон о чрезвычайном положении, в соответствии с которым чрезвычайное положение объявляться может при определенном стечении обстоятельств. Этого оказалось достаточно для того, чтобы кубинское агентство "Prensa Latina" на весь мир объявило, что Генеральный прокурор СССР Трубин признал законными действия ГКЧП».

Трубин возвратился в Москву поздно вечером 20 августа 1991 года. Здесь он ознакомился с обстановкой, с документами ГКЧП, а также с тем, что происходило в самой Прокуратуре Союза. На время командировки Трубина исполнял обязанности Генерального прокурора его первый заместитель Алексей Дмитриевич Васильев. Когда было объявлено о создании ГКЧП, Васильев, после консультации с членами коллегии Прокуратуры Союза, направил на места шифровку, текст которой, как вспоминает Николай Семенович, «свидетельствовал о поддержке Прокуратурой Союза режима чрезвычайного положения».

Утром 21 августа Трубин выехал в Кремль, где встретился с председателем Комитета при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов Голиком. Получив от него более подробную информацию об обстоятельствах создания ГКЧП и введения чрезвычайного положения, Трубин, по его словам, пришел к выводу, что в стране

фактически произошел государственный переворот. Тут же в кабинете Голика Трубин лично подготовил и подписал постановление о возбуждении уголовного дела по факту государственного переворота по признакам статьи 64 УК РСФСР (измена Родине). Текст постановления немедленно был передан в Телеграфное агентство СССР для опубликования.

В этот же день Трубину позвонил Ельцин, который в безапелляционной форме спросил, арестован ли первый заместитель Генерального прокурора Васильев, который поддерживал ГКЧП. Николай Семенович ответил, что не видит оснований для такого шага. Тогда Ельцин поинтересовался, а можно ли арестовать прямых участников ГКЧП (некоторые из них вылетели для переговоров с Горбачевым в Крым и должны были вечером возвратиться в Москву). Трубин сказал, что лиц, не обладающих депутатской неприкосновенностью, арестовать можно, но самому ему в осуществлении этого акта не на кого опереться, так как руководители Комитета государственной безопасности и Министерства внутренних дел непосредственно участвовали в заговоре. Тогда Ельцин задал еще один вопрос: а вправе ли сделать это Прокуратура РСФСР, которая располагает такими возможностями. Трубин ответил, что правовых препятствий к этому нет.

По инициативе Ельцина была создана оперативная группа захвата во главе с Генеральным прокурором РСФСР Степанковым и министром внутренних дел РСФСР Баранниковым, которая с санкции Степанкова и арестовала вечером 21 августа 1991 года министра обороны СССР Д. Т. Язова и председателя КГБ СССР В. А. Крючкова. С этого же времени Прокуратура РСФСР начала самостоятельное расследование по делу ГКЧП.

Трубин также создал следственную группу Прокуратуры СССР. Как только Горбачев вернулся в Москву, Трубин лично встретился с ним и получил информацию о возникновении и развитии заговора непосредственно от него.

Создалось парадоксальное положение, когда по одному и тому же факту были возбуждены два уголовных дела и расследование производилось одновременно и Прокуратурой Союза, и Прокуратурой РСФСР. Так долго продолжаться не могло. Следствие по делу должно было находиться в одних руках. И вскоре такое решение было принято. Трубин объединил в одно производство материалы следствия Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР и поручил расследование по делу в полном объеме Прокуратуре РСФСР, оставив за собой решение вопросов, входивших по закону в исклю-

чительную компетенцию Генерального прокурора СССР. Все это было оформлено соответствующим постановлением.

Вот что пишет об этом В. Г. Степанков в книге «Кремлевский заговор»:

«Мы в своем праве на главную роль не сомневались, но знали, что Трубин так просто нам ее не уступит. Его надо было убеждать и аргументы при этом использовать веские. А потому мы решили хорошенько подготовиться к разговору с ним, все обдумать заранее. В результате у нас сложилась достаточно стройная, на наш взгляд, система доказательств.

Было воскресенье, но Генеральный прокурор СССР, как мы и предполагали, оказался на месте. Ему тоже в эти горячие денечки забот хватало. Однако он был не против встречи с нами, поскольку понимал, что откладывать ее не имеет смысла. Мы сразу же приступили к сути и изложили ему свои аргументы...

Трубин наши доводы выслушал очень внимательно, и реакция его на них была реакцией человека разумного и трезвого. Он сказал, что сам прекрасно понимает уязвимость своих позиций в этой ситуации и что в целом он с нами согласен: у Прокуратуры России действительно больше моральных прав на ведение этого дела. Однако в процессе его расследования могут возникнуть такие вопросы, которые без содействия Генерального прокурора Союза решить будет невозможно, поэтому нужно так сформулировать “отречение”, чтобы в нужный момент оба прокурора могли действовать совместно. На том и порешили. К вечеру поторапливаемый нами Трубин подготовил постановление, подписал его, и с понедельника 26 августа противостояние двух прокуратур закончилось.

...Нужно отдать должное Трубину: никакой обиды на нас он не затаил, и дальнейшие наши отношения были отношениями коллег, заинтересованных в успехе общего дела. Подтверждением этого стала история с арестом Лукьянова. У нас были серьезные основания считать, что в заговоре он сыграл далеко не последнюю роль, однако занимаемый им высокий пост и тот факт, что официально он не входил в состав ГКЧП, продлили срок пребывания Анатолия Ивановича на свободе.

Вечером 27 августа мы встретились с Трубиным и договорились, что оставлять в подвешенном состоянии вопрос с Лукьяновым дальше нельзя, надо просить согласие на привлечение его к ответственности, и эта акция должна носить совместный характер, чтобы подчеркнуть единство мнений обеих прокуратур. Таким образом, 28 августа подписанное двумя генеральными прокурорами ходатайство было направлено в Верховный Совет».

После падения ГКЧП было еще неясным, каким будет обновленное государство: Союз республик или Союз суверенных государств, кто в них войдет, каковы будут союзные структуры? Ясно было только одно — прежнего Союза уже нет.

Положение самого Трубина оказалось сложным и неустойчивым. Средства массовой информации обвиняли тогда Прокуратуру Союза во всех мыслимых и немыслимых грехах. Например, в «Независимой газете» появилось сообщение о том, что якобы Прокуратурой СССР оформлялись документы на интернирование руководства РСФСР и других лиц. Руководству прокуратуры пришлось официально заявить, что «документ, подготовленный со ссылкой на Прокуратуру СССР, является грубой ложью и фальсификацией».

А вот что рассказывает о тех днях сам Трубин:

«Тем временем политическая обстановка вокруг Прокуратуры СССР и лично Генерального прокурора СССР продолжала нагнетаться... Любое мое публичное выступление с объяснением позиции Прокуратуры СССР по отношению к ГКЧП воспринималось неоднозначно, сопровождалось репликами недоверия. Содержание моих высказываний на Кубе проверялось по поручению Горбачева по дипломатическим каналам, истребовалась стенограмма.

Все это вынудило меня представить в установленном порядке к освобождению от занимаемых должностей Васильева А. Д. (за шифровку), Абрамова И. П. (за необеспечение надзора за соблюдением законности в КГБ СССР) и Катусева А. Ф. (за необеспечение надзора за состоянием законности в Вооруженных Силах СССР), а также сделать заявление о своей отставке, со ссылкой на то, что в условиях недоверия работать не могу. Однако, приняв решение об освобождении Васильева А. Д., Абрамова И. П. и Катусева А. Ф., Верховный Совет СССР оставил без реагирования заявление о моей отставке. К этому времени Горбачев ознакомился со стенограммой моих высказываний на Кубе, ничего крамольного в них не нашел (я видел и читал эту стенограмму, показывал Голик Ю. В.). Ну а дальше все покатилось к закату».

Понимая, что поражение ГКЧП может вызвать волну репрессий, так называемую «охоту на ведьм», Трубин счел нужным направить специальное обращение ко всем работникам органов прокуратуры страны. В нем он писал:

«Сегодня, когда на смену эмоциям и страстям приходит осознание всей глубины событий трех дней, потрясших стра-

ну, перед органами прокуратуры встает огромная ответственность — полно, объективно, без поверхностных суждений и суетливости дать правовую оценку действий тех, кто участвовал в подготовке и проведении государственного переворота, своими деяниями способствовал этому. Важно, чтобы каждый прокурор, каждый следователь, занятый проверкой или расследованием таких фактов и обстоятельств, постоянно помнил, что он служит Закону и только Закону. Здесь нет и не может быть места амбициям, нездоровым эмоциям и политическим пристрастиям. Должны решительно пресекаться произвол и самоуправство, нарушение прав человека.

Речь идет о судьбах людей, об их чести и достоинстве, правах и свободах. Ни малейшей тени не должно быть брошено на людей честных и ничем себя не запятнавших.

Виновность или невиновность человека не зависит от его убеждений, принадлежности к той или иной партии, движению, вероисповеданию. Лишь конкретные деяния могут быть поставлены ему в вину.

Нельзя допустить, чтобы вернулись времена повального доносительства, всеобщей подозрительности, анонимных обвинений, навешивания ярлыков.

Не призываю к снисходительности — да воздастся каждому по заслугам его, но я хочу, чтобы ни один человек не оказался без вины виноватым».

По указанию Трубина был прекращен целый ряд уголовных дел, которые тогда будоражили все общество, прежде всего уголовное дело в отношении следователей Гдляна и Иванова (30 августа 1991 года). Тогда же было прекращено по реабилитирующим основаниям и дело на А. И. Солженицына.

Созванный срочно в начале сентября 1991 года внеочередной V Съезд народных депутатов СССР квалифицировал действия ГКЧП как «государственный переворот». В лихорадочных поисках путей к преодолению кризиса съезд объявил некий «переходный период для формирования новой системы государственных отношений».

Приняв ряд решений, съезд самораспустился.

Сразу же после завершения работы (и вообще деятельности) Съезда народных депутатов Государственный совет СССР принял постановления о признании независимости Советских Прибалтийских республик — Литвы, Латвии и

Эстонии. В постановлениях отмечалось, что это делается с учетом «конкретной исторической и политической обстановки, предшествовавшей вхождению» названных республик в СССР. Таким образом Госсовет намекал на то, что вхождение это не было добровольным.

Будучи несогласным с этим решением и считая, что Комитет конституционного надзора СССР бездействует, 1 ноября 1991 года старший помощник Генерального прокурора СССР В. И. Илюхин подал рапорт Генеральному прокурору с требованием вмешаться в ситуацию. А еще через 3 дня — 4 ноября 1991 года — он совершил поступок, на который ни до, ни после него не решался не только прокурор такого же уровня, но и ни один Генеральный прокурор, ни в СССР, ни в России... Он, не поставив в известность Генерального прокурора, возбудил уголовное дело в отношении Президента СССР М. С. Горбачева по статье 64 УК РСФСР, карающей за измену Родине, и о чем тут же сообщил газете «Правда», которая на следующий день известила об этом своих читателей.

Вот что пишет в этой связи Илюхин:

«Я знал, какой “гнев”, какой карающий меч может обрушиться после этого. Поэтому и решил все сделать сам, не подставляя под удар других. Какие правовые основания были у меня? Я исходил из того, что при решении прибалтийского вопроса действительно были допущены беспрецедентные нарушения законности...

Я никогда не оспаривал и не оспариваю право наций, народов на самоопределение. Только они могут решать, где и с кем им жить. Но я был и остаюсь приверженцем правового, цивилизованного решения этих вопросов, с учетом интересов всех сторон».

Далее события развивались стремительно. Постановление о возбуждении уголовного дела, вынесенное Илюхиным, было отменено, а Илюхин лишился своего поста.

Вскоре после этого, в декабре 1991 года, было подписано Беловежское соглашение между Президентом РСФСР и руководителями Украины и Белоруссии, оформившее окончательный развал СССР. Генеральный прокурор СССР Н. С. Трубин автоматически потерял свою должность. В приказе было записано, что он освобождается от занимаемой должности «в связи с постановлением Совета Республик Верховного Совета СССР от 26 декабря 1991 г. о прекращении деятельности Союза ССР».

Вскоре после увольнения Николай Семенович Трубин устроился в кооперативно-государственное объединение по

строительству «Росагропромстрой» на должность начальника управления правовой работы.

Когда Правительство Российской Федерации утвердило Положение о порядке назначения и выплаты пенсий прокурорам, следователям, научным и педагогическим работникам органов и учреждений прокуратуры и их семьям, бывший Генеральный прокурор Союза ССР Трубин получил пенсионное удостоверение за первым номером. В 2004 году Николай Семенович возглавил совет региональной общественной организации ветеранов Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Так сложилась судьба последнего Генерального прокурора России. Роман Андреевич Руденко вряд ли мог и помыслить о таком...

Глава XIV

В РАНГЕ «ПАТРИАРХА»

7 октября 1977 года на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва была принята новая Конституция СССР. Глава 21 в ней посвящалась прокуратуре. Высший надзор прокуратуры за исполнением законов, провозглашенный еще Конституцией 1936 года, наполнился новым содержанием. Срок полномочий Генерального прокурора СССР ограничивался пятью годами (раньше составлял семь лет). Конституция устанавливала, что организация и порядок деятельности органов прокуратуры определяются Законом о Прокуратуре СССР.

Сразу же после утверждения Конституции СССР началась усиленная работа над проектом Закона о Прокуратуре СССР. Ее возглавлял, естественно, Руденко.

30 ноября 1979 года Верховный Совет СССР принял ряд важнейших законов: о народном контроле в СССР, о Верховном суде СССР, о Прокуратуре СССР, о государственном арбитраже в СССР и об адвокатуре в СССР.

6 декабря 1979 года Руденко издал приказ № 52, которым предписал всем подчиненным прокурорам и следователям «строго и неуклонно исполнять Закон СССР о Прокуратуре СССР, совершенствовать работу по осуществлению высшего надзора за точным и единообразным исполнением законов, борьбе с преступностью и другими правонарушениями, их предупреждению. Улучшать координацию действий правоохранительных органов, развивать и укреплять связи с трудовыми коллективами и общественностью», а руководителям прокуратур — «постоянно укреплять служебную дисциплину, повышать ответственность к себе и подчиненным; персональную ответственность каждого работника за порученное дело».

5 февраля 1980 года состоялось первое координационное совещание, в работе которого участвовали все руководители правоохранительных органов — Генеральный прокурор СССР

Руденко, Председатель Верховного суда СССР Смирнов, министр юстиции СССР Терехилов, министр внутренних дел СССР Щелоков. На нем присутствовал и заместитель заведующего отделом административных органов ЦК КПСС Гладышев. Председательствовал на совещании Руденко. Был заслушан доклад заместителя Генерального прокурора СССР Найденова по вопросу о мерах усиления охраны общественного порядка в городах и населенных пунктах. Совещание выработало ряд рекомендаций для подчиненных органов.

Здесь будет нелишним вспомнить, что когда Руденко возглавил органы Прокуратуры Советского Союза, высшее юридическое образование имели всего лишь 30 процентов прокуроров и следователей... Менее чем через 20 лет их стало уже 70 процентов, а в 1981 году — почти 99 процентов. Две трети районных и городских прокуроров, основного звена прокурорской системы, имели стаж работы свыше десяти лет, то есть были опытными руководителями. Но немало было из этой когорты прокуроров и тех, кто занимал должности три, а то и четыре конституционных срока подряд. Более 600 прокуроров и следователей при Руденко стали заслуженными юристами.

Стараниями Романа Андреевича Руденко, в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР, в 1970 году были созданы Высшие курсы (впоследствии преобразованы в институт) повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР (в настоящее время Генеральной прокуратуры Российской Федерации). Только за первое десятилетие его существования в институте прошли переподготовку несколько тысяч работников прокуратуры (в их числе и автор настоящей книги), а также группы прокуроров из зарубежных стран.

Terra incognita

Несколько лет назад мне удалось уговорить, уже не раз цитируемого мной, многолетнего помощника Руденко по особым поручениям Валентина Григорьевича Демина поделить свои воспоминания о Романе Андреевиче. Вот они.

«Роман Андреевич Руденко высоко оценивал значение и роль прокуратуры как необходимого государству механизма. Систему прокуратуры он считал одним из устоев правопорядка, а ее централизацию, ее “высший надзор” — важнейшим средством поддержания государственного порядка и государственной дисциплины. Мысли о необходимости единой

законности, о вреде местничества и о прокуроре как представителе центральной власти в вопросах законности — он всегда повторял, отстаивал и развивал. Их непреходящая ценность, если говорить прямо, нисколько не утрачена сейчас, если их не просто повторять, а думать об их творческом развитии.

Особенно это относится к российской хронической беде — местничеству. Активность в противоборстве с ним Руденко всегда считал самым отчетливым критерием уровня надзора.

Направления для практического надзора, естественно, определялись партийными установками. Руденко внимательно следил, чтобы партийные формулировки задач были в максимальной степени перенесены без малейших изъятий из решений съездов, пленумов ЦК и выступлений генеральных секретарей в приказы и указания Прокуратуры СССР. Указания партии для него были непререкаемы.

Когда же речь шла о чисто юридических аспектах любых проблем, Роман Андреевич всегда демонстрировал феноменально глубокое знание и понимание теоретических вопросов, принципов права. Это позволяло ему так проникать в суть любого практического дела, предвидеть перспективы, тонко оценивать доказательства, давать верные советы, что у меня, например, эти его качества вызвали всемерное восхищение. Для всех прокуроров Руденко, безусловно, являлся общепризнанным лидером и авторитетом. Слава Нюрнбергского процесса незримо, но явственно стояла за его плечами.

С чисто профессиональных позиций он очень ценил искусство поддержания государственного обвинения в суде, умение убедительно преподнести результаты следствия, обосновать перед судом прокурорскую позицию.

В 1967 году, буквально через три недели после того, как меня перевели из Владимира на работу в центральный аппарат Прокуратуры СССР, мне пришлось на пленуме Верховного суда СССР возражать против протеста Председателя Верховного суда СССР А. Ф. Горкина по одному из дел об умышленном убийстве. Когда при голосовании позицию прокуратуры поддержали почти все (за протест было всего два голоса), Р. А. Руденко позвал меня к себе, поблагодарил и кое-что уточнил. Так я впервые столкнулся с ним лично.

Вскоре мне снова повезло. Как раз в это время Прокуратура СССР передавала в Верховный суд России совершенно необычное уголовное дело об убийстве, совершенном в Ленинграде. Так получилось, что обвинительные приговоры по этому делу дважды отменялись из-за недостаточности дока-

зательств, хотя обвиняемые в ходе следствия признавали свою вину в убийстве (старая проблема — самооговор или признание?). Следователь, который вначале вел это дело, подписал обвинительное заключение, сразу же был помещен в психиатрическую больницу и оказался психически больным, невменяемым, с манией преследования.

В конце концов Прокурор РСФСР внес протест: признать осужденных невиновными и дело против них прекратить. Президиум Верховного суда России удовлетворил протест, но... вернул дело на дополнительное расследование в Прокуратуру СССР. Следователи на тех же самых доказательствах сделали вывод: а убийцы все же — обвиняемые!

Перед направлением дела в суд его, как я узнал позднее, изучали несколько опытных прокуроров, но все они посчитали, что поддерживать обвинение невозможно.

Через руководство отдела, в котором я работал, мне было передано поручение Руденко — изучить это дело.

Я пришел к выводу, что участие обвиняемых в убийстве доказано и, хотя дело непростое, в этом можно убедить суд. Поддержать обвинение, естественно, было поручено мне.

Когда Верховный суд России вынес обвинительный приговор и я вернулся из Ленинграда в Москву, как только я вошел в здание прокуратуры, меня пригласили к Генеральному прокурору — ему все надо было узнать из первых рук.

В последующие годы я еще несколько раз поддерживал государственное обвинение по серьезным делам Прокуратуры СССР об убийствах и взятках (например, о взятках, полученных в Верховном суде СССР, Председателем Верховного суда Дагестана, Председателем Верховного суда Узбекистана, Председателем Совета Министров Узбекистана — 1976 г.). Ни по одному из этих дел Руденко не давал мне никаких указаний и рекомендаций, и я принимал такие решения, которые сам считал необходимыми. Но он каждый раз внимательно выслушивал меня, когда дело уже было завершено.

Однажды произошел любопытный казус. Верховный суд СССР в Ташкенте рассматривал дело о взятках председателя правительства республики Р. Курбанова. Курбанов был близок к А. Н. Косыгину, его даже знал де Голль... Получение взяток он отрицал, и были серьезные сомнения, что приговор будет обвинительным. Когда все же такой приговор был оглашен и все вышли из зала, я собрал свои записи и пошел к выходу. Вдруг осужденный Курбанов, мимо которого я проходил, протянул мне руку и поблагодарил за “объективность и справедливость”. Я, как говорится, машинально тоже протянул ему руку, и тут же до меня дошла вся

нелепость подобной ситуации! Слава богу, что, кроме конвойных, в это время в зале уже никого не было!

Но первое, что сказал мне при встрече Роман Андреевич, были слова:

“Здравствуйте, товарищ Демин! Вам там, в Ташкенте, подсудимые ручки жмут?” Но, кажется, он был этим даже доволен, ибо жмут-то за справедливое обвинение!

Вообще, Руденко был очень закрытый человек и никогда ни с кем не “раскрывал душу”.

Правда, с удовольствием он всегда вспоминал о Нюрнбергском процессе, отлично помнил все его нюансы. Зато я никогда не слышал, чтобы он хотя бы упомянул о деле Берии или “ленинградском деле”...

Конечно, возможности прокуратуры в конфликтах с партийными органами были весьма ограниченными. По одному из нашумевших тогда уголовных дел об убийстве в Харькове студентки заместитель Генерального прокурора СССР Жогин постановил освободить из-под стражи трех обвиняемых — Хвата, Бобрыжного и Залесского. В ЦК Украины, однако, считали их преступниками. Освободить обвиняемых из-под стражи удалось лишь через полгода.

По другому делу, в Киргизии, повинуясь партийному руководству республики, прокуратура и МВД республики не выполнили указание Прокуратуры СССР об освобождении из-под стражи Н. Прибывший во Фрунзе старший помощник Генерального прокурора Алексей Владимирович Бутурлин вызвал Н. якобы на допрос из следственного изолятора в здание прокуратуры, освободил ее из-под стражи и обеспечил ее немедленный выезд за пределы республики.

Когда по этому делу были впоследствии затребованы объяснения первого заместителя прокурора Киргизии, он недвусмысленно написал: «Если меня снимет прокуратура — я работу себе найду. Если не выполню указаний ЦК компартии республики — мне в ней делать нечего».

И все же не всегда безоговорочно принимал Руденко и решения партийных верхов. Например, когда решался вопрос о передаче дел несовершеннолетних из прокуратуры в следственные аппараты МВД, Роман Андреевич резко выступил против, подчеркивая опасность применения к подросткам “полицейских” мер, убеждал, что это отрицательно скажется на законности предварительного следствия. К сожалению, влияние министра внутренних дел Щелокова оказалось сильнее...

Выступая за сильный действенный прокурорский надзор как за один из основных устоев правопорядка, Руденко не

раз подчеркивал недопустимость огульного безграничного вмешательства прокуратуры во все и вся, не раз говорил о том, что дилетантское вмешательство лишь принижает авторитет надзора и вредит, а не способствует делу.

Скептически он относился и к возложению на прокуратуру “функции” координации правоохранительных органов, считал, что она ничего не даст и не согласуется с основными принципами осуществления надзора. Однако когда решение было принято, дежурные фразы о координации он, конечно, произносил.

...В 1978 году, когда разрабатывался Закон о прокуратуре, Роман Андреевич поручил мне дать принципиальное видение этой проблемы, подчеркнув, что оно должно быть созвучно времени и явиться крупным шагом в развитии надзора. Докладывая ему свои размышления на эту тему, я считал, что основная беда законности — в слабости механизмов права в исполнительной власти. Именно там их нужно усилить, а надзор должен быть в системе этой власти, подчеркивать силу правовых начал в ее деятельности. Исполнительная власть должна и координировать все проблемы правопорядка. “Независимость” от исполнительной власти ничего не даст, так как есть единое для всех партийное руководство.

Выслушав, не перебивая, мое весьма продолжительное “выступление”, Роман Андреевич ничего не одобрил и не порицал. Он коротко сказал: “Товарищ Демин (он всегда так меня называл), лучше я поручу эту работу другому сотруднику”.

К моим взглядам мы больше в разговорах с ним ни разу не возвращались, даже когда я “готовил материалы” для его статьи в журнале “Коммунист”...

Роман Андреевич не раз просил меня почитать веселые вещи наших классиков. Я читал ему Лермонтова и Баркова... Как он хохотал!

И еще одно — чисто личное: моя жена, Лидия Николаевна, вспоминает, что накануне Нового года всегда раздавался телефонный звонок и Роман Андреевич поздравлял ее с праздником».

После Нюрнбергского триумфа Руденко по праву стал считаться советским деятелем мирового масштаба. Он представлял страну на различных конгрессах еще в сталинскую эпоху, когда выезды за рубеж наших юристов были весьма ограничены. Особенно тесные контакты органов Прокуратуры Советского Союза с зарубежными коллегами стали развиваться после XX съезда КПСС. В 1946 году по инициативе

французских юристов — участников движения Соппротивления во время Второй мировой войны была создана международная неправительственная организация — Международная ассоциация юристов-демократов (МАЮД). У ее истоков стоял и Руденко.

Вопросы справедливого наказания нацистских преступников, на которые не распространялись сроки давности, всегда были в сфере внимания Руденко. Он посвятил им немало ярких выступлений в различных аудиториях. В марте 1969 года он был одним из организаторов и генеральным докладчиком на Московской международной конференции по преследованию нацистских преступников. Помимо министров юстиции, генеральных прокуроров и ученых европейских социалистических стран на этом представительном форуме выступили видные общественные деятели Австрии, Англии, Бельгии, Греции, Дании, Италии, Нидерландов, Норвегии, ФРГ, Франции и Швеции.

Конечно, международные связи советской прокуратуры, возглавляемой Руденко, все же были гораздо прочнее с прокуратурами так называемого социалистического лагеря и с прокуратурами развивающихся стран, нежели с партнерами из западных стран и США, с которыми мы все еще находились в состоянии «холодной войны». Однако и с ними контакты все-таки были.

Начиная с 1957 года Советский Союз подписал целый ряд соглашений с социалистическими странами об оказании правовой помощи по уголовным, гражданским и семейным делам. В соответствии с ними Прокуратура СССР стала постоянно поддерживать связи с соответствующими прокуратурами по самому широкому кругу вопросов. Формы и методы общения прокуроров конечно же видоизменялись. Если посмотреть на них современным взглядом, то не всегда они выдерживают критику. Но что было, то, как говорится, было. Прокуратура по-прежнему зачастую становилась заложницей политического решения, принятого высшим руководством страны.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Имре Надь

Венгерский премьер-министр Имре Надь, свергнутый в 1956 году, вначале находился в распоряжении советских войск, а потом был тайно переправлен в Румынию, где находился под домашним арестом недалеко от Бухареста.

В апреле 1957 года он был официально арестован и переправлен в Будапешт. В Венгрии в то время укрепилась власть Яноша Кадара. Следствие по делу Надя велось на родине, но материалы регулярно поступали в Москву для консультации. Обвинительное заключение готовилось совместно венгерскими и советскими юристами.

В служебной записке, адресованной в ЦК КПСС, Андропов и Руденко тогда писали, что «проект обвинительного заключения приемлем, но нуждается в доработке и прежде всего в той части, где освещаются связь предательской группы Надя с империалистами и роль последних в подготовке и проведении контрреволюционного мятежа».

Как видим, эта записка вполне выдержана в лексике того времени. Судебный процесс по делу Имре Надя, закрытый для широкой публики, состоялся в Будапеште. Он был приговорен к расстрелу и незамедлительно казнен.

Но чаша добрых и полезных дел на государевых и исторических весах, на которых стоит взвешивать дела Генерального прокурора СССР Романа Андреевича Руденко, тоже весит немало. Не будем забывать об этом.

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Ментен

В США, Канаде, Аргентине, Чили, некоторых странах Европы нашли надежное прибежище сотни и тысячи фашистских душегубов.

Показательно дело гражданина Голландии Питера Ментена, совершившего преступления на территории Львовской области. Он состоял на службе в СС и непосредственно руководил расстрелом сотен советских людей в селах Подгородцы и Урич. Кроме того, он занимался грабежом ценностей на оккупированных территориях Польши и Украины. В Кракове он получил в свое распоряжение все антикварные магазины. Большие художественные ценности, в том числе картины известных мастеров, он захватил и во Львове. Награбленное он переправлял в Голландию, в свое родовое имение, где поселился после войны.

Высокие покровители в течение нескольких лет не давали привлечь Ментена к уголовной ответственности. Когда процесс все же состоялся, то он был осужден лишь как пособник немцев, а не военный преступник. Наказание было мягким — три года тюрьмы, причем через несколько месяцев Ментена избавили и от него.

Органы советской прокуратуры начали сбор дополнительных доказательств. Во Львовскую область были приглашены голландские юристы во главе с прокурором Амстердама Хабермелом. В селе Подгородцы была произведена эксгумация тел рабочих нефтепромыслов, расстрелянных под руководством Ментена в конце августа 1941 года. Были собраны и предъявлены голландцам убедительные документы по этой и другим казням с участием обвиняемого — показания свидетелей, акты экспертиз, протоколы осмотра.

На новый процесс в Голландию приехали свидетели — очевидцы преступлений Ментена. Однако и припертый к стенке неопровержимыми доказательствами, фашистский палач вел себя в Амстердамском окружном суде вызываясь, что стало предметом запроса в голландском парламенте. Ментен заявил, что все собранное — «выдумка советской юстиции», выставил около 80 лжесвидетелей, бывших эсэсовцев, проживающих в Германии и других странах, выступил с угрозами в адрес высокопоставленных лиц Голландии.

Кстати, обещаний расправы вокруг дела Ментена было немало. Неизвестные лица угрожали многим свидетелям, давшим показания против обвиняемого, и даже прокурору Хабермелу.

Ментен стоял на том, что он не был в 1941 году в селах Подгородцы и Урич и не виновен в казни советских людей. Однако обвинитель — прокурор Хабермел представил суду такую его запись: «Я в качестве зондерфюрера СС прибыл во Львов вместе со штабом группенфюрера Шенгарта для того, чтобы оказать помощь в решении еврейского вопроса, а также для борьбы с движением сопротивления».

Этот красноречивый документ был найден в подвалах бывшего голландского консульства в Кракове, где часто бывал обвиняемый.

Несмотря на все ухищрения, Ментену не удалось переубедить судей. Он был приговорен к 15 годам тюремного заключения.

Однако до торжества справедливости было еще далеко. По кассационной жалобе Ментена Верховный суд Голландии отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение в окружной суд Гааги. В связи с этим газета «Известия» 31 мая 1978 года высказала самое вероятное предположение: «...Верно, и на этот раз кое кто пытается взять под защиту нацистского преступника и смягчить вынесенный ему приговор».

Гаагский окружной суд «смягчил» дело до полного оправдания Ментена. Основание изумило юристов и общественность. Якобы покойный министр юстиции Голландии Донкер в пятидесятых годах обещал Ментену не привлекать его к уголовной ответственности!

Не только в Голландии и СССР, но и во многих других странах поднялась волна возмущения действиями гаагских судей. Общественная группа «Справедливость и гласность в деле Ментена» организовала в Гааге манифестацию, в которой участвовали все организации сопротивления и жертв войны. Р. А. Руденко, бывший в то время Генеральным прокурором СССР, в интервью Агентству печати «Новости» заявил: «...Решение об освобождении военного преступника Ментена есть грубейшее попрание основ международного права и международной безопасности».

Крестьяне сел, в которых в годы войны орудовал Ментен, направили правительству Голландии письмо, в котором требовали отмены оправдательного приговора и примерного наказания эсэсовца.

Помню, как во время командировки во Львовскую область прокурор области Борис Тихонович Антоненко рассказывал мне, что возмущенные жители области вышли на митинги с требованиями наказать преступника. В выступлениях приняли участие студенты и преподаватели Львовского университета, рабочие многих предприятий, лесорубы, колхозники, юристы.

Под давлением общественного мнения голландская прокуратура опротестовала оправдательный приговор, и Верховный суд страны отменил его. При этом Ментен находился на свободе и проживал на своей вилле.

После очередной проволочки дело принял еще один окружной суд — Роттердамский.

В сентябре 1979 года роттердамские судьи нашли свой предлог для приостановления дела — дескать, Ментен страдает старческим склерозом. Соответствующее определение суда было также опротестовано, и летом 1980 года дело начали рассматривать в четвертый раз!

Вновь суд захлестнули потоки наглой лжи.

Ментен и его защитник дошли до утверждений, что фашисты не чинили никаких расправ над советскими людьми. По ходатайству обвиняемого в суд были вызваны бывшие гитлеровцы, которые расхваливали порядки немецких оккупационных властей и договорились до того, что население «дружественно» к ним относилось и не было никаких партизан!

Наконец, 9 июля 1980 года Роттердамский окружной суд вынес Ментену обвинительный приговор и приговорил его к лишению свободы сроком на 10 лет, а также денежному штрафу в 100 тысяч гульденов.

Через шесть месяцев, в начале 1981 года, приговор был утвержден. После победного мая 1945 года пролетело целых тридцать пять лет!

В 70-х годах Руденко бесспорно выдвигался в число самых известных советских юристов. Он неоднократно принимал участие в конгрессах и заседаниях Совета Международной ассоциации юристов-демократов и, как уже отмечалось, был избран в ее руководящий состав.

Широкое сотрудничество с прокуратурами соцлагеря развивалось довольно успешно. Лично Роман Андреевич побывал практически во всех дружественных, как тогда говорили, странах: Венгрии, Болгарии, Германии, Монголии, Польше, Чехословакии, причем не один раз. Он был удостоен многих наград социалистических стран, являлся почетным доктором юридических наук Берлинского университета имени Гумбольдта (ГДР) и Карлова (Пражского) университета в Чехословакии.

Частыми гостями Прокуратуры СССР были и генеральные прокуроры из-за рубежа. В здании на Пушкинской побывали генеральный прокурор Чехословакии Ян Бартушка, генеральный прокурор Польши К. Коштирко, генеральный прокурор ГДР И. Штрайтон, генеральный прокурор Вьетнама Чан Хыу Зык и многие другие.

Наладились прочные контакты с прокуратурами развивающихся стран (так называли страны Азии и Африки, Латинской Америки), в частности, Прокуратуру СССР посетили руководители прокуратур Народной Демократической Республики Йемен, Республики Гвинея-Бисау, Республики Афганистан. Большой интерес к советской прокурорской системе стали проявлять и такие страны, как Бразилия, Индия, Мексика, Финляндия, Швеция.

В 1978 году в течение двух недель в Советском Союзе по приглашению Прокуратуры СССР гостила делегация окружных прокуроров 10 штатов США. Они были приняты Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко, имели обстоятельные беседы в министерствах юстиции и внутренних дел Союза, в Верховном суде СССР. Гости посетили также Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, им дали возможность озна-

комиться с работой Ленинградского городского суда, Ташкентского института судебных экспертиз, прокуратур Узбекской ССР, Самаркандской и Одесской областей, Ленинграда. Окружные прокуроры не только много интересного узнали о работе правоохранительных органов страны, но и осмотрели исторические, культурные и архитектурные памятники наших городов.

В беседе с корреспондентом ТАСС окружной прокурор из города Сан-Франциско Д. Фрейтас сказал: «Мы надеемся, что непосредственные и прямые контакты между советскими и американскими коллегами, установленные во время посещения СССР нашей первой официальной делегацией, внесут вклад в разработку гарантий прочного мира и дружбы между народами двух стран, в разрешение тех проблем, которые нас разделяют... Мы рады начавшемуся продуктивному диалогу между нами и надеемся, что во время ответного визита советских прокуроров в будущем году мы сумеем придать организованный характер нашим дальнейшим контактам».

Ответный визит советской делегации в США состоялся в 1979 году. Прокурорские работники имели многочисленные встречи со своими коллегами и юристами в Нью-Йорке, Чикаго, Денвере, Сан-Франциско и других городах.

Роман Андреевич Руденко был награжден Золотой звездой Героя Социалистического Труда, шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями, являлся депутатом Верховного Совета СССР нескольких созывов, на четырех партийных съездах избирался в Центральный комитет КПСС.

Terra incognita

Конечно, много и еще очень много можно рассказать о профессиональной деятельности Руденко и о его окружении. Ведь сколько интересных людей было рядом, какие горы сложнейших дел они перевернули. Но формат настоящего издания, к сожалению, этого не позволяет сделать.

Он любил свою работу. И мечтал, как говорил мне Федор Кириллович Глух, окончить свою земную юдоль, находясь в строю, на государственной службе.

О том, что Руденко уже пережил 3 инфаркта, никто в прокуратуре не знал. Первые два он заработал еще при Хрущеве, третий случился на даче в конце семидесятых. Тогда его

спасли. «Скорая» примчалась из Кунцева за 20 минут. Как видим, не только большие звезды заработал за свою жизнь патриарх советской прокуратуры...

В январе 1981 года, сразу же после Нового года Роман Андреевич лег на очередное штатное медицинское обследование. Ничто не предвещало беды. Его посещали жена, дети. Чувствовал он себя нормально. Однако вскоре, перед выпиской, где-то на десятый день, на квартире Руденко раздался телефонный звонок. Звонили с «Мичуринки». Сообщили, что Роману Андреевичу плохо, что он теряет сознание. Это был четвертый инфаркт.

Периодически Руденко приходил в сознание. Узнавал окружающих. Последний раз, когда он пришел в себя, а было это 21 января, ему сообщили, что он избран делегатом очередного съезда КПСС. Спросили о его желаниях. Он улыбнулся и, как всегда спокойно, сказал: «Спасибо. Все нормально. Не беспокойтесь». Вскоре ему опять стало плохо — он потерял сознание и больше в него не приходил.

23 января 1981 года Руденко скончался. Шел ему 74-й год. Похоронили патриарха советской прокуратуры со всеми почестями на Новодевичьем кладбище.

11 февраля 1981 года Совет министров СССР принял постановление «Об увековечении памяти Р. А. Руденко и обеспечении членов его семьи». Совет министров СССР присвоил имя Р. А. Руденко Свердловскому юридическому институту и утвердил две стипендии его имени в размере 75 рублей в месяц для лучших студентов этого института (по тем временам это была довольно большая для них сумма).

В мае 1982 года, накануне празднования 60-летия советской прокуратуры, на доме № 15а по улице Пушкинской в Москве (ныне Большая Дмитровка), где долгие годы работал Роман Андреевич Руденко, в его память была установлена мемориальная доска.

Супруга Романа Андреевича ласково называла мужа Рима. В феврале 1942 года, когда по просьбе Руденко решался вопрос о направлении его на фронт и разлука была уже неизбежна, он, чтобы успокоить свою Марийку (а он так среди близких ему людей любяще называл Марию Федоровну) и дочерей на обороте подаренной фотографии написал:

*«Фото от 12 октября 1941 г.
г. Москва*

Как здесь, на снимке, тесно прижавшись друг к другу, сплотилась семья, так и в жизни сплочены мы воедино и навечно. Пройдет время. Закончится война. Залечим раны, нанесенные нам кровавым зверем — фашизмом. Снова забурлит жизнь в советских городах. Зацветут колхозные села. И собравшись семьей, мы будем вспоминать дни Отечественной войны, октябрь 1941 г., когда нависла угроза над сердцем столицы — Москвой, когда маленькая Лора, надев противогаз, с серьезным видом говорила: “Я сегодня дежурная”, а в убежище с гневом ребенка сказала: “Проклятый фашист не дает деткам спать”. Все это будет воспоминанием. А сейчас задача напярочь все силы для выполнения единой цели — разгромить и уничтожить врага! Мужественно перенесем все трудности, временную разлуку и любовь нашу и спаянность еще больше укрепим.

Любимым моим и родным — Марийке, Галочке и Лорочке от Римы и папы.

г. Москва 19/II 1942 г.»

И они все перенесли. А разлука, которая продлилась почти до конца войны, только еще больше испытала и укрепила их отношения, сплотила семью. Ведь не зря говорят, что разлука для любви — все равно что ветер для костра. Маленький костер он легко загасит, большой же раздует еще сильнее.

Их костер горел почти 50 лет!

Через 17 лет Мария Федоровна вновь встретила с Романом Андреевичем — она умерла в 1998 году и похоронена рядом с ее дорогим Римой.

ЧЕЛОВЕК, ЗАКОН, ВРЕМЯ

Вместо заключения

Деятельность Романа Андреевича Руденко на посту главного «стража законности» страны, как уже отмечалось, продолжалась 27 лет. Ни один советский прокурор не занимал столь долго этот пост. Руденко сумел пережить самые страшные и суровые времена. В оценке его работы мы сегодня можем быть уже спокойными и беспристрастными. Он был героем своего времени. А время ему досталось тяжелое. Но времена не выбирают. В них, как сказал поэт, живут и умирают... Во всяком случае, в отличие от его земляка и предшественника Ивана Григорьевича Щегловитова, судьба отнеслась к нему куда благосклоннее. Хотя уже нет государства, интересы которого столь долго и убежденно защищал Роман Андреевич Руденко. Его по праву называли «патриархом советской прокуратуры». Он был ее сыном и создателем одновременно. Его пример служения своей стране не потерял ценность и в наши дни. Правда, сегодня мы оцениваем историю этой страны, а значит, и деятельность Руденко уже с иных позиций...

За несколько лет до рождения Руденко, когда вихри надвигающейся первой русской революции уже пугали и будоражили российское общество и государство, Василий Осипович Ключевский записал в своем дневнике:

«Право — исторический показатель, а не исторический фактор. Термометр, а не температура. Действующее законодательство содержит в себе *minimum* правды, возможной в известное время.

Порядочные люди нуждаются в законе только для защиты от непорядочных. Но закон не преобразует последних в первых.

Закон — рычаг, которым движется тяжеловесный, неуклюжий и шумный паровоз общественной жизни, называемой правительством. Рычаг, но не пар».

Итак, право — не движущая сила общества. Оно не пре-

ображает людей, а лишь сдерживает их. Закон — сильный рычаг. Но возможности его ограничены историческим временем.

Роман Андреевич Руденко, пожалуй, действовал именно в духе этих констатаций великого русского историка. Он не заблуждался относительно своих возможностей. Всегда честно исполнял идущие сверху установки, потому что ясно представлял, чем грозит и чем закончится неисполнение. Ведь он очень много повидал и испытал на своем веку. И еще. Он верил, что в конечном счете общее движение и развитие государственности, которой он служил, верное.

На месте Романа Андреевича Руденко в то «известное время» вполне могли оказаться другие люди. И никто не скажет, смог ли бы кто из них в «известных обстоятельствах» сделать меньше дурного и больше хорошего.

Всё о Р. А. Руденко

Листок 1

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

Громадянин Руденко
Гражданин Роман Андреевич
и в то же время Руденко
року народження 1907 года.
года рождения
(місце народження — место рождения)

Громадянка Ткалич
и гражданка Мария Федоровна
року народження 1909 года.
года рождения
(місце народження — место рождения)

одружились 4/21-1932 года
вступили в брак Ткалича девальвированной
приданий в третий
года.

происшествия и обстоятельств (год, месяц и число)

1932 року 21 місяця 4 числа
года _____ місяця _____ числа
зроблено відповідний запис за № 660
произведена соответствующая запись за № _____
Після реєстрації одруження присвоєно прізвища:
Після реєстрації одруження присвоєно прізвища:
чоловікові Руденко
мужу _____
дружині Руденко
жене _____
Місце реєстрації Недзевинський
Место регистрации Горький
(назва та місце розташування бюро ЗАГС)
(название и местонахождение бюро ЗАГС)

Дата видачі 29 _____ р.
Дата видачі _____ р.
М. П. _____

Завідуючий бюро записів актів громадянського стану
Заведующий бюро записей актов гражданского состояния
ЯТ № 467588
Ваша

Свидетельство о браке, выданное Р. Руденко и М. Ткалич*

* Все документы, представленные в Приложении, находятся в личном архиве автора.

АВТОБИОГРАФИЯ

Руденко Полина Викторовна

ФАМИЛИЯ, ИМЯ И ОТЧЕСТВО

Родилась в 1907 г., в с. Насока, Носовского района, Чувшской области, в семье крестьянина - бедняка.

До революции была членом одной из групп крестьянской молодежи, работала по найму - наемщицей, мать Гавриила. После Великой Октябрьской революции была вынуждена уйти от советской власти, занималась сельским хозяйством, а в 1929 г. вошла в колхоз.

После окончания семи классов школы в 1921 г. я шла горла, коморой работала в хозяйстве, затем начинаешь учиться в школе. В 1924 г. пошла работать на Носовский сахарный завод. В Чувшской области сезон работала на суше, зимой, а в свободное время была в составе этого завода.

В начале 1924 г. вошла в ряды коммунистического комсомола. В декабре 1925 г. на Носовской районской конференции была избрана членом РК Комсомола, а на пленуме - членом бюро РК Комсомола - заводской организации. На комсомольской работе была до апреля 1927 г., а затем вошла в ряды на советскую работу.

В ОРГБЮРО ЦК ВКП(б)

С П Р А В К А

Решением ЦК ВКП(б) от 11/1X-1937 г. тов. Руденко Р. А. был утвержден прокурором Донецкой области.

В 1938 г. Донецкая область разукрупнилась на Сталинскую и Ворошиловградскую области. Тов. Руденко остался работать прокурором Сталинской области, от этой работы он и представляется для освобождения.

Зав.отделом Управления
кадров ЦК ВКП(б)

(Бакакин)

Справка, выданная Р. А. Руденко об утверждении его прокурором Донецкой области

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

о тов. Руденко Р.А.

ЦК КП(б) Украины и Прокуратура Союза ССР просят ЦК ВКП(б) освободить т. Руденко Р.А. от работы прокурора Сталинской области.

Прокурором области т. Руденко утвержден решением ЦК ВКП(б) от 11/IX 1937 г.

Сталинский обком КП(б) Украины, проверив выполнение постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17/XI 1938 г. о перестройке работы по надзору за органами НКВД прокуратурой Сталинской области, установил что прокурор области т. Руденко этого постановления не выполнил.

Спецотдел прокуратуры квалифицированными и политически проверенными прокурорскими работниками не укомплектован. В спецотделе вместо 5 чел. по штату работают только 2 человека.

На день проверки в спецотделе прокуратуры имелось 3603 жалобы, из них 1839 жалоб лежали не расследованными с 1939 г. Отдельные жалобы вложены с 1938 г.

Истребованные еще в январе 1940 г. из УНКВД 305 дел были не рассмотрены.

Отдел Управления кадров ЦК ВКП(б) предлагает освободить т. Руденко Р.А. от работы прокурора Сталинской области.

Тов. Руденко отпускается в распоряжение прокуратуры Украинской ССР.

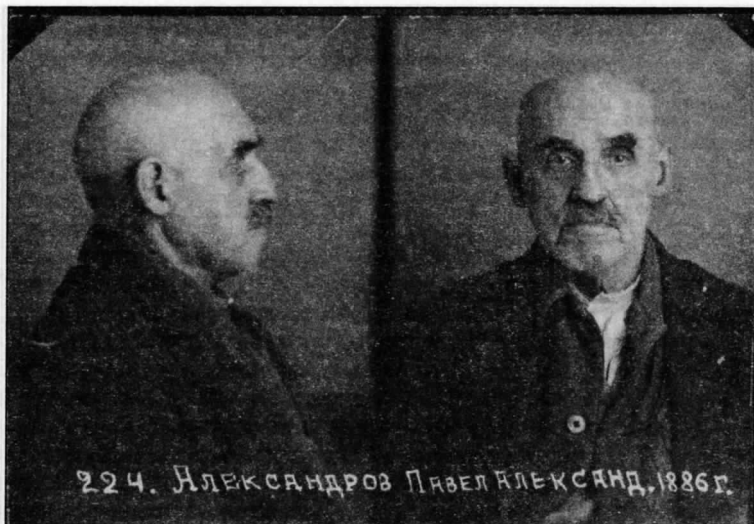
Зав. отделом Управления кадров
ЦК ВКП(б)

(Бакакин)

Инструктор Управления кадров
ЦК ВКП(б)

Гришин (Гришин)

Заключение об освобождении Р. А. Руденко от должности прокурора Сталинской области

Фотография и паспорт П. А. Александрова

РСФСР
Народный комиссариат
Юстиции.
Московская Юридическая
школа.

1 июля 1942 года.

РК-35.
г. Москва.

С В И Д Е Т Е Л Ь С Т В О .

Гр. РУДЕНКО Роман Андреевич, род. в 1907 г., поступил и зачислен на экстернат 1940/41г. в Московскую Юридическую школу и окончил курс обучения в 1941г. 1-го июля, сдав экзамены по предметам, предусмотренным учебным планом НКЮ СССР со следующими оценками:

1. История В.К.И./6/	-	"отлично"
2. Советское Гос. право	-	"отлично"
3. История Народов СССР	-	"отлично"
4. Уголовное право	-	"отлично"
5. Гражданское право	-	"отлично"
6. Уголовный процесс	-	"отлично"
7. Гражданский процесс	-	"отлично"
8. Криминалистика	-	"отлично"
9. Коллективное право	-	"посредственно"
10. Трудовое право	-	"отлично"
11. Судебное устройство	-	"отлично"
12. Суд. медицина и психиатрия	-	"посредственно"
13. Русский язык	-	"отлично"
14. Математика	-	"хорошо"
15. География	-	"хорошо"
16. Административ. право	-	"отлично"
17. Балансоведение	-	"посредственно"

За время обучения в школе гр. РУДЕНКО Роман Андреевич производственную практику при школе не проходил.

Постановлением выпускной экзаменационной комиссии от 1/VII-41 г. гр. РУДЕНКО Роман Андреевич считается окончившим Московскую 2-х годичную юридическую школу - экстерном.

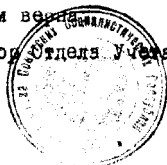
п.п. ДИРЕКТОР МОСКОВСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ - ЗЛАТМАН.

м.п. ЗАВ. УЧЕБНОЙ ЧАСТЬ - СМОЗНА.

СЕКРЕТАРЬ - ЦОЛОВА.

КОПИЯ С КОПИИ ВЕРНА
Инспектор Отдела Учета

28/IV/46.

Александр

Свидетельство, выданное Р. А. Руденко, об окончании Московской юридической школы

И. О. Прокурора Союза ССР

инт. Сахарову Н. Г.
Главному Военному Прокурору Фронт.
гв. Носову

от мат. свидет. по
делу за убийство
Руденко Р. А.

Рапорт

Среднего теленга, принято участие на
самых боевых участках в разгроме врага -
германского фашизма, прошу призвать
меня в Военную прокуратуру и выхо-
дировать на фронтную полосу.

Я 1907 г. рождения, года моб. с 1926 г.
имел звание воина II ранга.

Я обещаю, не страшась никаких
трудностей, испытаний и лишений,
опираясь во свои силы, а если не-
мно буду и рискну за фронтной
социалистической родиной, а дело
нашей партии Ленина - Сталина.

Июль 1941 г.

Р. Руденко

Рапорт Р. А. Руденко с просьбой призвать его в Военную прокуратуру и
направить во фронтную полосу

Прокурору УССР
г. Львов

Уважаемый Роман Андреевич!

Согласно Вашей просьбы в отношении вышеназванного полагаясь на Ваши родимые сведения Ваш свидетель? Проверка на месте Коммунистическим Прокурором г. Нежин по в. Клевай установлена:

Ваш отец и мать в селе не проживают, а жили в г. Киев к своему сыну Николаю, жили примерно весной в 1948 году.

Ваш отец мадьяром был ранее, но по расказам свидетелей был арестован, после чего ушел в г. Киев.

Сестра Ваша Нина в настоящее время проживает в хуторе Подгайно, до приезда Красной Армии со всей семьей находилась в Партизанском Отряде.

Два Ваши брата также были в Партизанском Отряде, а в настоящее время находятся в гор. Тернополь. Все имущество Ваше родимое и на дворежке пострахи совершенно мадьярами.

Это все то, что можно было установить.

С Уважением к Вам

Прокурор г. Нежин

20/а. 1949 г.
г. Нежин.

Ковалев
Карольков

Сведения о родителях Р. А. Руденко, присланные прокурором города Нежина

Роман Андреевич Руденко

Прокурор Украины Ф. К. Глух и В. В. Федорчук (справа)

Прием С. Б. Ниязбековым Генерального прокурора Польши
Л. Чубинского. Справа налево — В. В. Найденов, Л. Чубинский,
С. Б. Ниязбеков, Р. А. Руденко

Р. А. Руденко (второй справа) с болгарским коллегой

Встреча с вьетнамскими коллегами. 1961

Роман Андреевич с первым космонавтом
Юрием Алексеевичем Гагариным

Р. А. Руденко на встрече с избирателями Первомайского района
Луганской области

Р. А. Руденко с чехословацкими коллегами. 1961

Р. А. Руденко и Ян Бартушка (в центре)

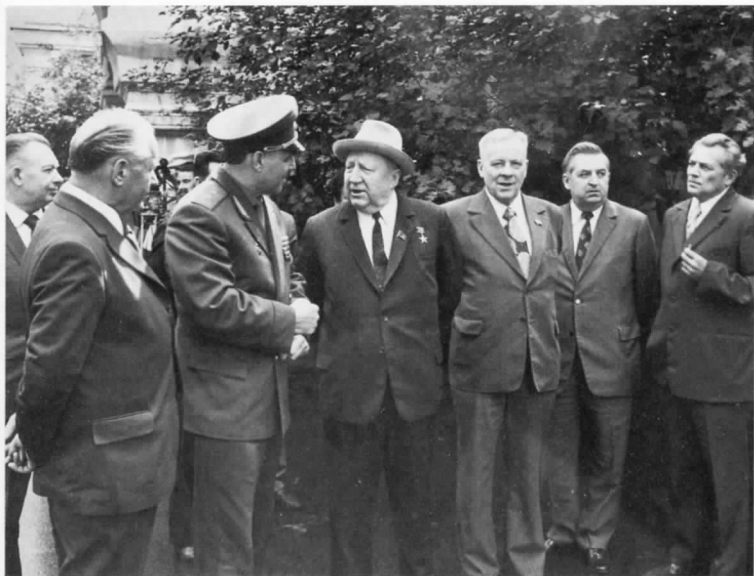
А. Г. Горный

И. В. Черменский

Прием делегации прокуратуры Болгарии

Справа от Р. А. Руденко — А. Н. Смирнов, С. И. Гусев, А. И. Жуков

Р. А. Руденко выступает перед слушателями Института повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР

Директор Института повышения квалификации руководящих кадров
Прокуратуры СССР В. И. Басков и Р. А. Руденко

Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко
с министром внутренних дел СССР Н. А. Щелоковым

Делегация прокуратуры Монгольской Народной Республики

День милиции. 1980

Писатель А. А. Безуглов, доктор юридических наук, профессор

Прокуроры-криминалисты А. А. Герасун и Ю. И. Седов

Э. А. Миронова

Б. В. Кравцов

Слева направо — В. Г. Демин, прокурор Украины П. Г. Осипенко, А. М. Рекунков (в центре), справа от него — посол СССР в Румынии Е. М. Тяжелников

А. Г. Звягинцев и В. В. Найденов. Киев, 1976

Н. С. Трубин и В. В. Найденов. Минск, 1981

Слева направо — А. М. Рекунов, Н. А. Шелоков, Р. А. Руденко,
С. А. Шишков

Слева направо — Р. А. Руденко, Б. В. Кравцов, М. Г. Мальков

А. М. Рекунков вручает памятные сувениры братьям Вайнерам

50 лет советской прокуратуре. Колонный зал Дома союзов, 26 мая 1972 г.

Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков вручает орден «Знак Почета» заместителю прокурора УССР М. О. Потобенко за активное участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС

А. Г. Звягинцев и А. А. Волин. Москва, 2005

Р. А. Руденко в ранге «патриарха». Конец 1970-х гг.

100-летие со дня рождения Р. А. Руденко.

А. Г. Звягинцев с детьми Романа Андреевича Сергеем и Ларисой на Новодевичьем кладбище. Москва, 30 июля 2007 г.

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Рубеико
 имя Роман отчество Андреевич
 2. Пол м. 3. Год рождения 30 января 1907 4. Место рождения:
 а) по существующему адм. делению Новосиб., Новосибир. р-на, Чугайской обл., СССР
 б) по существовавшему адм. делению Новосиб., Новосибирская обл., Чугайск. губернии
 5. Национальность Украинцы 6. Соц. происхождение:
 а) бывш. сословие (звание) родителей Крестьяне-бедняки
 б) основное занятие родителей до Октябрьской революции Строительств после Октябрьской революции Охранит.
 Основная профессия (занятие) в настоящее время (для членов ВКП(б) — к моменту вступления в партию) Служащий стаж работы по этой профессии 13 лет
 8. Соц. положение Автомоб. инж. Партийность Член ВКП(б) 10. Какой организацией принят в члены ВКП(б) Новосибирский обком ВКП(б)
 11. Партстаж 21 1927 г. № партбилета 1639730 или к/карточка 0010908
 12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с 1927 по 1928 13. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какое время) нет 01/10/40
 14. Состоял ли ранее в ВКП(б) нет с какого и по какое время _____ и причины исключения или выгнания _____

15. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда) Волжанский обл. ком. в оппозициях не участвовал
 16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года СНП и ЦП. рас с 1925
 17. Образование Новосибирский гос. инст.

	Подробное название учебного заведения (вуза, техникума, техникума, школы и проч.) и его местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м.-п. год)		Окончил или нет	Есть ли курсы учебы	Какую (узкую) специальность получил в результате окончания учебного заведения
			поступления	окончания или ухода			
Общее и специальное	<u>Новосиб., Чугайск. обл.</u>	<u>Финансы</u>	<u>1914</u>	<u>1921</u>	<u>да</u>		
	<u>Новосиб., Новосибир. обл.</u>	<u>Курсист</u>	<u>1940</u>	<u>1941</u>	<u>да</u>		
	<u>Новосиб., д-р педагог. инст. им. М. В. Ломоносова</u>	<u>История</u>	<u>1940</u>	<u>1941</u>	<u>да</u>		
Политическое	<u>Новосиб., Чугайск. обл.</u>	<u>Финансы</u>	<u>1914</u>	<u>1921</u>	<u>нет</u>		

18. Ученая степень (звание) _____ 19. Имеет ли научные труды и изобретения нет (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении).
 20. Был ли за границей нет

Дата (м.-п. год) с какого по какое времени	В какой стране (указать город)	Цель пребывания за границей

Личный листок по учету кадров

23. Участие в центральных, республиканских, краевых, областных, окружных, городских, районных
выборных органах

Местонахождение выборного органа	Название выборного органа	В качестве кого выбран	Дата (м.-ч. год)	
			избрания	выбытия
Самарская, Самарск. обл.	Колхоз КСОС	Член бюро	11.30	12.31
Самарская, Самарск.	Зирком КСОС	Член З.К.	1.34	12.36
Самарская	Учред. собр. НК КСОС	Член НК	11.36	11.37
Самарская	Чл. Уездн. НК Самарск. области	Член НК	11.40	

24. Знание иностранных языков и языков народов СССР

	Название языков, которыми владеет (читает, пишет, говорит)	
	слабо	хорошо
Иностранных		
Народностей СССР		русский, украинский

25. Участвовал ли в революционном движении и подвергался ли репрессиям за революционную
тельность до Октябрьской революции (за что, когда, каким) нет

26. Участвовал ли в партизанском движении и подпольной работе (как вступил, где, когда и вы-
полняемая работа) нет

27. Военная служба:—в старой армии с _____ по _____ последний высший чин _____
в Красной гвардии с _____ по _____ в каких должностях _____

в Красной Армии с _____ по _____ последняя высшая должность 10 лет

28. Участвовал ли в боях во время гражданской или Отечественной войны (где, когда и в качестве кого)
нет

1 ли в плену (где, когда, при каких обстоятельствах попал, как и когда освобожден из плена)
нет

30. Служил ли в войсках или учреждениях белых правительств нет (если служил, то указать, с какого
и по какое время, где и в каких должностях) _____

31. Находился ли на территории, временно оккупированной немцами в период Отечественной войны
(где, когда и работа в это время) нет

32. Отношение к воинской обязанности: категория учета _____ группа учета _____
 состав _____ военное звание полковник 1 ранга военно-учетная
 специальность № _____ приписан ли к войсковой части _____ наименование военно-учетного
 стола по месту жительства военнообязанного _____
 наименование райвоенкомата по месту жительства военнообязанного Мелеузовский

РПМ
 снят с воинского учета _____
 представлена ли отсрочка от призыва на военное время да, если предоставлена, до какого
 времени в течение 6 лет состоит ли на специальном учете _____

33. Состояние здоровья (имеет ли ранения, контузии, какие и когда получал) _____
здоров

34. Какие награды и поощрения имеет после Октябрьской революции нет

Когда награжден	Кем награжден	За что награжден	Чем награжден

35. Привлекался ли к судебной ответственности (кем, когда, за что) и решение суда _____
нет

36. Имеет ли партизанские нет

Дата (м-ч, год)	Кем наложено партизанские	За что (сущность дела)	Какое вложено партизанские

37. Семейное положение в момент заполнения личного листа неженат, холост
 Семья: нет, 2 дочери и сын нет
(включая состав семьи)

38. Домашний адрес: г. Кув, Левашевская 6/8 кв. 8

20. Сиднев 1944 г.
Дата заполнения

Личная подпись Сиднев
искать работнику

Подпись тов. _____ заверяю

М. П.

Секретарь партийного комитета, партбюро _____

1944 г.

Подпись

Гр. Ру Сазо

П Р И К А З
ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР

г. Москва

№ 666

27 июня 1944 г.

О присвоении классного чина.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16/IX-1943 г. "Об установлении классов чин^{ов} прокурорско-следственным работникам органов прокуратуры" присвоить

Государственного Советника Юстиции 2-го класса:

Тов. РУДЕНКО Роману Андреевичу — Прокурору Украинской ССР.

п. п. ПРОКУРОР СОЮЗА ССР

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК

ЮСТИЦИИ

К. ГОРЬКИН.

Верно: Нач. Сектора Личного Состава

С. Сазо
Сазонова.

С. С.

Приказ Прокурора СССР о присвоении Р. А. Руденко классного чина —
государственный советник 2-го класса

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 2282-583с

от 5 сентября 1945 г. Москва, Кремль.

О мероприятиях в связи с предстоящим процессом в Международном Военном Трибунале.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Назначить главным обвинителем от Советского Союза Прокурора УССР тов. Руденко Р. А.

2. Назначить членом Международного Военного Трибунала от Советского Союза Заместителя Председателя Верховного Суда СССР генерал-майора юстиции тов. Никитченко И. Т.

3. Для руководства подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в Международном Трибунале и в Комитете Обвинителей при нем образовать Комиссию в следующем составе: Вышинский А. Я. (Председатель), Горпенни И. П. (Прокурор СССР), Голяков И. Т. (Верх. Суд СССР), Кобулов Б. З. (НКВД), Круглов С. Н. (НКВД СССР), Кухрянец Д. И. (Чрезвычайная Комиссия по расследованию немецких злодеяний), Трайнин А. Н.

4. Обязать все учреждения, в распоряжении которых находятся материалы, необходимые для следствия и суда над главными военными преступниками, представлять эти материалы указанной выше Комиссии по ее требованию.

Председатель Совета
Народных Комиссаров Союза ССР И. Сталин
Управляющий Делами Совета
Народных Комиссаров СССР Я. Чадаев

УД
1+35/ср

Постановление о мероприятиях, связанных с Международным военным трибуналом

ТЕЛЕГРАММА

У: ДОМА МИНУТ 10 ЕЗДЫ ПРИМЕРНО СТОЛЬКО
НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НЕСКОЛЬКО БОЛЬШЕ ДО
АВТОРА КСТИЦИИ. САМОЕ БОЛЬШЕЕ 10
15 МИНУТ ЕЗДЫ. УБИРАТЕЛЬНО ПРОСИМ ЕСЛИ
При: БУДЕТ ПРИНЯТ ВАРИАНТ БЕРЛИН НЮРНБЕРГ
от: АВТОМАШИНАМИ СООБЩИТЬ НЕ ПОЗДНЕЕ УТРА
При: ЧТОБЫ ОРИЕНТИРОВАТЬ НАС В ОТНОШЕНИИ
ВСТРЕЧИ БЫЛО ДОВОЛЬНО СЛОЖНЫЙ ВОПРОС
ИТОВ. РУДЕНКО ПРОШУ ВАС СООБЩИТЬ ТОВА
РЫКОВУ ЧТО ПРИСЛАННЫЕ НКК МАШИНЫ С
РУССКИМ ШРИФТОМ НИКУДА НЕ ГОДНЫ. ПРОШУ
ЕСЛИ ВОЗМОЖНО, ЗАХВАТИТЬ С СОБОЙ НЕСКОЛЬКО
КОМПЛЕКТОВ РУССКОГО ШРИФТА ДЛЯ МАШИНОК
КАМ ВЫСТАТЬ ЕЩЕ ДВЕ МАШИНЫ С РУССКИМ
ШРИФТОМ. А ТАК ЖЕ НА ПРАВИТЬ ДВУХ МАШИНИСТОК
ОТСУТСТВИЕ МАШИНОК И МАШИНИСТОК ЛИШАЕТ
ВОЗМОЖНОСТИ ПЕЧАТАТЬ МАТЕРИАЛ СУДЕБНОГО
ПРОИЗВОДСТВА.

ВСЕ ВАШИ СООБРАЖЕНИЯ ДОЛЖУ
ОДНАКО ДОЛЖЕН ВАМ СООБЩИТЬ ЧТО ОЛЕТ
НАМЕЧЕН НА ЗАВТРА МОСКВА-НЮРНБЕРГ
ПОСТАРАЮСЬ ДОКАЗАТЬ ВАШ ВАРИАНТ ПРОШУ
ВАС ИНФОРМИРОВАТЬ КРАТКО КАК ПРОШОЛ
СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Телеграммы с заседаний Международного военного трибунала

ФРАНЦУЗЫ АМЕРИКАНЦЫ КОГДА ОНИ СЛУШАЮТ
ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ЭТОМ ХОХЛАТАХ ГОТОВЫ ИЛИ
У НИХ ТЕЗИСЫ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕЙ
ПРОШУ СООБЩИТЬ МНЕ СЕРЧАС ОБ ЭТОМ

МЕНЕ ИНТЕРЕСУЕТ КОГДА ПЕРЕДАДУТ ТЕКСТ
ОБВИНИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕЙ НАШИ КОЛЛЕГИ МНЕ
НЕЗНАЮ ВАШЕ СООБЩЕНИЕ ЧТО ПЕРВЫМИ
ПЕРЕДАДУТ АНГЛИЧАНЕ И АМЕРИКАНЦЫ КОГДА
ОНИ ПЕРЕДАДУТ КАКОЙ РАЗМЕР РЕЧЕЙ КОГДА
ОНИ ОЖИДУТ НАШЕГО ТЕКСТА ПРОШУ
ПОНАДЕРЖИВАТЬСЯ ИНФОРМИРОВАТЬ МЕНЕ СЕРЧАС

У АПП РАУЕНКО ПРОШУ МНЕ ПОДТВЕРДИТЬ
КОГДА ПОСТУПАЮТ ТЕКСТЫ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ
РЕЧЕЙ ОТ НАШИХ КОЛЛЕГ РАЗМЕРЫ ЭТИХ
РЕЧЕЙ СКОЛЬКО ПРИМЕРНО БУДЕТ
СМЕТЕРЕЙ ПРЕДПОСЯНО НА ПРОЦЕСС
КОГДА БУДУТ ЗАЯВЛЕНЫ ХОХЛАТСТВА С
ВМЕСТЕ СМЕТЕРЕЙ МНЕ ВАЖНО ЭТО ЗНАТЬ
СЕРЧАС ОБ ЭТОМ Я ВАС ЗАПЯКИВАЮ
ТЕЛЕГРАФОМ ЧЕТЫРЕ РАЗ ТОМУ НАЗРА ВАУ
ВАШЕГО СООБЩЕНИЯ БОЛЬШЕ ВОПРОСОВ НЕ
ИМЕЮ ПРОШУ ДОЖДИТЕ СЯ ЗАКАЗЫВАЮ ПРОШУ
ВОПРОСАМ

4

ТЕЛЕГРАММА

НЕОБХОДИМО ЗАХВАТИТЬ НЕСКОЛЬКО КОМПЛЕКТОВ РУССКОГО ТЕКСТА ТЕХ МАТЕРИАЛОВ КОТОРЫЕ НАМИ ПРЕДСТАВЛЯЛИСЬ ДЛЯ СУДА. СООБЩИТЕ МИССИИ ПРОТОКОЛЫ И ОТСТАТЫ. ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАХВАТИТЕ НЕМЕЦКИЕ ТЕКСТЫ НОТ УОВ: МОЛОТОВА.

Пр
от
Принят

№	_____	_____	_____
Служебные отметки	_____		
_____	_____		

КАРЕВ ПРОСИЛ ПОЗВОЛИТЬ СЕМЬЕ СООБЩИТЬ ЧТО ПОЛЕТЕЛ. ИМЕМ ПРИЕЗДА С НЕТЕРПЕНИЕМ. КРЕПКО ИМЕЕМ РУКУ. ПРОЦЕСС ИДЕТ НОРМАЛЬНО. ВСЕ. НИКИТЧЕНКО, ГОКРОВСКИЙ.

КАК ВЫ ПРЕДПОЛАГАИТЕ КОГДА ДОЛЖНА НАЧАТЬСЯ МОЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ???

НА СЕГОДНЯШНЕМ ЗАСЕДАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ВИДЕ РАЗЛИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ И СХЕМ. ВАШЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ БУДЕТ НЕ СКОРО. МОЖЕ БЫТЬ ЧЕРЕЗ ДВЕ ТРИ НЕДЕЛИ ЕСЛИ НЕ БОЛЬШЕ.

3533-NC

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА:

Поправки карандашом, сделанные от руки, соответствуют поправкам, лично внесенным подсудимым Функом в пред'явленный ему Американским Обвинением оригинал документа.

ВАЛИЦКАЯ

3533-NC

Настоящим я удостоверяю, что занимал следующие посты и должности:

- /а/ Член нацистской партии с 1931 по 1945 г.
- /б/ ~~Личный советник Гитлера по экономическим вопросам~~ 1931 г. *Это не было!*
- /в/ Начальник отдела центрального директората нацистской партии, ведавшего внутриэкономическими вопросами, Мюнхен 1932 г. *(всего несколько месяцев)*
- /г/ Председатель комитета нацистской партии по вопросам политики в отношении экономики, заседавшего с декабря 1932 г. по январь 1933 г.
- /д/ ~~Заместитель председателя имперского совета по вопросам экономики при НСДАП~~ 1931 г. *Об этом я писал не знаю*
- /е/ Представитель национал-социалистической партии в рейхстаге в келе 1932 г. - феврале 1933 г.
- /ж/ Начальник прессы имперского управления с 30 января 1933 г. по 1937 г.
- /з/ Товарищ имперского министра народного просвещения и пропаганды с 1 марта 1933 г. по 1937 г.
- /и/ Вице-президент имперской палаты культуры в 1933 по 1945 г.
- /к/ Член и вице-президент имперского совета по вопросам культуры 1933-1945 г.г.
- /л/ Вице-президент кредитного банка кинематографии 1933 г.
- /м/ Председатель административного совета министерства относительно об'явлений, делаемых германскими предприятиями 1933-1937 г.г.
- /н/ Председатель совета директоров имперской радиовещательной компании 1933-1937 г.г.
- /о/ Имперский и прусский министр экономики 1938-1945 г.г.
- /п/ Член государственного совета в Пруссии 1938-1945 г.г.
- /р/ Главный уполномоченный по делам экономики - назначен в 1938 г. с декабря 1939 года в имперском министерстве экономики и в имперском банке -
- /с/ Председатель германского имперского банка 19 января 1939 - 1945 г.
- /т/ Председатель совета директоров немецкого гольдсиконт-банка 1939-1945 г.
- /у/ Член имперского совета обороны империи 1939-1945 г.г.

/р/Главный уполномоченный по делам экономики - назначен
в 1988 г. с декабря 1939 года в имперском
министерстве экономики и в имперском банке -
/с/Председатель германского имперского банка 19 января
1989 - 1945 г.

/г/Председатель совета директоров немецкого гольдсиконт-
банка 1989-1945 г.

/у/Член имперского совета обороны империи 1989-1945 г.г.

/ф/Председатель совета директоров континентальной нефтя-
ной компании 1941-1945 г.г.

/х/Член центрального департамента по планированию
сентябрь 1943-1945 г.г.

Зауер
РА

Я могу подписать этот документ
только с твоим поправками и исправ-
лениями которые я внес.
21-12 Валентин Фухи

Документы с Нюрнбергского процесса

BRITISH WAR CRIMES EXECUTIVE [E. S.]
Nuremberg.

25th May 1946.

Dear General Rudenko,

I have just heard with much distress of the tragic death of
General Zoria. May I convey on behalf of the British Delegation our deep
regret and our condolences to you and to all the Soviet Delegation.
We should esteem it a favour if you would pass on our regret, condolences
and deep sympathy to his wife and children.

May I also say on behalf of all my colleagues how much we
appreciated working with General Zoria and how much his cooperation
meant to us in our common task.

With repeated sympathy.

Yours very sincerely,

David Maxwell Fyfe

General Rudenko.

25 мая 1946 г.

Дорогой генерал Руденко,

Я только что узнал с большим сожалением о трагической смерти генерала Зори. От имени британской делегации я хочу выразить Вам глубокое сожаление и соболезнование Вам и всей советской делегации.

Мы будем Вам крайне признательны, если Вы передадите наше сожаление, соболезнование и глубокую симпатию его жене и детям.

От имени всех моих коллег я хочу передать Вам, как мы высоко ценили работу с ген.Зорей и как много дал нам этот совместный труд в нашей общей задаче.

С глубоким сочувствием

покорные Вам

подпись

/Дэвид Максвелл Байл/

Соболезнование от британской делегации по поводу гибели генерала Н. Д. Зори (оригинал и перевод)

Из американской газеты "Старс энд Страйпс"
от 25 мая 1946 года.

Неосторожное обращение с оружием имело резкие
последствия для помощника Руденко.

Нью-Йорк, 24 мая.

Генерал Зоря Николай Дмитриевич, помощник Главного обвинителя от СССР на процессе над главными военными преступниками был вчера убит в то время, как он разбирал оружие, как это сообщили сегодня.

Это сообщение было сделано бригад. генералом Робертом Дж. Гиллом нач. адм. отдела суда Роберта Г. Джексона Главного американского обвинителя. Генерал Гилл сообщил, что Зоря был убит во время чистки оружия.

Главный обвинитель от СССР генерал Р. А. Руденко сказал, что его заместитель коллежник Попровский расследовал это дело и установил, что инцидент произошел случайно. Ничего не было сказано о типе оружия и о месте, где это произошло.

Боролся под Сталинградом.

Зорь было 39 лет. Он боролся под Сталинградом. Он был русским государственными советником. Был женат и имел двух детей. Недавно ему была поручена работа над последующими процессами над главными военными преступниками и часто о нем говорили, как о верном преемнике Руденке на будущем процессе.

Было отдано распоряжение о возвращении его тела на русский оккупационный сектор.

Сообщение из американской газеты «Старс энд страйпс» от 25 мая 1946 года о гибели помощника Главного обвинителя генерала Н. Д. Зори

Делегация Правительства
Федеративной Народной Республики
Югославия
при Международном Военном Трибунале
в Нюрнберге

ГЛАВНОМУ ОБВИНИТЕЛЮ ОТ СССР
при МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ Р.А.РУДЕНКО.

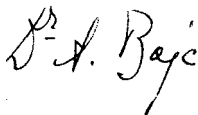
С глубоким жеморблем Югославская делегация сегодня узнала о неожиданной смерти генерала Н.Д.ЗОРИЯ.

От имени нашего отсутствующего шефа проф.Думана Недельковича и всех нас крому Вас и всех Советских делегаций принять наше соболезнование по поводу этой тяжелой утраты.

Во все время нашего сотрудничества покойный генерал Зоря своей необычайной предупредительностью, искренним, дружеским отношением к нам и высокой юридической квалификацией завоевал глубокое уважение и искренние симпатии Югославской делегации.

Весть о его преждевременной кончине вызывает глубокое сожаление и в нашей стране, а ми сохраним о нем светлое воспоминание.

Делегат Югославии

25 мая 1946 г.
г.Нюрнберг.

Соболезнование в связи со смертью Н. Д. Зория югославской делегации

СПРАВКА

При выяснении с тов. Руденко Р. А. установлено, что в 1950 году он окончил 4 курса юридического факультета Киевского государственного университета.

И. Ретинский

23. VII. 1966 г.

Справка об окончании Р. А. Руденко четырех курсов юридического факультета Киевского государственного университета

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА УКРАИНСКОЙ ССР.

В связи с тридцатилетней годовщиной установления советской власти на Украине и достигнутыми успехами в развитии и восстановлении промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры и искусства, **НАГ РА Д И Т Ь** ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТНИКА ИСТИНЫ 2 КЛАССА **РУДЕНКО Романа Андреевича** - Прокурора Украинской ССР.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

- Н. ШИШКИН

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

- А. ГОРКИН

Архив Генеральной прокуратуры РФ, личное дело Руденко Р. А., л. 15
Москва, Кремль, 24 января 1948 г.

Указ о награждении Р. А. Руденко орденом Трудового Красного Знамени

ВЫПИСКА

из приказа Генерального Прокурора Союза ССР

гор. Москва.

№ 77-м

12 - марта 1942 г.

НАЗНАЧИТЬ:

Тов. РУДЕНКО Романа Андреевича - Заместителем прокурора

Украинской ССР по общим вопросам, установив ему оклад 1600

рублей в месяц, освободив его от работы Начальника отдела по надзору за милицией Прокуратуры Союза ССР.

Генеральный Прокурор Союза ССР

В. БОЧКОВ.
КХХХХХХХХ

инспектор отдела учета кадров

Митрофанова

21/III-1950

121

Выписка из приказа об освобождении Р. А. Руденко от должности начальника отдела по надзору за милицией Прокуратуры СССР

ВЫПИСКА

из приказа Прокурора Союза ССР

гор. Москва.

№ 663

28 - июня 1942 г.

НАЗНАЧИТЬ:

РУДЕНКО РОМАНА АНДРЕЕВИЧА в соответствии со ст. 115 Конституции Союза ССР, прокурорам УКРАИНСКОЙ ССР

сроком на 5 лет

ОСВОБОДИВ ЕГО ОТ ДОЛЖНОСТИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРОКУРОРА

ПО ОБЩИМ ВОПРОСАМ ЭТОЙ ЖЕ РЕСПУБЛИКИ.

инспектор отдела учета кадров

21/III-1950

Прокурор Союза ССР
Действительный Государственный
Советник Юстиции

К. Горшенин.

Митрофанова

226

Выписка из приказа об освобождении Р. А. Руденко от должности заместителя прокурора по общим вопросам

Протокол допроса

Обвиняемого Шейнина Льва Романовича

9 июля 1953 года

Шейнин А. Р., 1906 года рождения,
Уроженец Велижского района, Смолен-
ской области, еврей, з-ч спец, член
КПСС, член Союза Советских теат-
ральных деятелей

Допрос начался с 14 час. 20 мин.

Вопрос На допросе Улицкого 1952 года
вы показали, что до 1920 года проживали
в г. Горонце.

Где вы там занимались?

Ответ В Горонце я учился в
школе и работал в Горонцевском уездном
Комитете комсомола заместителем заместителем
отделом и заместителем секретаря Укома.

Позже вы стали писать стихи и они были
напечатаны в литературном приложении
к газете "Светозор" (орган Горонцевского
Укома района). В связи с этим, Укомом
района и Укомом комсомола я
был командирован на работу в Москву,

Подпись

9. июля 1953 г.

родственников родственников не подвергался.

У меня была еще сестра Софья Романовна, умершая в 1941 году. Ее муж Славян Давид Осипович, тоже умерший, в 1923 году был выслан из Ленинграда на три года, но потом реабилитирован и восстановлен во все права.

Вопрос Кто из ваших родственников находился за границей?

Ответ Из моих родственников за границей были только сестра Мария и ее муж Станислав, как работник министерства Внешней торговли. Он работал в Иране, а затем в Румынии по линии Внешторга. Особых родственников за границей никогда не было.

Вопрос был задан в 16 час. 50 мин., возобновлен в 21 час. 50 мин. и окончил в 22 час. 45 мин.

Записано с моих слов правильно,
что и подтверждаю. *Шейн*

Вопросы Г. следственного отдела по
особо важным делам Москва совет
подполковник *Г. Г. Г.*

Подпись

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО.

16 сентября 1953 года.

Гор. Москва.

Помощник Главного военного прокурора подполковник юстиции БАЗЕНКО с соблюдением ст.ст. 135-138 УПК РСФСР допросил нижепоименованного, который показал:

КОБУЛОВ Богдан Захарович
/сведения в деле имеются/.

Допрос начат в 15 часов.

ВОПРОС: Какие указания вы давали Райхману по делу Шейнина?

ОТВЕТ: Примерно в марте-апреле 1953 года, когда рассматривался вопрос об организации следственной части, Берия, ознакомившись со списком арестованных, потребовал доложить ему о сути дела Шейнина. Ознакомиться с делом Шейнина я поручил Влодзимирскому, который сообщил, что дело на Шейнина заведено необоснованно и подлежит прекращению. Чем мотивировал Влодзимирский необоснованность ареста Шейнина я точно не помню. Припоминаю, что Влодзимирский доложил, что почти вся группа лиц, проходивших по связям с Шейниным, из числа бывших сотрудников МГБ, евреев по национальности, также необоснованно обвиняется в причастности к еврейской националистической группе и подлежит освобождению.

Влодзимирский представил мне даже список таких лиц, куда входили: Райхман, Эйтингон, Маклярский, а также Шейнин и др. При этом Влодзимирский настаивал на их немедленном освобождении. Этот список мною был доложен Берия с мнением Влодзимирского.

Протокол допроса Богдана Захаровича Кобулова

Помню, что решение об освобождении Райхмана и Эйтингона Берия принял независимо от мнения Влодзимирского, кажется еще до того, как Влодзимирский докладывал мне свое мнение по этим делам. Берия сам вызывал к себе на допрос Райхмана и Эйтингона, после чего следственной части им было дано указание об их освобождении.

В отношении остальных лиц, указанных в списке Влодзимирского, Берия сказал, что решение об их освобождении он примет "потом". Однако на этом же списке он сделал свои пометки в отношении некоторых лиц, которых он считал возможным освободить раньше.

В этот же период времени рассматривался вопрос об освобождении арестованных врачей.

Одновременно с решением вопроса о прекращении дела на врачей Берия дал мне указание поручить уже освобожденному к этому времени Райхману завербовать Н.Вовси, Б.Коган и Л.Шейнина.

Помню, что по этому поводу Берия раза два разговаривал с Райхманом.

Берия поручил мне, прежде чем приступить Райхману к вербовке Шейнина, ^{самому} выслушать Шейнина. Я вызывал Шейнина в присутствии Влодзимирского и Шейнина категорически настаивал на своей невинности, несостоятельности предъявленных ему обвинений, издевательском отношении к нему со стороны следователей и просил освободить его из-под стражи как ошибочно арестованного.

В соответствии с указанием Берия, я предложил Шейнину написать о своей жалобе заявление на имя Берия. Такое заявление Шейниным было написано и доложено мной Берия, который распорядился впредь делом Шейнина заниматься Райхману.

ВОПРОС: Почему это поручение было сделано именно Райхману, который сам накануне этого был арестован и содержался под стражей?

ОТВЕТ: Не знаю. Берия мне ничего конкретного по этому поводу не говорил, но он высказывал мысль о том, что при

нем, как Министре, должна существовать группа квалифицированных чекистов/оборвавшаяся затем в контрольную инспекцию/, которые должны были бы вербовать и иметь у себя на связи крупных агентов. К числу таких работников он отнес: Райхмана и Этинтона. Очевидно на этом основании Берия и поручил вербовку Шейнина Райхману.

ВОПРОС: Чем мотивировал Берия необходимость создания этой группы, в число которой входил Райхман, позднее назначенный начальником особой инспекции.

ОТВЕТ: Это свое решение Берия ничем не мотивировал, но вскользь заметил, что эта агентура должна быть вроде контрольной над работой агентуры, находящейся на связи в соответствующих управлениях.

ВОПРОС: Почему же это было поручено Райхману, как начальнику особой инспекции?

ОТВЕТ: Мне тоже это не совсем понятно, так как известно, что задачей контрольной инспекции является проверка исполнения приказов Министра и работы органов МВД. Контрольная инспекция подчинялась прямо Берия и я не в курсе ее работы, за исключением отдельных заданий, которые проходили через меня.

Через день-два Берия вернул мне заявление Шейнина и сказал буквально следующее: "Шейнин хитрит, играет" и распорядился "продолжать с ним работать", не уточнив при этом - работать в смысле разработки планов его работы, как агента, или допросов, как арестованного. Так на неопределенное время этот вопрос и повис. Поищу, в конце апреля 1953 года Владимирский спросил меня - нельзя ли освободить Шейнина к 1 Мая. Я ответил отрицательно, сославшись на указание Берия - продолжать с ним работать. В связи с этим Райхман поставил вопрос - как ему быть дальше - вести ли с Шейниным разговор о его сотрудничестве с органами МВД, так как следственная часть /Владимирский/ поняла указание Берия - продолжать работать.

как вести дальнейшую следственную работу. Создалось действительно двойственное ложное положение, о чем я докладывал Берия дважды и получил от него указание с освобождением Шейнина не торопиться. И на этот раз никаких четких указаний в смысле работы с Шейниным Берия не дал.

На последующее обращение ко мне Райхмана по этому вопросу я предложил ему - спросить Берия. Как в последующем решился этот вопрос я не знаю. Помню, что до моего ареста Шейнин освобожден из-под стражи не был.

ВОПРОС: Давал ли Шейнин признательные показания о своей преступной деятельности?

ОТВЕТ: Я дело Шейнина не смотрел. Но когда я его оправдывал, он заявил, что абсолютно ни в чем не виноват и жаловался на применение к нему следствием извращенных методов.

ВОПРОС: Что вам докладывал Влодзимирский по поводу признательных показаний Шейнина, когда он высказал свое мнение о необходимости освобождения Шейнина из-под стражи?

ОТВЕТ: Сейчас не помню докладывал ли он мне о признательных показаниях Шейнина. Помню, что, докладывая мне дело о всей группе лиц, он мне сказал, что все арестованные оговорили себя, что никакой группы не существовало и все это сфальсифицировано.

ВОПРОС: В таком случае, почему вы сами не заинтересовались делами в отношении этих лиц и, в частности, делом Шейнина?

ОТВЕТ: В принципе вопрос еще решен не был. Лично я дела эти не проверял потому, что у меня не было никаких оснований не доверять Влодзимирскому и я ему верил как работнику.

ВОПРОС: Вы знакомы с заявлением Шейнина от 14 марта 1953 года на имя бывшего Министра госбезопасности Игнатьева?

ОТВЕТ: Возможно мне докладывали такое заявление Шейнина, но я этого не помню.

ВОПРОС: Когда впервые Шейнин заявил, что в отношении его применялись незаконные методы следствия?

ОТВЕТ: Я не знаю когда он заявил об этом первый раз. Мне он об этом заявил, когда я его опрашивал.

ВОПРОС: В заявлении на имя Игнатьева от 14.III.1953 года, отказавшись от своих показаний, Шейнин писал, что он лишь вел разговоры с рядом лиц о том, что "к евреям появилось недоверие, их снимают с ответственных постов и т.п." и что он "осознал антипартийность" своих разговоров и "в показаниях делал наименее острую оценку как разговорам националистическим, а, следовательно, антисоветским". Однако в этом заявлении он ничего не писал о примененных в отношении его незаконных методах.

Почему вы, разговаривая с Шейниным, не выяснили почему до всего с ним разговора он не делал заявлений о незаконных методах следствия?

ОТВЕТ: Я не помню читал ли я это заявление. Возможно мне его показывали, но как именно мотивировал Шейнин причины своего отказа от показаний, я не помню. Скорее всего мне это заявление просто доложили, иначе я бы безусловно обратил внимание на то, что в своем заявлении на имя Игнатьева Шейнин ничего не писал о незаконных методах следствия.

ВОПРОС: 20 марта 1953 года, после того как вам было доложено заявление Шейнина на имя Игнатьева от 14.III.1953 г. вы дали указание Влодзимирскому допросить Шейнина.

Почему Шейнин не был допрошен Влодзимирским, а был вызван к Райхману, освобожденному за несколько дней до этого из-под стражи?

ОТВЕТ: Я не помню давал ли я указание Влодзимирскому допросить Шейнина. Возможно давал. К Райхману Шейнин был,

очевидно вызван в связи с выше мной указанной заданием Берия о привлечении Шейнина к сотрудничеству органов МВД, в качестве агента.

ВОПРОС: Кто уполномочивал Райхмана заявить Шейнину, что министром МВД назначен Берия, а вы являетесь его заместителем?

ОТВЕТ: Видимо, это было сделано по указанию Берия. Передавал ли я такое указание Берия - Райхману, я не помню. Но если я его дал, то только по указанию Берия, т.к. после того, как Берия стал сам заниматься делом Шейнина, никаких самостоятельных действий я по этому делу не предпринимал.

ВОПРОС: Для какой цели вы сообщили Шейнину об аресте Рюмина?

ОТВЕТ: Никаких целей я не преследовал. Говорил ли я Шейнину об аресте Рюмина, я не помню. Но я мог это сказать в ответ на его жалобу о незаконных методах и фальсификацию следствия по его делу. Шейнин вел себя очень возбужденно и говорил мне о грубейших нарушениях советской законности и требовал расследования для привлечения виновных. Очевидно, в этой связи я и сказал ему об аресте Рюмина, т.к. в эти дни об аресте Рюмина было опубликовано в печати.

ВОПРОС: Почему же вы до проверки правильности заявлений Шейнина о фальсификации его дела и применении незаконных методов сочли возможным сообщить ему об аресте Рюмина?

ОТВЕТ: В этом я ничего особенного не вижу тем более, что Владимирский, проверявший дело Шейнина, доложил мне, что дело Шейнина сфальсифицировано и подлежит прекращению.

ВОПРОС: В таком случае, почему же вы не освободили Шейнина из-под стражи?

ОТВЕТ: Потому что решался вопрос о возможностях и формах его сотрудничества с органами МВД.

ВОПРОС: В какой связи вы заявили Райхману, что Шейнин на следствии вел себя провокационно?

ОТВЕТ: Хо́да следствия по делу Шейнина и его дела я не проверял. Говорил ли я об этом Райхману, я не помню. Если я об этом говорил Райхману, то, видимо, только потому, что Шейнин то признавался на следствии, то отказывался.

ВОПРОС: Как реагировал Райхман на переданное вами ему указание о вербовке Шейнина?

ОТВЕТ: Это было не мое указание, а Берия. Райхман его принял к исполнению и отнёсся к нему положительно. Во всяком случае никаких возражений Райхман мне не высказывал в отношении возможности вербовки Шейнина.

Более того, передавая мне указание о вербовке Шейнина, Берия мне сказал, что хотя они т.е. Шейнин и Райхман общались до ареста Шейнина, но это, как выразился Берия "делу не мешает".

ВОПРОС: Чем объяснить, что после вашего разговора Шейнин написал заявление аналогичное по своему содержанию с заявлением Райхмана, которое он писал до освобождения его из-под стражи.

ОТВЕТ: Это объяснить я не могу. Никаких указаний Шейнину о содержании его заявления - я ему не давал.

ВОПРОС: Вы признаете, что предложив Шейнину написать заявление о ходе следствия по его делу, заявили в присутствии Шейнина - "Эта бабка ещё поработает"?

ОТВЕТ: Я не помню, делал ли я такое заявление. Возможно, что я и сказал, что-либо в этом духе, т.к. к тому времени вопрос об использовании Шейнина Берия уже был предрешен.

ВОПРОС: Следовательно, получив от Шейнина заявление о якобы имевшей место фальсификации его дела и применении незе-

конных методов следствия, и, не проверив это заявление, вы заранее сориентировали Шейнина в исходе его дела, заявив ему об аресте Румяна и возможном его, Шейнина использовании?

ОТВЕТ: Я уже показал, что Влодзимирский мне доложил, что дело Шейнина сфальсифицировано и подлежит прекращению, а также имелось указание Берия об использовании Шейнина в качестве агента, поэтому не исключено, что я дал понять Шейнину о возможности предстоящего сотрудничества его с МВД.

ВОПРОС: Разве Влодзимирский занимался проверкой о применении в отношении Шейнина незаконных методов в процессе следствия по его делу?

ОТВЕТ: Каким образом проверялось дело Шейнина следственной частью и кто конкретно его проверял, я не знаю. Влодзимирский мне доложил, что дело проверено и оно сфальсифицировано, а что в следственной части бывшего МГБ СССР широко применялись незаконные и извращенные методы следствия, это уже было к тому времени мне известно.

ВОПРОС: Какое задание вы давали Райхману об использовании Шейнина в 1938 году?

ОТВЕТ: В 1938 г. Берия мне сообщил, что он имеет задание инстанции проверить одного из руководящих работников с точки зрения его честности в отношении партии и правительства. Тут же Берия сообщил мне, что наиболее близким человеком к этому работнику является Шейнин и что нужно срочно наметить оперативного работника, который бы сумел склонить Шейнина на чистосердечную характеристику упомянутого руководящего работника.

Я посоветовался с моим заместителем по СПО Федотовым и тот мне назвал в качестве наиболее подходящего оперативного работника для этих целей Райхмана. Райхман подтвердил свое знакомство с Шейниным о чем мной было положено Берия.

При этом было установлено, что Шейнин находится на отдыхе где-то на юге, кажется в Сочи.

Берия предложил, ввиду неотложности задания, командировать Райхмана к Шейнину для выполнения этого задания.

Райхман считал наиболее целесообразным в интересах дела, чтобы я дал ему записку на имя Шейнина с просьбой рассказать Райхману все, что ему известно по интересующему нас вопросу.

Вернувшись из поездки, Райхман доложил, что Шейнин характеризует упомянутого руководящего работника весьма положительно и ничего отрицательного о нем не сказал.

Не помню, докладывал ли Берия это сам Райхман или через меня, но об этом Берия было доложено.

Записано с моих слов правильно и мной прочитано.

Б.КОЕУЛОВ

Допрос окончен в 17.50

Допросил: Пом. Главного военного прокурора
Подполковник юстиции

/БАЗЕНКО/

Верно:
Майор адм. службы:

 (Ярьев)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

19 сентября 1953г. Ст.Помощник Главного военного прокурора полковник юстиции ИВАНОВ допросил в качестве обвиняемого

ВЛОДЗИМИРСКОГО Льва Емельяновича

Допрос начал в 10 час.50 мин.

ВОПРОС: Дело по обвинению Шейнина находилось в производстве в следственной части по особо важным делам МБД СССР в марте-июне 1953г., когда вы ее возглавляли?

ОТВЕТ: Да, дело Шейнина находилось у нас в производстве весь этот период.

ВОПРОС: Какие поручения и указания по делу Шейнина вы получали от Берия и Кобулова?

ОТВЕТ: От Берия и Кобулова я указаний по делу Шейнина не получал.

ВОПРОС: Кто вел дело Шейнина?

ОТВЕТ: Я этого не помню, но группой дел, в которую входило и дело Шейнина, сначала занимался мой заместитель Иванов, а затем Хват.

ВОПРОС: Вы лично знакомы с делом Шейнина и читали его показания?

ОТВЕТ: Да, я читал собственноручные показания Шейнина и несколько протоколов его допроса. Все дело я не читал.

Протокол допроса Льва Емельяновича Владзимирского

ВОПРОС: Шейнин признавал себя виновным и давал показания о своей преступной антисоветской деятельности?

ОТВЕТ: Шейнин виновным себя признавал, но, насколько я помню, он давал неконкретные показания - в общих формулировках об обывательской националистической болтовне.

ВОПРОС: Вы были знакомы с заявлениями Шейнина?

ОТВЕТ: В марте или в начале апреля 1953г. из секретариата я получил один экземпляр копии заявления Шейнина, в котором он писал, что он ни в чем не виновен, что арестован был напрасно, просил о реабилитации и заканчивал заявление тем, что он непронаший человек и еще может быть полезен.

В связи с получением этого заявления я и познакомился с показаниями Шейнина, о которых он в заявлении умалчивал. После этого я по своей инициативе доложил Кобулову Б., что верить заявлению Шейнина нельзя, т.к. он даже в своих собственноручных показаниях, хотя и неконкретно, но признавался в своей антисоветской болтовне. Кобулов мне сказал, что надо с ним будет разобраться. Вскоре после этого мне позвонил Райхман и сообщил, что он имеет указания Берия лично зайти к Шейнину и что он его будет вызывать к себе. В связи с этим следствием по делу Шейнина с конца апреля или с мая м-ца с.г. мы не занимались и с делом Шейнина не разбирались.

ВОПРОС: Вы вызывали Шейнина к себе на допрос?

ОТВЕТ: Мне из внутренней тюрьмы как-то раз сообщили, что Шейнин настойчиво просит его вызвать. Я его вызвал к себе в кабинет и в присутствии Хвата и, кажется, следователя спросил, что он хочет. На это Шейнин мне ответил, что он интересуется результатами по своему заявлению. Я ему на это ответил, поскольку его заявление неправильно освещает факты и

не содержит его признаний в антисоветской болтовне, то с его делом будем еще разбираться. Шейнин стал доказывать, что его показания носят "барабанный" характер и содержат громкие формулировки и в них нет конкретных фактов. На мой вопрос, зачем же он давал такие показания и били ли его во время следствия, Шейнин ответил, что его не били, но что когда ему обещали его побить, то он сказал, что тогда он даст какие угодно показания, в том числе и на следователя. На этом разговор был закончен и больше я Шейнина не вызывал. С ним продолжал работать Райхман, но по каким вопросам, мне не говорили. Протокола допроса Шейнина я не составлял и его по существу не допрашивал.

ВОПРОС: Вы присутствовали при допросе Шейнина Кобуловым?

ОТВЕТ: Насколько я помню, не присутствовал, возможно это было до моего прихода в следственную часть.

ВОПРОС: Вы объявляли Шейницу о том, что Рэжин арестован?

ОТВЕТ: Нет, я ему об этом не говорил.

ВОПРОС: Отглашаю вам выдержку из протокола допроса Кобулова Б.З. от 16 сентября 1953г. Кобулов показал:

"Примерно в марте-апреле 1953г., когда рассматривался вопрос об организации следственной части, Берня, ознакомившись со списком арестованных, потребовал доложить ему о сути дела Шейнина. Ознакомившись с делом Шейнина я поручил Влодзымирскому, который сообщил, что дело на Шейнина заведено необоснованно и подлежит прекращению. Чем мотивировал Влодзымирский необоснованность ареста Шейнина, я точно не помню. Припоминаю, что Влодзымирский доложил, что почти вся группа лиц, проходивших по связям с Шейниным, из числа бывших сотрудников КГБ, евреев по национальности, также необоснованно обвиняется в причастности к еврейской националистической группе и подлежит освобождению.

Влодзымирский представил мне даже список таких лиц, куда входили:

Райхман, Этингон, Маклярский, а также Шейнин и др. При этом Влодзимирский настаивал на их немедленном освобождении. Этот список был доложен Берия с именем Влодзимирского".

Вы подтверждаете эти показания Кобулова?

ОТВЕТ: Я подтверждаю эти показания Кобулова в той части, что действительно им было поручено мне и Хвату разобраться с делами арестованных сотрудников МГБ. Хват со следователями разбирался с этими делами, допрашивал сотрудников, проверял следствие по их делам и представил по каждому делу заключение с изложением обстоятельств дела и с выводом о прекращении дела. Хват подробно докладывал мне, что дела на ряд сотрудников необходимо прекратить. Я предложил Хвату составить список на арестованных сотрудников, с кратким изложением существа дела, и когда этот список был составлен, я доложил его Кобулову. Он его оставил у себя, а через несколько дней вернул и оказал, что Берия предложил подождать о освобождении. Спустя несколько дней, некоторых арестованных сотрудников освободили, как, например Матусова и Свердлова. Входил ли в этот список Шейнин, я не помню. Список и заключения в июне с.г. мною были переданы Козыреву. Кобулов мне не давал специального указания заниматься делом Шейнина, но в связи с моим докладом, что заявление Шейнина неправильное и он сам на следствии признавался в антисоветской болтовне, Кобулов мне сказал, что с делом Шейнина надо разобраться, но вскоре после этого допросы Шейнина были поручены Райхману.

ВОПРОС: Вам оглашаются следующие выдержки из этого же протокола допроса Кобулова Б.:

"Я вызывал Шейнина в присутствии Влодзимирского и Шейнин категорически настаивал на своей невиновности, несостоятельности предъявленных ему обвинений, издевательском отношении к нему со стороны следователей и просил освободить его из-под стражи, как ошибочно арестованного. В соответствии с указаниями Бе-

рия, я предложил Шейницу написать о своей жалобе заявление на имя Берия. Такое заявление Шейницким было написано и доложено мной Берия, который распорядился впредь делом Шейница заниматься Райхману... Помню, в конце апреля 1953г. Владимирский спросил меня - нельзя ли освободить Шейнина к 1 мая. Я ответил отрицательно, обратившись на указание Берия - продолжать с ним работать... Владимирский, проверявший дело Шейнина, доложил мне, что дело Шейнина сфальсифицировано и подлежит прекращению."

А эти показания Кобулова Б. вы подтверждаете?

ОТВЕТ: Я точно не помню, по возможно Кобулов при мне и вызывал Шейнина. Заявление на имя Берия я читал и именно о нем я докладывал Кобулову, что оно неправильно описывает факты. Еще до заявления Шейнина, тогда, когда я сам еще не знакомился с его делом, а судил о нем по докладу своего заместителя Иванова или Хвата, я говорил Кобулову, что обвинение Шейнина необоснованно и в деле нет фактов, изобличающих его в антисоветской работе. Я не настаивал на освобождении Шейнина к 1 мая 1953г. Возможно, что я спрашивал Кобулова, как быть с делом Шейнина, которое оставалось в следчасти, а с Шейницким стал работать Райхман. На это Кобулов мне что-то ответил, но сейчас содержания его ответа я не помню.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

Владимирский

Допрос окончен в 13 ч. 20 м.

Допросил: Ст. ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО ВОЕННОГО
ПРОКУРОРА - ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ - ИВАНОВ

Верно:

Майор адм. службы

 Юрьева/

1. 2 от-машин
1005
К. В. Прокуратура - 22.06.1953

СЕКРЕТНО
Утрата - 1953
КГБ
Изм. № 1781966 г.
В-ром

ПРИКАЗ

Министра Внутренних Дел Союза ССР
и
Генерального Прокурора Союза ССР
за 1953 год

РАСЕКРЕЧЕНО

Нач. Первого отд. *Иванов*
15. 02. 2004

СОДЕРЖАНИЕ:

№ 0270/265с. Об исполнении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 года «Об упразднении Особого совещания при Министре внутренних дел СССР».

Сенцова - Иван
28.9.12. 11/180 от
2.8.12.042
(Реш. № 1/483 от
2.8.12.2004с)

№ 0270/265с. 12 октября 1953 года гор. Москва

1 сентября 1953 года Президиум Верховного Совета СССР издал без опубликования в печати Указ «Об упразднении Особого совещания при Министре внутренних дел СССР».

В целях дальнейшего укрепления социалистической законности и повышения роли советского правосудия Президиум Верховного Совета СССР постановил:

1. Упразднить Особое совещание при Министре внутренних дел СССР.
2. Установить, что жалобы и заявления осужденных Коллегией ОГПУ, Тройками НКВД—УНКВД и Особым совещанием об отмене решений, сокращении срока наказания, досрочном освобождении и о снятии судимости, рассматриваются Прокуратурой СССР с предварительным заключением по этим делам МВД СССР.
3. Предоставить Верховному суду СССР право пересматривать по протесту Генерального Прокурора СССР решения бывших Коллегий ОГПУ, Троек НКВД—УНКВД, Особого совещания при НКВД—МГБ—МВД СССР.

Приказ об упразднении Особого совещания при Министерстве внутренних дел СССР

КОНТРОЛЬ
Секретариата
Генерального
Прокурора
СССР

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Тов. Р.А.РУДЕНКО

*к нар
М.А.Мельников*

Уважаемый Роман Андреевич!

*м. Вульфович
В.А.Мельников*

Мы просим Вас содействовать скорейшему пересмотру дела сына знаменитого русского писателя Леонида Андреева - Даниила Андреева.

Даниил Андреев решением Особого Совещания МГК в 1947 году на заседании с участием Абакумовым получил приговор на 25 лет.

Срок этот он отбывает во Владимирской тюрьме.

Комиссия Верховного Совета пересмотрела дело Даниила Леонидовича Андреева, отвергла наиболее тяжелую часть обвинения, оставив обвинение по ст. 58-10, установив срок наказания в 10 лет.

Материалом для этого решения был протокол о романе: сам роман, написанный Даниилом Андреевым, уничтожен по решению Абакумова.

До окончания десятилетнего срока Даниилу Леонидовичу осталось 6 месяцев, но он тяжело болен, и дальнейшее пребывание в тюрьме может оказаться для него смертельным.

Мы просим о повторном пересмотре дела и одновременно ходатайствуем перед Вами о досрочном освобождении из тюрьмы больного Д.Л. Андреева, чтобы сын известного русского писателя, книги которого мы сейчас переиздаем, не умер в тюрьме.

м.а. Мельников

Уважаемый Роман Андреевич

Виктор Шкловский

*Константин Симонов
Корней Ковалев*

*Виктор Шкловский
Корней Ковалев
Иван Ковальчук
М. Хрущев*

Обращение к Генеральному прокурору о пересмотре дела и досрочном освобождении писателя Д. Л. Андреева из тюрьмы

В Контрольную Комиссию ЦК КПСС
тов. Комарову
от Железняк Зинаида Михайловна
прож. Москва Мотайский вал 4/6 кв. 73
жени реабилитированного 10/10/1955г.
Крыленко Николая Васильевича

Заявление

Прошу рассмотреть дело о партийной
реабилитации Крыленко Николая Васильевича
1935г. рождения, члена КПСС с 1904г.
По постановлению о реабилитации Военной
Коллегией Верховного Суда Союза ССР
от 10 августа 1955г.

Железняк

12 сентября 1955г.

Просьба о рассмотрении дела о партийной реабилитации Н. В. Крыленко

КОПИЯ

А.Н.ШЕЛЕПИН Р.А.РУДЕНКО

в ЦК КПСС
5 января 1960г.

РАССЕКРЕЧЕНО

РАССЕКРЕЧЕНО

Совершенно секретно

Ц К КП С С

2 сентября 1955 года Военной коллегией Верховного Суда СССР осужден к 8 годам лишения свободы Сталин Василий Иосифович за злоупотребления служебным положением и антисоветскую агитацию (ст.ст. 193-17 "б" и 58-10 ч.1 УК РСФСР)

Сталин В.И. признан виновным в том, что, будучи командующим ВВС Московского военного округа с января 1948 по август 1952 года, преступно халатно относился к исполнению служебных обязанностей, систематически пьянствовал, злоупотреблял своим служебным положением, разбазаривал государственные средства и материальные ценности.

Кроме того, Военная коллегия в приговоре указала, что он проявлял недовольство проводимыми партией и правительством мероприятиями о реорганизации государственного аппарата, изданным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года "Об амнистии" и высказывал намерения сделать иностранным корреспондентам заявление, направленное на дискредитацию руководителей партии и правительства.

Сталин В.И. содержится в заключении 6 лет 8 месяцев. За этот период времени администрацией мест лишения свободы характеризуется положительно.

В настоящее время он имеет ряд серьезных заболеваний (заболевание сердца, желудка, сосудов ног и другие недуги).

Учитывая вышесказанное, просим ЦК КПСС рассмотреть следующие предложения:

Обращение А. Н. Шелепина и Р. А. Руденко в ЦК КПСС об освобождении В. И. Сталина от дальнейшего отбывания наказания

КОПИЯ

РАСЕКРЕЧЕНО

применить к Сталину В.И. частную амнистию, освободить его от дальнейшего отбывания наказания и снять судимость;

поручить Моссовету предоставить Сталину В.И. в г.Москве трехкомнатную квартиру;

поручить Министерству обороны СССР назначить Сталину пенсию в соответствии с законом, предоставить ему путевку в санаторий сроком на 3 месяца и возратить изъятое при аресте лично принадлежащее ему имущество;

выдать Сталину В.И. 30 тысяч рублей в качестве единовременного пособия.

Проекты постановлений ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и распоряжения Совета Министров СССР прилагаются.^x

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ**

А.ШЕЛЕПИН

**ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
ПРОКУРОР ГОРДА ССР**

Р.РУДЕНКО

5 января 1960 года

в ЛЗ-Ц

Ф.45, оп. I, д. I560, лл. I9-20. Ксерокопия подлинника

^x Не публикуются. Постановлением Президиума ЦК КПСС от 8 января 1960г. предложения ЗСА.Шелепина и Р.Руденко были приняты.

К.П.К. при ЦК КПСС

При входе в ЦК для дачи объяснений по записке администрации ЦК, в которой описывалась деятельность органов государственной безопасности в отношении граждан М.В.Б. - тов. Леонтьев был задан следующий вопрос о том как он осуществлял в целом контроль прокурорского надзора за следствием и в каком мере считал себя как генеральный ответственный за деятельность следствия государственного органа М.В.Б. в период моего пребывания в прокуратуре СССР.

В связи с заданным тов. Леонтьевым вопросом, считал необходимым сообщить следующее:

1. Состояние прокурорского надзора за следствием в органах М.В.Б. - МВД. было неудовлетворительным. Прокурорский надзор не обеспечивал соблюдения законности и вследствие этого имели место случаи необоснованного привлечения органами государственной безопасности граждан к уголовной ответственности и другим видам нарушения советских законов.

Были случаи когда граждане привлекались к ответственности за такие факты, которые по своей малозначительности, с учетом личности обвиняемого, не считались необходимыми для применения уголовной ответственности. Были и такие, несомненные случаи, когда советские люди привлекались к ответственности по обвинению в тяжких преступлениях на основании клеветнических материалов, а иногда

интерес в том, что постановлением БТХ агента велики.

Бесспорно совещание находилось в ведении МРБ СССР. Представляется опасным для государственной безопасности положение, когда органы и подотдел органов сами возбуждают дела, сами расследуют и сами судят. Представляется совершенно недопустимым и противозаконным вмешательство органов в дела органов. Суд в этом смысле является органом контроля. Он существует для того, чтобы критически оценить материалы следствия. Судебный приговор всегда может быть обжалован. Недостатком гражданских исков можно как не судить, так и рассмотреть ^{интересами} ~~интересами~~ для обжалования постановлений о освобождении.

9. Я написал о том, как сложилась деятельность в последнее время практики возбуждения, расследования и рассмотрения дел следствии по которым проводилось арестование.

На практика, которую в настоящее время приходится постоянно обрывать и изменять, пересматривая значительное количество дел, сложилась в 1940 году и существенно не менялась до 1951 года.

Меня после военачальника товарища Мамыкина на совещании Министров и Начальников областных управлений МРБ и прихода в Министративно подотдел. Методика эта стала меняться.

Г. Сидоров

11 Марта 1954.

403

КОПИЯ

РАССЕКРЕЧЕНО

ОСОБАЯ ПАПКА

СССР

**КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР**

РАССЕКРЕЧЕНО

Совершенно секретно

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
0692
- 9 МАР 1965
6-А СЕКТОР
в ЦК КПСС Общ. отд. А

19 " марта 1962 г.

№ 647-с
гор. Москва

Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР докладывает, что 19 марта 1962 года в 13 часов в г.Казани скончался ДЖУГАШВИЛИ (СТАЛИН) Василий Иосифович.

По предварительным данным, причиной смерти явилось злоупотребление алкоголем. ДЖУГАШВИЛИ В.И., несмотря на неоднократные предупреждения врачей, систематически пьянствовал.

Считаем целесообразным похоронить ДЖУГАШВИЛИ В.И. в г.Казани без воинских почестей. О смерти ДЖУГАШВИЛИ В.И. сообщить его ближайшим родственникам.

Просим согласия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

В. Семичастный В. СЕМИЧАСТНЫЙ

Донесение КГБ о кончине В. И. Джугашвили (Сталина)

П Р И Г О В О Р

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

14 февраля 1966 года Судебная Коллегия по уголовным делам
Верховного Суда РСФСР в составе:

председательствующего - Председателя Верховного Суда РСФСР
СМИРНОВА Л.Н.

народных заседателей - т. ЧЕЧИНО И.А.
т. СОКОЛОВА П.Б.

с участием - представителя Государственного обвинения
помощника Генерального прокурора СССР - государ-
ственного советника юстиции 3 класса т. ТЕДУМЧИНА
О.П. и

общественных обвинителей - членов Союза писате-
лей СССР т.т. КЕДРИНОЙ Э.С. и ВАСИЛЬЕВА А. Н.

Защиты в лице адвокатов т. КОГАНА Э. - в защиту
подсудимого СИНЯВСКОГО А.Д. и т. КИСЕНИШКОГО И.М.
в защиту подсудимого ДАНИЭЛЯ Ю.М.

при секретаре тов. ВОРОБЬЕВОЙ Т.В.

рассмотрев в открытом судебном заседании уголовное дело по
обвинениям:

С И Н Я В С К О Г О Андрея Донатовича, родившегося 8 ок-
тября 1925 года в городе Москве, гражданина СССР, русского,
ранее не судимого, женатого, имеющего сына, образование
высшее, кандидата филологических наук, до ареста работав-
шего старшим научным сотрудником в Институте мировой лите-
ратуры им. А.М. Горького Академии наук СССР, члена Союза
писателей СССР, до ареста проживавшего в городе Москве
Клесный переулок дом 9, квартира 9.

Д А Н И Э Л Я Юлия Марковича, родившегося 15 ноября 1925
года в городе Москве, гражданина СССР, еврея, ранее не
судимого, женатого, имеющего сына, образование высшее,
поэта-переводчика, до ареста проживавшего в городе Москве
Ленинский проспект, дом 85 кв. 3, -

обоих в совершении преступления, предусмотренного частью I
статьи 70 Уголовного Кодекса РСФСР.

Приговор А. Д. Синявскому и Ю. М. Даниэлю

Судебным следствием установлено:

Начиная с 1959-60 г.г. в различных зарубежных издательствах, в том числе в специальных антисоветских и антикоммунистических изданиях, стали публиковаться произведения авторов, скрывающихся под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак.

После опубликования этих произведений обширные извлечения из них неоднократно передавались радиостанциями, ведущими анти-советскую пропаганду.

Комментарии к изданиям и радиопередачам произведений Абрама Терца и Николая Аржака свидетельствовали о том, что они привлекли внимание реакционных органов буржуазной пропаганды своим антисоветским содержанием.

Так, например, по поводу повести Абрама Терца "Суд идет", изданной различными буржуазными и эмигрантскими издательствами на 24 языках, в западной прессе писалось о том, что повесть эта "наиболее прямо и неприкрыто выражение полицейского издевательства советской системой", а на одном из изданий этой повести антисоветской зарубежной организацией "Центральное объединение послевоенных эмигрантов" отпечатаны призывы к ликвидации КПСС и советского режима.

По поводу другой повести Абрама Терца "Любимов" белоземитский издатель и критик Б. Филиппов, опубликовавший эту повесть в США на русском языке, писал о том, что "история заштатного города Любимова - это в капле воды - история всего неоглядного коммунистического мира и в первую очередь, - коммунистического СССР". Аналогичные оценки этой повести были даны в комментариях радиостанции так называемого "Координационного центра антибольшевистской борьбы", посвятившей отрывкам из "Любимова" две обширные радиопередачи, в статье Эндрю Филда в журнале "Нью-лидер" (№ 15, июль 1965 года), заявившего, что "история города Любимова есть не что иное, как история Советского Союза, от его начала до наших дней" и в других реакционных буржуазных изданиях.

По поводу неоднократно изданной за рубежом статьи Абрама Терца "Что такое социалистический реализм" и других произведений Терца американский журнал "Тайм", характеризуя автора, писал о том, что он является "озлобленным врагом коммунизма", "внутренним эмигрантом".

Давая общую характеристику творчеству Терца, один из антисоветских западных специалистов по русской литературе Марк Слоним в своей книге "Советская русская литература. Писатели и проблемы" (Нью-Йорк, 1964 год) называл Терца самым выдающимся представителем подпольной антисоветской литературы, рисуя советское общество "как сумасшедший дом, в котором повсюду принимается всеми за норму" (т.5 т.д.227-231).

Такие же оценки давались буржуазной початью произведениям другого анонимного автора, скрывавшегося под псевдонимом Николай Аржак. Так, уже упоминавшийся выше белоземитрант Б.Филиппов, издавший в США произведения Аржака на русском языке, писал в предисловии к повести "Говорит Москва" о том, что повесть эта "очень тонко и выукло изображает советскую действительность", показывая "как бунтует, как протестует свободная личность против превращения ее в простой винтик советского коммунистического механизма"... "для международных целей коммунизма" (т.9, предисловие к повести Н.Аржака).

Непосредственное ознакомление с опубликованными за границей статьями А.Терца "Что такое социалистический реализм" и его же повестями "Любимов" и "Усуд идет" (последняя опубликована в сборнике "Фантастические повести" в числе четырех других повестей Терца), повестями Н.Аржака "Говорит Москва", "Человек на МИНАПа", "Искушение" доблестно подтверждает антисоветский клеветнический характер этих произведений.

Основанные на клеветнических вымыслах о советской действительности, приписывающие высшим органам Советской власти и Коммунистической Партии Советского Союза изданию чудовищных актов (например, объявление Указом Президиума Верховного Совета СССР "Дня открытых убийств" в повести Н.Аржака "Говорит Москва"), изображающие советских граждан людьми задруганными, нокультурными, неспособными к творческой государственной деятельности и мечтающими о "могучем и добром царе", оскорбляющие национальное достоинство народов Советского Союза, эти произведения заведомо направлены на создание ложного представления о советском обществе и коммунистическом строительстве в СССР в духе антисоветской пропаганды и антикоммунизма.

На предварительном и судебном следствии установлено, что под псевдонимом Абрам Терц скрывался старший научный сотрудник Института мировой литературы Академии наук СССР СИНЯВСКИЙ А.Д., а под псевдонимом Николай Аржак переводчик ДАНИЭЛЬ Ю.М., которые нелегально переправили написанные ими антисоветского характера произведения для опубликования за границу. Авторство

СИНЯВСКОГО А.Д. и ДАНИЭЛЯ Ю.М. подтверждено личными их признаниями, показаниями свидетелей, вескими доказательствами и заключениями доксикологической и графической экспертиз.

Конкретно вина подсудимых установлена в следующем:

1. В 1956 году СИНЯВСКИЙ А.Д. написал статью "Что такое социалистический реализм", которую в том же году передал своей знакомой французке Замойской (Пельтье) для нелегальной отправки за границу.

Внешне посвященная полемическому рассмотрению понятия "социалистический реализм" статья Синявского по своему содержанию является антисоветским пропагандистским выступлением, направленным против советского общественного и государственного строя, против руководящей и организующей роли КПСС в советском обществе. Весь первый раздел этой статьи не имеет отношения к литературной полемике, а посвящен охаиванию и злобному издевательству над идеями коммунизма и практикой социалистического строительства в СССР.

Так, утверждая, что коммунизм лишь декларирует свободу личности, а фактически осуществляет насилие над личностью, Синявский пишет: "именно такую свободу предоставляют коммунизы... Кто не хочет верить, может сидеть в тюрьме, которая не хуже ада" (т.5 л.д.53).

Клевета на коммунистическое строительство, Синявский заявляет:

"Чтобы навсегда исчезли тюрьмы, мы построили новую тюрьму. Чтобы навсегда исчезли границы между государствами, мы окружили себя Китайской стеной. Чтобы труд в будущем стал отдыхом и наслаждением, мы ввели тяжелые работы. Чтобы не пролилась больше ни одна капля крови, мы убивали, убивали, убивали" (т.5 л.д.50).

Эти, не имеющие никакого отношения к литературоведческому исследованию, неприкрыто антисоветские утверждения Синявский издевательски заканчивает:

"порой казалось, что для полного триумфа коммунизма не хватает только последней жертвы - отречения от коммунизма". (том 5 л.д.51).

Лишь после антисоветского заявления о том, что не только наши жизни, но и чужие мы отдавали новому Богу (Коникунизму), мы принесли ему в жертву нашу белоснежную душу и залипали ее грязью со всего мира" (л.д.50 т.5), Сиявский переходит к попыткам опорочить ряд художественных произведений социалистического реализма.

Именно антисоветское содержание статьи Сиявского-Терца обусловило широкую публикацию этой статьи за рубежом.

Представленными суду доказательствами установлено, что статья "Что такое социалистический реализм" была издана в 1959 году в Париже в журнале "Эспри" и издательством польских эмигрантов институт литературы на французском и польском языках, в журнале "Релло презенте" в 1959 году на итальянском языке, в 1961 году американским издательством "Пантеон Букс" на английском языке, американским издательством "Энтета Букс" на английском языке, в 1963 году в Аргентине на испанском языке. (тон 4 л.д.170-172, 178-198; т.5 л.д.19-21, 33-35, 41-88; т.6 л.д.26-29, 39-41, 109-117, 121; т.т.7-9 - книги).

2. Также в 1956 году Сиявский А.Д. написал и передал Захойской (Пельтье) для нелегальной отправки за границу свою повесть "Суд идет". Одно из первых изданий этой повести было осуществлено антисоветским так называемым "центральным объединением политической эмиграции с печатанными в текст призывами к ликвидации КПСС и ее режима" (т.7, повесть издание 1967 года).

В повести "Суд идет" Сиявский-Терц с тех же антисоветских позиций клеветает на советский общественный и государственный строй, злобно осмеивает историю Советского государства и теоретические положения марксизма-ленинизма. Новода события до 1956 года он утверждает, что именно в это время в СССР стали осуществляться репрессии, даже за мысли не получившие распространения.

Повесть изобилует грязными и циничными клеветническими вымыслами (т.7, повесть "Суд идет" издание 1959 года).

Из представленных суду различных изданий и библиографических справок видно, что повесть "Суд идет" издана в частности: в 1956, 1959 и 1962 годах издательством польских эмигрантов "Институт литературы" в Париже на русском и польском языках, в 1960 году в Гамбурге в газете "Наше общее дело" (орган так называемого "американского комитета освобождения" - антисоветского эмигрантского объединения) на русском языке, в 1967 году в г.Хельсинки на-

издательством "Акционерное общество Вернер Сёдерстрём" на финском языке, в 1960 году издательством "Саджаторе" (гор. Милан) на итальянском языке, в 1963 году издательством "Лон" (г. Париж) на французском языке, в 1963 году в Аргентине на испанском языке, издательством "Винтеда Луке" (г. Нью-Йорк) на английском языке, антисоветской зарубежной организацией "Народно-трудовой союз" в газете "Посев" и журнале "Грани" и другими издательствами. Повесть передавалась также на русском языке радиостанцией "Свобода", выступающей от имени так называемого "координационного центра антибольшевистской борьбы". (т. 5 л. д. 6-8, 11-12, 19-24, 33-40, 89-91, 96-97, 200-201, 238, 239, 242; т. 6 л. д. 26-29, 39-41, 91-96, 109-117, 121, 143-145; тома 7, 9 книги; т. 5 л. д. 243).

3. Нелегально переправив за границу статью "Что такое социалистический реализм" и повесть "Суд идет", Снявский А.) был осведомлен, что эти написанные им произведения широко используются враждебными Советскому государству элементами.

Это было известно не только из публикаций заграничной прессы, но также из статей, опубликованных в советской печати. В частности, в журнале "Иностранная литература" № 1 за 1962 год была опубликована статья, в которой подробно анализировались антисоветские произведения Терца и высказывалось предположение о том, что авторы их является какой-нибудь злобостущий эмигрант, стремящийся очернить и опорочить Советское государство.

Снявский не только не принял мер к тому, чтобы помешать реакционным зарубежным силам использовать его произведения во враждебных Советскому государству целях, но осенью 1963 года передал на своей квартире также для нелегальной отправки за границу рукопись написанной им повести "Любимов".

По своему содержанию повесть "Любимов" является откровенно антисоветским произведением, осмеивающим и порочающим Советскую государственность, социалистическое строительство, принципы марксизма-ленинизма. Само существование советского социалистического общества об"является противоестественным, противоречащим человеческой природе и истории. Издевательски перефразируя ряд высказываний В.И. Ленина, постановлений пленумов и съездов КПСС, Снявский подвергает осмеянию основные принципы социализма. Русский народ представлен в повести вечно пьяным, запитым, неспособным к созданию своей культуры, безразличным к политике.

Давая показания на судебном следствии, Синявский заявил, что подобные утверждения не выражают субъективных воззрений автора, так как вложены им в высказывания различных персонажей повести. Синявский заявил также, что наличие подобных утверждений якобы объясняется спецификой жанра, в котором написана повесть.

Эти заявления Синявского, как несостоятельные не могут быть приняты судом.

Простое сопоставление принятых антисоветских высказываний Синявского в статье "Что такое социалистический реализм" и в других его произведениях, где изложение ведется непосредственно от автора, с соответствующими местами из повести "Любимов" показывает совпадение антисоветских воззрений самого Синявского с клеветническими антисоветскими заявлениями выведенных им в повести персонажей и описанными им ситуациями, призванными опорочить Советское государство.

Так, например, клеветнические высказывания о русском народе характерны не только для вымышленных персонажей "Любимова", но вполне определенно выражены Синявским и в исходящих от "первого лица" так называемых "Мыслях враспих" нелегально переправленных Синявским за границу и опубликованных в июле 1965 года в журнале "Нью-лидер". Синявский писал в этих заметках: "Русские пьют не от нужды и не от горя, а в силу вековой своей потребности в чудесном и необыкновенном... мы русские уступим любую красотку за бутылку чистого спирта (вспомните Стеньку Разина)... Вместе с нашим пристрастием к порождению пьянство воспитывает в нас этакую босяцкую самовлюбленность и делает нас, жмепенов, подозрительными в глазах других наций... мы просто неспособны создать культуру. Как от вора и пьяницы, от нас можно ждать чего угодно. Нам легко быть, легко направлять административными мерами (пьяница - существо инертное, он не может руководить собой сам и покорно идет туда, куда его ведут). Но надо помнить о том, как трудно править таким жатущимся народом, как мучительно тяжело нашим правителям руководить нами". (т.4 л.д.259).

Таким образом клеветнические высказывания Синявского о русском народе, содержащиеся в повести "Любимов", оказываются полностью совпадающими с его заявлениями, содержащимися в последней заграничной публикации Синявского "Мысли враспих".

В повести "Любимов" Синявский не останавливается перед кощунственным издевательством над основателем Советского государства В.И. Лениным. Столь же злобные высказывания о В.И. Ленине содержатся в неопубликованной статье Синявского "Опыт самоанализа".

Таким образом, повесть "Любимов" является дальнейшим развитием антисоветских воззрений Синявского, изложенных им в статье "Что такое социалистический реализм".

Повесть была широко использована за рубежом в антисоветских целях. 8 и 10 апреля 1965 года обширные извлечения из повести с соответствующими комментариями передавались на русском языке ведущей антисоветскую пропаганду радиостанцией "Свобода". Повесть была издана в 1963 году издательством польских эмигрантов "Институт литературы" в Париже на польском языке, в 1964 году в Вашингтоне на русском языке; в 1965 году издательствами "Пантеон Букс" (г. Нью-Йорк) и "Колдинг Букс" (г. Лондон) на английском языке, а издательством "Ринцони" (г. Милан) на итальянском языке. (т.5 и.д.6-10, 19-24, 26-31, 36-39, 239, 247-252; т.6 и.д.26-28, 39-43, 109-117; т.т.7,9 - книги).

Изложенные выше доказательства устанавливают виновность Синявского в том, что он написал и нелегально переправил за границу антисоветского содержания статью "Что такое социалистический реализм" и такого же антисоветского содержания повести "Суд идет", и "Любимов".

4. Судебным следствием установлено также, что начиная с 1959-60 г.г. Синявский А.д. был связан в своей преступной деятельности с подсудимым Даниэлем К.М. В частности, Синявский ознакомил Даниэля со своими антисоветскими произведениями: статьей "Что такое социалистический реализм" и повестью "Суд идет". Даниэль был информирован Синявским и о том, что эти произведения нелегально переправлены за границу.

После этого на квартире Синявского произошла встреча Даниэля с Самойской (польсье) и последняя согласилась переправить рассказ "Руки" для опубликования за границу.

Рассказ "Руки" написан с антисоветских позиций и, передавая его Самойской, Даниэль рассчитывал, что рассказ будет опубликован за рубежом именно в силу своего антисоветского содержания. Эти расчеты Даниэля оправдались, - рассказ его был опубликован

в первую очередь антисоветскими эмигрантскими издательствами.

В частности, рассказ "Руки" был издан в 1961 году в Париже издательством польских эмигрантов "Институт литературы" (журнал "Культура") на польском языке и эмигрантом Б. Филипповым в Вашингтоне на русском языке.

В 1961 году Даниэлем были написаны повесть "Говорит Москва" и рассказ "Человек из МИНАПА",

Повесть "Говорит Москва" основана на чудовищной вымысле Даниэля об об'явлении Указом Президиума Верховного Совета СССР воскресенья 10 августа 1960 года "Днем открытых убийств". Воздействие этой нелепой ситуации дает возможность Даниэлю выступать на страницах повести с злобной клеветой на мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства, заниматься оканва-нием советского народа, представлять народы СССР готовыми уничтожить друг друга.

Именно эта заведомо антисоветская направленность повести Даниэля была, в первую очередь, оценена и отмечена враждебной бо-ветскому государству пропагандой за рубежом. Так, например, издатель повести Даниэля в США эмигрант Б. Филиппов писал в пре-дисловии к антисоветскому произведению Даниэля: "... автор - конечно скрывшийся за псевдонимом - очень точно и выукло изображает советскую действительность. Ну, а основной момент повести - об'явление партии и правительства, что такой-то день такого-то года будет "Днем открытых убийств", - это только художественный прием, позволяющий наглядно представить поведение и психологию населения, его реакции на новое постановление советско-партий-ной верхушки. Да и так ли уже нереально такое постановление?" (т.9 повесть стр.5).

Повесть "Говорит Москва" изобилует различными антисоветскими измышлениями, направленными к тому, чтобы оклеветать социалисти-ческое общество и советских людей. Так, например, о реакции об-щественного мнения на об'явление Верховным Советом СССР "Дня открытых убийств" Даниэль пишет следующее: "... через день в "Из-вестиях" появилась большая редакционная статья "Навстречу Дню открытых убийств". В ней мало говорилось о сути мероприятия, а повторялся обычный набор: "Растущее благосостояние - семинильными шагами - подлинный демократизм - только в нашей стране - все по-мысли - впервые в истории - зримые черты - буржуазная пресса. Статью читали от корки до корки... Ничего особенного. "День ар-тиллерии", "День советской печати", "День открытых убийств"... Все вошло в свои колос". (т.9 повесть стр.3).

Клевета на советских людей, Даниэль выводит целую галерею моральных уродов. Клевета на руководящие партийные органы, он сочиняет издательское "закрытое письмо" ЦК якобы руководившего проведением "дня открытых ушей". Клевета на дружбу народов СССР, он описывает национальную резню в союзных республиках.

Все эти клеветнические измышления завершаются призывом к террористической расправе.

Повесть "Говорит Москва" наиболее полно и ярко показывает антисоветскую направленность деятельности Даниэля. Повесть эта была написана Даниэлем специально для публикации за границей уже после нелегальной отправки и опубликования там рассказа "Руки".

3) С тех же антисоветских позиций Даниэлем был написан рассказ "Человек на МИНАПа", приписывающий советским людям моральную деградацию, извращающий этически воззрения советского общества, клеветавший на Коммунистическую партию.

Как показал на судебном следствии Даниэль, он передал написанные им повести "Говорит Москва" и "Человек из МИНАПа" на квартире Спизявского уезжавшей во Францию Ани Каррив для последующей передачи Замойской (Польше).

В 1963 году также на квартире Спизявского Даниэль передал Замойской (Польше) последнюю опубликованную им за границей повесть "Искушение".

Как и ранее опубликованные за рубежом произведения Даниэля эта повесть была широко популяризирована реакционной буржуазной и эмигрантской прессой (т.т. 7, 8, 9 эмигрантские издания) и издана в 1964 году в Нью-Йорке издательством "Интер-ленгвич дитерари ассонизите" на русском языке с предисловием ~~автора~~ - со-державшим, ~~автором~~ Б. Филипповым.

Повесть "Искушение" была передана Даниэлем для опубликования за границу, уже в то время, когда он был вполне осведомлен о том, насколько широко используется враждебными Советскому государству силами ранее направленные им за границу произведения.

В частности, на судебном следствии установлено, что Даниэль знал, что его повесть "Говорит Москва" транслируется осуждающими антисоветскую пропаганду заграницными радиостанциями.

Повесть "Искушение" содержит ряд клеветнических утверждений о социалистическом обществе. В ней Даниэль утверждает, что несправедливо обвиненный советский человек не может оправдаться в должных собраниях, возведенных на него, заявляет, что в киноповести культ личности и в массовых репрессиях виновен весь советский народ, подводит читателя к выводу, что в Советском Союзе якобы происходит процесс морально-политического разложения советского общества.

Давая показания на судебном следствии, Даниэль отрицал антисоветский характер своих произведений, признавая вместе с тем, что ряд мест в них являются "политически бестактными", "оскорбительными" и могли быть использованы в антисоветских целях. Далее Даниэль выразил сожаление по поводу того, что его произведения, незаконно переправленные за границу, были использованы враждебной Советскому Государству пропагандой. Вместе с тем Даниэль отрицал наличие у него антисоветского умысла.

Оценивая эти показания Даниэля, суд исходит из того, что по делам об антисоветской агитации и пропаганде наличие антисоветского умысла определяется в первую очередь самим содержанием антисоветских выступлений и теми действиями, которые были предприняты виновными для распространения клеветнических измышлений.

В этом смысле все произведения Даниэля т.д., переправленные им за границу, преследует цель создать у читателей наиболее неблагоприятное впечатление о Советском государстве, политике Коммунистической партии Советского Союза и о советских людях. С особой определенностью это проявилось в повести Даниэля "Говорит Москва", некоторые извлечения из которой приведены выше. Утверждения Даниэля о том, что отдельные цитаты из этой повести не выражают общей антисоветской направленности произведения не могут быть приняты судом, так как все ситуации, в которые попадают персонажи повести, вытекают из основных антисоветских клеветнических измышлений автора (клевета на Верховный орган власти Советского государства, якобы принявший указ о провозглашении "дня открытых убийств", клевета на Коммунистическую партию, якобы руководившую проведением "дня открытых убийств" и т.д.).

Даниэль В.И. неоднократно износил свои показания о причинах, побудивших его написать и передать за границу упомянутые выше произведения и в частности повесть "Говорит Москва", на суде он заявил, что сделал это опасаясь рецидива культа личности.

Однако ни в повести "Говорит Москва", ни в других произведениях Даниэля вообще не содержится ни одного упоминания о рецидиве культа личности. Принадлея ко "яснения Даниэля" не самостоятельными. Судебная Коллегия устанавливает виновность подсудимого в написании клеветнических произведений, оказавших Советское государство и социалистическое общество и нелегальной переправке их за рубеж, где они и были использованы рядом наиболее реакционных антисоветских организаций.

Действия эти были совершены умышленно, имели целью причинение ущерба Советскому государству и предусмотрены статьей 70 ч. I УК РСФСР.

5. Судом установлено, что подсудимый Свиявский А. . оказал помощь в нелегальной отправки за границу рукописей антисоветского содержания, написанных его знакомым - Ремизовым А. А.

Ремизов А. А. был допрошен на суде в качестве свидетеля и подтвердил, что он передал Свиявскому рукописи пьес и статей "Есть ли жизнь на Марсе", "Американские шпионы", "Американские муки русской совести", "Ход конем". Эти произведения были направлены Свиявским за границу по неизвестным для Ремизова каналам. Пьеса "Есть ли жизнь на Марсе" и статья "Американские муки русской совести" в 1961 и 1964 годах были изданы во Франции под псевдонимом Иванов и подобно произведениям Свиявского используются антисоветской пропагандой. Эти действия Свиявского образуют состав преступления, предусмотренного статьей 70 ч. I УК РСФСР.

6. Судом установлено, что Свиявский А. Д. и Даниэль Д. Д. знакомили со своими произведениями как в рукописях, так и в печатных изданиях, полученных ими из-за границы ряд лиц, что подтверждается допросами некоторых из них на судебной заседании (Гербусенко П. А., Мазанов В. С., Ремизов А. А., Докукина Э. В.).

7. Опасаясь разоблачения, Свиявский А. Д. хранил рукописи своих антисоветского содержания произведений не дома, а в квартире своей знакомой Докукиной Э. В.

Подсудимые Свиявский А. Д. и Даниэль Д. Д. отрицают вину в совершении преступления, предусмотренного ч. I ст. 70 УК РСФСР, ссылаясь на отсутствие у них антисоветской цели и заявляя, что написанные ими произведения не являются враждебными Советскому государству.

Эти утверждения подсудимых опровергаются доказательствами,

изложенными выше.

Признавая доказанной вину Сиявского А.Д. и Даниэля Ю.М. в совершении преступлений, предусмотренных частью I ст. 70 УК РСФСР, суд, индивидуализируя ответственность каждого из подсудимых, учитывает, что Сиявский являлся инициатором отправки за границу произведений антисоветского характера;

суд учитывает также участие Даниэля Ю.М. в Великой Отечественной войне и полученное им ранение.

В соответствии с изложенным, руководствуясь ст.ст. 301-303 УК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР -

П Р И Г О В О Р И Л А :

СИЯВСКОГО Андрея Донатовича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного частью I статьи 70 УК РСФСР и подвергнуть лишению свободы сроком на семь (?) лет с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

ДАНИЭЛЯ Юлия Марковича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного частью I статьи 70 УК РСФСР и подвергнуть лишению свободы сроком на пять лет с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Изъятую у Сиявского А.Д. пишущую машинку марки "Оптим" № 136724 поручить жене осужденного Розановой-Круглянской Н.В.:

Вопрос о судьбе книг, изъятых при обыске, разрешить дополнительно после получения заключения соответствующих государственных органов о характере этой литературы.

Приговор окончательный и кассационному обжалованию или отсрочиванию не подлежит.

Председательствующий - Д. Смирнов

Народные заседатели - Н. Чечина,
П. Соколов

верно: Секретарь судебного заседания

зак. № 66
тир. 60 экз.
88

Т. Воробьева
(Т. Воробьева)

ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

№ 08. 1991 г. 13/1469-65

ПРОТЕСТ

/в порядке надзора/

По делу Снявского А.Д.
и Даниэля В.М.

Приговором Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 14 февраля 1966 года

Снявский Андрей Донатович, родившийся 8 октября 1925 года в г. Москве, русский, беспартийный, с высшим образованием, кандидат филологических наук, женатый, несудимый, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР, житель г. Москвы и

Даниэль Елкий Маркович, родившийся 15 ноября 1925 года в г. Москве, еврей, беспартийный, с высшим образованием, женатый, несудимый, поэт-переводчик, житель г. Москвы,

осуждены по ч. I ст. 70 УК РСФСР к лишению свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима: Снявский сроком на 7 лет, Даниэль сроком на 5 лет.

Согласно приговору осужденные признаны виновными в следующем: -СНЯВСКИЙ А.Д. в том, что в 1956 году под псевдонимом "Абрам Терц" написал и передал за границу для опубликования статью "Что такое социалистический реализм" и повесть "Суд идет", а в 1963 году повесть "Любимов", в которых изложил клеветнические обвинения о Советском государственном строе, социалистическом обществе, КПСС, советском народе и руководстве страны. Эти произведения Снявского широко использовались враждебными Советскому государству элементами. Кроме того, Снявский был связан в своей преступной деятельности с подсудимым Даниэлем и знакомил его со своими антисоветскими произведениями. -ДАНИЭЛЬ В.М. в том, что в 1960-1963 годах под псевдонимом "Николай Архан" написал и передал за границу для опубликования свои произведения: рассказ "Руки", повесть "Говорит Москва", рассказ "Человек из МИНАПа" и повесть "Искушения", в которых клеветал на мероприятия

Протест заместителя Генерального прокурора СССР В. И. Андреева по делу А. Снявского и Ю. Даниэля

КПСС и Советского правительства, описывал советский период истории как дружбу народов, описывал национальную революцию в советских республиках. Указанные произведения были широко популярны в среде реакционной буржуазной и эмигрантской прессой.

Кроме того, осужденные признали виновными в том, что знакомы со своими произведениями как в рукописях и в печатных изданиях, полученных из-за границы, ряд лиц.

Приговор подлежит отмене, а уголовное дело прекращение по следующим основаниям.

Синяевский А.Д. и Даниэль В.М. виновными себя в предъявленном обвинении по ст. 70 ч. I УК РСФСР не признали.

В судебном заседании Синяевский показал, что в статье "Что такое социалистический реализм" он высказывает свое личное мнение о социалистическом реализме, не совпадающее с официальным в стране и тем, что существует на Западе, причем неодобрительно высказывался о жестокостях в сталинский период. Далее Синяевский объяснил, что в повести "Суд идет" отдельные унизительные упоминания о коммунизме и марксизме не включены в уста отрицательного персонажа повести, это не является мнением его, как автора, и что в этой книге действия происходят в 1951-1953 годах, оканчиваются со смертью Сталина, в ней описывается "дело врачей" и, вообще, это произведение художественное, а не политическое. Синяевский также пояснил, что повесть "Любимов" - фантастическая, в ней он пишет о вымышленном городе Любимово, который в силу его нетипичности нельзя отождествлять с Советским Союзом в целом, и клеветать на Советский Союз в этой повести он не намеревался. За границу для опубликования он, Синяевский, направил свои произведения, не стремясь причинить вред Советскому государству, а только потому, что хотел видеть их напечатанными, так как его произведения сложные и даже свои обычные статьи в СССР он публиковал с трудом. Исходящим "Абрам Терц" сталин в издаваемых за рубежом произведениях, опасаясь, что они, не будучи антисоветскими, тем не менее, могут быть подвергнуты мерам, которым в 1956 году подверглись произведения Зощенко и Ахматовой.

Осужденный Даниэль в суде показал, что повесть "Говорит Москва" он написал в 1960-1961 годах под впечатлением разоблачения культа личности Сталина и считал, что в стране создается новый культ личности другого руководителя страны, в целях предупреждения об этом, он и писал о массовых репрессиях, нарушениях социалистической законности, осмике целых народов - калыков, ингушей, чеченцев и других, живших место ранее. Не считает он антисоветскими и клеветническими также свои произведения "Руки", "Человек из Мидаса" и "Искупления".

В рассказе "Руки" он пишет о бывшем чехославе, приводившем в исполнение приговоры о расстреле контрреволюционеров, от чего у него теперь постоянно трясется рука. "Человек из МЭНАПа" - сатирический рассказ, направленный против шарлатанов в науке. В повести "Искушение" описал чувства человека, вынужденного в расправах над советскими людьми в сталинские времена. Даниэль также пояснил, что за границу направил свои произведения не в антисоветских целях, а для того, чтобы увидеть их напечатанными, поевционим взглядом, опасаясь лишиться работы в СССР, если станет известно о напечатанных за рубежом произведениях.

В судебном заседании наши свое подтверждение фактические обстоятельства, а именно, написание указанных выше произведений Снязским и Даниэлем, пересылка за границу и опубликование их там, а также использование отдельных отрывков из текста этих произведений в иностранных радиопередачах.

Статья 70 ч. I УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность за распространение либо изготовление или хранение в целях подрыва или ослабления Советской власти литературы, содержащей клеветнические нападения, порочащие Советский государственный и общественный строй.

Вместе с тем, из материалов дела не усматривается умысел осужденных на подрыв и ослабление Советской власти и доказательства того, что они действовали именно с таким умыслом в деле не имеется.

Из содержания произведений Снязского и Даниэля видно, что в них в фантастической, гротескной или сатирической форме, в виде художественного вымысла, излагаются критические высказывания персонажей о нарушении законности, распресонх, деятельности государственных органов, положении советского народа в период культа личности Сталина, что судом неверно признано клеветническими измышлениями, порочащими Советский государственный и общественный строй.

С учетом изложенного, в действиях Снязского А.Д. и Даниэля Д.М. состав преступления, предусмотренный ст. 70 ч. I УК РСФСР, отсутствует.

Руководствуясь ст. 35 Закона СССР "О прокуратуре СССР",

П Р О Ш У :

приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 14 февраля 1966 года в отношении Снязского Андрея Домоговича и Даниэля Елены Марковны отменить, уголовное дела прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

Заместитель Генерального прокурора СССР
государственный советник юстиции
I класса

В.И.АНДРЕЕВ

В.И. Андреев
30.11.90
40297-

ОТКРЫТИЕ ШЕДЕВРА

Репортаж из Львовской картинной галереи

В зале французской живописи Львовской картинной галереи появилась картина «У ростовщика». Она перенесена со стенда, где демонстрируются произведения голландского искусства. Чем вызвано такое перемещение?

Долгие годы считалось, что произведение «У ростовщика» принадлежит кисти голландского художника Геррита ван Хонторста. Под этим именем полотно на протяжении двух веков кочевало из одной частной коллекции в другую и, наконец, из собрания последних владельцев — семьи Осольских перешло в фонд Львовской картинной сокровищницы.

На холсте старый ростовщик скупыми пальцами отсчитывает монеты. Вокруг него застывшие в ожидании люди. На лицах отблеск договорившей ссуды. Такое таинство света, мрачная молчаливость тесей передают напряженность сцены.

Несколько лет назад, изучая полотно, научный сотрудник Государственного Эрмитажа М. Щербачева высказала предположение, что автор картины — не голландец, а французский художник Жорж де Латур. В печати prominently сообщали, которое вызвало интерес не только в нашей стране, но и за рубежом. Дело в том, что Латур оставил после себя небольшое наследие. Доселе известно-

стим лишь восемь его картин с собственноручной подписью и 23 работы без автографа. И вдруг еще один Латур во Львове...

Занятия живописи в одиночку не прижились. Картина продолжала экспонироваться в голландском зале. Правда, аменее все же пришлось поступиться. На выставке «Ростовщика» появилась табличка: «Произведение неизвестного художника».

Но вот сотрудники галереи сняли и эту подпись. А картину бережно упаковали и отправили в Париж. Директор галереи Б. Возницкий, сопровождавший «путешественницу», рассказывает:

— В Лувре организовалась выставка произведений Латура. Ее учредители решили собрать на родине выдающегося художника первой половины семнадцатого столетия искусства, что связано с его именем. Наряду с известными полотнами французского искусстве-

лю «пригласили» и те, которые приписывались Латуру. Таких полотен оказалось в разных странах более двадцати.

После тщательного изучения почерка и длительного обмена мнениями большинством специалистов пришлось к выводу, что на Львов «прибыл» рэвизор Латур.

Впрочем, это были не только предположения. Когда закончилась выставка и Возницкий приехал за картиной, ему предоставили бронированную машину, чтобы подвезти «Ростовщика» от Лувра до аэродрома. Вызовили картину ранним утром, когда осенний Париж еще спал. За машиной следовал вооруженный эскорт мотоциклистов. Не удивительно: полотно было оценено знатоками творчества художника более чем в полтора миллиона долларов.

А потом появилось еще одно подтверждение, что картина действительно принадлежит кисти Жоржа де Латура.

После Парижа она совершила еще одну поездку — из Львова в Ленинград, где организовывалась выставка. Столкнувшись с сильными морозами, в лед на полотно в отдельных местах встала вода. Беда эта известна. Ленинградские реставраторы выжили помочь дымок. Работа уже подходила к концу, когда при обследовании очерленного участка полотна художник обратил внимание на загадочный след кисти в левом углу картины. «Ростовщиком» заинтересовались криминалисты.

Долго и скрупулезно работали кандидат юридических наук А. Герасуа и его коллега Ю. Селов в лаборатории криминалистических исследований Львовской областной прокуратуры. Они не только рассмотрели размытое изображение более поздних времен — ведь картине почти 300 лет — подпись, но и сфотографировали ее, используя метод инфракрасного облучения. С помощью аппаратуры удалось подтвердить в однородности красок, она нанесены на холст в одно и то же время. Дальнейшим сопоставлением почерка, пристальным изучением его характера подтверждена подлинность автографа. В Советском Союзе это единственное произведение Латура.

В. ВАСИЛЕЦ
(Корр. «Правды»)
г. Львов.

Репортаж в газете «Правда» о похищении полотна Ж. де Латура «У ростовщика» из Львовской картинной галереи

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
Львовской области

№ _____
г. Львов

Заместителю Генерального Прокурора
Союза ССР
Государственному советнику
1-й инстанции
тов. Паукратову А.С.

Прошу Вас выделить для продажи прокурору-криминалисту прокуратуры Львовской области советнику 1-й инстанции тов. Садову Григу Ивановичу автомобиль ВАЗ-21011.

Тов. Садов В.И. является одним из лучших прокурорско-следственных работников Львовской области. Он глубоко владеет и умело применяет научно-технические средства, в том числе видеосъемного-фон, киносъемку, цветную фотосъемку и др.

При активной помощи тов. Садова В.И. был раскрыт ряд тяжких и опасных преступлений. Он участвует в обучении следователей и прокуроров, проводит стажирование, практические занятия и другие учебные мероприятия, добиваясь значительного повышения их профессионального мастерства и квалификации.

За участие в расследовании дела о преступлениях нациста Питера Ментана тов. Садов В.И. Генеральным Прокурором Союза ССР награжден подарком. Он неоднократно поощрялся Прокурором УССР и прокурором Львовской области за успехи в работе по борьбе с преступностью.

Тов. Садов В.И. принимает активное участие и в общественной жизни. Он является заместителем председателя местного профсоюза прокуратуры области, систематически выступает с лекциями и беседами.

Добросовестное исполнение им служебного долга и положительные результаты работы позволяют мне ходатайствовать о предоставлении тов. Садову В.И. возможности приобрести в личное пользование автомобиль.

Прокурор Львовской области
Государственный советник
1-й инстанции 3 класса

Б. Т. Антоенко

Зам. 3302

Ходатайство прокурора Львовской области в Генеральную прокуратуру СССР о возможности приобретения сотрудником прокуратуры автомобиля

№ 189

16 квітня 1974 р.

Прокурору
Львівської області
Тов. АНТОНЕНКУ Б.Т.

Прокурором-криміналістом Львівської обласної прокуратури, кандидатом юридичних наук тов. ГЕРАСУНОМ С.А. та прокурором-криміналістом тов. СЕДОВИМ Д.І. було проведено технічно-технологічне дослідження картини Хоржа де Датура "У ляхвара" зі збірки Львівської картинної галереї. Проведена ними експертиза виявила підпис художника, який було сфотографовано і встановила його автентичність.

Таким чином завдяки активній і кропіткій допомозі товаришів ГЕРАСУНА С.А. та СЕДОВА Д.І. була розгадана таємниця картини, що оточувала її майже три століття.

дирекція Львівської картинної галереї сердечно дякує працівникам з Львівської обласної прокуратури за вироблену велику роботу і висловлює надію на дальшу тісну творчу співпрацю з ними.

З повагою

Директор Львівської
картинної галереї

Б. ВОСНИЦЬКИЙ

Благодарность Министерства культуры Украины прокуратуре Львовской области за установление подлинности похищенного полотна

В ПРОКУРАТУРУ г. ВЛАДИМИРА

**гг. М.В. ГРИЦАКА, заместителя прокурора во Владимирине
г. МОСКВЫ**

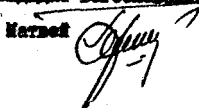
БЛАГОДАРНОСТЬ.

Выражаю глубокое чувство благодарности г.В.Н. ТИШАЕВУ, старшему следователю ПРОКУРАТУРЫ г.Владимира, за его мудрую и прекрасную работу в следственных органах нашей Родины. От души желаю ему доброго здоровья, светлых успехов в его благородной работе на благо и радость честных и порядочных людей, а их врагам и преступникам — на кнут, разоблачение, страх и исправление!!!

С уважением кандидат Богословских наук протоиерей

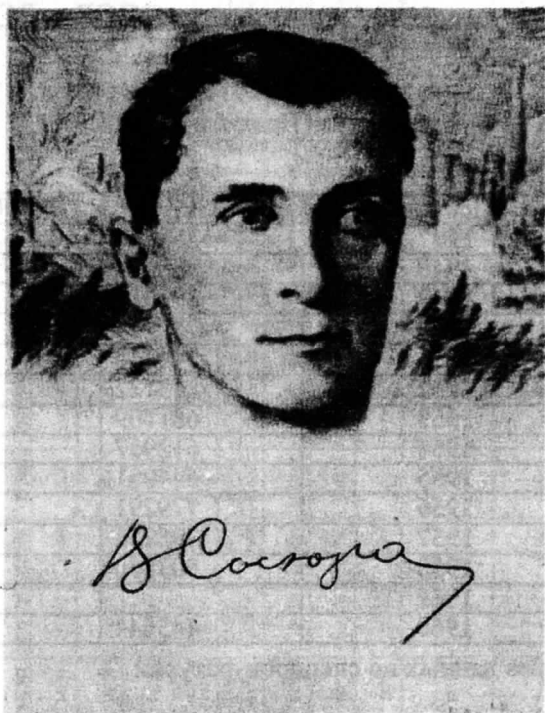
21 августа 1976 г.

Матвей

/Грицак/

Благодарность следователю прокуратуры города Владимира В. Н. Тишаеву

Дорогому махочі
андрійовичу Руденку,
військовому, поетичному
братові. В. Сосюра,
3/І-61, Київ.

СВЕДЕНИЯ
о числе осужденных в СССР и РСФСР
в 1947 – 1960 г. г.

(из аналитического сборника отдела
статистики Прокуратуры СССР)

Период	СССР *	РСФСР *
1947	1255341	
1948	988404	
1949	891515	
1950	787754	
1951	744266	
1952	813122	
1953	681709	
1954	612957	
1955	644051	
1956	779291	508342
1957	795753	507847
1958	903850	
1959		
1960	443644	275901

*) без данных по спецпрокуратурам

Сведения о числе осужденных в 1947—1960 годах

**Данные о числе зарегистрированных преступлений (в целом и по отдельным составам)
по СССР и РСФСР с 1961 – 1991 г.г.***

По СССР		1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972
Всего зарегистрировано Преступлений		877546	881543	795772	758306	751801	888125	871296	941078	969186	1046376	1057090	1064976
	Умышленных убийств (с покушениями)	14762	14371	13277	12936	13768	14258	13465	14557	14715	15265	15526	15129
Умышленных тяжких телесных Повреждений	17551	14446	14360	16337	20017		18062	17195	19596	20100	21803	23453	23933
Изнасилований (с покушениями)	14064	14291	12277	11531	12032		12698	12059	12579	12943	13859	13870	13368
Разбоев (все)	7745	4627	4512	5749	6261		6459	5892	6730	6698	6898	7080	6636
Грабежей (все)	15412	14291	16460	20724	23579		23294	23211	29615	31188	33170	33015	30253
Краж личного имущества	120601	111287	113597	119665	116305		121286	121332	140294	141033	149072	144724	136001
Хулиганств	198016	181788	130953	116968	130422		257015	248188	236842	234052	240939	225451	213464
Нарушений правил движения и экс- плуатации автотранспорта	40398	42093	40475	37794	39218		44024	44475	51000	56462	64401	67778	66481
Хищений гос. и общественного имущества (без мелких)	170479	168595	163964	161756	138299		130885	124449	135124	136733	147149	153304	152461
Крайне совершенных привлечения, растраты, злоупотреблений		92425	78972	87563	81839		80310	69646	79514	81179	88862	93404	91689
			85106	71741	63235	53461		52791	50239	49648	52005	52711	53989
Мелких хищений государственного и общественного имущества		14946	42653	55422	50339		50693	34699	42605	48753	53783	57136	60886

* По данным отдела статистики прокуратуры СССР

Данные о числе зарегистрированных преступлений с 1961 по 1991 год

По СССР		1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	
Из них:	Всего зарегистрировано Преступлений	1049433	1141108	1197512	1232166	1212022	1308466	1432684	1527557	1609470	1655932	2016514	2029144	
	Умышленных убийств (с покушениями)	15733	16850	17569	17842	18930	20385	20862	21430	21271	21239	21273	20501	
	Умышленных тяжких телесных Повреждений	26033	30655	34163	35686	40041	45015	45896	44332	43372	42537	45360	44437	
	Изнасилований	14010	15304	16139	16575	16971	18495	18965	20225	20165	19902	21801	21590	
	(с покушениями)	7275	9454	9766	9727	10748	12698	13455	13663	12593	12042	14106	13211	
	Рабоев (все)	31808	38590	41325	39686	41615	44878	50050	50146	49374	48611	67819	69339	
	Грабежей (все)	133438	153818	163985	172819	181641	200140	221004	243447	255530	259572	417278	421396	
	Краж личного имущества	185634	199820	206624	199049	147024	158423	178554	182201	184139	183869	208904	205227	
	Хулиганств	67389	78253	86297	87249	95037	101107	108210	112244	117263	116684	129528	125875	
	Нарушений правил движения и экс- плуатации автотранспорта	158010	170712	179763	187120	192023	203105	220615	239821	253420	262460	310325	307611	
	Хищений гос. и общественного имущества (без мелких)	95467	106499	113336	119607	123505	133016	147582	164056	173376	178650	219253	210462	
	в т.ч. путем совершенных	Кражи	55786	56870	58821	59946	61029	62425	64751	67410	71048	74207	79994	85087
		присвоения, растраты, злоупотреблений	58978	58665	611359	62337	56884	37436	37097	40271	44944	50905	58081	58540
	Мелких хищений государственного и общественного имущества													

По данным отдела статистики прокуратуры СССР

По СССР		1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991*	
Из них:	Всего зарегистрировано преступлений	2083501	1987293	1798549	1867223	2461692	2786605	3078520	
	Умышленных убийств (с покушениями)	18718	14848	14656	16702	21467	24875	24192	
	Умышленных тяжких телесных повреждений	38423	29096	28250	37191	51485	57754	56789	
	Изнасилований (с покушениями)	19438	18522	16765	17658	21873	22469	20486	
	Разбоев (все)	12152	9073	9047	12916	22174	25844	25653	
	Грабежей (все)	61195	45510	46485	67114	111601	126106	145546	
	Краж личного имущества	453921	394272	401599	548525	845157	979068	1170346	
	Хулиганств	193865	165383	133050	115979	142008	152419	146238	
	Нарушений правил движения и эксплуатации автотранспорта	121224	122960	116389	131022	151581	155734	143112	
	Хищений гос. и общественного имущества (без мелких)	316271	269482	253989	279490	388478	481067	630093	
	В т.ч. совершенных путем	кражи	211600	161104	148069	183871	296985	392262	540175
		присвоения, растраты, злоупотреблений	92986	97638	96986	87445	81228	76443	67387
	Мелких хищений государственного и общественного имущества	61679	51284	46525	36407	38920	41999	36888	

* По данным отдела статистики прокуратуры СССР (за исключением Грузии и стран Прибалтики)

По РСФСР		1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	
ИЗ них:	Всего зарегистрировано преступлений	534866	539902	485656	483229	483550	582965	572884	618014	641385	693552	702358	706294	
	Умышленных убийств (с покушениями)	9843	9658	8683	8369	8966	9252	8748	9576	9829	10295	10506	10286	
	Умышленных тяжких телесных повреждений	11469	9441	9474	11184	13747	12280	11840	13580	13904	15261	16628	17210	
	Изнасилований (с покушениями)	9109	9265	7618	7341	7603	8170	7701	8173	8449	9132	9111	8739	
	Разбоев (все)	4807	3230	3305	4246	4513	4543	4055	4662	4613	4800	4952	4520	
	Грабежей (все)	11168	9909	11658	14774	17227	17019	17006	21524	22681	24211	24409	22049	
	Краж личного имущества	80810	74824	76934	84741	81975	85363	84038	97179	98674	104809	100584	93945	
	Хулиганств	138770	131456	93252	85972	93077	186158	180115	171325	170481	176100	165779	156786	
	Нарушений правил движения и эксплуатации транспорта	22005	23038	22636	22993	23664	26275	26513	30385	34318	39013	41375	39943	
	Хищений гос. и общественного имущества (без мелких)	101441	99430	93981	96944	84987	81613	77354	83556	84843	91595	96267	95484	
	в т.ч. совершенных путем	Кражи	58946	49314	54437	60248	52514	48293	45222	50838	51815	57377	61474	59776
		присвоения, растраты, злоупотреблений	-	-	36555	33987	29508	29776	28689	28968	28877	29777	29605	30723
	Мелких хищений государственного и общественного имущества		16298	24984	38192	37366	39950	24716	28268	34234	38179	41968	45202	48756

По данным отдела статистики прокуратуры РСФСР

По РСФСР		1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	
Итого:	Всего зарегистрировано преступлений	695647	760943	809819	834998	824243	889599	970514	1028284	1087908	1128558	1398239	1402694	
	Умышленных убийств (с покушениями)	10503	11291	11838	11929	12433	13554	13833	13965	14013	14009	13939	13418	
	Умышленных тяжких телесных повреждений	18619	21938	24828	26202	29811	33572	34037	32945	31996	31445	33714	32763	
	Изнасилований (с покушениями)	9177	9756	10633	10998	11149	12242	12526	13374	13456	13177	14529	14447	
	Разбоя (вс)	4874	6221	6526	6419	7154	8450	8805	8892	8276	7990	9642	8986	
	Грабежей (вс)	22876	27351	30470	29238	30580	32613	35560	34563	34559	34554	49197	49500	
	Краж личного имущества	91467	105528	115563	122116	128598	140402	151051	162023	173003	177614	296176	297284	
	Хулиганств	134771	144088	151696	146335	109414	119030	133059	134341	134927	137543	155098	152514	
	Нарушений правил движения и эксплуатации автотранспорта	40675	47259	52163	53295	57980	62186	65876	68950	72550	72416	80370	78054	
	Хищений гос. и общественного имущества (без мелких)	98084	106327	114922	120746	126081	134516	145449	157391	166396	171902	208905	203790	
	В т.ч. совершенных путем	Кражи	61844	69400	76335	81387	85568	92429	101693	112068	118582	121556	153429	144705
		присвоения, растраты, злоупотреблений	31352	31666	33001	33922	35180	36468	37793	39394	41442	43330	46843	50038
	Мелких хищений государственного и общественного имущества		51129	51935	54534	55281	50788	31875	31456	34266	38408	43579	49673	49068

По данным отдела статистики прокуратуры РСФСР

По РСФСР		1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	
Из них:	Всего зарегистрировано преступлений	1416935	1338424	1185914	1220861	1619181	1839451	2173074	
	Умышленных убийств (с покушениями)	12160	9437	9199	10572	13543	15566	16122	
	Умышленных тяжких телесных повреждений	28382	21185	20100	26639	36872	40962	41195	
	Изнасилований								
	(с покушениями)	12894	12165	10902	11560	14597	15010	14073	
	Разбоев (все)	8264	6018	5656	8118	14551	16514	18311	
	Грабежей (все)	42794	31441	30441	43822	75220	83306	101956	
	Краж личного имущества	319142	272376	268285	359464	558959	648496	839880	
	Хулиганств	143114	123178	96472	81684	99881	107435	106583	
	Нарушений правил движения и эксплуатации автотранспорта	74136	74072	70859	80067	93776	96326	95635	
	Хищений гос. и общественного имущества (без мелких)	208253	173638	160245	177047	250633	317396	451151	
	в т.ч. совершённых путём	кражи	144998	108206	96226	119449	195865	264580	400756
		присвоения, растраты, злоупотреблений	54662	57472	57642	52042	47623	44359	40364
	Мелких хищений государственного и общественного имущества	50914	42460	37249	28278	30462	34275	30749	

...и его коллегах и соратниках

Воероссийского масштаба.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

Тов. ВЫШИНСКИЙ.

2. Проявляет ли умение ориентироваться в политической обстановке.

Проявляет полное умение.

3. Является ли теоретиком практиком марксизма.

Теоретик и практик.

4. Имеются ли самостоятельные работы и статьи по каким вопросам.

В. ЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА.

1. Устойчивость политическая в настоящее время и в прошлом.

Член РНП с 1920 г. до 1920 г. меньшевик.

2. Энергичность и дисциплинированность

Энергия полная. Дисциплина средняя.

3. Настойчивость в проведении принятых решений.

Полная.

4. Умение владеть собой.

Полное.

5. Умение признать свою ошибку.

Среднее.

6. Отношение к товарищам по партии и подчиненным по работе.

В обывательной жизни отношение как к партийным так и к не партийным товарищеское. В случаях не равнодушия с товарищами по принципиальным или текущим вопросам отношение к товарищам участливое в политике не совсем товарищеское.

7. Наклонность к склоке и группировкам.

Не проявляется.

8. ПРИМЕЧАНИЕ:.

ЗАМНАРКОМ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ
ЧЛЕН БКРО ЛУЧЕЙКИ

А. Я. Вышинский

Характеристика на А. Я. Вышинского

Личный листок по учету кадров

- Фамилия ВЫШИНСКИЙ Имя Андрей Отчество Андреевич
1. Родился в 1903 году в г. Одессе мес. 2. Место рождения _____
3. Пол МУЖ. 4. Народность РУССКИЙ
5. Соц. происхождение: а) быв. сословие (звание) Сын личн. нотост. гражд.
- б) Основное занятие родителей Свободн. професс. /провизор, учит. музыки/
6. Основная профессия (занятие для членов ВКП(б) к моменту вступления в партию, а для беспартийных к моменту начала работы в советских учреждениях ВРИСТ. Педагог с педагогами - 17-18г.
7. Ск. лет работал по этой профессии _____ 8. Год ухода с производства или оставления с.х. _____ 9. Соц. положение служащ. 10. Партийность чл. ВКП(б)
11. Партистаж 1930г. № п/б. 1936 или канд. карт. _____ 12. Состоит ли в ВЛКСМ _____ с какого времени _____ 13. Состоял ли в др. партиях (наим, когда, как долго и где) состоял с 1903г. по конец 1919г. в РСДРП /меньшев./
14. Состоял ли ранее в ВКП(б) нет с какого и по какое время _____ и причины выбытия _____
15. Членом какого профсоюза состоит Рабпроес с какого времени с 1917г.
16. Образование высшее

ЗАПОЛНИТЕ ВСЕХ ГРАФИЧЕСКИ

	Название учебного заведения (Увуз, техникум, школы и пр.) и его местонахождение	Название факультета, отделения, цеха или участка	Окончил или нет	Дата (н.г. год)		Продолжал обучаться (лет, мес)	Если не окончил, по какому курсу (классу)	Какую узкую специальность получил в результате окончания учебного заведения
	1	2	3	4	5	6	7	8
Общее и специальное								
Партийно-политическое								

17. Имеет ли научные труды и изобретения и по каким вопросам ИМЕТЬ - по праву и истории (в приложении дать перечень с указанием, где опубликованы)
18. Был ли за границей (где, когда, как долго и цель поездки) _____

Ч Б Ы Л

19. Рабочий и служебный стаж, начиная с начала работы по найму по момент заполнения личного листка (указывается работа продолжительностью не менее одного года).

1 Место нахождения учреждения или предприятия (район, область, край или республика)	2 Название учреждения, организации или предприятия (указать адрес почтового и рабочего адресов)	3 Должность или выполняемая работа	4 Дата (год)			5 Полностью проработанный период	
			4	5	6	Лет	Мес.
Баку	Типография комтори	корректор, комторщик.	-	1922	15	13	
Москва	Земле К-тв. Т пом. к-ры при сданных повер	Коллопроизвод. техн. редакт журналов, помомц. прис. поверен.	19	14	19	17	3
"	Прод. отдел. Моссовета	Агент по рекламиз. продовольств. инспект. зав. ж. д. продинспект.			17	18	1
"	Наркомпрод.	Зав. п/отделом, зав. отд. учета, нач. управл. распредел.			19	23	5
"	Верхоуд РСФСР	Прокурор уг. суд. Коллегия З.С.			23	25	3
"	Гос. Учн.	Ректор			25	28	3
"	Наркомпрод	Нач. ГИС и член Коллегии НКП			28	29/30	1
"	"	Зав. УМС, Зам. Пред. Гос уч. соя. и член Колл. НКП.			30	31	
"	Наркомюст	Зам. Наркома Естиция и Прокурор Республики			31		

20. Участие в выборах (парт., советских и проф.) органах

Где (местонахождение выборного органа)	Название выборного органа	В качестве кого избран	ДАТА	
			Избра- ния	Ухода
1	2	3	4	5
Москва	Местком НКВД	Председатель	1930	33г
		/приблизительно/		
"	Идея Мемоч. Рай. Ком-та		35	37
"	Идея Моссовета	-	33	37
		/приблизительно, точно годы указать не память не могу 3-3 созыва/		
	Московский Обл. С"взд	Делегат от		
	Совета	Сред. - 3-4 п.	30	31г.
	Секция науч. работников	Идея Совета и		
		У.Б. СНР.	33-	31г.

21. Знание иностранных языков и языков народностей СССР

Языки	Название языка, на котором читает или понимает по словарю	Название языка, на котором читает и пишет свободно	Название языков, которыми владеет свободно
1	2	3	4
русский			
иные языки СССР	Франц., латинск., немек. гр. греч. английск.	Французский	Русский

участие в револ. движении до 1917 года (характер, место и продолжит. работы) _____
 Киев, Баку - студ. движ. и с.д. подп. работа - с 1901г. участие револ. 1905.
 нач. сов. движения, агитатор.

23. Подвергался ли репрессиям за револ. деятельность до Октябр. Революции (за что, когда, какин) _____
 неоднократно был арестован с.д. работу, за 1905г. Судился в 1908г.
 и был осужден на 1 г. каторги за ж.д. за работу в 1905г.

24. а) Отношение к воинской службе в настоящее время: 1) военнообязанный, 2) военнообязанный
 рядового, младшего, среднего, старшего и высшего начсостава (подчеркнуть). б) Отношение
 и учету: долгосрочно-отпускной, вневойсковки, запасной первой, второй очереди (подчеркнуть).
 Разряд учета 3-й 2-й. Род войск Инд. - полит. Должность,
 по которой состоит на учете Председ. Сов. Трибуны фронта
 Категория годности 10/п-10.

Рашизм

СОВ. СЕКРЕТНО
РАСШЕПЛЕНО

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б) - тов. И. В. СТАЛИНУ.
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СНК СССР - тов. В. М. МОЛОТОВУ.

Прошу утвердить проект следующего секретного разъяснения
органам суда и прокуратуры:

" В виду поступающих запросов, в связи с постановлением ЦИК
и СНК СССР от 7.1У.с.г. "о мерах борьбы с преступностью среди
несовершеннолетних", раз'ясняем:

- 1) К числу мер уголовного наказания, предусмотренных ст.1
указанного постановления, относится также и высшая мера уголов-
ного наказания (расстрел).
- 2) В соответствии с этим надлежит считать отпавшими указа-
ние в примечании к ст.13 "Основных начал уголовного законода-
тельства СССР и Союзных республик" и соответствующие статьи уго-
ловных кодексов Союзных республик (22 ст.УК РСФСР и соотв.ст.ст.
УК других Союзных республик), по которым расстрел к лицам, не до-
стигшим 18-летнего возраста, не применяется.
- 3) Ввиду того, что применение высшей меры наказания (рас-
стрела) может иметь место лишь в исключительных случаях, и что
применение этой меры в отношении несовершеннолетних должно быть
поставлено под особо тщательный контроль, предлагаем всем проку-
рорским и судебным органам предварительно сообщать Прокурору
Союза и Председателю Верховного Суда СССР о всех случаях привлечения к
уголовному суду несовершеннолетних правонарушителей, в отношении
которых возможно применение высшей меры наказания.
- 4) При предании уголовному суду несовершеннолетних по ста-
тьям закона, предусматривающим применение высшей меры наказания
(расстрела), дела о них рассматривать в краевых (областных) су-
дах в общем порядке.

(А. Винокуров) *А. Винокуров*

(А. Вышинский)

" 10 " апреля 1935г.
Воллес

Нет окончательных сведений о результатах проведения амнистий по Таджикской ССР и по ССР Армении - эти сведения мною затребованы.

И. В силу статьи 3 амнистии 11 августа представлено ЦИК"ам Союзных республик на предмет освобождения от наказания и снятия судимости и правоограничений на следующее количество лиц, осужденных по ст.ст.79-2, 79-4, 110 и 113 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других Союзных республик:

по РСФСР	-	23.736
" СССР	-	696
" Узб.ССР	-	53
" Туркм.ССР	-	25
" ССР Грузии	-	112

ВСЕГО по СССР		24.622

И. Общий итог проведения амнистии 11 августа по всему Союзу ССР на настоящий момент представляется, таким образом, в следующем виде:

Освобождено от наказания	54.003
Представлено к освобождению	24.622

ИТОГО:	78.625

Мною предложено Прокурорам Союзных республик поставить вопрос перед ЦИК"ами Союзных республик об ускорении рассмотрения представленных им списков.

" 1 " декабря 1936 г.

№ 398/м

 (А. ВИШИНСКИЙ)

9.ХП.ТБ.4 экз.

№ 1, 2, 3-ядр.,
4-в дело.

Секрет. И. В. Сталин

РАСКРЕЩЕНО
Секрет.

156
83

ЦК ВКП /б/ - товарищу СТАЛИНУ И.В.

СНК СОЮЗА ССР - товарищу МОЛОТОВУ В.М.

22 октября с.г. решением бюро Обкома ВКП/б/ был исключен из партии и снят с работы прокурор Башкирской АССР ХАЗОВ Георгий Иванович (чл.ВКП/б/ с 1917 г.).

Мотивами исключения из партии и снятия с работы было, по решению Обкома, замалчивание ряда вражеских дея, засоренность аппарата враждебными людьми и протаскивание бухаринских установок в статье, посвященной пятнадцатилетию Башкирской АССР.

26.X мною была получена телеграмма об исчезновении ХАЗОВА, а 28.X-с.г. сообщение о том, что около 18 часов дня 28 октября, в 10 километрах от города, на берегу реки, обнаружен его труп с двумя огнестрельными ранами в области левого соска.

Писем, объясняющих причину смерти ХАЗОВА обнаружено не было.

В настоящее время ведется расследование, результаты которого сообщу дополнительно.

 (А. В. ВЫШИНСКИЙ)

"/ " октября 1937 г.

№ 486/сср

Объяснительная записка А. Я. Вышинского по поводу причины смерти Г. И. Хазова

ПРОКУРОРЫ — В ЦК ВКП(б)

Дорогой тов. ЖДАНОВ!

Мы, работники Прокуратуры СССР, просим Вас внимательно прочесть это письмо, которое написано нами после долгого раздумья и с единственной целью — довести до сведения ЦК партии о безобразных явлениях в работе Прокуратуры и НКВД.

Решение ЦК партии от 17.XI. 1938 г. указало на грубейшие искривления советских законов органами НКВД и обязало эти органы и Прокуратуру не только прекратить эти преступления, но и исправить грубые нарушения законов, которые повлекли за собой массовое осуждение ни в чем неповинных, честных советских людей к разным мерам наказания, а зачастую и к расстрелам.

Эти люди — не единицы, а десятки и сотни тысяч — сидят в лагерях и тюрьмах и ждут справедливого решения, недоумевают, за что они были арестованы и за что, по какому праву мерзавцы из банды Ежова издевались над ними, применяя средневековые пытки.

Казалось бы, что решение ЦК партии от 17.XI. 1938 г. должно было мобилизовать все внимание на немедленное исправление преступной линии мерзавца Ежова и его преступной клики, которая буквально терроризировала советских людей, честных, преданных гражданам, старых партийцев и целые партийные организации.

В действительности происходит другое.

Пришедший на смену т. Вышинскому т. Панкратьев не может обеспечить проведение в жизнь этого важнейшего решения ЦК партии в силу своей неавторитетности в прокурорской среде, а особенно в глазах работников НКВД.

Странно говорить, но факт, что т. Берия не только не горит желанием освободить ни в чем неповинных людей, а наоборот, ведет определенную линию на создание тормоза в этой работе и свой авторитет использует для поддержания «чести мундира».

Поэтому является большой ошибкой решение, обязавшее Особое совещание НКВД пересматривать свои же решения, вынесенные бандой Ежова.

Здесь, в Особом совещании, решающее значение и окончательное слово принадлежит не представителю надзора — Прокурору, а т. Берия и его окружению, которое всеми силами и средствами срывает требования Прокуратуры о прекращении дел.

Присутствующий на этих совещаниях т. Панкратьев склоняет голову перед кандидатом в члены Политбюро т. Берия и молчаливо соглашается с явно неправильными решениями.

Таким путем проваливаются на особых совещаниях совершенно правильные и законные протесты Прокуратуры СССР при прямом попустительстве прокурора СССР т. Панкратьева.

Достаточно взять на проверку дела, про-

шедшие на последних заседаниях Особого совещания, поговорить с прокурорами, которые непосредственно готовили эти дела, и станет ясно, что линия, проводимая т. Берия, не имеет ничего общего с партийными директивами.

Полобная практика дезориентировала аппарат Прокуратуры СССР, тех честных прокуроров, которые орудуютно проверяют эти вопиющие дела, проводят за ними бессонные ночи и болеют за советских людей, невинно осужденных ежовской бандой.

Мы убедительно просим Вас, т. Жданов, взяться за это дело первостепенной важности и, если нет никакой возможности изменить преступную практику, привнесаемую в стенах НКВД, переменить систему, возложить на Прокуратуру пересмотр дел, неправильно решенных ежовской бандой, без участия в этих делах «авторитета» т. Берия, который вольно или невольно культивирует защиту «чести мундира» работников НКВД во что бы то ни стало.

Подумайте только, что сотни тысяч людей, ни в чем неповинных, продолжают сидеть в тюрьмах и лагерях, а ведь прошел почти год со дня решения ЦК партии.

Неужели это ничего не беспокоит?

Поговорите с прокурорами специальных прокуратур (железнодорожной, водной), и они Вам расскажут факты, от которых волосы встают дыбом, и покажут эти «дела», этот позор для советской власти.

Одновременно мы просим Вас исправить грубейшую ошибку с назначением т. Панкратьева. Дайте нам высокоавторитетного руководителя, способного дать по рукам и Берия.

Нас, старых работников, всегда удивляло отношение руководства партии и правительства к аппарату Прокуратуры, этому острейшему орудию диктатуры пролетариата.

Неужели так трудно понять, что прокуроры, в силу особых обязанностей, возложенных на них, должны быть как следует обеспечены материально?

Прокурор в аппарате Прокуратуры СССР, проработавший честно 10 — 15 лет и выполняющий серьезнейшую работу, получает 650 — 700 руб., а вновь принятый в аппарат НКВД полупрамотный юнец получает свыше 1200 — 1500 руб., пользуется всеми благами, получает за выслугу, обмундирование и т. д.

Где же логика, для чего проводится эта неправильная линия?

Нельзя же на протяжении десятка лет держать прокуроров в полугодном состоянии!

Просим Вас подумать и об этом.

Мы глубоко убеждены в том, что от ЦК партии все указанное здесь скрывается, очевидно, так кому-то выгодное.

Прокуроры Прокуратуры СССР
28.X.1939 г.

Письмо прокуроров в ЦК ВКП(б)

ПРОКУРОР
 Совета Союзных
 Социалистических Республик
 Москва, Пушкинская ул., 15а
 Телефон: _____

8 мая 1939 г.
 № 1871

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
тов. В. М. МОЛОТОВУ.

Мною получено письмо от Университета им. Линкольна (США, проф. Мибордок) с просьбой прислать в Музей автографов при Университете свою фотографическую карточку с автографом.

Я полагаю бы возможным выполнить эту просьбу. Подлежав проект ответа и прошу Ваших указаний.

А. Вышинский (А. Вышинский)

Москва, мая 1939 г.

Профессору Р. С. Мибордок,
 Отделение истории Университета
 памяти Линкольна,
 Харрогейт, Теннесси,
 С. Ш. А.

Уважаемый Сэр,

Память о президенте Линкольне, одном из величайших представителей демократии, глубоко почитается в Союзе Советских Социалистических Республик. С удовольствием исполняю Вашу просьбу о присылке своего фото с автографом университету, основанному по инициативе этого великого человека.

Искренне Ваш

В. Молотов

Сопроводительное письмо А. Вышинского и ответ на него В. Молотова

Крайняя автобиография

Родился в 1907 г. в г. Киеве. Мой отец Иван Андреевич Зоря, по сословному происхождению из крестьян, работал агрономом в различных хозяйствах. Мать Мария Ивановна Зоря.

Раннее детство и юность в с. Зиромат, Балашовского уезда, Саратовской губ., у сестры моей матери, моей тетки Анны Андреевны Зоря, которая работала там сельской учительницей.

В 7-8 летнем возрасте и с матерью переехал в это время в г. Кагамы. До Октябрьской революции работала моя мать агрономом в Кагамском земстве, а сама же работала в Кагамском учебно-воспитательном центре вальцового отдела.

Весной 1921 года, вследствие обнаружения контрреволюции, которую моя мать вместе с малолетней дочерью оставила в Кагаме и переехала в г. Москву, недалеко от которой, в то время, работала ее сестра А. Зоря.

Примерно в то же время переехала в Москву и моя мать, которая работала в то время в Московском учебно-воспитательном центре вальцового отдела. Когда же из этого колхоза и семьи и матери переехал в Москву, семья переехала в деревню

дом № 18 Б.О.МО.

В декабре 1921 года уезжала на работу в
центр г. Бухары.

В декабре и работала в школьном кружке, который
занималась по программе рабрана и закончил эту
кружку в 1921 году.

В декабре же начался мой совхозо-земельный
труд на 1 виле в Кавказе.

После окончания школы при г. Бухаре я была
направлена для работы на Ракурловский совхоз
Высшего земледельческого института по Моск. Ун-ву. Удостоверения
Института, на базе з.п. и куратора для сов-
хоза Ракурловского Совхоза Кавказа, который и
закончил в 1921 году.

В 1921 году я была куратором в г. Бухаре
на кафедре (кафедре).

За год до окончания Университета я была
направлена в г. Бухару, где работала в г. Бухаре
дома, окончила институт и
закончила Ракурловский Высший земледельческий институт.

В 1921 году после окончания Ракурловского
Совхоза я была направлена комиссией
для работы на Северном Кавказе. Там, в г. Бухаре
Викторитовский, д.в. Терек округа и в.в.
где начал самостоятельно работать в кафедре
народного хозяйства.

После двух летней работы на Северном Кав-
казе, к-во я был переведен на работу в
д. ЦГО, где работал в г. Тамбов и др. во-
ронеж. В 1937. я был послан в Истрин-
скую Московскую юридическую академию,
по дороге после марша был послан
исполнять работу и послан на работу в Влади-
мир. В конце 1937 года из Владимирской
на я был откомандирован в центральный аппарат
прокуратуры Соста Сел. В 1938, по призыву
я пошел в армию. Был на финской фронте
по истреб. п. слагал козачья, латыш армии.

С начала войны ответственности воевал и все
время был в действующей армии на различных
фронте, на Купянской, Киевской, под Льво-
вом, Антоновском, Орлом, Вязьмской, Бело-
судской. Из работы на я был откомандирован в
г. Ленинград в качестве прокурора Ленин и по-
сле на работу, в Советское правительство в
Ленинград.

В начале войны ответственности воевал на различных
фронте, на Купянской, Киевской, под Льво-
вом, Антоновском, Орлом, Вязьмской, Бело-
судской.

С мая 1945. после окончания войны был
назначен в Прокуратуру Соста Сел, где работал в
назначенные сроки.

Назначен и советских откомандирован в Ленинград.

14. XII. 45

Иванов.

Суд. Вспомогат. Т. Зорю Н. Д. в Ленинск. Каз. 1941

СПРАВКА-ХАРАКТЕРИСТИКА

168

На т. ЗОРН Николая Дмитриевича, оформляемого для работы в качестве помощника Главного обвинителя от СССР в комитете обвинителей при Международном военном трибунале.

Тов. ЗОРН Н. Д., 1907 года рождения, русский, происходит из служащих гор. Киева, член ВКП(б) с 1930 года, партбилет № 2723950, с высшим юридическим образованием - в 1927 году окончила Московский Государственный университет.

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 1924-1927 г.г. - преподаватель политикономии.
- 1927-1928 г.г. - народный следователь 8 участка прокуратуры Терского округа.
- 1928-1929 г.г. - Старший следователь Терской окружной прокуратуры.
- 1929-1930 г.г. - Старший следователь Тамбовской окружной прокуратуры ЦЧО.
- 1930-1933 г.г. - помощник прокурора ЦЧО.
- 1933-1934 г.г. - прокурор гор. Сталинабада.
- 1934-1939 г.г. - прокурор, а затем начальник отделения спецотдела Прокуратуры СССР.
- 1939-1941 г.г. - помощник военного прокурора Московского военного округа.
- 1941-1942 г.г. - военный прокурор 44 Армии.
- 1942-1943 г.г. - военный прокурор Первой Гвардейской Армии.
- 1945- по н/время - старший помощник Прокурора Союза ССР - начальник отдела по надзору за органами милиции Прокуратуры СССР.

Тов. ЗОРН - высококвалифицированный прокурорский работник, юридически грамотный, политически развит, в исполнении поручений дисциплинированный.

Являясь начальником отдела по надзору за органами милиции и НКВД Прокуратуры СССР, тов. ЗОРН проводит большую работу в борьбе за соблюдение законности в этих органах. За первое полугодие 1945 года слежало 18 представлений руководству НКВД СССР об устранении нарушений законности органами милиции дано 63 указания в 10 военных округах, областях и республиках. Широко практиковался в 1945 г. выезд на периферию для проверки и оказания помощи в работе милиции и прокуратуры.

Обладая большими организаторскими способностями, тов. ЗОРН умеет правильно организовать свою работу и работников отдела.

Тов. ЗОРН с 1941 по 1945 год, находясь в рядах Красной Армии, занимал руководящие прокурорские должности. В 1944-1945 г. являлся советником в составе Советского Представительства в Иране.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками тов. ЗОРН награжден орденами: "Красная Звезда", "Красного Знамени" и медалями: "За оборону Сталинграда", "За оборону Кавказа", "За победу над Германией".

**ЗАМ. ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ 1 КЛАССА**

(ИХОВСКОЙ)

Прокурору Совна Сел
Г. Франкель

Н. Зори

Раисов

Сегодня я опоздал на работу
10 м. т. к. отстал в авто (двухколесный).

31/III Зори

Объяснительная записка Н. Д. Зори по поводу опоздания на работу

П Р И К А З
ПО ПРОКУРАТУРЕ СОВНА С С Р

Гор. Москва

В 1204

1 сентября 1939 года

Тов. ЗОРИ Н. Д. - и. о. зам. гл. Прокурора и. д. Транспорта - за
опоздание на работу 31/III - 39 г. на 10 мин., без уважительной причины,
ОБЪЯВЛЯЮ ВЫГОВОР.

ПРОКУРОР СОВНА С С Р

/М. ПАНКРАТЬЕВ /

Зери

Приказ об объявлении выговора Н. Д. Зори в связи с опозданием на работу на 10 минут

Реш. № 2/12-452
от 23/1245 в 33/1
Давыд

23 марта
5
6-1/4497

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП/б/

товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.

Просим утвердить полковника юстиции ЗОРЯ Николая Дмитриевича начальником отдела по надзору за органами Прокуратуры Союза ССР.

Тов. ЗОРЯ Н. Д. 1907 года рождения, русский, член ВКП/б/ с 1930 года, образование имеет высшее юридическое, в органах прокуратуры работает с 1927 года, с 1943 года прокурором 2-ой армии.

Имея большой опыт прокурорской работы тов. ЗОРЯ с работой начальника отдела по надзору за органами милиции Прокуратуры Союза ССР справится.

(И. ГОРШЕНИН)

ЗАМ. ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР
ПО КАДРАМ

(В. МАХОВСКОЙ)

23/12-45, Давыд

Служебная записка Г. М. Маленкову с просьбой утвердить полковника юстиции Н. Д. Зоря начальником отдела по надзору за органами Прокуратуры СССР

**Допроски по установлению
персональных пенсий при Совете
Министров СССР**

17 08.78 С/у-12

Прому рассмотреть вопрос об установлении персональной пенсии соответствующего значения гр. Кудряшовой Александре Леонидовне - вдове бывшего начальника отдела по надзору за милицией Прокуратуры СССР, государственного советника юстиции 3 класса Зоры Николаевича Дмитриевича.

Зора Н.А., 1907 года рождения, член КПСС с 1950 года, в органах прокуратуры работала с 1927 года, в годы Великой Отечественной войны являлась военным прокурором 44 армии, 1-ой Гвардейской и 3 армии, советником представительства СССР при Польском Комитете Национального освобождения, в апреле 1945 года назначена начальником отдела по надзору за милицией Прокуратуры СССР. В декабре 1945 года она была назначена помощником Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергский процесс над нацистскими военными преступниками, где 25 мая 1946 года в результате несчастного случая скончалась.

В 1947 году гр. Кудряшова А.А. на двух несовершеннолетних детей была назначена персональной пенсией соответствующего значения. С 1963 года она не работает, получает пенсию по старости в размере 88 рублей 91 коп.

Учитывая заслуги Зоры Н.А. перед Советским государством, ее мужа - Кудряшова А.А., 1905 года рождения, заслуживает установления ей персональной пенсии соответствующего значения.

Приложение: на 8 листах

**Генеральный прокурор СССР
Действительный государственный
советник юстиции**

Р.А. Руденко

Служебная записка Р. А. Руденко об установлении персональной пенсии Н. Д. Зоре

Открытие мемориальной доски Генеральному прокурору СССР К. П. Горшенину на его родине в городе Алатырь. Слева направо: президент Чувашии Н. В. Федоров, заместитель Генерального прокурора РФ А. Г. Звягинцев, прокурор Чувашии С. П. Зайцев. Чувашия, декабрь 2001 года

УТВЕРЖДАЮ

Прокурор РСФСР

государственный советник
юстиции I класса

Б. Ураев
Б.В.Кравцов

"8" июля 1983 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по уголовному делу № 18/58025

по обвинению

КЛЕЙМЕНОВА Владимира Вениаминовича
в совершении преступления, предус-
мотренного ст. 85 ч. I УК РСФСР.

6 июля 1983 г. Ульяновской транспортной прокуратурой воз-
буждено уголовное дело по факту аварии теплохода "Александр
Суворов", повлекшей человеческие жертвы и другие тяжкие по-
следствия.

т. I л.д. I.

В тот же день уголовное дело принято к производству сле-
дователя по особо важным делам при Прокуроре РСФСР.

т. I л.д. 2.

Расследованием установлено:

Пассажирский теплоход "Александр Суворов" с 1981 г. припи-
сан к ремонтно-эксплуатационной базе "Красный флот" Волго-Дон-
ского пароходства Министерства речного флота РСФСР и выполнял
туристические рейсы по различным маршрутам.

15 апреля 1981 г. Клейменов В.В. назначен капитаном это-
го теплохода.

Во время выполнения рейсов на теплоходе "Александр Суво-
ров" Клейменов систематически нарушал требования "Устава служ-
бы на судах Министерства речного флота РСФСР", регламентиру-
ющих безопасность плавания.

Обвинительное заключение по делу В. В. Клейменова

В целях обеспечения безопасности движения судна и находящихся на нем людей Устав обязывал капитана Клейменова В.В., как единоначальника судового экипажа, осуществлять непосредственное руководство командным составом экипажа, обеспечивать выполнение подчиненными ему лицами правил, наставлений, приказов и других нормативных актов. В этих же целях Клейменов обязан предпринимать все необходимые меры к должной организации вахтенной службы на судне, обеспечить соблюдение трудовой дисциплины на нем /ст.ст. 41, 46 /03/, 46/08/, 47/02/.

Однако Клейменов безответственно относился к неукоснительному выполнению вышеназванных требований Устава, не осуществлял надлежащего контроля за несением вахтенной службы на судне и не только не обеспечил соблюдение трудовой дисциплины на теплоходе, но и сам нарушал ее, употребляя в рейсе спиртные напитки.

Невыполнение Клейменовым своих прямых обязанностей по соблюдению правил безопасности движения, бесконтрольность с его стороны за выполнением этих правил вахтенной службой приводило к тому, что старший помощник капитана /первый штурман/ Митенков Е.М., заступая на вахту в качестве вахтенного начальника, в нарушение требований Устава и других нормативных документов, предусматривавших безопасность плавания, занимался на вахте посторонними делами, отвлекался от несения вахты чтением художественной литературы, не обеспечивал постоянное и непрерывное наблюдение за окружающей обстановкой, неоднократно отлучался сам из рулевой рубки и отпускал вахтенных со своих рабочих мест.

Грубые нарушения установленных правил безопасности движения судна, допущенные Клейменовым и Митенковым, привели в итоге к тяжким последствиям.

5 июня 1983 г. во время выполнения очередного туристического рейса теплохода "Александр Суворов" по маршруту Ростов-на-Дону - Москва с пассажирами, обслуживавшим персоналом и командой в количестве 438 человек старший помощник капитана Митенков с 20 часов возглавил на теплоходе вахтенную службу.

В 21 час он вновь, в нарушение требований Устава, отпустил с вахты на собрание часть вахтенной службы, в том числе и рулевого Уварова. Около 21 часа 30 минут, по возвращении Уварова на рабочее место, Митенков перед прохождением Ульяновского моста через р. Волга, вопреки требованиям Устава /п. 225, 246 /02/, 246 /09/, 249 /01/, 249 /03/, 253, 224/ и вследствие бесконтрольности со стороны капитана судна Клейменова, самоустранился от выполнения возложенных на него обязанностей по обеспечению безопасности движения, полностью передоверил управление теплоходом рулевому Уварову, а сам в очередной раз увлекся чтением художественной литературы.

Уваров в силу отсутствия достаточного опыта и своей невнимательности направил теплоход вместо предусмотренного § 73 "Местных правил плавания судов в Волжском бассейне" 3-го пролета в несудоходный 6-ой пролет моста, высота которого над уровнем водной поверхности оказалась ниже надстроек четвертой палубы теплохода, и в 21 час 40 минут вследствие удара теплохода о ферму моста были снесены надстройки 4-ой палубы - рулевая рубка, карты капитана и старшего помощника, радиорубка и кинозал, в котором находилось более 200 пассажиров. В результате аварии погибло 170 пассажиров и 6 членов команды, в том числе Митенков и Уваров, 49 человек получили телесные повреждения различной тяжести, поврежден Ульяновский мост и железнодорожный путь на нем, что привело к крушению грузового поезда, проходившего в этот момент по мосту. Государству причинен ущерб на сумму 1.972.688 руб. 14 коп.

После аварии Клейменов оказался за бортом судна и вскоре был доставлен на берег. Зная, что в результате аварии на теплоходе снесены надстройки 4-ой палубы, имеются человеческие жертвы, Клейменов не возвратился на судно и в нарушение требований п. 47/07, 10/ Устава сознательно уклонился от выполнения непосредственных обязанностей капитана судна и не принял обязательных в этом случае мер по осуществлению организации и руководству действиями экипажа по борьбе за спасение людей на теплоходе и оказанию им необходимой помощи.

В предъявленном обвинении в нарушении правил движения водного транспорта Клейменов виновным себя признал частично и

пояснил, что в нарушение Устава службы на судах Министерства речного флота РСФСР он действительно не принимал достаточных мер к тому, чтобы Митенков должным образом исполнял на вахте свои обязанности, поскольку полностью доверял ему и полагал, что при несении вахтенной службы Митенков добросовестно исполняет свои обязанности:

"...Я признаю, что слишком передоверил первому помощнику и не столько контролировал его деятельность, как остальных лиц командного состава экипажа..."

"...За беспечность Митенкова, которую он проявил 5 июня 1983 г. на своей вахте, я несу ответственность..."

По поводу самоустранения от организации спасательных работ и оказания помощи потерпевшим обвиняемый Клейменов заявил:

"...В том, что я не возвратился после аварии на теплоход, я объясняю в первую очередь своим психическим состоянием, а также тем обстоятельством, что врач на речном вокзале, куда меня доставили, сказала, что у меня плохой вид и мне следует немедленно обратиться в больницу... Я понимаю, что не возвратившись на теплоход, я также нарушил требования Устава..."

т. 4 л.д. 59-62.

Помимо частичного признания своей вины обвиняемым Клейменовым В.В., его виновность в инкриминируемом ему преступлении подтверждается показаниями ряда свидетелей, заключением судоводительской экспертизы и другими материалами уголовного дела.

Безответственность и бесконтрольность Клейменова по отношению к Митенкову Е.М., неоднократно нарушавшему правила безопасности движения во время несения вахтенной службы, подтверждается показаниями свидетеля Кандаурова Н.Г. - 2-го штурмана теплохода:

"...Я видел, что Митенков отвлекался от управления судном, вечерами, сидя в рубке, читал книги, художественную литературу. Теплоход же вел Уваров, которого я как специалиста не могу назвать подготовленным. Я бы его од-

ного в рубке и без контроля не оставил... Приходилось видеть, что Митенков и Уваров отлучались из рубки во время несения вахты..."

т. 5 л.д. 81.

Свидетель Дяшпаев В.А. - третий штурман теплохода - также заявил, что был свидетелем, когда Митенков во время несения вахты читал в рулевой рубке художественную литературу, отпускал с вахты рулевого Уварова, доверяя ему управление теплоходом, несмотря на то, что Уваров был специалистом без достаточного опыта.

т. 5 л.д. 88.

Свидетель Гузиев А.Г. показал, что в предыдущий рейс, когда он с капитаном Клейменовым менял на вахте Митенкова и Уварова, видел в рубке принадлежавшую Митенкову книгу о "Мегре", названия которой не помнит. Об этой книге у Клейменова с Митенковым состоялся в рулевой рубке разговор, из которого он понял, что и у капитана имеется такая книга.

т. 5 л.д. 109-110.

Эти показания Гузиева свидетельствуют об осведомленности Клейменова о наличии у Митенкова во время несения вахты художественной литературы.

Свидетель Чувельдеев В.А. также подтвердил пристрастие Митенкова к чтению художественной литературы и факты нарушения Митенковым порядка несения вахтенной службы:

"...Во время несения вахты Митенков отлучался из рулевой рубки, спускался вниз... Рулевых тоже вахтенные начальники отпускали из рубки..."

т. 5 л.д. 164.

Из показаний свидетеля Ткаченко Т.М. следует, что Митенков допускал грубые нарушения правил безопасности движения при несении вахтенной службы:

"...В эту навигацию я замечала отсутствие старшего помощника где-то раза два в его вахту в рулевой рубке... Я видела сама, как он читал книгу на вахте, по-моему о Шерлок Холмсе..."

т. 5 л.д. 167.

Приведенные показания членов экипажа теплохода "Александр Суворов" в достаточной степени свидетельствуют о том, что при попустительстве капитана Клейменова Митенков систематически во время несения вахты занимался посторонними делами, беспечно и безответственно относился к надлежащему выполнению своих обязанностей вахтенными, создавая тем самым угрозу безопасности судна и находящихся на нем людей.

5 июня 1983 г., заступив на вахту в 20 часов, Митенков, пользуясь бесконтрольностью со стороны капитана, в 21 час вновь разрешил Уварову покинуть место рулевого и отпустил его на собрание совместно с другими вахтенными. Этот факт нашел отражение в показаниях свидетелей Быковской Л.Н.

/т. 5 л.д. 34/, Щербаковой С.М. /т. 5 л.д. 36/, Тутовой Е.А. /т. 5 л.д. 41/, Шестопакова С.В. /т. 5 л.д. 43/, Бандура В.А. /т. 5 л.д. 45/, Шестопаловой Т.А. /т. 5 л.д. 47/, Левченко В.А. /т. 5 л.д. 50-52/, Макарова Д.Н. /т. 5 л.д. 76/, Носенко М.А. /т. 5 л.д. 96/, Тенетко К.И. /т. 5 л.д. 91/.

После окончания собрания, около 21 часа 30 минут, перед прохождением Ульяновского моста Уваров возвратился в рулевую рубку и принял от Митенкова штурвал. Сам же Митенков снова принялся за чтение художественной литературы и, сидя за журнальным столиком, у задней стенки рулевой рубки, прекратил наблюдение за окружающей обстановкой и полностью передоверил управление теплоходом рулевому. Данные обстоятельства подтверждаются показаниями свидетеля Тенетко К.И., заявившего, что 5 июня 1983 г. в 20 часов он с матросом Носенко М.А. заступил на вахту. Около 21 часа вахтенный начальник Митенков отпустил их на собрание, после которого около 21 часа 30 минут они пришли к себе в каюту, из которой Митенков вызвал их в рулевую рубку. За штурвалом находился Уваров, а Митенков сидел в кресле у задней стенки рубки. Получив от него задание снять флаг на корме теплохода, они выполнили его и снова возвратились в рубку, чтобы убрать флаг в отведенное для него место в рубке. В этот момент теплоход находился примерно в 500 метрах от Ульяновского моста. Митенков сидел в кресле с книгой в руках у журнального столика. С разрешения Митен-

кова он покинул рубку и через 1,5 минуты, спустившись на нижнюю палубу, услышал треск и грохот. В этот момент произошло столкновение теплохода с фермой моста.

т. 5 л.д. 94-95.

Свидетель Носенко М.А. заявил, что когда около 21 часа 30 минут он и Тенетко по вызову Митенкова явились в рулевую рубку, в ней находились Митенков и Уваров, причем последний стоял за штурвалом. Получив указание снять флаг на корме, они исполнили его и снова возвратились в рубку:

"...Уваров находился у руля, а Митенков сидел в кресле у входной двери, в руках у него была развернутая книга, я заметил бумажную обложку сероватого цвета, конкретно, что за книга, я не заметил....

Когда я был в рубке, то видел впереди мост метрах в 200-250...

Когда я уходил из рубки, Митенков оставался сидеть в кресле с книгой в руках..."

Далее Носенко сообщил, что примерно через минуту после ухода из рубки произошла авария судна.

т. 5 л.д. 104-105.

Показания этих свидетелей объективно подтверждаются наличием в поднятой со дна реки рулевой рубке флага, который Носенко и Тенетко перед аварией принесли в рубку

т. 1 л.д. 85-86

т. 5 л.д. 161;

- протоколом следственного эксперимента, подтвердившим показания Тенетко и Носенко о времени, затраченном ими после собрания на посещение рулевой рубки.

т. 5 л.д. 150-151.

Следовательно, в течение 10 минут перед аварией Митенков занимался на вахте посторонними делами, в очередной раз самоустранялся от выполнения своих обязанностей вахтенного начальника и не обеспечил безопасность движения.

Из показаний свидетелей Кандаурова, Длмшаева и обвиняемого Клейменова следует, что рулевой Уваров в силу своих личных качеств и недостаточного опыта судовождения не мог

обеспечить в отсутствие вахтенного начальника безопасность движения судна /т. 5 л.д. 82-84, 87-90, т. 4 л.д. 59-62/ и направил теплоход вместо 3-го судоходного пролета Ульяновского моста в 6-ой несудоходный, в связи с чем теплоход ударился о нижнюю ферму моста.

т. 5 л.д. 3-5, 6-8, 37-39

т. 1 л.д. 58-61

т. 3.

Авария теплохода "Александр Суворов" повлекла гибель 176 пассажиров и членов команды, 49 человек получили телесные повреждения /т. 14 л.д. 2-19, т. 1 л.д. 7, 8, т. 9 л.д. 171-285, т. 13 л.д. 220-281/, государству причинен ущерб на сумму 1.972.688 руб. 14 коп.

т. 5 л.д. 189

т. 3 л.д. 69-75.

Таким образом, капитан теплохода "Александр Суворов" Клейменов В.В., в результате преступно-небрежного отношения к исполнению требований Устава, регламентирующих правила безопасности движения водного транспорта, не осуществлял надлежащего руководства командным составом экипажа, не обеспечил выполнение Митенковым Устава, Правил и наставлений по обеспечению безопасности движения судна и находящихся на нем людей, не принимал мер к должной организации вахтенной службы и к соблюдению Митенковым трудовой дисциплины при несении вахты, что и привело к аварии теплохода. Одной из причин ответственного отношения к своим обязанностям капитана теплохода Клейменова является и употребление им спиртных напитков во время этого рейса, о чем показали свидетели Яковлев В.А. /т. 5 л.д. 28-29/, Пустовит Н.Ф. /т. 5 л.д. 21-22/, Черкашина Я.Н. /т. 5 л.д. 130/.

Следствием установлено, что Митенков во время рейса теплохода с I по 4 июня 1983 г., злоупотребляя своим служебным положением, незаконно получал с пассажиров деньги за проезд, предоставляя им места в каютах теплохода "Александр Суворов" /т. 9 л.д. 119-120/, что также является доказательством отсутствия контроля со стороны Клейменова за деятельностью старшего помощника Митенкова.

В соответствии со ст. 47 /07,10/ Устава капитан судна при аварии обязан осуществлять непосредственное руководство действиями экипажа по борьбе за спасение людей и оказание им необходимой помощи. Оказавшись в результате аварии за бортом /т. 5 л.д. II,60,62-64/, Клейменов был доставлен на берег и не возвратился на теплоход для исполнения своих прямых обязанностей.

Утверждение обвиняемого Клейменова о невозможности возвращения на судно в связи с запрещением врачей действительности не соответствует и опровергается показаниями медицинских работников.

Так, свидетель Ястребова А.Н. - фельдшер медпункта Ульяновского речного порта сообщила, что примерно в час ночи по московскому времени /в 2 часа по местному/ в медпункте появился Клейменов:

"...Особенных повреждений у него не было, лишь множественные ссадины по телу и кровоподтек в области левой почки. Вид у него был испуганный, его была мелкая дрожь.. И я, и Маковская сказали, что ему нужно проконсультироваться в больнице у врачей. Клейменов сразу же согласился. Он никаких мыслей не высказывал о возвращении на теплоход, об оказании помощи потерпевшим или организации спасения людей. Клейменов сидел в медпункте и ждал машину "скорой помощи"....

т. 9 л.д. 93.

Аналогичные показания дала и свидетель Маковская Н.М. - медсестра станции переливания крови, пояснив, что Клейменов пришел в медпункт около 3-х часов ночи местного времени.

т. 9 л.д. 96.

Следовательно, Клейменов до обращения в медпункт находился на берегу около 3-х часов и за это время не сделал попытки возвратиться на теплоход, для исполнения своих обязанностей капитана судна, между тем как спасательные работы продолжались до утра.

т.2 л.д. 194-217

По заключению судебно-медицинской экспертизы с именными-

ся повреждениями Клейменов В.В. мог совершать любые активные действия, в том числе и по организации спасания людей.

т. 4 л.д. 38.

Вина Клейменова в нарушении правил безопасности движения теплохода объективно подтверждается заключением судоходной инспекции Казанского участка Волжского бассейна о причинах аварии теплохода "Александр Суворов":

"...Ответственным за аварию является также капитан теплохода "Александр Суворов" Клейменов В.В., который не обеспечил должного уровня организации общесудовой, вахтенной и штурманской службы на судне и соблюдение правил по обеспечению безопасности судна и людей, не осуществлял конкретного руководства судовождением и деятельностью командного состава на судне, всесторонне не изучал личные и деловые качества своих подчиненных; не принял необходимых мер для предотвращения нанесения вреда судну и находящимся на нем людей, не принял решительных мер по спасению людей и оказанию им необходимой помощи."

т. 2 л.д. 139.

Доказательством виновности Клейменова является и заключение комиссионной судоводительской экспертизы, которая определила, что за допущенные Митенковым и Уваровым нарушения Устава службы на судах, "Местных правил плавания судов и плотов в Волжском бассейне", "Штурманской работы в рейсе" ответственность несет капитан судна Клейменов и эти нарушения явились следствием неисполнения Клейменовым требований ст.ст 41,46/03/ Устава, согласно которым Клейменов обязан был принять все необходимые меры к обеспечению безопасности плавания поддержания порядка на судне, предотвращения нанесения вреда судну и пассажирам, соблюдать правила, инструкции, приказы и другие нормативные документы по обеспечению безопасности судна, людей.

По заключению экспертов Клейменов после аварии судна обязан был вернуться на теплоход и принять все меры по оказанию необходимой помощи пострадавшим и осуществлять руководство действиями экипажа в сложившейся ситуации. Однако Клейменов в

нарушение п. 47 /07,10/ Устава обязанности свои не исполнил.
т. 5 л.д. 182-188.

По мнению экспертов, отсутствие включенной световой сигнализации на Ульяновском мосту в момент аварии теплохода "Александр Суворов" и наличие в середине фермы 6-го пролета моста будки, напоминавшей по очертаниям сигнальный щит на 3-ем пролете могло способствовать неправильному выбору курса теплохода.

Вместе с тем проведенным следственным экспериментом и экспериментом комиссии судоходной инспекции Волжского бассейна, а также показаниями ряда свидетелей установлено, что пролеты Ульяновского моста четко просматривались визуально в момент аварии теплохода на расстоянии 3-х километров и менее.

Поэтому отсутствие включенной сигнализации и наличие будки на 6-ом пролете моста не явилось причиной аварии.

Уголовное дело в отношении Митанкова Е.М. и Уварова А.В. производством прекращено на основании п. 8 ст. 5 УПК РСФСР.

На основании изложенного

КЛЕЙМЕНОВ Владимир Вениаминович, родившийся 21 сентября 1930 года, уроженец хутора Титов Романовского района Ростовской области, русский, член КПСС, не судим, со средне-техническим образованием, женат, капитан теплохода "Александр Суворов", прож. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, д. 14"а", кв. 16,

обвиняется в том, что он, с апреля 1981 г. занимая должность капитана пассажирского теплохода "Александр Суворов" ремонтно-эксплуатационной базы "Красный флот" Волго-Донского речного пароходства Министерства речного флота РСФСР, в результате безответственного отношения к исполнению возложенных на него обязанностей систематически нарушал требования Устава службы на судах Министерства речного флота РСФСР, регламентирующие

обеспечение безопасности плавания судна.

Согласно ст. 40 Устава, являясь единоначальником судового экипажа, Клейменов в нарушение требований ст.ст. 41 и 46 /03/ Устава не обеспечил выполнение непосредственно подчиненным ему по службе старшим помощником Митенковым Е.М. правил, наставлений, приказов и других нормативных актов по обеспечению безопасности движения судна и находящихся на нем людей; вопреки пп. 46 /08/ и 47 /02/ Устава не осуществлял надлежащего руководства командным составом экипажа, не принимал мер к должной организации вахтенной службы и к соблюдению трудовой дисциплины на судне.

Грубые нарушения своих обязанностей капитаном Клейменовым привели к тому, что 5 июня 1963 г. во время выполнения туристического рейса теплохода по маршруту Ростов-на-Дону - Москва с пассажирами и командой в количестве 438 человек, Митенков, возглавивший с 20 часов вахтенную службу, перед прохождением моста через реку Волга в г. Ульяновске, в нарушение требований Устава, "Местных правил плавания судов и плотов в Волжском бассейне", "Наставления по организации штурманской подготовки", пользуясь бесконтрольностью со стороны Клейменова, самоустранился от выполнения возложенных на него обязанностей по обеспечению безопасности движения, увлекся на вахте чтением художественной литературы и полностью передоверил управление теплоходом рулевому Уварову.

Уваров, вследствие недостаточного опыта и невнимательности направил теплоход вместо предусмотренного § 73 "Местных правил плавания судов в Волжском бассейне" 3-го пролета моста в несудоходный 6-й пролет, высота которого над уровнем водной поверхности оказалась ниже высоты надстроек 4-ой палубы теплохода на 2 метра.

В 21 час 40 мин., в результате удара теплохода о ферму моста были снесены все надстройки 4-ой палубы, погибло 176 пассажиров и членов команды, 49 получили телесные повреждения, в том числе и опасные для жизни, поврежден мост и железнодорожный путь на нем, что привело к крушению грузового поезда. Государству причинен ущерб на сумму 1.972.688 руб. 14 к.

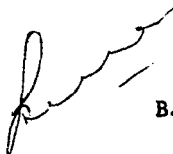
После аварии судна Клейменов в нарушение п. 47 /07/ ^{Устава} и 10/

самоустранился от выполнения непосредственных обязанностей капитана судна, не предпринял обязательных мер по осуществлению организации и руководства действиями экипажа по борьбе за спасение людей и оказание им необходимой помощи.

Грубые нарушения правил безопасности движения, допущенные Клейменовым, а также Митенковым и Уваровым, привели к аварии теплохода "Александр Суворов", повлекшей тяжкие последствия, т.е. Клейменов совершил преступление, предусмотренное ст. 85 ч. I УК РСФСР.

Обвинительное заключение составлено 5 июля 1983 г. в г. Москве.

Старший следователь по особо
важным делам при Прокуроре РСФСР
советник юстиции

В.М.Гузенков

**УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

103132, Москва, ул. Ильинка, д. 8/А, пом. 20
тел. (095) 206-74-55, факс (095) 206-31-45

22 января 2003 г.
№ АБ-1-344

**Заместителю Генерального
прокурора Российской
Федерации**

А.Г.ЗВЯГИНЦЕВУ

Уважаемый Александр Григорьевич!

Согласно договоренности направляю Вам ксерокопию подлинника протеста Генерального прокурора Союза ССР А.М.Рекунова в Пленум Верховного Суда Союза ССР по делу Н.И.Бухарина, А.И.Рыкова и других осужденных 13 марта 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР. Протест был подписан 21 января 1988 г.

По просьбе А.М.Рекунова было изготовлено два подлинника протеста, один из которых был направлен в Верховный Суд СССР (сейчас находится на хранении в архиве ФСБ России вместе с делом).

Второй подлинник А.М.Рекунов отдал мне с просьбой через 15 лет передать его в музей.

Выполняя волю А.М.Рекунова, ровно через 15 лет – 21 января 2003 года я передал второй подлинник протеста Председателю Верховного Суда Российской Федерации В.М.Лебедеву для музея Верховного Суда Российской Федерации.

Приложение: на 10 л.

С уважением,

П. Лаптев
П.Лаптев

Письмо заместителю Генерального прокурора РСФСР А. Г. Звягинцеву

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

ПРОТЕСТ

(в порядке надзора)

21.01.88 № 13-1-88

по делу Н.И.Бухарина, А.И.Рыкова, А.П.Розенгольца, М.А.Чернова, П.П.Буланова, А.Г.Левина, И.Н.Казакова, В.А.Максимова-Диковского, П.П.Крычкова, Х.Г.Раковского

13 марта 1938 года Военной коллегией Верховного Суда СССР

Бухарин Николай Иванович, 1888 года рождения, уроженец г.Москвы, русский, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1906 года, кандидат в члены ЦК ВКП(б), избранного на XVII съезде ВКП(б), действительный член и член президиума Академии наук СССР, исключен из партии и выведен из состава Академии наук СССР в связи с настоящим делом, до ареста 27 февраля 1937 года - главный редактор газеты "Известия";

Рыков Алексей Иванович, 1881 года рождения, уроженец г.Саратова, русский, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1898 года, кандидат в члены ЦК ВКП(б), избранного на XVII съезде ВКП(б), исключен из партии в связи с настоящим делом, до ареста 27 февраля 1937 года - народный комиссар связи СССР;

Розенгольц Аркадий Павлович, 1889 года рождения, уроженец г.Витебска, еврей, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1905 года, кандидат в члены ЦК ВКП(б), избранного на XVII съезде ВКП(б), исключен из партии в связи с настоящим делом, до ареста 7 октября 1937 года - начальник управления Наркомата внешней торговли СССР;

Чернов Михаил Александрович, 1891 года рождения, уроженец Костромской губернии, русский, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1920 года, член ЦК ВКП(б), избранного на XVII съезде ВКП(б), исключен из партии в связи с настоящим делом, до ареста 7 ноября 1937 года - народный комиссар земледелия СССР;

Протест по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других, осужденных 13 марта 1938 года

Буланов Павел Петрович, 1895 года рождения, уроженец Мордовской АССР, русский, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1918 года, исключен из партии в связи с настоящим делом, до ареста 29 марта 1937 года - секретарь НКВД;

Левин Лев Григорьевич, 1870 года рождения, уроженец г.Одессы, еврей, гражданин СССР, беспартийный, врач, до ареста 2 декабря 1937 года - консультант Лечсанупра Кремля;

Казакон Игнатий Николаевич, 1891 года рождения, уроженец Бессарабской губернии, болгарин, гражданин СССР, беспартийный, врач, до ареста 14 декабря 1937 года - директор и научный руководитель Государственного научно-исследовательского института обмена веществ и эндокринных расстройств Наркомадрава СССР;

Максимов-Дяковский Бенжамин Адамович (Абрамович), 1900 года рождения, уроженец г.Кирова (Вятки), еврей, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1920 года, исключен из партии в связи с настоящим делом, бывший секретарь В.В.Куйбышева, до ареста 11 декабря 1937 года - начальник отдела Наркомата путей сообщения СССР;

Крочков Петр Петрович, 1889 года рождения, уроженец г.Перми, русский, гражданин СССР, беспартийный, бывший секретарь А.М.Горького, до ареста 5 октября 1937 года - директор музея А.М.Горького, --

признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-1 "а", 58-2, 58-7, 58-8, 58-9, 58-II УК РСФСР (1926 г.), и приговорены к высшей мере уголовного наказания - расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

15 марта 1938 года приговор приведен в исполнение (т.53, л.д. 97, 98, 103, 109, 110, 111, 112, 113, 114).

По этому же делу

Раковский Христиан Георгиевич, 1873 года рождения, уроженец г.Котел (Болгария), болгарин, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1918 года, исключен из партии в связи с настоящим делом, до ареста 27 января 1937 года - начальник управления Наркомата здравоохранения РСФСР,

признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-I "а", 58-2, 58-7, 58-8, 58-9, 58-II УК РСФСР (1926 г.) и приговорен к 20 годам тюремного заключения с поражением в политических правах сроком на 5 лет, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

По списку НКВД СССР 8 сентября 1941 года Раковский Х.Г. заочно, без производства следствия, приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР по ч.2 ст.58-10 УК РСФСР (1926 г.) к расстрелу (т.95, л.д.1-2). Этот приговор приведен в исполнение 11 сентября 1941 г. (т.53, л.д.115).

По делу были также осуждены И.А.Зеленский, председатель Центросоюза; В.И.Иванов, наркомлес СССР; П.Т.Зусарев, заместитель наркома земледелия СССР; Г.Ф.Гринько, нарком финансов СССР; Ф.Ходжаев, председатель Совнаркома Узбекской ССР; С.А.Бессонов, советник полпредства СССР в Германии; Д.Д.Плетнев, профессор Института функциональной диагностики; Н.Н.Крестинский, первый заместитель наркома иностранных дел СССР; А.Икрамов, первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана; В.Ф.Шарангович, первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. В отношении их приговор отменен, дело прекращено, все они полностью реабилитированы.

В отношении осужденного по этому же делу бывшего наркома внутренних дел Ягоды Г. протест не приносится.

Как указано в приговоре Военной коллегии Верховного Суда СССР от 13 марта 1938 года, Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, А.П.Розенгольц и М.А.Чернов, якобы "являясь непримиримыми врагами Советской власти, в 1932-1933 годах по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств организовали заговорщическую группу, именуемую "правотроцкистским блоком", который объединил подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зинovieвцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, среднеазиатских республик. "Правотроцкистский блок" поставил своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии путем диверсионно-вредительской, террористической, шпионско-изменнической деятельности, направленной на подрыв экономической и

оборонной мощи Советского Союза и содействие иностранным агрессорам в поражении и расчленении СССР."

А.И.Рыков и Н.И.Бухарин были осведомлены о том, что А.П.Розенгольд, Х.Г.Раковский, М.А.Чернов, а также реабилитированные в настоящее время Н.Н.Крестинский, В.Ф.Шарангович, Г.Ф.Гринько были агентами иностранных разведок и "всячески поощряли расширение шпионских связей и давали указания, форсируя подготовку иностранной интервенции". Участники "блока" организовали крушение поездов на станции Волочаевка и на перегоне Хор-Дормидонтовка, а также диверсии на шахтах в Сучане.

М.А.Чернов по указаниям А.И.Рыкова и по заданию германской разведки организовал ряд диверсионно-вредительских актов по снижению и порче урожая, сокращению поголовья коней и крупного рогатого скота, искусственному распространению эпизотии, в результате которой только в Восточной Сибири в 1936 году пало около 25 тысяч лошадей.

А.П.Розенгольд проводил в Наркомате внешней торговли вредительскую работу, финансировал Л.Троцкого.

Под непосредственным руководством А.И.Рыкова и Н.И.Бухарина по заданиям германской, японской и польской разведок в Сибири, на Северном Кавказе, на Украине, в Белоруссии, в Узбекистане и других местностях подготавливались бандитско-повстанческие кулацкие кадры для организации вооруженных выступлений в тылу Красной Армии к началу интервенции против СССР.

Блок, именуемый в приговоре "правотроцкистским", организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства. В 1934 году А.И.Рыков якобы лично создал террористическую группу для подготовки и совершения террористических актов в отношении И.В.Сталина, В.М.Молотова, Л.М.Кагановича и К.Е.Ворошилова. -

В августе 1937 года А.П.Розенгольд лично пытался совершить террористический акт в отношении Сталина, для чего "неоднократно добивался у него приема".

Убийство С.М.Кирова, а также "умерщвление" А.М.Горького, В.В.Куйбышева, В.Р.Менжинского были организованы по решению "правотроцкистского блока". А.М.Горький был "умерщвлен" врачами Л.Г.Левиним, Д.Д.Плетневым, бывшим секретарем писателя П.П.Кричковым, а также секретарем НКВД П.П.Булановым.

В "террористическом акте в отношении В.В.Куйбышева" принимали участие Л.Г.Левин и бывший секретарь Куйбышева В.А.Максимов-Диковский, а "в террористическом акте в отношении В.Р.Менжинского" - П.П.Буланов, Л.Г.Левин и врач И.Н.Казаков.

Кроме того, Л.Г.Левин и И.Н. Казаков "умерщвили сына А.М.Горького М.А.Пешкова".

"В связи с назначением Ежова народным комиссаром внутренних дел СССР, именуемый "правотроцкистским" блок, опасаясь полного разоблачения, поручил совершить террористический акт в отношении Ежова".

В приговоре также указывается, что "Н.И.Бухарин и его сообщники имели целью убить В.И.Ленина, И.В.Сталина и Я.М.Свердлова, сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и левых эсеров. Выполняя план заговора, левые эсеры в июле 1918 года с ведома и согласия Н.И.Бухарина подняли в г.Москве мятеж, а совершенное эсеркой Каплан 30 августа 1918 года покушение на жизнь В.И.Ленина явилось прямым результатом замыслов левых коммунистов во главе с Н.И.Бухариным" (т.53, л.д.80-92).

Нахожу осуждение Н.И.Бухарина, А.И.Рыкова, А.П.Розенгольца, М.А.Чернова, П.П.Буланова, Л.Г.Левина, И.Н.Казакова, В.А.Максимова-Диковского, П.П.Кричкова и Х.Г.Раковского необоснованным и незаконным.

В деле нет никаких доказательств того, что Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, А.П.Розенголец, М.А.Чернов по заданию враждебных к Советскому Союзу иностранных государств создали заговорщическую группу, именуемую в обвинительном заключении и приговоре "правотроцкистским блоком", поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения на СССР, расчленение СССР в пользу иностранных государств, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма.

Нет доказательств и того, что Н.И.Бухарин и А.И.Рыков были осведомлены о связях кого бы то ни было из лиц, проходивших по делу, с английской, французской, немецкой, японской, польской или иной иностранной разведками и поощряли расширение этих свя-

зей, давали указания и способствовали подготовке интервенции и расчленения СССР.

Проведенные компетентными органами проверки показали, что сведений о принадлежности осужденных и реабилитированных по настоящему делу к иностранным разведкам не имеется.

Обвинение участников так называемого "правотроцкистского блока" в организации крушений поездов на Дальневосточной железной дороге и взрыва на шахте в Сучане является необоснованным.

Крушение поездов явилось результатом аварийного состояния участка железной дороги, а взрыв на шахте - грубого нарушения правил по технике безопасности (т.45, л.д.3-7, 10-15).

Обвинение А.П.Розенгольца во вредительской работе в Наркомвнешторге СССР, финансировании Л.Троцкого, обвинение М.А.Чернова в диверсионно-вредительских актах по порче урожая и сокращению поголовья коней и скота, распространению эпизотики также ничем не доказано.

"Террористическая деятельность" А.И.Рыкова в отношении И.В.Сталина, В.М.Молотова, Л.М.Кагановича, К.Е.Ворошилова; обвинение А.П.Розенгольца в попытке убийства Сталина надуманны и абсурдны. То, что А.П.Розенголец добивался приема у Сталина, никак не свидетельствует о намерении террористического характера, а других доказательств не имеется.

Нет доказательств участия в террористической деятельности Н.И.Бухарина, М.А.Чернова, а равно и иных лиц, в отношении которых вносится протест. Другие обвинявшиеся в террористической деятельности вместе с ними - реабилитированы.

Террористический акт в отношении Ежова (ртутное отравление) был фальсифицирован им самим и бывшим начальником контрразведывательного отдела НКВД Николаевым. Перед разработкой легенды Николаев получил консультацию об условиях возможного отравления ртутью у начальника химикадамии РККА Авиновичского, после чего в обивку мягкой мебели кабинета Ежова втер ртуть и дал на анализ. Работник НКВД Саволайнен, имевший доступ в кабинет Ежова, в результате систематического избития "сознался" в подготовке ртутного отравления Ежова. После ареста Саволайнена в подъезд его дома была подброшена банка с ртутью, которую затем обнаружили и приобщили к делу в качестве вещественного доказательства (т.76, л.д. 47-49).

Обвинение Л.Г.Левина, П.П.Буланова, П.П.Крычкова, В.А.Максимова-Диковского, И.Н.Казакова в организации убийств А.М.Горького, В.Р.Менжинского, В.В.Куйбышева, М.А.Пешкова основано только на их показаниях и опровергается материалами дела. Осужденный за эти якобы совершенные преступления профессор Д.Д.Плетнев в 1985 году реабилитирован Пленумом Верховного Суда СССР. (т.76, л.д.60-71, 267-268).

Незаконность приговора Всенной коллегии Верховного Суда СССР выразилась и в том, что суд вышел за пределы формулы обвинения по обвинительному заключению (т.53, л.д.15), признав, в частности, Н.И.Бухарина виновным в левозсеровском мятеже, а А.П.Розентольца - в попытке совершить террористический акт в отношении Сталина в августе 1937 года.

Военная коллегия Верховного Суда СССР не отразила в приговоре никаких доказательств. Приведенные же в обвинительном заключении признания обвиняемых не могли быть положены в основу обвинения без наличия других доказательств.

Предварительное следствие по делу производилось с грубейшими нарушениями социалистической законности.

После ареста Н.И.Бухарину, А.И.Рыкову и другим в течение нескольких месяцев обвинения не предъявлялось, срок следствия и содержания под стражей не продлевался (т.т.1, 5 и др.).

Проверкой по делу установлено, что многие протоколы допросов обвиняемых, очных ставок и другие процессуальные документы фальсифицировались. Путем угроз, насилия и обмана обвиняемых принуждали давать ложные показания на себя и других лиц, протоколы допросов и объяснения заранее составлялись и произвольно корректировались.

При первоначальных допросах Н.И.Бухарин виновным себя не признал, поясняя, что имел разногласия с И.В.Сталиным по конкретным политическим и экономическим вопросам, однако ни шпионской, ни террористической, ни иной противозаконной деятельностью не занимался (т.5, л.д.142-178). Протоколы этих допросов к делу не приобщались, находились в специальном хранилище и были обнародованы лишь в 1961 году (справка на л.д.141 т.5).

К делу же приобщались заранее напечатанные протоколы допросов лишь в тех случаях, когда обвиняемые признавали вину и подписывали также протоколы. В том случае, если обвиняемый (подсудимый)

отказывался от ранее данных угодных следствию или суду показаний, применялись угрозы, запугивание, зачастую — прямое насилие и иные незаконные меры.

Допрошенная в 1956 году свидетель Розенблум, бывший начальник санчасти Лефортовской тюрьмы НКВД СССР, показала, что в санчасти тюрьмы она видела и многих арестованных в тяжелом состоянии после нанесенных им побоев.

"...Крестинского с допроса доставили к нам в санчасть в бессознательном состоянии. Он был тяжело избит, вся спина его представляла из себя сплошную рану, на ней не было ни одного живого места. Пролежал, как я помню, он в санчасти дня три в очень тяжелом состоянии" (т.3, л.д.136).

В ходе судебного процесса Н.Н.Крестинский отрицал вину и председательствующий Ульрих был вынужден объявить перерыв, после которого Н.Н.Крестинский дал нужные показания (т.54, л.д.8-56; т.57, л.д.187-193).

Н.И.Бухарин в последнем слове перед Военной коллегией Верховного Суда СССР, признавая себя виновным, фактически отрицал все инкриминируемые ему уголовные преступления (т.69, л.д.1-19).

Бывшие работники НКВД СССР Ежов, Фриновский, Агранов, Николаев, Дмитриев, Церпенто, Ушаков, Чистов, Пассов, Коган, Герзон, Глебов, Дулов и другие, принимавшие непосредственное участие в расследовании данного и иных дел, за незаконные аресты и фальсификацию доказательств были осуждены.

Бывший заместитель наркома внутренних дел СССР Фриновский, осужденный 3 февраля 1940 года за фальсификацию уголовных дел и массовые репрессии, в заявлении от 11 апреля 1939 года указал, что работники НКВД СССР готовили арестованных к очным ставкам, обсуждая возможные вопросы и ответы на них. Подготовка заключалась в оглашении предыдущих показаний, данных о лицах, с которыми намечались очные ставки. После этого арестованного вызывал к себе Ежов или он сам заходил в комнату следователя, спрашивал у допрашиваемого, подтвердит ли он свои показания, и как бы между прочим сообщал, что на очной ставке могут присутствовать члены правительства. Если арестованный отказывался от своих показаний, Ежов уходил, а следователю давалось указание "восстановить" арестованного, что означало добиться от обвиняемого прежних ложных показаний. Ежов неоднократно беседовал с Рыковым, Бухариным, Бу-

лановым и каждого убеждал, что они не будут расстреляны. В разговоре с Булановым Ежов сказал: "... держись хорошо на процессе - буду просить, чтобы тебя не расстреливали". Мысль о покушении на жизнь Ежова подал сам: стал твердить, что его отравили в кабинете, и внушил следствию добиваться соответствующих показаний, что и было сделано с использованием Лефортовской тюрьмы и избийений (настоящее дело, т.76, л.д.47-49; дело Фриновского, т.2, л.д.37-40; дело Ежова, т.3, л.д.1-9).

Осужденный вместе с Н.И.Бухариным профессор Д.Д.Плетнев, находясь во Владимирской тюрьме, 10 декабря 1940 года в заявлении на имя бывшего тогда наркомом внутренних дел СССР Берия указал: "...Весь обвинительный акт против меня - фальсификация. Насилством и обманом у меня вынуждено было "признание"... , допросы по 15-18 часов подряд, вынужденная бессонница, душевные за горло, угроза избийением, привели меня к расстройству психики, когда я не отдавал ясного отчета в том, что совершил. Я утверждал и продолжаю утверждать, что ни в каких террористических организациях я ни в какой мере не повинен... За что я теперь погибам? Я готов кричать на весь мир о своей невинности. Тяжко погибать, сознавая свою невинность..." (т.76, л.д.11-13, 21-23).

В заявлении на имя Прокурора СССР Вышинского от 26 мая 1940 года Д.Д.Плетнев отметил: "Когда я не уступал, следовательно сказал буквально: "Если высокое руководство полагает, что вы виноваты, то хотя бы вы были правы на все сто процентов, вы будете все... виновны" (т.76, л.д.7-9).

Такие заявления характеризуют стиль и методы ведения следствия по делу.

15 января 1941 года в заявлении на имя Ворошилова Д.Д.Плетнев писал: "Я осужден по делу Бухарина на 25 лет, т.е. фактически на пожизненное заключение в тюремную могилу..., ко мне применялась ужасающая ругань, угрозы смертной казнью, таскание за шиворот, душевные за горло, пытка недосыпанием, в течение пяти недель сон по 2-3 часа в сутки, угрозы вырвать у меня глотку и с ней признание, угрозы избийением резиновой палкой..., всем этим я был доведен до паралича половины тела... Я коченею в окружающей меня лжи и стуже среди пигмеев и червей, ведущих свою подрывную работу. Покажите, что добиться истины у нас в Союзе так же возможно, как и в других культурных странах. Правда воссияет" (т.76, л.д.15-17, 24-26).

По показаниям допрошенного в 1956 году Аронсона, бывшего сотрудника НКВД СССР, Х.Г.Раковский, находясь в тюрьме, в мае 1941 года заявил:

"Я решил изменить свою тактику: до сих пор я просил лишь о помиловании, но не писал о самом деле. Теперь я напишу заявление с требованием о пересмотре моего дела, с описанием всех "тайн мадридского двора" - советского следствия. Пусть хоть народ, через чьи руки проходят всякие заявления, знает, как у нас "стрипают" дутые дела и процессы из-за личной политической мести. Пусть я скоро умру, пусть я труп, но помните... когда-нибудь и трупы заговорят" (дело Аронсона, т.9, л.д.239-240).

На основании изложенного и руководствуясь ст.35 Закона СССР "О прокуратуре СССР",

П Р О Ш У:

Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 13 марта 1938 года в отношении Бухарина Николая Ивановича, Рыкова Алексея Ивановича, Раковского Христиана Георгиевича, Розенгольца Аркадия Павловича, Чернова Михаила Александровича, Буланова Павла Петровича, Левина Льва Григорьевича, Казакова Игнатия Николаевича, Максимова-Диговского Вениамина Адамовича (Абрамовича), Кречкова Петра Петровича, приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 8 сентября 1941 года в отношении Раковского Христиана Георгиевича отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления.

Генеральный прокурор СССР
Действительный государственный
советник юстиции

А.М.Рекунов

15 03.91 л 1-5-94-91

О правовой оценке отдельных высказываний, содержащихся в выступлении Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцина Б.Н. от 09.03.91

В связи с поступающими обращениями Прокуратурой Союза ССР дана правовая оценка отдельных высказываний Председателя Верховного Совета РСФСР, содержащихся в его выступлении от 09.03.91 в московском Доме кино.

Заявляя о том, что "16 марта против каждого", кто является секретарем обкома партии и одновременно председателем облсовета "будет возбуждено прокурором дело", Председатель Верховного Совета РСФСР Ельцин Б.Н. по всей вероятности руководствовался п.2 постановления Съезда народных депутатов РСФСР "О механизме народо-властия в РСФСР" от 20.06.90, который запрещает совмещение должности руководителя органа власти или управления с любой другой должностью, в том числе в политических или общественно-политических организациях, а также ст.5 Закона РСФСР "О взаимоотношениях Советов народных депутатов и исполнительных органов в период проведения экономической реформы" от 10.10.90. В соответствии с этой статьей за "умышленное невыполнение законодательных актов РСФСР и республик, входящих в состав РСФСР, должностными лицами, не содержащее состава преступления, влечет административную ответственность в виде штрафа в размере от 500 до 10 тысяч рублей, налагаемого в судебном порядке". Административное производство возбуждается по постановлению прокурора как по его собственной инициативе, так и по инициативе народных депутатов республики всех уровней.

Представляется, что при этом Ельциным Б.Н. не принято во внимание, что п.2 выше названного постановления Съезда народных депутатов РСФСР был предметом исследования Комитета конституционного надзора СССР, который 25.10.90 пришел к заключению, что содержащаяся в нем норма не соответствует закрепленному в ст.6, 48 и 51

Правовая оценка высказываний, содержащихся в выступлениях Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина от 9 марта 1991 года

Конституции СССР, а также в ст.15 и 16 Закона СССР "Об общественных объединениях" праву граждан СССР участвовать как непосредственно, так и через общественные организации, включая политические партии, в управлении государственными и общественными делами, в формировании органов государственной власти и управления, в работе государственных органов и общественных организаций, а также свободе граждан объединяться в политические партии, общественные организации, участвовать в массовых движениях.

Кроме того, приведенная выше норма противоречит ст.ст.22 и 25 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст.8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ратифицированных Президиумом Верховного Совета СССР 18.09.73, другим международно-правовым актам, закрепляющим равное для всех право и возможность непосредственно участвовать в ведении государственных дел, добиваться государственных постов в личном качестве или в качестве представителей политических партий.

Постановление Съезда народных депутатов РСФСР в этой части вводит различия и ограничения, основанные на признаках политических убеждений, неправомерно изменяет условия совместительства, которые в соответствии со ст.ст.106 и 107 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде могут предусматриваться лишь законодательством Союза ССР. В связи с этим, согласно заключению Комитета Конституционного надзора СССР, п.2 постановления Съезда народных депутатов РСФСР теряет силу с момента принятия Заключения.

Выводы Комитета Конституционного надзора СССР не находятся в противоречии и с Конституцией РСФСР, ~~ст.ст.~~ 32, 37, которой устанавливаются равенство граждан республики перед законом независимо от каких-либо обстоятельств и гарантируют им всю полноту социально-экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных Конституцией СССР, Конституцией РСФСР и законами.

Таким образом в действиях лиц, совмещающих должности руководителя государственного органа власти или управления с любой должностью в политических или общественно-политических организациях нет состава административного проступка, а также состава преступления.

Следовательно, возбуждать какие-либо дела против руководителей Советов народных депутатов в связи с совмещением ими должностей в политических партиях или каким-то иным способом оказывать на них давление нет оснований. Соответствующие разъяснения прокурорам республик, краев и областей РСФСР направлены.

Что касается таких высказываний Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцина Б.Н., как "вольемся в боевые ряды", "объявляю войну" руководству страны", "пора засучить рукава и уже кулаки поднимать", назначить полномочных представителей в каждый Совет народных депутатов и другие, то их нельзя расценивать как призывы к насильственному свержению или изменению советского государственного и общественного строя, совершению преступлений против государства, иных противоправных действий, поскольку такой вывод противоречил бы другим высказываниям, содержащимся в выступлении, в которых предлагается реорганизация высших и местных органов власти и управления конституционным путем.

Нет оснований считать, что высказывания т.Ельцина подпадают под признаки деяний, предусмотренных Законом СССР "О защите чести и достоинства Президента СССР" от 21.05.90, так как содержащиеся в них утверждения хотя и носят резкий характер, не подкреплены доказательствами, однако не выражены в неприличной форме и не содержат уголовно-наказуемой клеветы.

Генеральный прокурор СССР
 Действительный государственный
 советник юстиции

Н.С. Трубин

С.К. Ковалев
 15.03.91

Васильев

ТАБ КНЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

(серия прочности)

Секретно

(группа секретности)

ИСХОДЯЩАЯ ШИФРТЕЛЕГРАММА № *9/1362*

9/1362

от г. Москва

к Государственному комитету по чрезвычайному положению.

Докладываю.

На Украине стало известно обращение ЕЛЦИНА Б.Н. к народам России.

Подавляющее большинство населения и воины военных округов отрицательно отнеслись к этому шагу и одновременно с возмущением высказываются по поводу возможности ЕЛЦИНА Б.Н. свободно и деструктивно действовать в отношении решений ГКЧП.

ВАРЕННИКОВ

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ СУХОПУТНЫМИ ВОЙСКАМИ
ГЕНЕРАЛ-АРМИИ

Варенников

ВАРЕННИКОВ

21 августа 1991 года.

Писать разборочно чернилами для считывающего устройства в одном экземпляре, без дополнительных копий.

Варенников
21.08

№ *1425*
ПЕРВЫЙ ОТД
Процедуры РСВ
Курсовый лист 1

В. Варенников

Телеграмма генерала армии Варенникова

Подлежит опубликованию в "Ведомостях"
центральной и республиканской печати

КАЖДОМУ ИЗ НИХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЮТСЯ
СЛУШАТЬ ПОСЫЛКИ ИЛИ ПОСЫЛКИ ПОСЫЛКИ
КАЖДОМУ ИЗ НИХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЮТСЯ
СЛУШАТЬ ПОСЫЛКИ ИЛИ ПОСЫЛКИ ПОСЫЛКИ
КАЖДОМУ ИЗ НИХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЮТСЯ
СЛУШАТЬ ПОСЫЛКИ ИЛИ ПОСЫЛКИ ПОСЫЛКИ
КАЖДОМУ ИЗ НИХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЮТСЯ
СЛУШАТЬ ПОСЫЛКИ ИЛИ ПОСЫЛКИ ПОСЫЛКИ
КАЖДОМУ ИЗ НИХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЮТСЯ
СЛУШАТЬ ПОСЫЛКИ ИЛИ ПОСЫЛКИ ПОСЫЛКИ
КАЖДОМУ ИЗ НИХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЮТСЯ
СЛУШАТЬ ПОСЫЛКИ ИЛИ ПОСЫЛКИ ПОСЫЛКИ

КАЖДОМУ ИЗ НИХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЮТСЯ
СЛУШАТЬ ПОСЫЛКИ ИЛИ ПОСЫЛКИ ПОСЫЛКИ
КАЖДОМУ ИЗ НИХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЮТСЯ
СЛУШАТЬ ПОСЫЛКИ ИЛИ ПОСЫЛКИ ПОСЫЛКИ
КАЖДОМУ ИЗ НИХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЮТСЯ
СЛУШАТЬ ПОСЫЛКИ ИЛИ ПОСЫЛКИ ПОСЫЛКИ
КАЖДОМУ ИЗ НИХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЮТСЯ
СЛУШАТЬ ПОСЫЛКИ ИЛИ ПОСЫЛКИ ПОСЫЛКИ
КАЖДОМУ ИЗ НИХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЮТСЯ
СЛУШАТЬ ПОСЫЛКИ ИЛИ ПОСЫЛКИ ПОСЫЛКИ
КАЖДОМУ ИЗ НИХ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЮТСЯ
СЛУШАТЬ ПОСЫЛКИ ИЛИ ПОСЫЛКИ ПОСЫЛКИ

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Об отмене антиконституционных актов организаторов государственного переворота

В ночь на 19 августа группа заговорщиков захватила власть с намерением осуществить государственный переворот. Это преступление было пресечено благодаря решительным действиям руководства России, принципиальной позиции других республик, выступлением москвичей, ленинградцев, населения других регионов в защиту демократии и конституционного порядка. Заговорщикам не удалось направить армию против народа.

Так называемый ГКЧП издал ряд актов, имевших целью установить диктаторский режим и свергнуть страну с пути демократических преобразований.

Принимаются необходимые меры для ликвидации всех последствий заговора и наказания виновных.

Настоящим Указом постановляю:

1. Отменить все решения, изданные ГКЧП или отдельными его членами.
2. Отстранить всех членов ГКЧП от занимаемых постов.
3. Принять к сведению, что Генеральным прокурором СССР возбуждено уголовное дело в отношении лиц, участвовавших в заговоре, и что следствие ведется ~~отдельно~~ компетентными органами Союза ССР и РСФСР.

Президентский
Союза Советских Социалистических Республик
Москва, Кремль
22 августа 1991 г.
№ УП-2444

М. ГОРБАЧЕВ

Разослано: т.т. Горбачеву, Лужикову, Спиридонову, Трубинову.

Указ Президента СССР Горбачева об отмене ряда актов, принятых ГКЧП

✓
Т Е Л Е Г Р А М М А

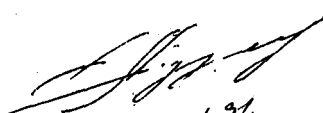
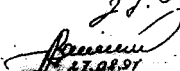
1. Президиум Внеочередной Сессии Верховного Совета СССР
просим огласить срочно
2. Президенту СССР т. Горбачеву М.С.
Вручить срочно
3. Президенту РСФСР т. Ельцину Б.Н.
Вручить срочно
4. Главному редактору "Независимой газеты"
т. В. Третьякову
Вручить срочно

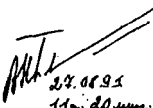
В "Независимой газете" за 27 августа опубликован документ, из которого усматривается, что якобы Прокуратурой СССР оформлялись документы на интернирование руководства РСФСР и других лиц.

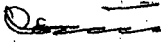
Заявляем, что этот документ, подготовленный заговорщиками со ссылкой на Прокуратуру СССР, является грубой ложью и фальсификацией.

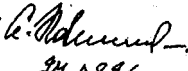
Руководство Прокуратуры СССР

27-августа 1991 г.

27.08.91.

27.08.91

27.08.91
11ч. 20 мин.

27.08.91

27.08.91

Телеграмма от руководства Прокуратуры СССР в «Независимую газету»

О Б Р А Щ Е Н И Е

ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР К РАБОТНИКАМ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ СТРАНЫ

Сегодня, когда на смену эмоциям и страстям приходит осознание всей глубины событий трех дней, потрясших страну, перед органами прокуратуры встает огромная ответственность - полно, объективно, без поверхностных суждений и суетливости дать правовую оценку действий тех, кто участвовал в подготовке и проведении государственного переворота, своими деяниями способствовал этому. Важно, чтобы каждый прокурор, каждый следователь, занятый проверкой или расследованием таких фактов и обстоятельств, постоянно помнил, что он служит Закону и только Закону. Здесь нет и не может быть места амбициям, нездоровым эмоциям и политическим пристрастиям. Должны решительно пресекаться произвол и самоуправство, нарушение прав человека.

Речь идет о судьбах людей, об их чести и достоинстве, правах и свободах. Ни малейшей тени не должно быть брошено на людей честных и ничем себя не запятнавших.

Виновность или невиновность человека не зависит от его убеждений, принадлежности к той или иной партии, движению, вероисповеданию. Лишь конкретные деяния могут быть поставлены ему в вину.

Нельзя допустить, чтобы вернулись времена повального доносительства, всеобщей подозрительности, анонимных обвинений, навешивания ярлыков.

Не призываю к снисходительности - да воздастся каждому по заслугам его, но я хочу, чтобы ни один человек не оказался без вины виноватым.

Генеральный прокурор СССР

Н.С. Трубин

30.08.91.

ПО С Т А Н О В Л Е Н И Е

17 сентября 1991 г.

г. Москва

Генеральный прокурор СССР Действительный государственный советник юстиции Трубин, рассмотрев уголовное дело в отношении Солженицына Александра Исаевича, -

У С Т А Н О В И Л:

11 февраля 1974 года Прокуратурой СССР против Солженицына А.И. было возбуждено уголовное дело по признакам совершения преступления, предусмотренного пунктом "а" ст.64 УК РСФСР.

11 февраля 1974 года к нему применена мера пресечения - заключение под стражей.

Солженицын А.И. подозревался в совершении действий, направленных на оказание помощи реакционным кругам некоторых иностранных государств в проведении враждебной деятельности против СССР, нанося тем самым ущерб Союзу ССР."

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 февраля 1974 года Солженицын А.И. лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года на основании упомянутого Указа он выдворен за пределы Советского Союза.

В связи с этим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР с согласия первого заместителя Генерального прокурора СССР 14 февраля 1974 года вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении Солженицына А.И. Хотя в постановлении о прекращении дела прямо не упомянута статья 6 УПК РСФСР, на основании которой прекращено дело, но из приведенных мотивов усматривается, что уголовное дело в отношении Солженицына А.И. прекращено вследствие изменения обстановки.

Из материалов дела видно, что уголовное дело против Солженицына А.И. возбуждено и он был арестован без достаточных

к тому оснований. В деле не имеется никаких доказательств, свидетельствовавших о том, чтобы он совершал действия, направленные на оказание помощи реакционным кругам иностранных государств в проведении враждебной деятельности против СССР."

Факт опубликования за границей художественного произведения Солженицына А.И. "Архипелаг ГУЛАг" нельзя расценивать как оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР.

При таких обстоятельствах следует признать, что в действиях Солженицына А.И. отсутствует состав какого-либо преступления и прекращение уголовного дела вследствие изменения обстановки является незаконным.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст.210, 208 п.1 и 209 УПК РСФСР, -

П О С Т А Н О В И Л :

отменить постановление следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР от 14 февраля 1974 года о прекращении дела на Солженицына А.И.

Уголовное дело в отношении Солженицына Александра Исаевича прекратить на основании ст.5 пункта 2 УПК РСФСР, т.е. за отсутствием в деянии состава преступления.

Генеральный прокурор Союза ССР
Действительный государственный
советник юстиции

Н. С. Трубин

Н.С.Трубин

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАММА
США, Штат Вермонт, город Кавендиш,
СОЛЖЕНИЦЫНУ А.И.

№ 3/4700Исл-74
17.09.91г.

Уважаемый Александр Исаевич !

Принятое в отношении Вас в 1974 году решение о прекращении уголовного преследования по не реабилитирующим основаниям - вследствие изменения обстановки, мною, после изучения дела, признано необоснованным.

Поскольку доказательств, свидетельствующих о совершении Вами каких-либо преступлений, не имеется, уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Прошу Вас принять от меня извинения за неправомерные действия в отношении Вас бывших работников Прокуратуры Союза ССР.

Генеральный прокурор СССР

Н.С.Трубин

17.09.91г.

исполнена с перевода
18.09.91 З.л.
автор 20.09.91 З.л.

Телеграмма А. И. Солженицыну о прекращении уголовного дела

Заявление

В конце ноября прошлого года мне было предъявлено обвинение в Эмворе с целью захвата власти. Об этом прямо обвинили в ирландии Родике ирландии как следствие удара субаремитату, гурриформальной целостности и безосновности СССР процедура выкупа была отклонена. Действительно, кем-то было обвинено меня в ирландии своему Обществу или жителями как следствие удар по субаремитату и целостности Союза ССР, который я всегда защищал.

Но сейчас же бессмысленно обвинять меня и в арестовании к захвату власти. Это доказано, что я хотел отобрать власть у Верховного Совета СССР, ирландии которого отклонены всегда и уже был даже во время абстрактных собраний.

Теперь же, когда Советский Союз распался, нет больше ни субаремитата, ни целостности СССР, ни состоящих органов и должностных лиц, на власти которых можно было бы полагаться. Нет и общественных правоохранительных органов, правомочных расследовать это дело, связанное с соборными, ирландиями на гурриформе нескольких тысяч независимых государств.

В этих условиях моя независимость и независимость содержательная меня под арестом не вызывает сомнения у людей, ирландиями своих ирландии и ирландии. Это на ходит ирландии Голландии, ирландии и ирландии распада с Голландией, отклонены восстановили за сокращения Союза ССР и по ирландиями органов.

Учитывая все эти обстоятельства, расследовать эту ирландию возбужденное ирландии меня уголовное дело. В случае отказа я вынужден буду ирландии к ирландии ирландии - Голландии.

4 января 1992,

А. Лукьянов

ПРОТОКОЛ
ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

"13" января

1992 г.

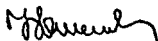
Гор. Москва

Следователь следственной группы прокуратуры РСФСР Шукин А. В.

допросил в Кремле
в качестве свидетеля

с соблюдением ст. ст. 74, 75, 155-160 УПК РСФСР

1. Фамилия Ельцин
2. Имя и отчество Борис Николаевич
3. Дата рождения 1 февраля 1931 года
4. Место рождения с. Бутка Талинского района Свердловской области
5. Национальность русский 2. Гражданство Российская федерация
7. Образование высшее, специальность инженер-строитель
8. Семейное положение женат
9. Место работы Президент Российской Федерации, глава правительства Российской Федерации
10. Судимость не судим
11. Адрес (жидакс) г. Москва
12. Паспорт (или другой документ) личность установлена
13. В каких отношениях состоит с обвиняемым -
Об ответственности за отказ и уклонение от дачи показаний по ст. 182
УК РСФСР и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 181 УК РСФСР
предупрежден

Протокол допроса свидетеля Ельцина

ВСЕРОССИЙСКАЯ ТВОРЧЕСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
"СОЮЗ ХУДОЖНИКОВ
РОССИИ"

105062, Москва, Покровка, 37
Телефон: 917-56-52, факс: 917-40-89

от "18" 05. 2004 № 150

Заместителю Генерального
прокурора Российской Федерации
Советнику юстиции I класса

Звягинцеву А.Г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Секретариат Правления Союза художников России, высоко ценя как Ваше государственное служение на посту заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, направленное на отстаивание справедливости и строгое соблюдение закона, так и творческую деятельность писателя, историка, сценариста, общественного деятеля, принял решение наградить Вас медалью Союза художников.

Одним из главных дел Вашей жизни стало изучение истории Генеральной прокуратуры, как одного из основных институтов государственной власти России. Плод многолетних усилий увенчало издание Вашего совместного с Ю.Г. Орловым многотомного собрания исторических эссе о жизни и деяниях генерал-прокуроров государства российского, их сподвижников и современников. Нам очень приятно констатировать, что этот труд выдержал уже не одно издание в различных издательствах страны. Этот труд продолжает традицию изучения "истории в лицах" и дает возможность проследить формирование системы российской юстиции на фоне событий без малого трех прошедших столетий и через личную судьбу известных государственных деятелей.

Особо необходимо отметить Ваши усилия, как автора и руководителя проекта, направленные на создание в канун 275-летия Генеральной прокуратуры России галереи портретов генерал-прокуроров и министров юстиции. Эта продуманная Вами идея - свидетельство глубокого понимания необходимости исторической памяти в слове и образе. Для работы над созданием портретной галереи Вы привлекли авторитетных и известных российских художников С.А. Гавриляченко, И.А. Каверзнева, С.А. Сиренко, И.Г. Фролова, чей труд по созданию интерьера парадного зала Генеральной прокуратуры был отмечен Серебряной медалью Российской Академии художеств. Верим, что созданная Вами галерея сохранится в благодарной памяти потомков.

Посильно отмечая Ваш личный вклад в развитие отечественной культуры и государственное видение перспектив ее развития, надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Председатель Союза художников России
Народный художник СССР
Действительный член Российской Академии художеств
Лауреат Государственных премий СССР и России

В.М. Сидоров

Письмо заместителю Генерального прокурора А. Г. Звягинцеву из Союза художников России

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Р. А. РУДЕНКО

- 1907, 17(30) июля — Родился Роман Андреевич Руденко в селе Носовке Черниговской губернии.
- 1922 — Окончил семилетку в Носовке.
- 1924 — Поступил на сахарный завод чернорабочим.
- 1925 — На Носовской партийной конференции комсомола Роман Руденко избран членом райкома, а затем вошел в бюро райкома.
- 1926 — Член ВКП(б).
- 1927 — Р. Руденко возглавил культотдел Носовского райисполкома Черниговской губернии.
- 1929—1937, октябрь — старший следователь, прокурор Бериславского района Чернигова, заместитель прокурора Черниговской области.
- 1932, 4 ноября — 25-летний Роман Руденко и 23-летняя Мария Ткалич зарегистрировали брак в Донбассе (Украина).
- 1934, 30 июля — рождение дочери Галины.
- 1937, октябрь — 1938, июнь — Р. А. Руденко прокурор Донецкой области.
- 7 ноября — Рождение дочери Ларисы.
- 1938, июнь — 1940, январь — Прокурор Сталинской области.
- 1940, январь — 1941 — Слушатель Высших академических курсов.
- 1941—1942, март — Начальник отдела Прокуратуры СССР.
- 1942, март — 1944, июнь — Заместитель прокурора Украинской ССР.
- 1944, июнь — 1953, август — Прокурор Украинской ССР.
- 1945—1946 — Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе.
- 1949, 28 января — 1954, 23 марта — Член ЦК КП(б) — КП Украины.
- 1951, 24 марта — рождение сына Сергея.
- 1953, 30 июня — Действительный государственный советник юстиции.
- 1953, 26 июня — 1981, 23 января — Генеральный прокурор СССР.
- 1956, 25 февраля — 1961, 17 октября — Кандидат в члены ЦК КПСС.
- 1960 — Почетный доктор юридических наук Берлинского университета.
- 1961, 31 октября — Член ЦК КПСС.
- 1966 — Почетный доктор Карлова (Пражского) университета.
- 1981 — Роман Андреевич скончался на 74-м году жизни, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Награды

Герой Социалистического Труда, орден Ленина (1972), пять орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени.

СОДЕРЖАНИЕ

Накануне (<i>Вместо предисловия</i>)	5
<i>Глава I.</i> «Коллебаний не было»	17
<i>Глава II.</i> «Войти в Киев в день его освобождения»	54
<i>Глава III.</i> Главный обвинитель от СССР	64
<i>Глава IV.</i> Процесс века	94
<i>Глава V.</i> От лица СССР — от имени человечества	100
<i>Глава VI.</i> Все выше, выше и выше	133
<i>Глава VII.</i> Курс на «социалистическую законность»!	161
<i>Глава VIII.</i> Реабилитация во времена «оттепели»	175
<i>Глава IX.</i> По-новому	190
<i>Глава X.</i> На вершине	206
<i>Глава XI.</i> Если бы Миронов остался...	215
<i>Глава XII.</i> Был «жестоким демократом»	222
<i>Глава XIII.</i> «Государственный человек»	257
<i>Глава XIV.</i> В ранге «патриарха»	329
Человек, закон, время (<i>Вместо заключения</i>)	343
Приложения	345
Основные даты жизни и деятельности Р. А. Руденко	477

Звягинцев А. Г.

3-45 Руденко / Александр Звягинцев. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 478[2] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1095).

ISBN 978-5-235-03081-7

Р. Руденко — Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе, Генеральный прокурор СССР с 1953 по 1981 год. Деятельность Романа Андреевича на посту главного «стража законности» продолжалась 27 лет. Ни один советский прокурор не занимал столь долго этот пост. На его месте в то «известное время» вполне могли оказаться другие. И никто не скажет, смог ли бы кто из них в «известных обстоятельствах» сделать меньше дурного и больше хорошего. Руденко сумел пережить самые страшные и суровые времена. В оценке его работы сегодня можно быть беспристрастным. Он был героем своего времени. И его по праву называют «патриархом советской прокуратуры».

**УДК 347.963(092)(47+57)“19”
ББК 67.72(2)**

**Звягинцев Александр Григорьевич
РУДЕНКО**

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **М. А. Щепетова**
Художественный редактор **И. И. Суслов**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректор **Л. М. Логунова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 25.09.2007. Подписано в печать 23.11.2007. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 25,2+2,52 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 74648.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03081-7